

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

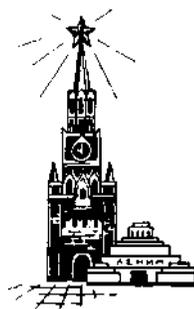
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

5 · 1980

СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ,
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
Г. А. ЦЫПКИН

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 223-56-93

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 294-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*)
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV,
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
G. A. TSYPKIN

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U.S.S.R. Tel. 223-56-93

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 294-29-31

**РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.**

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

А. И. СОКОЛОВ, Ю. С. ШИРЯЕВ

СССР — ВЕДУЩАЯ СИЛА МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В решениях XXV съезда КПСС и съездов братских социалистических стран содержится широкая программа экономического и социального развития социалистического содружества, из которой еще очевиднее вытекает объективная необходимость дальнейшего развития и совершенствования сотрудничества стран — членов СЭВ в условиях экономической интеграции. Сотрудничество стран социалистического содружества — «могучий ускоритель развития каждой из братских стран. Оно есть также наша общая гарантия уверенного движения вперед»¹, — подчеркнул Л. И. Брежнев в своем выступлении на встрече с избирателями 22 февраля 1980 г.

В последние годы в СССР вышел ряд исследований, освещающих роль Советского Союза в развитии и укреплении экономического могущества социалистического содружества стран — членов СЭВ². Значение сотрудничества с Советским Союзом для развития народного хозяйства братских стран раскрывается и учеными стран — членов СЭВ³.

¹ «Правда», 1980 г., 23 февраля.

² Социалистическая интеграция: процесс развития и совершенствования. М., 1976, гл. V «Сотрудничество СССР — могучий фактор развития стран — членов СЭВ»; Макишова М. М. СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1977; СЭВ: международное значение социалистической экономической интеграции. М., 1979 и др.

³ Савов М. Местото и ролята на СССР в развитието на социалистическата икономическа интеграция на страните — членки на СИВ. (Место и роль СССР в развитието на социалистическата икономическа интеграция на стран СЭВ.) — «Ново време», 1975, бр. 12, с. 15—27; Кольмай Г. Обобществление и интеграция при социализме. М., 1976; Günter G. UdSSR — Kraftquelle der sozialistischen ökonomischen Integration im RGW. (СССР — источник силы социалистической экономической интеграции в СЭВ.) — «Die Wirtschaft», 1977, № 19, S. 20; Луканов А. Съветският съюз — основно звено в социалистическата икономическа интеграция. (Советский Союз — основное звено в социалистической экономической интеграции.) — «Ново време», 1977, бр. 10, с. 135—144; Савов М. СССР — основно ядро на социалистическата икономическа интеграция. (СССР — основно ядро социалистической экономической интеграции.) В кн. Икономическата интеграция със СССР и с останалите страни от социалистическата общност — важен фактор за изграждане на развито социалистическо общество в НРБ (научна конференция). София, 1977, с. 159—172 (ИМОСИ и др.); Hölzl J. Die UdSSR — Hauptkraft der sozialistischen ökonomischen Integration. (СССР — главная сила социалистической интеграции.) — «Deutsche Aussenpolitik», 1977, № 10, S. 60—77; Глидек И. и др. Местото на СССР в социалистическата икономическа интеграция. (Место СССР в социалистической экономической интеграции.) — «Социалистическа икономическа интеграция», 1977, бр. 10, с. 7—15; Шаламанов С. СССР — могущ двигател (Социалистическая интеграция в действии.) — «Работническо дело», 1977 г., 24 май, с. 6; Djakin B., Linhart K. Sovetska ekonomika v integracnich formach RVHR. (Советская экономика в интеграционных формах социалистической экономической интеграции.) — «Nova Mysl», 1977, с. 12, с. 38—46.

Данная статья ставит своей задачей показать прежде всего роль Советского Союза в мировом социалистическом содружестве, в особенности в деле реализации внешнеэкономических задач, поставленных XXV съездом КПСС. Особое внимание сосредоточивается на анализе вклада Советского Союза в выполнение мероприятий долгосрочных целевых программ сотрудничества, воздействия СССР и других стран социалистического содружества на оздоровление международной обстановки, развитие широкого взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами, свободного от любых форм дискриминации и ограничений.

Надежной политической основой, на которой народы социалистических стран совершенствуют свое сотрудничество, все теснее объединяют свои усилия во всех сферах общественной жизни, служит тесный союз коммунистических и рабочих партий. Благодаря их неустанной деятельности сбылось предвидение великого Ленина о дружбе и братских отношениях наций, основанных на взаимопонимании и доверии, на совпадении коренных интересов и добровольном согласии. Созданные социализмом новые формы человеческого общения являются примером для народов всего мира, их влияние на международную обстановку неуклонно возрастает.

Особенно показательны в этом отношении 70-е годы, которые были для стран — членов СЭВ периодом стабильного роста народного хозяйства, усиления эффективности общественного производства, дальнейшего повышения жизненного уровня населения. За 1971—1980 гг. объем произведенного национального дохода этого обобщающего показателя экономического развития увеличится в странах СЭВ, по предварительным подсчетам, на 70%, причем основным фактором, обеспечившим его рост, явилось повышение доли общественного труда.

Особое внимание страны социалистического содружества уделяют развитию материально-технической базы экономики. Они направляют примерно $\frac{3}{4}$ всех капиталовложений на расширение, реконструкцию и модернизацию отраслей материального производства. Одновременно с этим повышается удельный вес капитальных вложений в отрасль непроизводственной сферы для проведения в жизнь широкой программы социально-экономического развития. Примером этому может служить жилищное строительство. За 1971—1979 гг. в странах СЭВ было построено более 27 млн. благоустроенных квартир.

Минувшее десятилетие характеризовалось высокими темпами индустриального развития стран СЭВ. За 1971—1980 гг. объем промышленной продукции возрастет примерно на 90%. Наиболее ускоренно развиваются отрасли — носители технического прогресса. За 1971—1979 гг. объем машиностроительной продукции в странах СЭВ увеличился в 2,4 раза. Производство электроэнергии возросло на 67%, добыча газа — в 2 раза, производство стали — на 35%, производство тракторов — на 26%, легковых автомобилей — в 3 раза. За счет собственного производства страны СЭВ почти полностью удовлетворяют потребности населения в таких товарах народного потребления, как телевизоры, стиральные машины, холодильники, фотоаппараты, часы и т. д., причем немалая доля видов этой продукции направляется на экспорт в другие страны. При общем увеличении объема производства химической продукции в 2,1 раза производство пластмасс и синтетических смол возросло в 2,2 раза, минеральных удобрений — на 75%, химических волокон — на 73%.

Дальнейшее развитие получило сельское хозяйство. Валовая продукция сельскохозяйственного производства возросла на 18%. Тракторный парк увеличился на 32%. Примерно на 60% возросло потребление ми-

неральных удобрений. Валовая продукция животноводства выросла на 25%, растениеводства — на 17%.

Рост производства промышленности и сельского хозяйства, дальнейшее развитие внешнеэкономических связей вызвали увеличение объема грузооборота стран СЭВ на 55%. В 70-е годы расширялись и совершенствовались внешнеэкономические связи стран СЭВ. В 1979 г. объем внешнеторгового оборота стран социалистического содружества составил около 200 млрд. руб., увеличившись по сравнению с 1970 г. в 3,4 раза. На долю взаимной торговли приходится 56,6% всего внешнеторгового оборота. За счет взаимных поставок страны СЭВ удовлетворяют большую часть своих импортных потребностей в важнейших видах топлива, сырья, материалов, машин, оборудования. За рассматриваемый период объем взаимных поставок увеличился в 3,3 раза и составил примерно 111 млрд. руб. Произошли положительные сдвиги и в структуре внешней торговли стран СЭВ, повышении доли готовых изделий. Вырос также и удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме экспорта стран СЭВ.

Совет Экономической Взаимопомощи, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, дает миру «уникальный опыт равноправного сотрудничества большой группы стран, гармоничного сочетания их национальных и интернациональных интересов, осуществления на практике принципов социалистического интернационализма»⁴. Этот опыт представляет собой прежде всего результат многогранной деятельности коммунистических и рабочих партий братских стран, направленной на углубление их всестороннего взаимодействия, результат их способности беречь единство, бороться против замкнутости и национальной обособленности, учитывать общие интернациональные задачи, действовать совместно во имя решения этих задач.

Важнейшее место среди многообразных форм взаимодействия между партиями и государствами занимают регулярные встречи на высшем уровне, прочно вошедшие в практику международных отношений нового типа. Двусторонние и многосторонние встречи руководителей братских коммунистических и рабочих партий, совместное обсуждение ими коренных проблем внутренней и внешней политики помогают странам социализма находить эффективные пути использования взаимного сотрудничества для решения задач хозяйственного и культурного строительства, коллективно определять общую линию по главнейшим вопросам международной жизни.

Существенную роль в деле дальнейшего углубления взаимодействия братских стран в решении как внутренних, так и международных задач сыграли крымские встречи и беседы 1978—1979 гг. В центре обсуждения находились перспективные вопросы, имеющие определяющее значение для долговременного сотрудничества социалистических государств. Это тем более важно, что коммунистические и рабочие партии социалистической части мира провели очередные съезды или ведут подготовку к ним, намечают ключевые задачи социально-экономического развития на предстоящие годы.

Достигнутые в Крыму договоренности будут содействовать тому, чтобы предстоящие пятилетки стран социалистического содружества на 1981—1985 гг. были спланированы и прошли под знаком все более глубокого кооперирования и специализации производства в интересах наиболее эффективного развития экономики каждой из этих стран и дальнейшего укрепления мирового социалистического содружества в целом.

⁴ Брежнев Л. И. Мир социализма — торжество великих идей. М., 1978, с. 444.

В содружестве стран — членов СЭВ преобладающая доля товаров выпускается в Советском Союзе, огромный экономический и научно-технический потенциал которого служит надежной базой для расширения масштабов народнохозяйственного сотрудничества. Объективные тенденции к углублению и совершенствованию экономических отношений между СССР и другими странами социализма зафиксированы в Конституции СССР, где подчеркивается, что «СССР как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда»⁵.

Роль Советского Союза в развитии процесса интеграции стран — членов СЭВ, углублении их взаимного сотрудничества обусловлена факторами как исторического, так и экономического плана. Опыт строительства социализма в СССР, успехи в создании материально-технической базы коммунизма стали действенным примером для повседневной практической деятельности в деле построения и развития социалистического общества в других странах — членах СЭВ.

Высокоразвитая экономика Советского Союза, располагающая крупнейшим производственным аппаратом, источниками разнообразных природных ресурсов, стабильность и емкость внутреннего рынка СССР, его высокий научно-технический потенциал определяют в большой степени экономическую мощь мировой социалистической системы в целом. Достаточно сказать, что СССР является ведущей индустриальной державой мира, на долю которой приходится $\frac{1}{5}$ всего мирового промышленного производства. Советский Союз вышел на первое место в мире по производству многих важных видов промышленной продукции, в том числе в расчете на душу населения⁶. На долю СССР приходится $\frac{2}{3}$ экономических ресурсов и промышленного потенциала стран — членов СЭВ. Советский Союз производит основную часть промышленной и сельскохозяйственной продукции содружества. По данным 1978 г., на долю СССР приходилось около $\frac{3}{4}$ всего производства в странах СЭВ электроэнергии, стали, чугуна, тракторов, автомобилей, зерновых культур, молока, $\frac{2}{3}$ всего производства каменного угля, минеральных удобрений, цемента, $\frac{2}{3}$ всех видов телевизоров, холодильников, сахарной свеклы, яиц, почти 100% хлопка; он обладает $\frac{3}{4}$ совокупного научного потенциала стран социалистического содружества⁷.

Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз оказывал и продолжает оказывать большую всестороннюю помощь братским странам в становлении и развитии их экономики, в решении задачи преодоления существенных различий в уровнях экономического развития. При этом и научно-техническое сотрудничество СССР со странами СЭВ охватывает практически все отрасли экономики.

* * *

Внешнеэкономические связи тесно увязаны как с внешнеполитическими задачами, так и с экономической стратегией КПСС, направленной на достижение основной цели — неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни народа, все более полного удовлетворения возрастающих потребностей трудящихся. Основным средством для до-

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 14—15.

⁶ См. Октябрь и новый тип международных отношений. М., 1978, с. 22.

⁷ Рассчитано по: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1979.

стижения этой цели является всемерное повышение эффективности производства, качества работы, быстрый рост производительности труда.

Особенности современного этапа внешнеэкономических связей СССР заключаются в том, что наряду с количественным ростом они приобретают качественно новые черты. Внешняя торговля и другие формы международных экономических отношений во все большей мере превращаются в органическую составную часть хозяйственной деятельности народного хозяйства Советского Союза⁸.

Во многих отраслях промышленности неуклонно растет число предприятий, оснащенных оборудованием, поступающим из стран социалистического содружества. В нашем народном хозяйстве широко используются дорожные и строительные машины, подъемно-транспортные механизмы, изготовленные в братских странах. Из того же источника регулярно пополняется автобусами, вагонами, локомотивами и судами автомобильный, железнодорожный, морской и речной транспорт СССР. В быт советских людей прочно вошли импортируемые из социалистических стран в больших масштабах и широком ассортименте промышленные товары народного потребления, пищевкусовые товары, лекарства.

Так, в текущей пятилетке в СССР за счет поставок из стран СЭВ обеспечивается до 40% потребностей в новых судах и погрузчиках, до 35% — в пассажирских вагонах и 12% — в автобусах, примерно на 1/3 — в устанавливаемом прокатном оборудовании, приблизительно наполовину — в оборудовании для вводимых в строй АТС. За пятилетие наше народное хозяйство получит из братских стран более 1000 комплектов оборудования для строительства промышленных объектов, включая 6 комплектов оборудования по производству карбамида общей годовой мощностью 6 млн. т в год, 46 комплектов оборудования для пищевой и мясо-молочной промышленности и т. д. Не менее 15% фондов розничной торговли по таким товарам, как мебель, обувь, готовая одежда, консервы, покрывается за счет поставок из стран СЭВ⁹.

В то же время Советский Союз является крупнейшим торговым партнером большинства стран — членов СЭВ. На его долю приходится в настоящее время около 40% взаимного внешнеэкономического оборота стран СЭВ. При этом объем внешней торговли СССР с этими государствами возрос за период с 1970 по 1978 г. в 3,2 раза¹⁰. В долгосрочном плане объем и структура взаимной торговли определяются процессами углубления социалистической экономической интеграции и проводимым в ее рамках общим курсом на развитие и углубление международной кооперации и специализации производства.

Крупный, исключительно емкий советский рынок обеспечивает этим странам не только гарантированный сбыт значительной массы производимой ими продукции, но и выпуск продукции в оптимальных масштабах, зачастую превышающих потребности экономики отдельно взятых стран, содействуя тем самым устойчивому росту ряда важных отраслей экономики стран — членов СЭВ, углублению специализации производства, повышению его технико-экономического уровня, совершенствованию структуры их экспорта. Особенно это касается экспорта машин и

⁸ Огромные масштабы экономики СССР предопределяют тот факт, что внешний обмен не может занимать в ней такого места, как в малых и средних странах, где отношение экспорта к национальному доходу составляет от 20 до 30% и более. Однако за последние десять лет этот показатель для СССР почти удвоился и в 1978 г. составил около 8%. По этому показателю Советский Союз почти сравнялся с Соединенными Штатами Америки — страной, по своим географическим масштабам и экономическим параметрам сопоставимой с нашей.

⁹ «Международная жизнь», 1980, № 1, с. 14.

¹⁰ Статистический ежегодник стран — членов СЭВ, с. 371.

оборудования из стран СЭВ, от 40 до 60% которого поступает на рынок СССР¹¹.

На современном этапе главная цель экономической политики Советского Союза и других социалистических государств — повышение эффективности производства. Решению этой задачи способствуют и новые планы сотрудничества, введенные в действие за последнее десятилетие.

Среди наиболее важных проблем, которые решают сегодня страны СЭВ (и с которыми сталкиваются практически все государства мира), следует отметить такие, как обеспечение народного хозяйства топливом, сырьем и энергией, ускорение научно-технического прогресса, удовлетворение растущих потребностей населения в продовольственных и промышленных товарах и ряд других. Страны социализма решают их на долгосрочной плановой основе, на путях братского сотрудничества и взаимопомощи, в интересах неуклонного роста благосостояния народов. Эффективным средством стали долгосрочные целевые программы (ДЦПС), определяющие общую стратегию в области энергетики и сырья, продовольствия, машиностроения, потребительских товаров промышленного происхождения, транспорта. Намеченный в них комплекс практических действий позволяет братским странам совместно разрешать ряд важнейших народнохозяйственных задач. Согласованная стратегия сотрудничества в конкретных отраслях экономики становится органическим составным элементом национальных планов.

Советский Союз — активный участник всех пяти ДЦПС, принятых на XXXII и XXXIII сессиях СЭВ и охватывающих топливно-энергетические и сырьевые отрасли, сферу сельского хозяйства и выпуск пищевых продуктов, машиностроение, производство промышленных товаров народного потребления и сферу транспорта. Советскому Союзу принадлежит ведущая роль в разработке и реализации различных много- и двусторонних соглашений, в которых устанавливаются конкретные объемы и условия участия отдельных стран в осуществлении каждой из пяти ДЦПС. Подготовка проектов таких соглашений стала центральным звеном работы в странах и органах СЭВ.

Одна из основных целей ДЦПС — активно содействовать дальнейшему выравниванию уровней экономического развития братских стран. Этой задаче подчинена разработка сводного комплекса соответствующих мероприятий, предусматриваемых во всех ДЦПС. Основное внимание в нем отведено конкретным, осуществляемым на много- и двусторонней основе действиям по ускорению развития экономики менее развитых в промышленном отношении стран — членов СЭВ. Эффективность экономического сотрудничества братских государств, позволяющая создавать прочную собственную базу для всестороннего прогресса, ярко проявилась на примере Монголии, Кубы и Вьетнама. Они добились крупных успехов в индустриализации, подъеме сельского хозяйства, повышении материального и культурного уровня жизни широких масс трудящихся. Комплексная программа интеграции и последующие решения СЭВ предусматривают осуществление дополнительных специальных мероприятий, направленных на содействие ускоренному росту и повышению эффективности экономики этих стран. Опыт Совета Экономической Взаимопомощи, практика социалистической экономической интеграции имеют в этом отношении особую привлекательность для стран, борющихся за перестройку международных хозяйственных отношений на справедливых началах.

Вместе с тем пример таких стран, как ГДР и ЧССР, показывает, что социализм обеспечивает условия и для дальнейшего прогресса высокоразвитых в промышленном отношении государств. ГДР производит ныне

¹¹ Максимова М. М. Указ. соч., с. 107.

электроэнергии на душу населения больше, чем Великобритания, Франция, Италия, Бельгия; Чехословакия по выплавке стали на душу населения более чем вдвое превосходит средний показатель Европейского Экономического Сообщества.

* * *

Проблема топлива и энергии является, как известно, одной из самых острых во всем мире. Страны СЭВ располагают крупным энергетическим потенциалом, достигли высокого уровня энергопотребления. На их долю приходится около $\frac{1}{4}$ мирового потребления топлива и энергии. Европейские страны СЭВ (без СССР) расходуют на душу населения в среднем 5 т условного топлива, т. е. столько же, сколько страны «Общего рынка»¹². В то же время растущие потребности в топливе, энергии и сырье объективно усложняют топливно-энергетическую и сырьевую проблемы. Решение их возможно только на основе дальнейшего углубления экономического сотрудничества стран — членов СЭВ, объединения их материальных ресурсов, всемерной экономии сырья и энергоносителей.

Советский Союз является уникальной в мире страной с точки зрения обеспеченности важнейшими видами природных ресурсов, что дает возможность в значительной мере обеспечивать ими потребности социалистических государств. В настоящее время страны СЭВ, испытывающие большие потребности в импорте сырья и топлива ввиду ограниченности запасов природных ресурсов, за счет советских поставок почти полностью удовлетворяют свои импортные потребности в природном газе и чугуне, на $\frac{1}{3}$ — в нефти, на $\frac{2}{3}$ — в нефтепродуктах, каменном угле и т. д.¹³ В условиях продолжающегося энергетического кризиса в капиталистическом мире и роста мировых цен на топливно-сырьевые товары поставки в больших объемах топлива и сырья из СССР способствуют стабильному росту экономики стран — членов СЭВ. При этом необходимо подчеркнуть надежный характер этого источника.

По имеющимся подсчетам, общий выигрыш стран СЭВ от закупок в СССР нефти и нефтепродуктов по ценам ниже мировых исчисляются многими миллиардами рублей. Однако этим еще далеко не исчерпываются преимущества, получаемые братскими странами при импорте топлива и сырья из СССР. Дело в том, что по реальным условиям своей торговли с государствами несоциалистического мира европейские социалистические страны не смогли бы аккумулировать многомиллиардные суммы в конвертируемой валюте, необходимые для закупок нефти и нефтепродуктов на мировом капиталистическом рынке¹⁴.

В 1976—1980 гг. по сравнению с 1971—1975 гг. поставки нефти и нефтепродуктов, газа и электроэнергии увеличатся в суммарном виде почти в полтора раза¹⁵, а в будущей пятилетке поставки топливно-энергетических ресурсов из СССР в страны СЭВ возрастут в общей сложности еще на 20%¹⁶.

Важная составная часть топливно-энергетической стратегии стран СЭВ — комплекс мероприятий по экономии и рациональному использованию энергоресурсов. В их числе — внедрение энергосберегающей технологии, замена там, где целесообразно, жидкого топлива твердым. Будут приведены в действие резервы, связанные с более рациональным раз-

¹² «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1977, № 4, с. 46, 47.

¹³ «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1979, № 1, с. 7; «Международная жизнь», 1980, № 1, с. 15.

¹⁴ «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1978, № 1, с. 3. Только в 1974—1977 гг. им для этой цели потребовалось бы более 12 млрд. долларов.

¹⁵ «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1977, № 4, с. 47.

¹⁶ Там же, 1979, № 4, с. 44.

мешением энергоемких и материалоемких производств на территории стран СЭВ. По примерным оценкам, это, в частности, даст возможность избежать дорогостоящих перевозок топлива на дальние расстояния в размерах, эквивалентных 20 млн. т условного топлива в год.

В странах предусматриваются средства на строительство установок для глубокой переработки нефти. Расчеты показывают, что таким путем из того объема нефти, который европейские страны СЭВ будут иметь в 1980 г., они могли бы, осуществив соответствующие мероприятия, дополнительно получать около 15 млн. т светлых нефтепродуктов при условии реконструкции нефтеперегонных заводов¹⁷.

На первый план в энергетическом обеспечении стран СЭВ выдвигается атомная энергетика. Совместная программа создания атомных электростанций даст прирост мощностей, составляющий более $\frac{1}{3}$ нынешнего потенциала электроэнергетики европейских стран СЭВ и Кубы. Кооперация стран СЭВ в выпуске оборудования для АЭС должна обеспечить совместное производство и взаимные поставки в 1981—1990 гг. оборудования, которым будут оснащены в странах социалистического содружества АЭС (без СССР) суммарной мощностью в 37 млн. кВт, включая производство реакторов мощностью 440 МВт, а начиная с 1985 г. — мощностью 1 тыс. МВт. Осуществление этого эквивалентно ежегодной экономии 75 млн. т условного топлива. Следует подчеркнуть, что около 50% основного оборудования, необходимого для укомплектования АЭС, будет предоставлять Советский Союз¹⁸.

* * *

Реализация долгосрочных целевых программ в большой степени определяется мощностью машиностроительной базы социалистического содружества и ее техническим уровнем.

Советский Союз служит основным рынком сбыта машиностроительной продукции европейских стран — членов СЭВ. На советском рынке братские страны реализуют от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и выше всего экспорта машиностроительной продукции. Поставки машин и оборудования из социалистических стран Европы в СССР в 10-й пятилетке увеличились по сравнению с предыдущим пятилетием примерно в два раза, а доля продукции машиностроения в общем объеме импорта из социалистических стран составляет около 50%.

Поставки машин и оборудования из стран СЭВ в значительной мере предназначаются на увеличение активной части основных фондов; при этом большая часть импортируемых машин является машинами и оборудованием непосредственного использования, для ввода в действие которых не требуется значительных дополнительных капитальных затрат. Это относится к судам, вагонам, автомобилям, сельскохозяйственным, дорожно-строительным, подъемно-транспортным машинам и т. д.

Являясь основным покупателем машиностроительной продукции в европейских странах СЭВ, Советский Союз одновременно выступает в качестве экспортера целого ряда изделий машиностроения на рынки этих стран. Только в 1979 г. на долю стран СЭВ приходилось около 72% всего советского экспорта машин и оборудования¹⁹. Народное хозяйство социалистических стран получает из СССР в растущих объемах энергетическое, металлургическое, химическое, строительно-дорожное оборудование, тракторы и автомобили, магистральные тепловозы и много

¹⁷ Там же, 1977, № 4, с. 48.

¹⁸ Там же, 1979, № 6, с. 51, 54.

¹⁹ «Экономическая газета», 1980 г., № 13, с. 20.

другой продукции. Важно при этом подчеркнуть, что все большая доля советского экспорта в страны СЭВ приходится на специализированную продукцию, которая выпускается в рамках соглашений о международной специализации, заключенных с этими странами. Следует отметить, что в целом объем экспорта специализированной продукции машиностроения во взаимных поставках стран СЭВ растет примерно в два раза быстрее, чем их общий экспорт машин и оборудования²⁰.

Долгосрочная целевая программа сотрудничества в области машиностроения направлена на обеспечение в странах — членах СЭВ высоких темпов развития производства современных видов оборудования, машин и приборов для улучшения оснащения топливно-сырьевых отраслей сельского хозяйства, пищевой промышленности и собственно машиностроения новейшей техникой, на внедрение передовых технологических процессов. По важнейшим видам оборудования осуществляется комплекс мероприятий, включающий развитие специализации и кооперации производства, создание новых образцов техники, расширение существующих и создание новых производственных мощностей.

Одним из важных направлений сотрудничества Советского Союза со странами — членами СЭВ является оказание технического содействия в сооружении крупных промышленных и других объектов в ключевых отраслях промышленности социалистических стран, на долю которых приходится около 80% всего объема технического содействия СССР²¹.

В общей сложности за годы сотрудничества Советский Союз оказал экономическое и техническое содействие странам — членам СЭВ в строительстве, реконструкции и расширении более 2,2 тыс. предприятий и других объектов, из которых более половины приходится на тяжелую промышленность и энергетику²².

Построенные при содействии Советского Союза и оснащенные советским оборудованием промышленные предприятия позволяют ежегодно выплавлять свыше 12 млн. т чугуна и 15 млн. т стали, производить более 21 млн. т готового проката, перерабатывать 32,2 млн. т нефти и т. д. Насколько значима помощь, оказываемая Советским Союзом странам — членам СЭВ в развитии их национальной экономики и техническом перевооружении ряда отраслей промышленности, видно из того, что на долю предприятий, построенных при техническом содействии СССР, приходится $\frac{1}{3}$ всего чугуна, произведенного этими странами в 1978 г., $\frac{1}{4}$ всей стали и почти половина всего производства готового проката²³. Продукция многих построенных предприятий в значительных количествах поставляется в Советский Союз, в том числе как компенсация за оказанное содействие. Только в 1979 г. импорт такой продукции составил более 3,6 млрд. руб., или около 17% советского импорта из социалистических стран²⁴.

Благодаря экономической и технической помощи Советского Союза в братских странах были заново созданы или реконструированы отрасли, являющиеся основой современных промышленных комплексов. В их числе: машиностроение, черная и цветная металлургия, химическая промышленность в НРБ; металлургия, химическое машиностроение, станкостроение и приборостроение, строительная индустрия в ВНР; черная металлургия, судостроение, энергетическая и нефтеперерабатывающая промышленность, автомобилестроение, радиотехника в ПНР; энергетиче-

²⁰ «Экономическая газета», 1979 г., № 3, с. 20.

²¹ «Международная жизнь», 1980, № 1, с. 9.

²² «Плановое хозяйство», 1979, № 1, с. 11.

²³ Рассчитано по: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1979, с. 90—91.

²⁴ «Экономическая газета», 1980 г., № 15.

ская промышленность, черная металлургия, судостроение и машиностроение в ГДР; нефтяное машиностроение, металлургия, автомобильная, химическая, тракторная промышленность в СРР; энергетическая, алюминиевая промышленность, машиностроение в ЧССР. Указанные отрасли успешно развиваются и служат основой разностороннего развития экономики социалистических стран.

Приведенные материалы с достаточной убедительностью свидетельствуют о большой всесторонней помощи, оказываемой Советским Союзом на долгосрочной и взаимовыгодной основе странам — членам СЭВ в развитии их национальной экономики. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что в партийных документах братских стран, в выступлениях их руководителей дается высокая оценка роли Советского Союза и политики КПСС в укреплении социалистического содружества. «Мы стремимся к дальнейшему укреплению и расширению нашего экономического, научного и технического сотрудничества с Советским Союзом, играющего столь большую роль в нашем развитии»²⁵, — подчеркнул Я. Кадар в своем докладе на XII съезде ВСРП. «Наши усилия будут и впредь направлены на расширение и укрепление производственных и научно-технических связей с СССР»²⁶, — отметил в докладе на VIII съезде ПОРП Э. Герек.

Во всех европейских странах СЭВ создано многоотраслевое машиностроение, выпускающее изделия практически полной мировой номенклатуры. Однако вопросы улучшения многих изделий остаются актуальными. В связи с этим возрастает необходимость принятия мер для повышения технического уровня машиностроения, в частности, концентрировать научно-технический и машиностроительный потенциал на главных направлениях, что позволит получить наибольшую практическую отдачу уже в предстоящей пятилетке, использование преимуществ международной специализации и кооперации. Речь идет, по сути дела, о том, чтобы превратить две предстоящие пятилетки в период интенсивной специализации и кооперации производства.

Воплощение в жизнь только части мероприятий ДЦПС по машиностроению позволит увеличить в странах СЭВ производство оборудования для собственных машиностроительных нужд в 1981—1985 гг. в 2 раза, а в последующей пятилетке — в 3 раза по сравнению с текущим пятилетием.

Дело не сводится, естественно, лишь к удовлетворению потребностей в основных видах энергоносителей, сырья, оборудования, хотя, как показывает практика последних лет, для большинства стран мира это представляет собой крайне острую проблему. Одна из существенных сторон всех программ — ориентация на ускорение технического прогресса. В этих целях предстоит использовать немалые резервы, связанные с реализацией имеющихся научно-технических достижений, развитием промышленной и научно-технической кооперации. В итоге страны СЭВ не только увеличат свой экономический потенциал, но и существенно повысят качественные показатели производства. Здесь открывается широкое поле для интенсивного международного сотрудничества.

В современных условиях основным критерием развития экономики становится интенсификация материального производства на базе освоения новейших достижений науки и техники, а одним из главных факторов повышения эффективности производства — углубление международного социалистического разделения труда. И поэтому особое значение приобретает научно-техническое сотрудничество. В странах СЭВ сосре-

²⁵ «Правда», 1980 г., 25 марта.

²⁶ «Правда», 1980 г., 12 февраля.

доточена значительная часть мирового научно-технического потенциала, в них создается 20% мирового фонда изобретений²⁷.

Советский Союз вносит решающий вклад в дело прогресса стран — членов СЭВ в области науки и техники как с точки зрения развития материально-технической базы, так и разработки общих концепций и направлений развития, которые основываются на принципе сочетания стратегии решения избранных проблем внутри каждой страны со стратегией глобального развития всего содружества. Следует подчеркнуть, что советские ученые участвуют в разработке всех 17 важнейших научно-технических проблем, включенных в Согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий в области науки и техники на 1976—1980 гг., а также в разработке около 4 тыс. научных проблем, охватываемых соответствующими соглашениями о двустороннем и многостороннем сотрудничестве СССР с другими странами — членами СЭВ. Можно с полным основанием сказать, что советская наука занимает передовые позиции в ряде фундаментальных и прикладных исследований, и в перспективе развитие всех наукоемких отраслей экономики стран — членов СЭВ, очевидно, будет определяться в первую очередь научными достижениями СССР.

На XXXIII сессии СЭВ получила одобрение долгосрочная целевая программа сотрудничества по удовлетворению рациональных потребностей в промышленных товарах народного потребления. Сотрудничество в производстве товаров народного потребления ориентирует на повышение их качества, постоянное обновление и расширение ассортимента, объединение усилий по внедрению принципиально новых технологических процессов и техники.

Эта программа наряду с утвержденной на XXXII сессии программой сотрудничества в области сельского хозяйства и пищевой промышленности — свидетельство заботы партий и правительств стран СЭВ о постоянном повышении жизненного уровня населения, об удовлетворении его растущих материальных и культурных потребностей. В частности, предусматривается расширение взаимных поставок тканей, швейных и ковровых изделий, обуви, мебели, фарфоро-фаянсовой посуды, хрусталя и стекла, бытовых радиоэлектронных товаров и других предметов длительного пользования. Будут увеличены поставки готовых изделий как по линии внешней торговли на основе координации планов, так и по каналам традиционного товарообмена.

Особое место занимают мероприятия, которые обеспечивают отрасли, производящие товары народного потребления, необходимыми видами сырья, вспомогательных материалов. Для переоснащения материально-технической базы этих отраслей предусматриваются выпуск необходимых машин и оборудования для легкой и мебельной промышленности, создание новых современных конструкций, развитие специализации и кооперирования производства ряда машин и оборудования, которые позволяют повысить степень переработки сырья, улучшить условия труда, увеличить его производительность. Осуществление целого ряда мероприятий, стимулирующих рост производства готовых изделий, зависит от разработки и реализации других программ. Это касается сырья, материалов, машин, оборудования, новых технологий.

Важную роль в решении социально-экономических задач по дальнейшему подъему жизненного уровня населения стран СЭВ призвана сыграть ДЦПС в области сельского хозяйства и пищевой промышленности, одобренная в 1978 г. на XXXII заседании Сессии СЭВ. При разработке

²⁷ «Международная жизнь», 1980, № 1, с. 17; «Экономическое сотрудничество», 1979, № 4, с. 44.

отдельных мероприятий по ДЦПС принималось во внимание, что страны — члены СЭВ являются крупными производителями продовольственных товаров. Несмотря на то, что на территории этих стран проживает всего 10% населения земного шара, их доля в мировом производстве таких важнейших сельскохозяйственных продуктов, как мясо, в 1978 г. составляла 19,4%, молоко — 29,7, куриные яйца — 19,6, пшеница — 34,7 и сахарная свекла — 46,7%²⁸. Достигнутый в настоящее время уровень производства основных видов продовольствия позволяет этим странам обеспечивать население необходимыми продуктами и улучшать структуру питания. Среднегодовое потребление пищевых продуктов, по данным ФАО, достигло по калорийности необходимого уровня.

Мероприятия, намеченные в ДЦПС с целью удовлетворения потребностей населения стран — членов СЭВ в основных видах продовольствия, позволят значительно приблизиться к научно обоснованным нормам питания и впоследствии полностью их обеспечить. Это достигается как за счет роста собственного производства в каждой стране, так и посредством расширения взаимного обмена различными видами продовольственных товаров, исходя из намеченного увеличения производства продовольственных товаров и предполагаемых объемов их потребления (с учетом роста численности населения и потребления на душу по научным нормам питания), как в целом по социалистическому содружеству, так и по отдельным странам.

Увеличение валовых сборов зерновых и зернобобовых культур будет происходить в основном за счет повышения урожайности. Вследствие различий в климатических и природных условиях в настоящее время наблюдается значительная разница в производстве и потреблении на душу населения продуктов в отдельных странах.

Программа сотрудничества в области транспорта, принятая XXXIII сессией, предусматривает развитие эффективных транспортных связей между странами СЭВ, пограничных железнодорожных узлов и портов, значительное увеличение перевозок речным и автомобильным транспортом, расширение контейнерных и других прогрессивных способов перевозок, механизацию погрузочно-разгрузочных работ. Она тесно увязана с другими сферами материального производства. В ходе ее разработки выявлены ориентировочные объемы перевозок между странами СЭВ, а также в их транзитных сообщениях с СФРЮ и третьими странами.

Одобрение пяти долгосрочных целевых программ сотрудничества означает завершение исключительно важного этапа работ по согласованию перспективных направлений сотрудничества на период до 1990 г. в важнейших областях материального производства. На реализацию долгосрочных целевых программ направлены главные усилия сотрудничества стран — членов СЭВ и органов Совета.

Активное участие в реализации мероприятий ДЦПС принимает Югославия. Как отметил глава делегации СФРЮ на XXXIII сессии СЭВ Д. Ставрев, долгосрочные целевые программы обеспечивают широкое сотрудничество стран — членов СЭВ в очень конкретных областях; в органах СЭВ соответствующим образом выражена готовность участия наших организаций объединенного труда более чем в 60 проектах, входящих в долгосрочные целевые программы, в первую очередь в области машиностроения, сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Разработка и принятие ДЦПС — это, по существу, только начало. Реализация ДЦПС связана с подготовкой и заключением около 150 многосторонних и двусторонних соглашений. Подготовка и заключение со-

²⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство стран — членов СЭВ в 1978 г. Статист. сб. М., 1979.

глашений будут содействовать странам — членам СЭВ в решении главных задач удовлетворения растущих потребностей стран в важнейших видах продукции, интенсификации производства, повышению его эффективности, ускорению научно-технического прогресса и повышению производительности труда.

Первоочередное значение имеет завершение координации народнохозяйственных планов на ближайшее пятилетие. Реализация долгосрочных программ должна найти свое отражение в согласованном плане многосторонних интеграционных мероприятий на 1981—1985 гг. Для их осуществления необходимо предусмотреть ресурсы в национальных планах. В этом залог успешного претворения долгосрочных программ в жизнь.

Важное место в системе взаимного сотрудничества занимают долговременные двусторонние программы развития специализации и кооперирования производства в различных отраслях материального производства между СССР и другими странами — членами СЭВ, а также между отдельными странами — членами СЭВ.

Так, Генеральная схема специализации и кооперирования в области материального производства между НРБ и СССР до 1990 г. разработана во исполнение договоренности, достигнутой между партийно-правительственными делегациями НРБ и СССР во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного Совета НРБ Т. Живковым и Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым. Она представляет собой обобщение огромной работы, проделанной плановыми органами, министерствами и ведомствами под непосредственным руководством центральных комитетов партий и правительств обеих стран.

В документе определены основные цели дальнейшего развития и углубления взаимного экономического и научно-технического сотрудничества, главные направления специализации и кооперирования в области материального производства. В нем намечены основные задачи долгосрочного сотрудничества в области энергетики, черной и цветной металлургии, машиностроения, электроники и электротехники, химической, легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и в других отраслях народного хозяйства с широким использованием новейших достижений науки и технического прогресса. Намеченные направления сотрудничества в отраслях материального производства будут способствовать выполнению задач, связанных со строительством развитого социализма и коммунизма.

Реализация согласованных направлений обеспечит более тесное взаимодействие экономик двух стран, их взаимодополняемость и создаст условия для развития комплексного долгосрочного сотрудничества, направленного на рост экономических потенциалов, совершенствование структуры народных хозяйств, повышение эффективности общественного производства и на этой основе — дальнейшего роста благосостояния народов.

Развитие широкого двустороннего болгаро-советского сотрудничества будет осуществляться с максимальным учетом интересов дальнейшего совершенствования многостороннего сотрудничества между братскими странами в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, а также активно содействовать реализации Комплексной программы и долгосрочных целевых программ сотрудничества стран — членов СЭВ.

С принятием генеральной схемы созданы предпосылки для перехода к качественно новому этапу болгаро-советских экономических отношений, дальнейшего укрепления братской дружбы между НРБ и СССР, реализации принятого курса на развитие всестороннего сотрудничества

и сближения в политической, идеологической, экономической и других областях общественной жизни.

Программа специализации и кооперирования производства между ГДР и СССР на период до 1990 г. включает в себя широкий комплекс долговременных мероприятий. В частности, планируется разработка конструкций высокопроизводительного оборудования, машин, приборов, средств механизации и автоматизации, освоение производства этих изделий на основе прогрессивных технологических процессов, а также внедрение современных систем управления. Первоочередное внимание уделяется развитию энергетики на базе передовых достижений науки и техники, осуществлению эффективных мер, обеспечивающих снижение расхода топлива и сырья. Важное значение придается дальнейшему развитию сотрудничества в производстве высококачественных товаров народного потребления. ГДР и СССР будут совместно создавать новые специализированные мощности для выпуска продукции в оптимальных объемах с высокой серийностью производства, в том числе и для расширения экспортных ресурсов.

Главной социально-экономической целью долговременной программы развития специализации и кооперирования производства между ВНР и СССР является максимальное содействие развитию народного хозяйства, повышению эффективности общественного производства, расширению и углублению экономического и научно-технического сотрудничества между обеими странами. Эта программа будет являться хорошей базой для формирования пятилетних планов на период до 1990 г. Одновременно на период до 1990 г. был подписан ряд отраслевых подпрограмм развития специализации и кооперирования производства в области энергомашиностроения и судостроения. Подписаны два протокола в области химической промышленности. Один из них продлевает на период 1981—1985 гг. заключенное в 1975 г. венгеро-советское соглашение о специализации и кооперировании производства продукции химической промышленности, а второй протокол расширяет и продлевает заключенное в 1970 г. межправительственное соглашение о кооперировании производства и взаимных поставках олефинов и продуктов их переработки. Подписано также соглашение о продлении до 1990 г. соглашения о специализации и кооперировании производства в судостроении.

Объединение «Хлорвинил» в г. Калуше с 1 января 1986 г. до конца 1999 г. будет ежегодно поставлять Тисайскому химическому комбинату 60 тыс. т этилена и других химических продуктов, прежде всего взамен поставок полиолефинов. В первой половине 70-х годов в г. Ленинвароше построен крупный олефиновый комбинат, удовлетворяющий потребности ряда венгерских и советских химических предприятий. На основе нынешнего соглашения Советская сторона обязуется до середины 80-х годов построить другой олефиновый комбинат²⁹.

В предстоящем десятилетии расширится венгеро-советское сотрудничество в судостроении и энергомашиностроении. Венгрия специализируется на производстве различных типов толкающих буксирных судов и плавучих кранов. Новой чертой сотрудничества является то, что советская судостроительная промышленность увеличивает поставки узлов и деталей для венгерского судостроения. На первый план выдвигается и совместное проектирование судов.

Долговременная программа развития специализации и кооперирования производства определяет основные направления, условия и формы сотрудничества между Чехословацкой Социалистической Республикой и Советским Союзом в важнейших отраслях материального производ-

²⁹ «Экономическое содружество стран — членов СЭВ», 1978, № 5, с. 29.

ства. На основе принципов и целей сотрудничества, содержащихся в долговременной программе, отраслевые министерства ЧССР и СССР совместно разрабатывают основные направления развития специализации и кооперирования производства (отраслевые подпрограммы) в ряде отраслей народного хозяйства, конкретизирующие темы и формы сотрудничества в соответствующих отраслях.

Отраслевые подпрограммы намечают реализацию широкого круга мероприятий по разделению производственных программ, прежде всего в области машиностроения и в химической промышленности. Предусматривается решение принципиальных проблем развития экономических и научно-технических связей в целях организации и увеличения производства современных, технически совершенных изделий для удовлетворения потребностей обеих стран и сокращения нерационального импорта товаров из капиталистических государств.

Обе стороны уже подписали отраслевые подпрограммы сотрудничества в области тяжелого и транспортного машиностроения, химического и нефтяного машиностроения, электронной промышленности, машиностроения для животноводства и кормопроизводства, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, химической и нефтехимической промышленности³⁰.

Практическое осуществление ДЦПС, принятых XXXII и XXXIII сессиями Совета, а также долговременных двусторонних программ специализации и кооперирования производства дает возможность в ближайшие десять лет (1981—1990 гг.) значительно увеличить экономический обмен между странами СЭВ. В частности, по ориентировочным подсчетам, только на мероприятия ДЦПС в области материального производства в период 1981—1990 гг. предполагается выделить капитальных вложений на сумму около 70—90 млрд. переводных рублей, т. е. в 8—10 раз больше, чем их требуется для сооружения объектов, предусмотренных в Согласованном плане многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 гг. (порядка 9 млрд. переводных рублей). В таких масштабах в практике СЭВ еще не осуществлялось сотрудничество в области инвестиций и координации национальных строительных программ. Реализация ДЦПС позволит не только поднять на новую ступень взаимное сотрудничество стран СЭВ, но, безусловно, приведет к упрочению их позиций в мировом хозяйстве, создаст благоприятные условия для повышения эффективности их экономических связей с третьими странами.

* * *

Сложившаяся в рамках СЭВ система международных экономических отношений оказывает все более активное воздействие на систему общемирового разделения труда в целом, содействуя перестройке его социально-экономической структуры, демократизации хозяйственных взаимоотношений, упрочению прогрессивных тенденций в развитии мировых хозяйственных связей.

Сотрудничество со странами СЭВ стало важным фактором укрепления экономической независимости многих развивающихся государств. Общий объем технического содействия стран СЭВ этим государствам достиг внушительной цифры — 26 млрд. руб. К этому нужно добавить крупные суммы льготных кредитов, превысившие 16 млрд. руб. Предоставляемая помощь способствует строительству и укреплению национальных экономик, освоению и использованию природных богатств, созданию собственной промышленности, подготовке кадров и т. д.

³⁰ «Руде право», 1980 г., 14 марта.

Если в 1962 г. страны — члены СЭВ сотрудничали с 36 развивающимися государствами, то в настоящее время — уже с 90³¹. Объем сотрудничества увеличился почти в 10 раз. При содействии стран — членов СЭВ в развивающихся государствах построено, строится и подлежит строительству около 4,5 тыс. промышленных и других объектов, из которых более 3 тыс. уже введено в эксплуатацию³².

Производственные мощности предприятий, введенных в строй в развивающихся государствах при техническом содействии стран — членов СЭВ, составляют по выплавке стали свыше 30 млн. т, добыче нефти — 60 млн. т, переработке нефтепродуктов — свыше 30 млн. т в год. Мощности построенных и строящихся электростанций превышают 16 млн. кВт. Свыше 30 млрд. куб. м газа в год может быть использовано для внутреннего потребления и на экспорт благодаря объединению усилий стран — членов СЭВ и развивающихся государств в сооружении новых газопромыслов и магистральных газопроводов. Вошли в строй и намечены к сооружению десятки машиностроительных и металлоперерабатывающих предприятий. Оказание экономического и технического содействия странами — членами СЭВ развивающимся странам включает передачу и освоение современной технологии производства.

Оказываемое странами — членами СЭВ экономическое и техническое содействие направляется главным образом на создание и укрепление государственного сектора экономики развивающихся стран, что помогает им в решении важных экономических задач, ускорении темпов развития и укрепления экономической независимости.

Объективная заинтересованность стран — членов СЭВ и развивающихся государств в расширении взаимовыгодных экономических отношений, их общее стремление к развитию равноправного и эффективного сотрудничества создают надежную основу для динамичного роста торгово-экономических и научно-технических связей. Масштабы этого сотрудничества постоянно возрастают. Товарооборот стран — членов СЭВ с развивающимися странами с 1950 по 1979 г. увеличился примерно в 33 раза.

В 1979 г. Советский Союз поддерживал торговые отношения с 86 развивающимися странами. Торговля с освободившимися странами росла в эти годы быстрее, чем весь внешнеторговый оборот страны в целом. На долю этих стран в 1979 г. приходилось 19,5% общего объема товарооборота СССР³³.

Ведущее место в советском экспорте в эти страны составляют машины и оборудование, при этом больше половины приходится на комплексные поставки. Осуществляются также поставки топлива, черных и цветных металлов и целого ряда промышленных товаров. СССР импортирует из развивающихся стран продовольствие, расширяет ввоз промышленной продукции, чтобы облегчить молодым национальным государствам проведение индустриализации.

В то время как значительная часть объектов, построенных в счет кредитов, предоставленных капиталистическими государствами развивающимся странам, остается в распоряжении иностранных монополий, предприятия, построенные при содействии стран СЭВ, переходят в полное распоряжение развивающихся стран. Большая доля займов и кредитов капиталистических государств предназначена для поддержания денежного обращения, оплаты внешних долгов от предыдущих займов, создания благоприятного «климата» для проникновения частного иностран-

³¹ «Экономическая газета», 1980 г., № 16, с. 22.

³² «Правда», 1980 г., 20 июля.

³³ «Экономическая газета», 1980 г., № 13, с. 20—21.

ного капитала и т. п. Страны СЭВ, напротив, оказывают экономическую и техническую помощь в ключевых отраслях народного хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что более 70% всех предоставленных кредитов расходуется на строительство промышленных и энергетических объектов.

Помощь стран СЭВ содействует максимальному привлечению внутренних ресурсов, не обременяет платежный баланс развивающихся стран излишними расходами, помогает найти в каждом отдельном случае оптимальное сочетание между их собственными и внешними источниками финансирования. Это выражается, в частности, в том, что размер кредитов, как правило, соответствует затратам развивающихся стран в иностранной валюте на строительство данного объекта. Основные строительные работы, значительная часть монтажа, а иногда и часть проектной документации выполняется по возможности соответствующей развивающейся страной.

Кредиты стран — членов СЭВ обычно предоставляются из расчета 2,5—3% годовых со сроком погашения в 12 лет. По коммерческим кредитам период погашения колеблется от 7 до 12 лет, плата за них 3—4% годовых. Стоимость кредитов западных держав и находящихся под их контролем международных финансовых организаций значительно выше. Например, капиталистические государства — члены Комитета помощи развитию ОЭСР или МБРР предоставляют развивающимся странам кредиты с оплатой не менее 7% годовых³⁴.

В процессе строительства и эксплуатации промышленных и других объектов получили квалификацию более 1 млн. граждан этих стран. В развивающихся государствах с помощью стран — членов СЭВ построено и строится более 250 высших и средних учебных заведений и учебных центров. В вузах и техникумах стран — членов СЭВ проходят обучение свыше 40 тыс. студентов из более чем 100 государств Азии, Африки, Латинской Америки.

Плановое ведение хозяйства стран — членов СЭВ позволяет им переходить к развитию торгово-экономических отношений с развивающимися государствами на основе пятилетних и более долговременных соглашений, что подводит устойчивую базу под эти отношения и делает их стабильными.

Наряду с двусторонним сотрудничеством страны — члены СЭВ расширяют экономические связи с развивающимися странами и на многосторонней основе. Важной формой многостороннего сотрудничества является развитие отношений Совета Экономической Взаимопомощи с отдельными развивающимися странами на основе соглашений, как это имеет место с Ираком и Мексикой. Устанавливаются многосторонние экономические связи с Анголой, Эфиопией, НДРГ.

«В рамках двустороннего сотрудничества с каждой из стран — членов СЭВ, — отмечал в своем выступлении на XXXIII сессии СЭВ глава делегации Народной Республики Ангола тов. Жозе Эдуард Душ Сентуш, — мы создали совместные комиссии, которые осуществили мероприятия взаимовыгодного сотрудничества, которые помогли ангольскому народу разрешить трудные и сложные проблемы национального восстановления.

Мы считаем, что в течение этих лет мы получили большой опыт в области сотрудничества с каждой из стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Мы считаем, что эти годы помогут нам создать

³⁴ «Азия и Африка сегодня», 1978, № 11, с. 8; «БИКИ. Приложение № 2», 1972, с. 98; Былинник С. А. Валютные проблемы и экономический рост развивающихся стран. М., 1976, с. 65.

основу, способствующую сотрудничеству, в том числе многостороннему, в рамках Совета Экономической Взаимопомощи».

Кооперирование организаций стран — членов СЭВ при оказании содействия развивающимся государствам представляет собой один из наиболее конкретных видов многосторонних отношений между двумя группами государств. По данным Секретариата СЭВ, страны социалистического содружества на условиях кооптации осуществили и осуществляют содействие в сооружении примерно 180 объектов в развивающихся странах.

Кооперирование организаций стран — членов СЭВ во все большей степени отражает процессы международной специализации и кооперирования, происходящих в содружестве стран СЭВ под воздействием социалистической экономической интеграции.

Другим эффективным вопросом сотрудничества на многосторонней основе является созданный странами — членами СЭВ стипендиальный фонд, который успешно функционирует с 1974/75 учебного года. В настоящее время в странах — членах СЭВ только за счет этого фонда обучается около 2500 стипендиатов из 47 развивающихся стран.

Один из перспективных аспектов сотрудничества — использование развивающимися странами опыта социалистической экономической интеграции. В этих целях, в частности, Международный институт экономических проблем мировой социалистической системы СЭВ подготовил исследование «Инструменты и методы экономического сотрудничества и интеграции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, в особенности относящиеся к промышленному развитию».

Успех усилий, направленных на экономическое развитие всех стран, на перестройку международных экономических отношений может быть обеспечен лишь в условиях мира, разрядки международной напряженности, сокращения военных расходов, ограничения и прекращения гонки вооружений. Нетрудно увидеть, какие перспективы для решения самых актуальных экономических проблем развития, в том числе индустриализации развивающихся стран, открыло бы существенное сокращение военных расходов — для начала на 10%, как уже неоднократно предлагалось социалистическими странами в Организации Объединенных Наций.

Было бы неверным сводить все воздействие социалистических стран, прежде всего стран СЭВ, на развивающийся мир к таким показателям внешнеэкономических связей, как объемы кредитов, внешней торговли, технического содействия и т. п. Опыт сотрудничества стран СЭВ с развивающимися странами следует рассматривать в двух аспектах. Внутренний — это содействие укреплению экономики развивающихся стран, упрочению их хозяйственной независимости, усилению позиций государственного сектора в экономике, созданию современной индустрии, развитию сельского хозяйства, инфраструктуры. Внешний аспект — это включение развивающихся стран в весьма выгодное для них устойчивое, планомерное разделение труда со странами СЭВ, а также ликвидация монопольного положения развитых капиталистических стран как единственных экспортеров промышленных товаров в развивающиеся страны и импортеров их промышленного и сельскохозяйственного сырья.

На протяжении последних лет с нарастающей интенсивностью идет процесс упрочения основ государственности в странах, вставших на путь независимого развития. Система взаимного сотрудничества в рамках СЭВ, связей с другими государствами демонстрирует всему миру реально функционирующую модель новых международных отношений, эффективно способствующих решению этой задачи. Примером могут

служить отношения между СЭВ и Народной Республикой Ангола, Народной Демократической Республикой Йемен, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Мозамбик, Социалистической Эфиопией, Демократической Республикой Афганистан. Так, Афганистан, получивший на XXXIV заседании Сессии СЭВ (июнь 1980 г.) статут наблюдателя, поддерживает тесные экономические сношения с социалистическими государствами. С помощью стран — членов СЭВ в республике построено или строится около 100 объектов, которые играют очень важную роль в развитии национальной экономики. ДРА начала осуществлять первый пятилетний план. После его выполнения в стране будут созданы предварительные предпосылки для построения общества без эксплуатации. Финансовые ресурсы из внешних источников по этому плану составят сумму в 1458 млн. долларов. Советский Союз внесет вклад в размере более половины этой суммы.

Важным показателем, характеризующим растущую роль стран — членов СЭВ в системе международных экономических отношений, является их активное содействие решению одной из актуальнейших проблем современности — радикальному изменению места и роли стран, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости, в системе общемирового разделения труда.

Выражена готовность стран СЭВ объединить усилия с заинтересованными развивающимися странами, с которыми налажено крупномасштабное сотрудничество, в комплексном решении их главных экономических задач, т. е. в создании не только отдельных предприятий и отраслей, но и территориально-производственных (промышленных и аграрно-промышленных) комплексов как органической части рационального народнохозяйственного комплекса развивающейся страны применительно к ее конкретным условиям.

В целях содействия обеспечению заинтересованных развивающихся стран сырьем и топливом социалистические страны готовы продолжать оказание содействия в комплексном освоении их природных ресурсов; в обрабатывающей промышленности содействовать строительству предприятий базовых и экспортных отраслей и расширить практику заключения соглашений о кооперировании и специализации; развивать научно-техническое сотрудничество.

Эта последовательная линия социалистических стран находится в явном контрасте с политикой развитых капиталистических государств, любые формы сотрудничества которых с развивающимися странами подчинены в конечном счете общей стратегической цели: сохранению последних в капиталистической системе хозяйства. Для достижения этой цели используются самые различные средства, начиная от патерналистских отношений бывших метрополий с бывшими колониями (субсидирование на определенных политических условиях государственного аппарата, включение местных валют в валютные зоны бывших метрополий и т. п.) и кончая новейшими формами неокOLONИализма, своего рода «постнеоколониализмом».

В числе этих форм следует отметить, в частности, сращивание государственно-монополистического капитала империалистических государств с капиталом, оказавшемся в распоряжении правящей элиты ряда развивающихся стран, расширение своего присутствия в стратегически важных районах путем крупнейших поставок новейшего вооружения, провоцирование напряженности и военных конфликтов между развивающимися странами и т. п.

В последние годы эти формы империалистического господства в ряде развивающихся стран мира получают молчаливую, а все чаще и откры-

тую поддержку со стороны китайского руководства, стремящегося противодействовать упрочению их политической и экономической независимости.

В этих условиях принципиальная и последовательная линия стран — членов СЭВ на упрочение экономических отношений нового типа находит все большее признание в развивающихся странах, многие из которых стремятся установить договорные отношения с Советом Экономической Взаимопомощи³⁵⁻³⁶.

Выступая на 85-м заседании Исполнительного Комитета СЭВ, президент Мексиканских Соединенных Штатов Хосе Лопес Портильо подчеркнул, что «особое политическое и экономическое значение стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), их активное участие в принятии решений, затрагивающих интересы всего мирового сообщества, их стремление к преобразованию внешних структур в пользу более справедливого международного социально-экономического порядка и огромное значение, которое имеют некоторые из их инициатив в мировом масштабе, объясняют наше присутствие на этом форуме, который в своей деятельности основывается на принципах постоянного суверенитета государств над своими ресурсами, невмешательства во внутренние дела других государств, а также правового и суверенного равенства».

* * *

Взаимное сотрудничество и в последующие годы будет определять в решающей мере масштабы и структуру участия стран СЭВ в международном разделении труда. Вместе с тем, как следует из Комплексной программы и долгосрочных целевых программ сотрудничества, а также общих оценок возможных объемов и структур внешнеэкономических связей на длительную перспективу, это сотрудничество во все большей мере будет выступать в качестве прочной базы для расширения экономических связей с другими социалистическими, развивающимися и развитыми капиталистическими странами.

Современная неустойчивая конъюнктура в мировом капиталистическом хозяйстве придает особое значение планомерно развивающимся рынкам стран СЭВ как важному фактору стабилизации общемирового хозяйства, в том числе и экономики индустриальных капиталистических государств. Конечно, экономические связи с социалистическими государствами не могут излечить мир капитализма от присущих ему органических пороков. В то же время практика показывает, что сотрудничество со странами социализма позволяет нередко существенно повышать загрузку предприятий, увеличивать занятость в капиталистических странах.

За период 1950—1978 гг. объем товарооборота стран СЭВ с развитыми капиталистическими государствами вырос более чем в 16,5 раза. В настоящее время товарооборот стран СЭВ с государствами Запада приближается к 50 млрд. руб. в год. Традиционной и наиболее устойчивой формой экономического сотрудничества СССР с западными странами является внешняя торговля. Лишь за первую половину 70-х годов товарооборот увеличился в 3,4 раза, или возрос на 11 млрд. руб. За 1976—1979 гг. прирост составил еще 9,9 млрд. руб. Удельный вес рас-

³⁵⁻³⁶ В 1975 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между СЭВ и Ираком, между СЭВ и Мексикой. Для организации сотрудничества в соответствии с указанными соглашениями созданы и функционируют Совместная комиссия СЭВ и Иракской республики и Смешанная комиссия СЭВ и Мексиканских Соединенных Штатов.

смаатриваемой группы стран в совокупном товарообороте СССР повысился с 21% в 1970 г. до 32% в 1979 г.³⁷

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что в настоящее время «просто невыгодно и неразумно ограничивать экономическое сотрудничество одной лишь торговлей. Идти в ногу со временем, выйти на уровень требований и возможностей научно-технической революции можно лишь опираясь на широкое международное разделение труда. Сегодня это, пожалуй, аксиома. Отсюда — необходимость долговременного крупномасштабного экономического сотрудничества — как двустороннего, так и многостороннего. Это, конечно, относится не только к Европе, но и ко всем континентам, ко всей системе международных экономических связей в наши дни. Мы выступаем за такое сотрудничество еще и потому, что видим в нем способ надежного материального закрепления мирных отношений между государствами»³⁸.

Состоявшаяся в июне 1980 г. XXXIV сессия СЭВ подчеркнула неизменное стремление стран — членов СЭВ развивать сотрудничество с другими государствами в интересах углубления международного разделения труда на справедливой равноправной и взаимовыгодной основе, а также готовность Совета Экономической Взаимопомощи расширять отношения сотрудничества со странами — нечленами Совета и международными экономическими организациями на благо мира и прогресса.

В нынешней сложной международной обстановке ЦК КПСС, Советское государство проявляют подлинно ленинскую выдержку, твердость и принципиальность, последовательно отстаивают и проводят в жизнь курс на сохранение мира, обеспечение безопасности советского народа, международной безопасности в целом, не поддаваясь на провокации и в то же время давая отпор империалистическим притязаниям.

Партия, отмечено в Постановлении июньского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС, и впредь будет неуклонно продолжать курс XXIV—XXV съездов на всемерное укрепление братского союза социалистических государств, поддержку справедливой борьбы народов за свободу и независимость, на мировое сосуществование, обуздание гонки вооружений, сохранение и развитие международной разрядки, взаимовыгодное сотрудничество в экономической, научной и культурной областях.

В своем докладе на Пленуме Л. И. Брежнев сказал: «Мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-е годы, добиться поворота к разоружению, поддержать право народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир»³⁹.

³⁷ «Экономическая газета», 1980 г., № 13, с. 20.

³⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 327.

³⁹ «Правда», 1980 г., 24 июня.

С. И. БРУК

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР (По материалам послевоенных переписей населения)

Основой развития демографических процессов в СССР является быстрый социально-экономический прогресс нашей страны. Социалистическое государство проводит демографическую политику, имеющую своей целью повлиять на ход демографических процессов в соответствии с потребностями общественного развития.

Многие вопросы, связанные с демографической политикой, были поставлены XXIV и XXV съездами КПСС. Так, в докладе А. Н. Косыгина на XXV съезде КПСС об «Основных направлениях развития народного хозяйства на 1976—1980 годы» подчеркивалась необходимость рационального использования трудовых ресурсов в связи с тем, что в 80-е годы сократится их естественный прирост¹. В «Основных направлениях развития народного хозяйства на 1976—1980 годы» было предусмотрено проведение важных мероприятий демографического характера², многие из которых сейчас уже осуществлены.

На необходимость учитывать демографические факторы в хозяйственной деятельности, активнее влиять на их развитие указывал Л. И. Брежнев в речи на совещании 3 апреля 1974 г., посвященном обсуждению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР»³, в Отчетном докладе ЦК на XXV съезде КПСС⁴, в выступлении на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС⁵.

Итоги послевоенных переписей населения свидетельствуют об огромных успехах, достигнутых нашей страной в период развитого социализма в области решения проблем народонаселения. Более высокие по сравнению с другими развитыми странами темпы роста населения, резкое увеличение средней продолжительности жизни и уменьшение смертности (особенно детской), почти полная ликвидация последствий войны в половозрастной структуре населения, все ускоряющиеся темпы урбанизации и целый ряд мероприятий, способствующих преодолению существенных различий между городом и деревней, между сельскохозяйственным трудом и трудом индустриальным, целенаправленные экономические и социальные меры по обеспечению трудовыми ресурсами различных районов страны, глубокие культурные преобразования, ликвидировавшие существовавшие прежде большие различия между республиками и обеспечившие высокую степень культурного развития для всех народов и социальных групп населения, сближение и интернациональное сплочение народов нашей страны как результат ленинской национальной политики, формирование новой исторической общности — советского народа — та-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 126.

² Там же, с. 215—222.

³ Комплексные проблемы развития Нечерноземья. М., 1977, с. 5.

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 43.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6. М., 1978, с. 155—156.

ковы основные итоги целенаправленной политики Коммунистической партии и Советского правительства.

Этнодемографическим процессам в СССР по материалам переписей 1959 и 1970 гг. посвящено большое число работ советских историков, этнографов, экономистов и специалистов других наук. В значительной степени использованы материалы этих переписей в такой сводной работе, как «Современные этнические процессы в СССР» (изд. 2. М., 1977). Есть и специальные статьи, посвященные этому вопросу⁶.

17 января 1979 г. проведена очередная перепись населения СССР. До этого всеобщие переписи в нашей стране проводились в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. Перепись 1920 г., как известно, готовилась и проводилась под непосредственным руководством В. И. Ленина. В подготовке всех переписей и, в частности, в разработке основных методологических вопросов их программы активное участие принимали ученые различных специальностей (статистики, экономисты, географы, этнографы, лингвисты и др.).

Перепись 1979 г. имела своей целью установить общую численность населения страны и его распределение по отдельным населенным пунктам, сельсоветам, городам, районам, округам, областям, краям, республикам; состав населения по полу, возрасту, семейному положению, национальности, языку, уровню образования, охвату учебой, по источникам средств существования, занятиям, распределению по отраслям народного хозяйства и видам производства, общественным группам, продолжительности работы и другим признакам.

Переписи населения в СССР проводятся по более широким программам, чем в большинстве стран мира. В частности, учитывая нужды национального и культурного строительства, в программы переписей включены вопросы о национальности, родном языке и другом языке народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый (последний вопрос впервые введен в программу переписи населения 1970 г.). Ни в одной программе переписей населения проводимых в других странах нет такого числа этноязыковых вопросов (часто встречаются вопросы о родном языке, очень редко — о национальности и только в единичных случаях — о свободном владении вторым языком).

Программа переписи 1979 г. значительно шире программы предыдущей переписи 1970 г. Она дает возможность получить более подробные сведения о семье. Вопрос о состоянии в браке раньше ставился так: «Состоит ли в браке в настоящее время (да, нет)». Теперь он сформулирован несколько иначе: «Состояние в браке. (Состоит в браке, вдовец /вдова/, никогда не состоял/а/ в браке, разведен/а/, разошелся/лась/)». Новая постановка вопроса чрезвычайно важна с точки зрения анализа демографических тенденций.

В перепись введен новый, позволяющий уточнить прогнозы рождаемости, вопрос: «Для женщины — указать, сколько детей родила»⁷. Без

⁶ См., напр., Брук С. И. Этнодемографические проблемы в СССР (по материалам переписи 1970). — «Советская этнография», 1971, № 4, с. 8—30; его же. Национальность и язык в переписи населения 1970 г. — «Вестник статистики», 1972, № 5, с. 42—54; Брук С. И., Губогло М. Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе. — «История СССР», 1974, № 5, с. 26—45; их же. Двухязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи 1970 г.). — «Советская этнография», 1975, № 4, с. 18—32; Максимова Г. М. Движение населения СССР (1959—1970 гг.). — «История СССР», 1971, № 5, с. 3—42 и др.

⁷ Относительно установленным фактом (для нашей страны) является то, что одного ребенка рождает подавляющее большинство женщин (примерно $\frac{1}{5}$ от вступающих в брак), второго — около $\frac{2}{3}$ от числа родивших одного, а третьего — менее $\frac{1}{3}$ числа тех, кто имеет двух детей. — «Вестник статистики», 1979, № 11. Статист. приложения, с. 65.

таких данных ученые не смогли бы предсказать резкого падения рождаемости, происшедшего в начале или середине 60-х годов в большинстве развитых стран мира и повлекшего за собой в 1970-х годах в ряде стран Центральной и Западной Европы превышение числа смертей над числом рождений. В программу последней переписи включен вопрос, чрезвычайно важный для определения подвижности населения: «Продолжительность непрерывного проживания в данном населенном пункте».

Намечена обширная программа разработки материалов переписи. Однако уже сейчас, когда опубликованы лишь первые общие итоги⁸, можно сделать вывод о большом политическом, народнохозяйственном и научном значении переписи. Ее материалы обеспечат практических работников и ученых данными, необходимыми для планирования дальнейшего развития нашей страны.

По сравнению с текущим учетом перепись дает дополнительные сведения, необходимые для эффективного управления хозяйством и обществом, которые отсутствуют в текущем учете⁹: о количестве семей в стране и их составе; о численности разных народов, проживающих в стране; о числе лиц, считающих родным тот или иной язык. Перепись дает возможность получить многосторонние комплексные характеристики населения, чрезвычайно важные для определения численности и состава трудовых ресурсов, установления характера воспроизводства населения на ближайшие десятилетия и т. д. Сопоставление этих материалов с материалами предыдущих переписей даст возможность тщательно проанализировать этнодемографические процессы, протекающие в СССР в период развитого социализма и составить обоснованные прогнозы на будущее.

ДИНАМИКА И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Численность наличного населения СССР (включая постоянное население и временно проживающих в стране иностранцев) на 17 января 1979 г. составила 262 436 тыс. человек. Численность постоянного населения, по которому осуществлялся подсчет итогов, характеризующих его социальную и экономическую структуру, составила 262 085 тыс. человек¹⁰.

Население нашей страны (в современных границах) менялось следующим образом (в млн. человек)¹¹:

1913 г. — 159,2	1950 г. — 178,5
1917 г. — 163,0	1959 г. — 208,8
1940 г. — 194,1	1970 г. — 241,7
	1979 г. — 262,4

⁸ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980.

⁹ Необходимо отметить исключительно большую совпадаемость данных переписи и текущего учета населения. Опубликованные в 1979 г. ЦСУ СССР данные текущего учета на начало 1978 г. (сведения об общей численности населения по республикам, численности жителей в городах, доле городского и сельского населения, его половом составе) оказались в точности соответствующими данным переписи (если скорректировать их с учетом годового естественного прироста населения, стабильного в последние годы). Такое совпадение совсем не характерно для мировой практики, в том числе и для стран с хорошо, казалось бы, налаженным учетом населения. В США, например, точность учета оценивается $\pm 2,5-5\%$. В Индии перепись населения 1971 г. насчитала населения на 14 млн. человек меньше, чем предполагалось по данным текущего учета.

¹⁰ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 3, 16.

¹¹ Данные 1913 г. приводятся на конец года, 1959 и 1970 гг. — по переписи на 15 января, 1979 г. — по переписи на 17 января, остальные — на начало года. — Народное хозяйство СССР за 60 лет (Юбилейный статистический ежегодник). М., 1977, с. 7.

Таблица 1

Изменение численности населения союзных республик *

Республика	Численность населения в тыс. человек			1979 в %	
	1950 г.	1970 г.	1979 г.	к 1950 г.	к 1970 г.
СССР	178 547	241 720	262 436	147,0	108,6
РСФСР	101 438	130 079	137 551	135,6	105,7
Украинская ССР	36 588	47 126	49 754	136,0	105,6
Белорусская ССР	7 709	9 002	9 560	124,0	106,2
Узбекская ССР	6 264	11 799	15 391	245,7	130,4
Казахская ССР	6 522	13 009	14 685	225,2	112,9
Грузинская ССР	3 494	4 686	5 015	143,6	107,0
Азербайджанская ССР	2 859	5 117	6 028	210,8	117,8
Литовская ССР	2 573	3 128	3 398	132,1	108,6
Молдавская ССР	2 290	3 569	3 947	172,4	110,6
Латвийская ССР	1 944	2 364	2 521	129,7	106,6
Киргизская ССР	1 716	2 934	3 529	205,7	120,3
Таджикская ССР	1 509	2 900	3 801	251,9	131,1
Армянская ССР	1 347	2 492	3 031	225,0	121,6
Туркменская ССР	1 197	2 159	2 759	230,5	127,8
Эстонская ССР	1 097	1 356	1 466	133,6	108,1

* Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статист. ежегодник. М., 1979. с. 10, 11; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 4; Народонаселения стран мира. Справочник. М., 1979, с. 13.

Несмотря на огромные потери, связанные с двумя мировыми войнами и гражданской войной, население нашей Родины росло довольно быстрыми темпами. Перед Великой Отечественной войной в СССР жило на 31,1 млн. человек (или на 19,1%), а в 1979 на 99,4 млн. человек (или на 61,0%) больше, чем в дореволюционной России.

В годы второй мировой войны прямые людские потери СССР составили свыше 20 млн. человек; велики были и так называемые косвенные потери (снижение рождаемости и увеличение смертности). Лишь через девять с половиной лет после войны, к началу 1955 г. численность населения вновь достигла довоенного уровня. С тех пор за последующие 24 года население страны увеличилось на 68,3 млн. человек, или на 35,2%, а среднегодовой прирост за этот период составлял почти 3 млн. человек. В последние 9 лет, между двумя переписями, население увеличилось на 20,7 млн. человек, или на 2,3 млн. в год (среднегодовой прирост составил 0,92% в год).

Изменение численности населения в союзных республиках за последние 29 лет можно проследить по данным таблицы 1.

С 1950 по 1979 г. население в республиках Средней Азии и Закавказья, а также в Казахстане в целом более чем удвоилось (увеличилось на 117,8%), тогда как в Белорусской ССР оно увеличилось лишь на 24%, в Прибалтике — на 31,6, в РСФСР — на 35,6, на Украине — на 36, в Молдавии — на 72,4%. Довольно сильные различия в динамике населения можно заметить и внутри республик. В РСФСР население районов Дальнего Востока выросло с 1939 по 1979 г. на 133%, Восточной Сибири — на 73, Северного Кавказа — на 50, Урала — на 48, Западной Сибири — на 40%; в то же время население Волго-Вятского района уменьшилось на 4%, а Центрально-Черноземного — даже на 17%. На Украине население Южного района выросло на 47%, а Юго-Западного — только на 9%. В Казахстане численность населения Павлодарской и Карагандинской

областей увеличилось в 3—3,5 раза, а Гурьевской, Алма-Атинской и Уральской — лишь на 30—50%¹².

Население в национальных автономиях росло также неравномерно. В автономных республиках оно увеличилось с 1940 по 1979 г. на 36,9%, в автономных областях — на 47,2%, в автономных округах — на 127,1%. Больше всего выросло население в Коми АССР (в 3,5 раза), Якутской АССР (более чем в 2 раза) и республиках Северного Кавказа и Закавказья (на 50—90%); меньше всего — в республиках Поволжья (в большинстве из них прирост составил всего 15—20%, а в Мордовской АССР произошло даже уменьшение численности населения на 15%)¹³.

С 1970 по 1979 г., как и прежде, более быстрыми темпами росло население в республиках Средней Азии, в Азербайджане и Армении, увеличившись на 23,3%, в то время как в РСФСР, на Украине и в Белоруссии — только на 5,7%. Значительные различия в динамике населения можно заметить и внутри республик. С 1970 по 1979 г. население районов Дальнего Востока возросло на 17,9%, Северного Кавказа — на 10,5, Восточной Сибири — на 9,3%; в то же время население Волго-Вятского района уменьшилось на 0,5%, а Центрально-Черноземного — даже на 2,5%. На Украине население Южного района возросло на 11,8%, а Юго-Западного — всего на 4,3%.

Население в национальных автономиях росло также неравномерно. Так, численность населения за последние 9 лет увеличилась в Якутской АССР на 26%; в Коми АССР, Тувинской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской АССР — на 14—16%, а в Башкирской, Марийской и Карельской АССР — всего на 1—3% (в Мордовской АССР численность населения за этот период уменьшилась на 4%). Очень быстро растет население в некоторых автономных округах, где осваиваются крупнейшие месторождения полезных ископаемых: в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах население за 9 лет удвоилось¹⁴.

Неравномерный рост населения по отдельным районам объясняется различиями как в естественном, так и в механическом его движении. До войны (а для некоторых районов и позже) решающее значение в колебаниях роста населения по районам имел второй фактор. В ходе индустриализации СССР происходило передвижение населения в слабоосвоенные районы. В последние десятилетия для большинства районов СССР различия в росте населения определяются в первую очередь особенностями его воспроизводства — соотношением рождаемости и смертности.

Данные о воспроизводстве населения (рождаемость, смертность и естественный прирост) при проведении переписи населения непосредственно не выявляются, но косвенно о них можно судить по влиянию на динамику и размещение населения, на изменение национального состава и на ряд других показателей (табл. 2).

Забота Советского государства о всестороннем развитии личности, высокий уровень образования и культуры, полная занятость всего трудоспособного населения, непрерывный рост уровня жизни советских людей оказали огромное влияние на направленность демографических процессов, существенным образом изменили параметры рождаемости, смертности, продолжительности жизни и естественного прироста.

До Октябрьской революции для России был характерен большой прирост населения (для того времени один из самых высоких в мире), не-

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (СССР). М., 1962, с. 20—29; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 5—11.

¹³ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 45—48; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 14, 11.

¹⁴ Там же.

Таблица 2

Естественное движение населения на территории СССР в 1913—1978 гг. *
(в ‰)

Год	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Год	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
1913	45,5	29,1	16,4	1965	18,4	7,3	11,1
1926	44,0	20,3	23,7	1970	17,4	8,2	9,2
1940	31,2	18,0	13,2	1975	18,1	9,3	8,8
1950	26,7	9,7	17,0	1977	18,1	9,6	8,5
1960	24,9	7,1	17,8	1978	18,2	9,7	8,5

* Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 24.

смотря на значительную смертность. В основе его была очень высокая рождаемость. После революции в связи с уменьшением смертности (рождаемость в первые два десятилетия Советской власти тоже снижалась, хотя и незначительно) прирост еще больше увеличился.

Резкие сдвиги в структуре естественного прироста произошли после второй мировой войны. Уже в 1950 г., т. е. всего через пять лет после кровопролитной и опустошительной войны, удалось добиться уменьшения средней смертности населения почти в два раза по сравнению с 1940 г. Это было достигнуто прежде всего благодаря резкому снижению детской смертности (в 1913 г. на 1000 детей в возрасте до 1 года умирало 269 человек, в 1940 г.— 167, в 1950 г.— 81, в 1960 г.— 35, в последние годы — 23—27)¹⁵.

Десятилетие 1950—1959 гг. характеризовалось стабильным уровнем рождаемости (которая составляла в разные годы от 24,9 до 26,7 на тысячу человек населения), снижением смертности (с 9,7 до 7,2) и довольно высоким естественным приростом (между 17,0 и 18,1). Среди высокоразвитых стран Советский Союз имел в этот период один из самых низких показателей общей смертности населения и один из самых высоких показателей его естественного прироста.

Демографическая ситуация существенно изменилась в первой половине 60-х годов, когда среднегодовая рождаемость снизилась на 5—7‰, смертность стабилизировалась на прежнем уровне или даже несколько повысилась (сказалось резкое возрастание доли лиц старших возрастов), а естественный прирост уменьшился с 17,8 в 1960 г. до 9,7‰ в 1967 г. В следующем десятилетии естественный прирост населения почти не изменился (некоторое увеличение уровня рождаемости сопровождалось почти таким же увеличением уровня смертности). В среднем с 1973 по 1978 г. рождаемость в СССР была равна 18,1‰ в год, смертность — 9,2‰, естественный прирост — 8,9‰.

Несмотря на указанные изменения в демографических показателях, СССР и сейчас имеет более низкую общую смертность и более высокий естественный прирост населения, чем большинство развитых капиталистических стран, для которых в последние годы характерно быстрое снижение естественного прироста. Так, в других странах Европы среднегодовой естественный прирост в 70-е годы был равен 4,2‰ (при рождаемости 14,4 и смертности 10,2‰), в том числе в странах Западной и Северной Европы — только 1,2‰ (в ФРГ, Австрии, Люксембурге и некоторых других странах число смертей в последние годы превысило число рождений). Естественный прирост населения в 1978 г. был равен: в США — 6,5‰, Канаде — 7,9, Австралии — 8,1, Новой Зеландии — 8,4,

¹⁵ Народонаселение стран мира, с. 170.

Японии — $8,7\text{‰}$ ¹⁶. Естественный прирост в этих странах ниже, чем в СССР, хотя большинство из них имело значительный приток иммигрантов молодого возраста, у которых естественный прирост выше, чем у местного населения.

По сравнению с дореволюционным временем общая смертность в СССР снизилась в 3,4 раза (а детская — в 11 раз), по сравнению с 1940 г. — вдвое. Снижение смертности наблюдается во всех возрастных группах. Все это обусловило рост средней продолжительности жизни населения с 32 лет в 1896—1897 гг. до 44 лет — в 1926—1927 гг., 50 лет — в 1938—1939 гг. и до 70 лет (64 — у мужчин и 74 — у женщин) в 1971—1972 гг.¹⁷.

Что же касается некоторого уменьшения рождаемости, то оно объясняется прослеживаемой во всем мире исторической тенденцией снижения этого показателя от биологического максимума к уровню, определяемому сознательным регулированием величины семьи.

Естественный прирост населения выше в сельской местности, что объясняется более высоким там уровнем рождаемости (смертность населения в городах и селах находится примерно на одном уровне). В 1913 г. коэффициент рождаемости в селах был в 1,6 раза выше, чем в городах (соответственно $48,8$ и $30,2\text{‰}$). В годы, предшествовавшие второй мировой войне, и в первые послевоенные годы уровни рождаемости в городских и сельских местностях почти сравнивались, но с середины 50-х годов снова стали заметно различаться. В 1960 г. рождаемость в сельских местностях была равна $27,8\text{‰}$, а в городских поселениях — $21,9\text{‰}$, в 1965 г. — соответственно $21,1$ и $16,1\text{‰}$, в 1970 г. — $18,7$ и $16,4\text{‰}$, в 1978 г. — $20,1$ и $17,1\text{‰}$ ¹⁸.

Гораздо сильнее различия в воспроизводстве населения (особенно в показателях рождаемости) по союзным республикам (см. табл. 3).

До второй мировой войны колебания по республикам в уровнях рождаемости были сравнительно невелики. Данные таблицы 3 опровергают широко бытующее представление, что в Средней Азии и на Кавказе уровень рождаемости был с давних времен намного выше, чем в остальных районах страны. В 1940 г. лишь в Армянской и Казахской ССР этот показатель был значительно выше среднесоюзного, а в Эстонской и Латвийской — намного ниже (последние две республики в течение многих десятилетий выделяются низким уровнем рождаемости). Мало что изменилось и в 1950 г., когда в группу республик с высокой рождаемостью вошла Молдавская ССР, а уровень рождаемости в Армянской ССР значительно понизился. Но после 1950 г. начинается резкая дифференциация в уровнях рождаемости между республиками Средней Азии и Закавказья (кроме Грузии, где рождаемость никогда не была особенно высокой), с одной стороны, и остальными республиками — с другой. Начавшееся в 60-х годах снижение рождаемости в основном затронуло лишь вторую группу республик. Сейчас уровень рождаемости в республиках Средней Азии в два с лишним раза выше, чем в РСФСР, УССР, БССР и Прибалтийских республиках, и в полтора раза выше, чем в остальных республиках.

По уровню естественного прироста населения различия между республиками еще больше, причем с течением времени они даже увеличиваются (см. табл. 4).

Из многих факторов, оказывающих влияние на этот показатель, решающими, по-видимому, являются два: все республики с высокой рож-

¹⁶ Population and Vital Statistics Report, Statistical Papers, UN, N. Y., 1979, № 2.

¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статист. ежегодник. М., 1978, с. 86.

¹⁸ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 71.

Таблица 3

Естественное движение населения союзных республик *
(в ‰/100)

	1940 г.			1960 г.			1978 г.		
	Рождае-мость	Смерть-ность	Естествен-ный прирост	Рождае-мость	Смерть-ность	Естествен-ный прирост	Рождае-мость	Смерть-ность	Естествен-ный прирост
СССР	31,2	18,0	13,2	24,9	7,1	17,8	18,2	9,7	8,5
РСФСР	33,0	20,6	12,4	23,2	7,4	15,8	15,9	10,3	5,6
Украинская ССР	27,3	14,3	13,0	20,5	6,9	13,6	14,7	10,7	4,0
Белорусская ССР	26,8	13,1	13,7	24,4	6,6	17,8	15,9	9,1	6,8
Узбекская ССР	33,8	13,2	20,6	39,9	6,0	33,9	33,9	6,9	27,0
Казахская ССР	40,8	21,4	19,4	37,3	6,6	30,7	24,4	7,4	17,0
Грузинская ССР	27,4	8,8	18,6	24,7	6,5	18,2	17,7	8,0	9,7
Азербайджанская ССР	29,4	14,7	14,7	42,7	6,7	36,0	24,9	6,7	18,2
Литовская ССР	23,0	13,0	10,0	22,5	7,8	14,7	15,3	10,0	5,3
Молдавская ССР	26,6	16,9	9,7	29,2	6,4	22,8	20,1	9,8	10,3
Латвийская ССР	19,3	15,7	3,6	16,7	10,0	6,7	13,6	12,4	1,2
Киргизская ССР	33,0	16,3	16,7	36,9	6,1	30,8	30,4	8,1	22,3
Таджикская ССР	30,6	14,1	16,5	33,5	5,1	28,4	37,5	8,3	29,2
Армянская ССР	41,2	13,8	27,4	40,1	6,8	33,3	22,2	5,5	16,7
Туркменская ССР	36,9	19,5	17,4	42,4	6,5	35,9	34,4	8,0	26,4
Эстонская ССР	16,1	17,0	-0,9	16,6	10,5	6,1	14,9	12,2	2,7

* Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 26, 27.

Таблица 4

Естественный прирост населения по группам республик в 1940—1978 гг. *
(в ‰/100)

	1940 г.	1960 г.	1978 г.
СССР	13,2	17,8	8,5
РСФСР, Украинская, Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская ССР	12,4	15,2	5,3
Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР	19,2	32,8	26,6
Казахская, Грузинская, Азербайджанская, Молдавская и Армянская ССР	19,6	28,4	16,7

* Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 26, 27.

даемостью выделяются повышенным процентом сельского населения и традицией ранних браков (особенно среди женщин).

В СССР брачность (число зарегистрированных браков на 1000 человек населения) несколько превышает 10 (в 1978 г.—10,7)¹⁹, но и в этом показателе наблюдаются значительные региональные различия. Он ниже в республиках с высокой рождаемостью, где выше процент детей (в Закавказье и Средней Азии в 1970 г. брачность составляла от 6,8 до 9,2)²⁰.

Продление сроков обучения и особенно распространение высшего образования приводит к тому, что люди вступают в брак сейчас в более зрелом возрасте, чем прежде. Число состоящих в браке лиц в возрасте

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 28.

²⁰ Народо население стран мира, с. 130.

16—19 лет (на 1000 человек данного пола и возраста) изменялось в последние годы следующим образом ²¹:

Год	Мужчины	Женщины
1939	27	140
1959	26	112
1970	21	105

Традиция ранних браков до сих пор характерна для населения Средней Азии и Азербайджана; в республиках Прибалтики, наоборот, брачные союзы заключаются обычно поздно. В последние десятилетия происходит некоторое выравнивание возраста вступления в брак. В республиках с традицией ранних браков невесты и женихи «взрослеют», с традицией поздних браков — «молодеют». Об этом свидетельствуют, например, данные переписей населения 1959 и 1970 гг. В республиках Средней Азии в 1959 г. от 31,8 до 44,2% всех женщин в возрасте 16—19 лет были замужем, а в 1970 г. — только 19,1—24,9%. За тот же период доля замужних среди украинок того же возраста увеличилась с 10,1 до 11,2%, белорусок — с 7,0 до 7,6, грузинок — с 10,7 до 13,4, латышек — с 4,5 до 5,9% ²². Все более широкое распространение малой семьи, состоящей из брачной пары с детьми (что, как правило, предполагает собственный источник средств существования), приводит в районах с ранними браками к сдвигу брачных союзов на более зрелые возрасты.

На 17 января 1979 г. в СССР состояли в браке 122,6 млн. мужчин и женщин (в 1970 г. — 107,2 млн., в 1959 г. — 86,5 млн.). Число состоящих в браке увеличилось по сравнению с 1970 г. на 14,4%. При переписи учтено 66,3 млн. семей (на 7,6 млн. больше, чем в 1970 г.). Из общего числа семей 29,7% состоят из двух человек, 28,9% — из трех, 23% — из четырех и 18,4% — из пяти и более человек. Средний размер семьи (совместно проживающие члены семьи) в целом по стране составляет 3,5 человека: среди городского населения — 3,3 и среди сельского населения — 3,8 человека. Он резко колеблется в различных союзных республиках. Средний размер семьи равен 3,1 человека в Латвийской и Эстонской ССР, 3,3 — в РСФСР, Украинской, Белорусской и Литовской ССР, 3,4 — в Молдавской, 4 — в Грузинской, 4,1 — в Казахской, 4,6 — в Киргизской, 4,7 — в Армянской, 5,1 — в Азербайджанской, 5,5 — в Узбекской и Туркменской и 5,7 — в Таджикской ССР. Интересно отметить, что в последних семи наиболее «многодетных» республиках, в которых живет 18,8% всего населения страны, сосредоточено 66% самых больших семей, насчитывающих семь и более человек каждая ²³.

ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Все проводимые в нашей стране переписи неизменно показывали численный перевес женского населения над мужским (см. табл. 5).

До революции разница между численностью мужчин и женщин была сравнительно невелика (в 1913 г. женщин было всего на 1 млн. больше). Положение существенно изменилось после первой мировой и гражданской войн и в особенности после второй мировой войны, вызвавших огромные потери прежде всего среди мужского населения. По данным переписи 1926 г., женщин стало на 5 млн. больше, чем мужчин, а перепись 1959 г. зафиксировала еще больший разрыв — женщины оказались на 20,8 млн. больше, чем мужчины. Эта диспропорция была более резкой в

²¹ Там же, с. 129.

²² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с. 383.

²³ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 17.

Таблица 5

Доля женщин и мужчин в населении страны *
(в %)

Год	Женщин	Мужчин	Год	Женщин	Мужчин
1897**	51,0	49,0	1959	55,0	45,0
1913	50,3	49,7	1970	53,9	46,1
1926	51,7	48,3	1979	53,3	46,7
1939	52,1	47,9			

* Народное хозяйство в 1978 г., с. 8; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 16.

** Данные по европейской части России.

первые послевоенные годы (в 1951 г. женщин было на 21,8 млн. больше, чем мужчин, и их доля составляла 56%).

Перепись 1970 г. зарегистрировала некоторое уменьшение разрыва между числом женщин и мужчин — первых оказалось больше на 18,9 млн., и они составили 53,9% всего населения (вместо 55% в 1959 г.). Этот разрыв значительно уменьшился к 1979 г., когда процент мужчин увеличился до 46,7, а численность женщин на 17,6 млн. превышала численность мужчин. Такое соотношение сохраняется исключительно из-за диспропорции в старших возрастах: численность мужчин и женщин в возрасте до 50 лет включительно стала одинаковой, зато женщины старше 50 лет составляют две трети общей численности соответствующих возрастных групп (это результат не только войн, но и значительно более высокой средней продолжительности жизни женщин). Что касается новорожденных, то у нас, как и во всем мире, мальчиков рождается несколько больше, чем девочек. Однако вследствие более низкой смертности девочек доля мужчин и женщин к 27—28 годам выравнивается.

По СССР в целом доля мужчин в городах несколько выше, чем в сельской местности (в 1970 г. соответственно — 46,3 и 45,8%), однако разница эта существенна только на Украине (46,3 и 43,9%) и в Белоруссии (47 и 45,2%). В Киргизской, Узбекской, Таджикской и Грузинской ССР доля мужчин в городах даже меньше, чем в селах. В районах, где развита тяжелая индустрия, процент мужчин, как правило, относительно выше, а в местностях, где преобладает сельское хозяйство или легкая промышленность, — обычно ниже. Особенно высок удельный вес мужчин в районах быстрого развития отраслей тяжелой промышленности, отличающихся суровым климатом, на севере и востоке страны: в Коми и Якутской АССР, а также в Камчатской и Магаданской областях²⁴.

Существенно различается половой состав населения по союзным республикам (см. табл. 6).

До второй мировой войны при преобладании женщин в населении страны в целом, в Средней Азии, а также в Азербайджанской и Армянской ССР мужчин было больше, чем женщин. В послевоенное время во всех союзных республиках численность женщин стала превышать численность мужчин.

Картина несколько меняется при рассмотрении соотношения числа мужчин и женщин у отдельных народов страны. У ряда небольших народов даже в год первой послевоенной переписи мужчины численно преобладали над женщинами. Так, в 1959 г. мужчин было больше, чем жен-

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. II, с. 68, 76, 250.

Доля женщин в общей численности населения союзных республик *
(в %)

	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
СССР	52,0	55,0	53,9	53,3
РСФСР	52,8	55,4	54,4	53,8
Украинская ССР	52,1	55,6	54,8	54,2
Белорусская ССР	51,5	55,5	54,0	53,5
Узбекская ССР	48,4	52,2	51,3	50,9
Казахская ССР	48,0	52,5	51,9	51,7
Грузинская ССР	50,1	53,8	53,0	52,6
Азербайджанская ССР	48,7	52,4	51,5	51,2
Литовская ССР	52,0	54,1	53,1	52,8
Молдавская ССР	50,4	53,8	53,4	52,9
Латвийская ССР	52,9	56,1	54,3	53,9
Киргизская ССР	49,1	52,8	52,2	51,5
Таджикская ССР	48,1	51,3	50,8	50,6
Армянская ССР	49,5	52,2	51,2	51,3
Туркменская ССР	48,4	51,8	50,8	50,6
Эстонская ССР	53,5	56,1	54,3	53,8

* «Вестник статистики», 1980 г., № 1, Статистические приложения, с. 70.

щин, у каракалпаков, тувинцев и отдельных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В 1970 г. их стало больше также у узбеков, таджиков, туркмен, лезгин, ингушей и некоторых других народов.

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Превращение СССР из аграрной страны в индустриальную вызвало быстрый рост городского населения. Бурные темпы развития промышленности, научно-техническая революция на этапе развитого социализма еще более активизировали этот процесс (см. табл. 7).

С 1940 г. численность городского населения страны увеличилась на 100,5 млн. человек (среднегодовое увеличение составило 2,6 млн. человек). Источники этого роста: переезд значительного числа сельского населения в города, ставший возможным в связи с ростом механизации и повышением производительности труда в социалистическом сельском хозяйстве, естественный прирост населения городов, преобразование сел в городские поселения. В разные периоды относительное значение этих факторов было различным. С увеличением степени урбанизации в общем приросте городского населения постепенно увеличивается удельный вес естественного прироста (в 1927—1938 гг. — 18%, 1939—1958 — 20, 1958—1969 — 40, 1969—1978 — 43%)²⁵.

С 1970 г. городское население увеличилось на 27,6 млн. человек (в среднем увеличение составляло более 3 млн. человек в год), в том числе: за счет естественного прироста в городах — на 12 млн., преобразования сельских пунктов в городские и переезда сельских жителей в города — на 15,6 млн. человек. Естественный прирост населения в сельских местностях за период между переписями составил более 8,7 млн., однако численность сельского населения не увеличилась, а сократилась на 6,9 млн. человек²⁶.

²⁵ Народонаселение стран мира..., с. 475, 476; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 3.

²⁶ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 3.

Таблица 7

Изменения в численности городского и сельского населения *

Год	Все население (млн. чел.)	Городское		Сельское	
		млн. чел.	%	млн. чел.	%
1913	159,2	28,5	18	130,7	82
1940	194,1	63,1	33	131,0	67
1959	208,8	100,0	48	108,8	52
1970	241,7	136,0	56	105,7	44
1979	262,4	163,6	62	98,8	38

* Народное хозяйство СССР в 1978 г. . . . , с. 7.

Таблица 8

Рост числа крупных городских поселений и численности их жителей *

Жителей в городах	Крупных городов				Жителей в них (млн. чел.)			
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
От 100 тыс. до 500 тыс.	78	123	188	227	15,7	24,4	38,2	47,0
500 тыс. и более	11	25	33	45	12,8	24,2	37,3	51,8

* Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 11—15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 1, с. 61.

Наиболее высок процент городского населения в старых промышленных районах (Ленинградская обл. вместе с г. Ленинградом — 91%, Донецкая — 89%, Московская с г. Москвой — 88%, Свердловская и Ворошиловградская — по 85%, Челябинская — 82%, Ивановская и Днепропетровская области — по 80%), а также в неблагоприятных для сельского хозяйства районах Севера и в ряде районов азиатской части СССР, индустриальное развитие которых началось лишь в годы Советской власти, но шло особенно быстро (Мурманская обл. — 89%, Мангышлакская — 87%, Карагандинская — 85%, Камчатская — 83%, Краснодарская и Сахалинская — по 82% и Хабаровский край — 79%). В областях, где уже созданы благоприятные условия для развития сельского хозяйства, доля горожан обычно не превышает трети населения (большая часть областей Узбекской, Киргизской, Туркменской и Таджикской ССР, Тернопольская, Ровенская и Винницкая области УССР) ²⁷.

Общее число городов в СССР на 17 января 1979 г. было 2062 (кроме того, в стране существует еще 3852 поселка городского типа), из них более половины (1174) возникло после Октябрьской революции в районах развития различных отраслей индустрии, а также на ранее отсталых национальных окраинах. Рост числа больших городов и жителей в них показаны в таблице 8.

На 17 января 1979 г. в СССР насчитывалось 18 городов с числом жителей более 1 млн. в каждом ²⁸; в этих городах было сосредоточено 33,1 млн. человек — 20,3% всех горожан и 12,6% всего населения (до второй мировой войны в СССР насчитывалось лишь два города-миллионера, в 1959 г. — три, а в 1970 — десять). В остальных крупных городах (с числом жителей от 100 тыс. до 1 млн.), которых в 1979 г. насчитыва-

²⁷ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 5—11.²⁸ К концу 1979 г. городами-миллионерами стали еще два города — Пермь и Казань.

лось 254 (в 1939 г.— 87, в 1959 г.— 145, в 1970 г.— 211), было сосредоточено 65,7 млн. человек — 40,2% горожан и 25,1% всего населения страны. Всего, таким образом, на города, насчитывающие свыше 100 тыс. человек каждый, в 1979 г. приходилось 60,5% горожан и 37,7% всего населения (в 1970 г. соответственно — 55,5 и 31,2%).

За 20 лет (с 1959 по 1979 г.) число всех крупных городов выросло со 148 до 272, а число жителей в них — с 48,6 млн. до 98,8 млн. человек. Более чем удвоилось число жителей за этот период в 92 крупных городах (а в 21 городе — более чем утроилось). Население в таких городах, как Тольятти, Братск, Одинцово, выросло в 5 с лишним раз, а Набережные Челны, Нижнекамск, Нижневартовск, Сургут, Шевченко 20 лет тому назад еще даже не были городами.

Многие появившиеся после революции крупные города возникли на «пустом» месте. В их формировании основную роль сыграла индустриализация страны, развитие промышленности в отсталых ранее национальных районах, осуществлявшееся в соответствии с ленинской национальной политикой Коммунистической партией и Советским правительством. Освоение новых каменноугольных месторождений вызвало строительство городов Копейска (146 тыс. жителей)²⁹, Ангрена (106 тыс.), Воркуты (96 тыс.), Междуреченска (91 тыс.), Коркино (66 тыс.), Инты (52 тыс.). С добычей и переработкой нефти и газа связано возникновение городов Салавата (137 тыс. жителей), Альметьевска (110 тыс.), а в последние годы — Нижневартовска (109 тыс.), Сургута (107 тыс.), Октябрьского (88 тыс.); с развитием черной металлургии — Магнитогорска (406 тыс. жителей), Сумганга (190 тыс.), Электростали (139 тыс.), Рустави (129 тыс.), Новотроицка (96 тыс.); с развитием цветной металлургии — Норильска (180 тыс. жителей), Алмайка (101 тыс.), Балхаша (79 тыс.). Рост химической промышленности привел к возникновению Ангарска (239 тыс. жителей), Чирчика (132 тыс.), Новокуйбышевска (109 тыс.), Кохтла-Ярве (72 тыс.). Крупнейшими центрами машиностроения стали выросшие за 60—70-е годы Тольятти (502 тыс. жителей) и Набережные Челны (301 тыс.). По существу в число новых можно включить и такие крупные города, как Новокузнецк (541 тыс. жителей), Душанбе (493 тыс.), Мурманск (381 тыс.), Каменск-Уральский (187 тыс.), Березники (185 тыс.), Лисичанск (120 тыс.) и ряд других, в которых в 1926 г. было менее, чем по 10 тыс. жителей.

Очень быстро росли города на прежде отсталых национальных окраинах. До второй мировой войны и в первые годы после войны этот рост происходил преимущественно благодаря миграции рабочих из русских и украинских областей, а в последние два-три десятилетия — в основном за счет переезда в города представителей коренных национальностей. Особенно сильно выросла численность населения в столицах союзных и автономных республик. Так, с 1939 по 1979 г. число жителей в Душанбе, Фрунзе, Минске и Ереване увеличилось более чем в 5 раз, в Кишиневе и Алма-Ате — более чем в 4 раза, в Ташкенте более чем в три раза и т. д.

Развитие промышленности, рост рабочего класса и интеллигенции в республиках, заметно проявляющаяся тенденция к однородности социального состава населения всех республик, свойственные этапу развитого социализма, находят отражение среди других показателей и в том, что различия между республиками в удельном весе городского населения постепенно уменьшаются. Если в 1940 г. доля городских жителей в Мол-

²⁹ Данные по городам с числом жителей более 100 тыс.— на 17 января 1979 г., с числом жителей менее 100 тыс.— на 1 января 1977 г. (Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 11—15; Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 59—68).

давской ССР была равна всего 13%, в Таджикской, Белорусской, Киргизской, Литовской и Узбекской ССР колебалась в пределах от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего населения, то сейчас даже в наименее урбанизированных республиках процент городских жителей достигает 35—40. В 10 союзных республиках городское население превышает сельское.

В связи с тем, что дальнейшая концентрация населения в крупных городах может привести к определенным отрицательным последствиям, осуществляются меры по сдерживанию роста крупнейших из них; одна из таких мер — создание городов-спутников. Кроме того, в ходе коммунистического строительства уделяется большое внимание ликвидации существенных различий между городом и деревней. Постепенно колхозные деревни и села преобразуются в крупные населенные пункты городского облика, и культурно-бытовые условия жизни сельского населения начинают приближаться к городским.

Средняя плотность населения определяется, с одной стороны, численностью сосредоточенного на данной площади сельского населения (оно концентрируется главным образом в зонах, наиболее благоприятных для ведения сельского хозяйства), с другой — численностью населения находящихся на той же площади городских поселений. Последние располагаются порознь или очагами в слабозаселенной сельскими жителями местности (например, на севере страны). Чаще же, однако, развитые системы городского расселения территориально совпадают с местами концентрации сельского населения; такое положение, характерное, в частности, для средней полосы СССР, для горных долин на Кавказе, для зоны оазисов в Средней Азии, есть следствие длительного хозяйственного развития соответствующих местностей.

О резких колебаниях плотности населения по отдельным районам страны можно судить по следующим цифрам. При средней плотности в СССР в 11,8 человек на 1 кв. км (1979 г.) этот показатель в европейской части поднимается до 35, а в азиатской части падает до 3. Из союзных республик наибольшая плотность характерна для Молдавии — 117, наименьшая — для Туркмении — 5,7 человек на 1 кв. км. Средняя плотность в наиболее густонаселенных областях составляет: в Андижанской — 321, Московской (с г. Москвой) — 306, Ферганской — 239, Ташкентской (с г. Ташкентом) — 229, Донецкой — 195, Хорезмской — 165, Киевской (с г. Киевом) — 141, Наманганской — 139, Львовской — 118, Днепропетровской — 114, Черновицкой — 110, Ворошиловградской — 104 человека на 1 кв. км. В Алтайском, Красноярском и Хабаровском краях, в Джезказганской, Мангышлакской, Тюменской областях и в Тувинской АССР плотность составляет 1—2 человека, а в Якутской АССР и Магаданской области — лишь 0,3—0,4 человека на 1 кв. км. Еще ниже плотность в некоторых автономных округах: Эвенкийском, Таймырском, Корякском; здесь на одного человека приходится по 10—50 кв. км³⁰.

Следует подчеркнуть, что если общая плотность населения в СССР непрерывно увеличивается в соответствии с ростом численности населения, плотность сельского населения уже ряд десятилетий падает (см. табл. 9).

В послевоенное время почти непрерывно падает не только доля сельского населения, но и его абсолютная численность. Так, в 1940 г. она составляла 131 млн. человек, в 1959 г. — 108,8 млн., в 1970 г. — 105,7 млн., а в 1979 г. — всего 98,8 млн. человек. Таким образом, с 1940 г. численность сельского населения уменьшилась на 32,2 млн. человек, или на 32,6% (среднегодовое уменьшение составляло в 1940—1959 гг. 1170 тыс.

³⁰ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 4—11; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 12—17.

Таблица 9

Изменение плотности населения

Год	Общая	Сельская	Год	Общая	Сельская
1913	7,1	5,8	1959	9,3	4,9
1917	7,7	6,0	1970	10,8	4,7
1940	8,7	5,8	1979	11,8	4,4

Таблица 10

Динамика сельского населения по союзным республикам *
(в %)

	1970 г. к 1959 г.	1979 г. к 1970 г.	1979 г. к 1959 г.
СССР	97,1	93,5	90,8
РСФСР	87,8	85,9	75,4
Украинская ССР	94,3	89,8	84,7
Белорусская ССР	91,4	84,3	77,1
Узбекская ССР	138,7	120,9	167,7
Казахская ССР	123,8	104,5	129,4
Грузинская ССР	105,0	98,7	103,6
Азербайджанская ССР	132,3	112,0	146,5
Литовская ССР	93,5	85,9	80,3
Молдавская ССР	108,8	98,3	106,9
Латвийская ССР	96,6	89,5	86,5
Киргизская ССР	133,9	117,9	157,9
Таджикская ССР	136,7	135,9	185,7
Армянская ССР	114,6	102,8	117,8
Туркменская ССР	137,9	127,7	176,1
Эстонская ССР	91,2	93,5	85,2

* Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 11.

человек, в 1959—1970 гг.—280 тыс. и в 1970—1979 гг.—765 тыс. человек).

Как и в случае с естественным приростом, очень различается динамика сельского населения по союзным республикам (см. табл. 10).

За 20 лет, с 1959 по 1979 г. сельское население при среднем уменьшении по стране на 9,2% (с 1970 г.—на 6,5%) в шести республиках (РСФСР, Украинская и Белорусская ССР и республики Прибалтики) сократилось на 22,0% (с 1970 г.—на 13,7%). За то же время сельское население республик Средней Азии увеличилось на 69,7% (с 1970 г.—на 23,3%).

Еще большие различия характерны для отдельных областей различных республик. Так, в Мурманской области за 20 лет сельское население уменьшилось более чем вдвое, в Псковской — на 45,3, в Новгородской — на 43,2%, а в Ферганской, Сурхандарьинской, Андижанской и Бухарской областях Узбекской ССР и большинстве областей других республик Средней Азии сельское население увеличилось в 1,7—2,0 раза³¹.

³¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 1, с. 10—21; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 4—11.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ

Данные о современном уровне образования населения свидетельствуют об огромных успехах нашей страны в развитии культуры. В СССР практически ликвидирована неграмотность — в 1979 г. среди жителей в возрасте 9—49 лет неграмотных оказалось всего 0,2%.

Первые данные о проценте грамотных в нашей стране были получены после проведения переписи 1897 г. Тогда грамотных оказалось лишь 28,4% населения (40,3% среди мужчин и 16,6% среди женщин)³². Еще ниже был уровень грамотности среди сельских жителей — в среднем 23,8% (35,5% у мужчин и 12,5% у женщин). Почти поголовно неграмотным было коренное население Средней Азии, Крайнего Севера и других окраин царской России.

Уже в первые годы Советской власти в результате развертывания культурной революции доля неграмотных существенно уменьшилась. Так, к 1926 г. процент грамотных по сравнению с 1897 г. увеличился вдвое, а среди женщин — в 2,6 раза. Перед Отечественной войной процент неграмотных составлял уже 12,6, в 1959 г. — 1,5, а в 1970 г. — только 0,3. Сейчас неграмотные — это преимущественно лица, не имевшие возможности посещать школу по причине физических недостатков или хронических заболеваний³³.

Научно-техническая революция вызывает необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. В 1978/79 учебном году в СССР различными видами обучения было охвачено 98 245 тыс. человек — 37,4% всего населения. Быстро растет число обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях. По сравнению с довоенным временем численность обучающихся в высших учебных заведениях увеличилась в 6,3 раза, а в средних специальных учебных заведениях — в 4,8 раза³⁴. В нашей стране осуществлено всеобщее обязательное среднее образование.

С каждым годом растет контингент лиц, имеющих высшее и среднее образование. За 9 лет, с 1970 по 1979 г., число лиц с высшим или средним образованием³⁵ увеличилось на 44%, а с законченным высшим — на 78,8%. Среди работающего населения сейчас каждый десятый имеет законченное высшее образование (в 1970 г. — 6,5%). В 1979 г. на каждую тысячу жителей в возрасте 10 лет и старше 638 человек имели высшее или среднее образование (среди работающего населения эта цифра достигает 805). Характерно, что доля лиц, имеющих высшее или среднее образование, среди мужчин и женщин со временем сближается (соответственно 685 и 597 на 1000 человек 10 лет и старше в 1979 г.); у занятых же в народном хозяйстве мужчин и женщин она стала практически одинаковой (соответственно — 810 и 801)³⁶.

Отражая тенденции ликвидации существенных различий между городом и деревней на этапе развитого социализма, постепенно сближается уровень образования городских и сельских жителей. Как известно, этот уровень всегда был намного ниже на селе. В 1939 г. в сельской местности на 1000 человек 10 лет и старше приходилось 52 человека с высшим и средним образованием (в 4,2 раза меньше, чем в городах) и лишь 2 человека с высшим образованием (в 9,5 раза меньше, чем в городах).

³² Все данные о грамотности даются для лиц в возрасте 9—49 лет.

³³ Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 55; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 18.

³⁴ Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 465.

³⁵ Здесь и в дальнейшем имеется в виду как полное, так и неполное среднее образование.

³⁶ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 19, 20.

Уровень образования населения союзных республик *

	На 1000 человек (в возрасте 10 лет и старше) приходилось лиц с высшим или средним образованием			Увеличение по сравнению с 1959 г. (в %)	
	19 9 г.	1970 г.	1979 г.	в 1970 г.	в 1979 г.
СССР	361	483	638	133,8	176,7
РСФСР	361	489	645	135,5	178,7
Украинская ССР	373	494	630	132,4	168,9
Белорусская ССР	304	440	594	144,7	195,4
Узбекская ССР	354	458	639	129,4	180,5
Казахская ССР	347	468	633	134,9	182,4
Грузинская ССР	448	554	698	123,7	155,8
Азербайджанская ССР	400	471	652	117,8	163,0
Литовская ССР	232	382	558	164,7	240,5
Молдавская ССР	264	397	572	150,4	216,7
Латвийская ССР	431	517	642	120,0	149,0
Киргизская ССР	342	452	614	132,2	179,5
Таджикская ССР	325	420	578	129,2	177,8
Армянская ССР	445	516	713	116,0	160,2
Туркменская ССР	387	475	620	122,7	160,2
Эстонская ССР	386	506	630	131,1	163,2

* Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с 21, 22.

К 1979 г. доля лиц, имеющих высшее или среднее образование, увеличилась в сельской местности в 9,5 раза, а лиц с высшим образованием — в 12,5 раза; в настоящее время в сельской местности на каждую 1000 жителей приходится 492 человека с высшим или средним образованием (в городах — 723) и 25 человек с высшим образованием (в городах — 93)³⁷. Таким образом, различие в уровне образования городских и сельских жителей постепенно сглаживается, хотя по числу лиц, имеющих высшее образование, сельская местность продолжает еще отставать.

За годы Советской власти и особенно в период зрелого социализма резко возрос образовательный уровень населения ранее отсталых национальных районов страны. Изменения уровня образования по союзным республикам показаны в таблице 11.

В большинстве автономных республик образовательный уровень выше или равен среднесоюзному показателю. Особенно высок этот показатель в Коми, Якутской, Аджарской, Абхазской, Карельской, Северо-Осетинской и Бурятской АССР. Следует отметить, что еще в 1939 г. образовательный уровень во всех республиках Средней Азии был в 2,0—2,5 раза ниже, чем в среднем по стране³⁸.

В настоящее время в СССР подготовлены многочисленные квалифицированные кадры для разных отраслей экономики, науки и культуры. Высокого образовательного и культурно-технического уровня достигли как мужчины, так и женщины, как городские, так и сельские жители, как народы центральных районов, так и народы ранее отстававших национальных окраин.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РОДНОЙ ЯЗЫК

Советский Союз — одно из самых многонациональных государств мира; его населяют свыше 100 народов, говорящих на языках различных лингвистических групп. До Октябрьской революции народы России на-

³⁷ Там же, с. 21.

³⁸ Там же, с. 22; Народное хозяйство СССР за 60 лет, с. 57, 58.

ходились на разных ступенях социально-экономического развития: если у малых народов Севера преобладал еще родо-племенной быт, то у крупных народов европейской части страны господствовали уже развитые капиталистические отношения. Революция положила начало коренным социальным, экономическим и культурно-бытовым преобразованиям. Была перестроена социальная структура общества — ликвидированы сословно-классовые привилегии и частная собственность на средства производства, преодолена замкнутость и культурная разобщенность отдельных социальных слоев.

Индустриализация страны и рост крупных городов, образование национальных автономий, постоянная экономическая и культурная помощь отсталым ранее народам привели к ликвидации экономической и культурной отсталости и к выравниванию уровней развития отдельных народов.

Для национального развития народов Советского Союза характерны две основные тенденции: расцвет и сближение социалистических наций в ходе строительства социализма. Темпы сближения все более ускоряются. Этот процесс сопровождается широким развитием двуязычия и возрастанием роли русского языка в качестве языка межнационального общения. Практическое осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы между народами — одно из самых крупных завоеваний социализма. За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ.

Отмеченные тенденции, однако, не означают прекращения действия факторов, связанных с национальным самосознанием людей, их языково-культурными и другими различиями; эти факторы играли и еще длительного время будут играть важную роль в жизни нашего многонационального государства. В связи с таким положением учет национальной и языковой принадлежности населения и изучение национальных процессов имеют первостепенное научное и практическое значение. В частности, трудно переоценить значение анализа этноязыковой ситуации для развития культурного строительства в СССР.

Этим объясняется то обстоятельство, что все советские переписи включали в число своих основных задач определение национального и языкового состава населения. В переписи 1979 г., как и в предыдущих переписях, определение национальной принадлежности опрошиваемых основывалось на их самосознании и осуществлялось постановкой прямого вопроса о национальности. Национальность детей определялась родителями; лишь в случаях, когда отец и мать принадлежали к разным национальностям и затруднялись сами назвать национальность своих детей, рекомендовалось отдавать предпочтение национальности матери. Языковой состав населения определялся постановкой вопроса о родном языке. Если опрошиваемый затруднялся назвать какой-либо язык родным, то в анкете записывался язык, которым он лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье. За родной язык для детей, еще не умеющих говорить, при переписи принимался язык, на котором обычно разговаривают в семье. Определялся также второй язык народов СССР, которым свободно владеет опрошиваемый.

Сопоставление материалов последних трех переписей СССР показывает, что национальный и языковой состав населения нашей страны претерпевает значительные изменения. Однако эти изменения касаются лишь численного соотношения разных народов, а также соотношений между национальностями и соответствующим им родным языком. Характерные для первых двух десятилетий Советской власти интенсивные

Динамика численности народов, образующих союзные республики *

	Численность в тыс. чел. по данным переписей			В 1979 г. в % к		Среднегодовые темпы роста численности (в %)	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1959—1979 гг.	1970—1979 гг.
Русские	114 114	129 015	137 397	120,4	106,5	9,3	7,0
Украинцы	37 253	40 753	42 347	113,7	103,9	6,4	4,2
Узбеки	6 015	9 195	12 456	207,1	135,5	37,0	34,3
Белорусы	7 913	9 052	9 463	119,6	104,5	9,0	4,9
Казахи	3 622	5 299	6 556	181,0	123,7	30,1	27,9
Азербайджанцы	2 940	4 380	5 477	186,3	125,0	31,6	25,1
Армяне	2 787	3 559	4 151	148,9	116,6	20,1	17,2
Грузины	2 692	3 245	3 571	132,7	110,0	14,3	10,7
Молдаване	2 214	2 698	2 968	134,1	110,0	14,8	10,7
Таджики	1 397	2 136	2 898	207,4	135,7	37,1	34,5
Литовцы	2 326	2 665	2 851	122,6	107,0	10,6	7,6
Туркмены	1 002	1 525	2 028	202,4	133,0	35,9	32,1
Киргизы	969	1 452	1 906	196,7	131,3	34,4	30,7
Латыши	1 400	1 430	1 439	102,8	100,6	1,4	0,7
Эстонцы	989	1 007	1 020	103,1	101,3	1,6	1,5

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., с. 9—11; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23—26.

этноконсолидационные процессы, приводившие к сокращению общего числа народов³⁹, сейчас уже не играют существенной роли.

В опубликованных данных переписи 1979 г. выделено 92 народа, насчитывающих более 10 тыс. человек каждый⁴⁰, кроме того, еще ряд более малочисленных народов включен в графу «другие национальности».

Для детального рассмотрения изменений численности народов целесообразно данные обо всех народах, выделенных переписью 1979 г., сгруппировать в три таблицы (см. табл. 12—14).

Из приведенных данных видно, что с 1959 по 1979 г. при общем росте населения страны на 25,7% более чем вдвое выросла численность таджиков, узбеков, туркмен, а также дунган, уйгуров и турок; на 75—100% — киргизов, азербайджанцев, казахов, чеченцев, ингушей, каракалпаков, народностей Дагестана, курдов и татов; на 50—75% — кабардинцев, тувинцев, карачаевцев, балкарцев, черкесов и цыган; на 25—50% — армян, молдаван, грузин, якутов, абхазов, бурят, калмыков, башкир, адыгейцев, алтайцев, осетин, татар, персов, абазин и гагаузов; на 10—25% — литовцев, русских, белорусов, украинцев, хакасов, марийцев, народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока, чувашей, удмуртов, коми и коми-пермяков, корейцев, румын, немцев, ассирийцев, болгар, греков и венгров; менее чем на 10% — эстонцев, латышей и шорцев. Численность мордвы, карелов, евреев, поляков и финнов уменьшилась.

В период между двумя последними переписями темпы прироста сократились практически у всех народов страны. Однако это сокращение быстрее происходит у народов с имевшим место и ранее низким приростом и медленнее — у народов с высоким приростом. Так, темпы сред-

³⁹ При разработке материалов переписи 1926 г. получили отражение 194 этнических наименования, перепись же 1959 г. выявила только 109 этнических единиц (Всесоюзная перепись населения 1927 г., т. XVII. М., 1929, с. 8—13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., с. 184—189).

⁴⁰ Опубликованы лишь данные о малых народах Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Дагестана, численность которых менее 10 тыс. человек (Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23—26).

Таблица 13

Динамика численности основных народов, образующих автономные республики, автономные области и автономные округа *

	Численность в тыс. чел. по данным переписей			В 1979 г. в % к	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.
Татары	4968	5931	6317	127,2	106,5
Евреи	2268	2151	1811	79,9	84,2
Чуваши	1470	1694	1751	119,1	103,4
Народности Дагестана	945	1365	1657	175,3	121,4
Башкиры	989	1240	1371	138,6	110,6
Мордва	1285	1263	1192	92,8	94,4
Чеченцы	419	613	756	180,4	123,3
Удмурты	625	704	714	114,2	101,4
Марийцы	504	599	622	123,4	103,8
Осетины	413	488	542	131,2	111,1
Коми и коми-пермяки	431	475	478	110,9	100,6
Буряты	253	315	353	139,5	142,1
Якуты	233	296	328	140,8	110,8
Кабардинцы	204	280	322	157,8	145,0
Каракалпаки	173	236	303	175,1	128,4
Ингуши	106	158	186	175,5	117,7
Тувинцы	100	139	166	166,0	119,4
Народности Севера, Сибири и Дальнего Востока	130	153	158	121,5	103,3
Калмыки	106	137	147	138,7	107,3
Карелы	167	146	138	82,6	94,5
Карачаевцы	81	113	131	161,7	115,9
Адыгейцы	80	100	109	136,3	109,0
Абхазы	65	83	91	140,0	109,6
Хакасы	57	67	71	124,6	106,0
Балкарцы	42	60	66	157,1	110,0
Алтайцы	45	56	60	133,3	107,1
Черкесы	30	40	46	153,3	115,0

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., с. 9—11; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23—26.

негодного прироста в 1970—1979 гг. (по сравнению с 1959—1970 гг.) у среднеазиатских народов сократились на 13,8 (с 39,1 до 33,7‰), а у русских — 38,1 (с 11,3 до 7‰), белорусов почти в 2,0 раза, украинцев — на одну треть (при сокращении среднегодовых темпов прироста в среднем по стране на 31,3% — с 13,4 до 9,2‰). Показатели темпов среднегодового прироста, несмотря на происшедшее в последнее десятилетие некоторое снижение, у народов Средней Азии настолько высоки, что в мире трудно найти значительные этнические группы населения, для которых был бы характерен такой высокий прирост.

В результате различий в приросте изменился удельный вес отдельных народов в населении страны (см. табл. 15).

Изменился также удельный вес народов, принадлежащих к различным лингвистическим группам. Так, доля народов славянской группы снизилась с 77,1% в 1959 г. до 74,6 в 1970 г. и 72,8% в 1979 г., а доля народов тюркской группы, наоборот, возросла соответственно с 11,1% до 13,4 и 15,2%.

Причины, обуславливающие разницу в численности народов, весьма многообразны. Важнейшими из них являются: неодинаковый естественный прирост у разных народов (который фактически сводится к разному уровню рождаемости, так как различия в уровне смертности у подавляю-

Таблица 14

Динамика численности народов, не образующих национальных автономий *

Народ	Численность в тыс. чел. по данным переписей			В 1979 г. в % к	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.
Немцы	1620	1846	1936	119,5	104,9
Поляки	1380	1167	1151	83,4	98,6
Корейцы	314	357	389	123,9	109,0
Болгары	324	351	361	111,4	102,8
Греки	309	337	344	111,3	102,1
Уйгуры	95	173	211	222,1	122,0
Цыгане	132	175	209	158,3	119,4
Гагаузы	124	157	173	139,5	110,2
Венгры	155	166	171	110,3	103,0
Румыны	106	119	129	121,7	108,4
Курды	59	89	116	196,6	130,3
Турки	35	79	93	265,7	117,7
Финны	93	85	77	82,8	90,6
Дунгане	22	39	52	236,4	133,3
Персы	21	28	31	147,6	110,7
Абазинцы	20	25	29	145,0	116,0
Ассирийцы	22	24	25	113,6	104,2
Таты	11	17	22	200,0	129,4
Шорцы	15	16	16	106,7	100,0

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., с 9-11; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23-26.

Таблица 1

Удельный вес народов в населении страны

Народ или группа народов	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Русские	54,7	53,4	52,4
Украинцы	17,8	16,9	16,2
Белорусы	3,8	3,7	3,6
Народы Прибалтики	2,3	2,1	2,1
Народы Поволжья	4,9	4,9	4,8
Народы Кавказа	5,2	6,1	6,6
Народы Средней Азии и Казахстана	6,5	8,5	10,3
Другие народы	4,8	4,4	4,0

щего большинства народов страны невелики) и процессы растворения разнородных этнических групп в инонациональной среде. В советское время эти процессы потеряли прежний противоречивый характер и являются естественным результатом тесных экономических и культурных связей. Ими затронуты прежде всего группы, имеющие разбросанный характер расселения или оторвавшиеся от основного этнического массива и живущие в окружении других народов. Особенно быстро они протекают в городах, где чаще встречаются межнациональные браки и скорее происходит переход с одного языка на другой.

Процессы растворения в инонациональной среде существенно повлияли на динамику численности некоторых народов Поволжья и европейского Севера (в первую очередь мордвы, удмуртов, карелов, финнов, коми и коми-пермяков), а также евреев и поляков. Это те народы, для которых характерно особенно сильное смешение с другими этносами,

Таблица 16

Удельный вес крупнейших народов *
(в % к населению союзных республик)

	1959 г.				1979 г.			
	коренной народ	русские	украинцы	наиболее крупный из остальных народов **	коренной народ	русские	украинцы	наиболее крупный из остальных народов **
РСФСР	83,3		2,9	3,5	82,6		2,7	3,6
Украинская ССР	76,8	16,9		2,0	73,6	21,1		1,3
Белорусская ССР	81,1	8,2	1,7	6,7	79,4	11,9	2,4	4,2
Узбекская ССР	61,1	13,5	1,1	5,4	68,7	10,8	0,7	4,2
Казахская ССР	29,8	43,2	8,3	2,1	36,0	40,8	6,1	2,1
Грузинская ССР	64,3	10,1	1,3	11,0	68,8	7,4	0,9	9,0
Азербайджанская ССР	67,5	13,6	0,7	12,0	78,1	7,9		7,9
Литовская ССР	79,3	8,5	0,7	8,5	80,0	8,9	0,9	7,3
Молдавская ССР	65,4	10,2	14,6	3,3	63,9	12,8	14,2	3,5
Латвийская ССР	62,0	26,6	1,4	2,9	53,7	32,8	2,7	4,5
Киргизская ССР	40,5	30,2	6,6	10,6	47,9	25,9	3,1	12,1
Таджикская ССР	53,1	13,3	1,4	23,0	58,8	10,4	0,9	22,9
Армянская ССР	88,0	3,2	0,3	6,1	89,7	2,3		5,3
Туркменская ССР	60,9	17,3	1,4	8,3	68,4	12,6	1,3	8,5
Эстонская ССР	74,6	20,1	1,3	1,4	64,7	27,9	2,5	1,6

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., с. 12-15; Население СССР по Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 27-30.

** Для РСФСР, Узбекской и Казахской ССР — татары; Украинской ССР — евреи; Белорусской и Литовской ССР — поляки; Грузинской, Азербайджанской ССР — армяне; Молдавской ССР — гагаузы; Латвийской ССР — белорусы; Киргизской, Таджикской, Туркменской ССР — узбеки; Армянской ССР — азербайджанцы; Эстонской ССР — белорусы.

главным образом соседними. Не случайно численно меньше всего выросли или даже сократились народы, у которых наблюдается наименьший процент лиц, считающих родным языком язык своей национальности, и наибольший процент лиц, свободно владеющих вторым языком народов СССР.

Неодинаковый прирост, наблюдаемый у различных народов, и в меньшей степени миграция населения привели к некоторому изменению национального состава союзных республик. Этот состав в обобщенном виде отражен в таблице 16, где приведен материал о трех крупнейших народах каждой республики: коренном народе, русских, украинцах и наиболее крупном из остальных народов.

В связи с тем, что русские составляют важный компонент населения во всех республиках, интересно проанализировать, как менялась их численность в каждой из них. Из таблицы 17 видно, что численность русских немного уменьшилась в Грузии и Азербайджане. Во всех же остальных республиках (кроме РСФСР) она возросла намного больше, чем это можно было ожидать, учитывая естественный прирост этой нации. Если условно принять ее прирост одинаковым для всех республик и не учитывать действия других факторов, то окажется, что за 20 лет 1,8 млн. русских переехали в Среднюю Азию и Казахстан, почти 2 млн. — на Украину, более 300 тыс. — в Белоруссию, 300 тыс. — в Прибалтику. В действительности же эти цифры, по-видимому, несколько ниже, особенно для Средней Азии и Казахстана, в связи с тем, что в районах высокой рождаемости этот показатель повышается и у прибывающего населения (в миграционных процессах участвуют более молодые контингенты населения). Вполне вероятно, что и на Украину переехало меньше русских, чем получается по исчислению: ведь еще в 1959 г. свыше 2 млн. украин-

Таблица 17

Численность русских по союзным республикам*
(в тыс. человек)

	1959 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1959 г.
СССР	114 114	137 397	120,4
РСФСР	97 864	113 522	116,0
Украинская ССР	7 091	10 472	147,7
Белорусская ССР	680	1 134	171,8
Узбекская ССР	1 114	1 666	149,6
Казахская ССР	3 950	5 991	151,7
Грузинская ССР	408	372	91,2
Азербайджанская ССР	501	475	94,8
Литовская ССР	231	303	131,2
Молдавская ССР	293	506	172,2
Латвийская ССР	556	821	147,7
Киргизская ССР	624	912	146,2
Таджикская ССР	263	395	150,2
Армянская ССР	56	70	125,0
Туркменская ССР	263	349	132,7
Эстонская ССР	240	409	170,4

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., с. 12—15; Население СССР по Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 27—30.

цев на территории СССР указали своим родным языком русский, часть из них (или их детей) за прошедшее время могли сменить и свое национальное самосознание.

Несмотря на приток русских извне, их удельный вес сократился во всех республиках Средней Азии и Казахстане. Эта тенденция в еще большей мере проявляется в республиках Закавказья, куда притока русских не было. Во всех остальных республиках, где коренное население растет не очень быстрыми темпами, доля русских значительно увеличилась. Несколько уменьшился удельный вес русских в РСФСР.

В результате взаимодействия трех факторов (они названы в порядке значимости) — неодинакового уровня рождаемости, миграций населения и процессов растворения разнородных этнических элементов в национальной среде — в одних союзных республиках удельный вес коренных народов увеличился (республики Средней Азии и Закавказья, Казахстан, Литва), в других — уменьшился.

Численность каждой национальности в большинстве случаев близка к численности лиц, указавших в качестве родного языка, соответствующий этой национальности. 93,1% всего населения страны указали в переписных анкетах 1979 г. родным языком своей национальности⁴¹. Лиц, указавших в качестве родного языка язык другой национальности, оказалось 18,1 млн. человек. Из них 16,3 млн. назвали в качестве родного языка русский, другие — украинский, белорусский, татарский, грузинский, таджикский, узбекский и др. Всего при переписи 1979 г. родным назвали русский язык 153,5 млн. человек (при переписи 1970 г. — 141,8 млн.). Очень высок процент людей с родным языком своей национальности среди основных народов союзных республик — обычно он пре-

⁴¹ Следует подчеркнуть, что этот показатель лишь незначительно изменился за годы Советской власти. В 1926 г. он был равен 94,2%, в 1959 г. — 94,3 и в 1970 г. — 93,9% (Всесоюзная перепись населения 1927 г., с. 8—13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (СССР), с. 184—189; Население СССР по Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23—26).

вышает 95%. У армян, почти четверть которых живет за пределами своей республики, этот процент снижается до 90,7, а у белорусов и украинцев, язык которых близок к русскому — до 74,2 и 82,8 соответственно⁴².

Процент лиц с родным языком своей национальности среди основных народов автономных республик и автономных областей колеблется в больших пределах, однако, как правило, он все же достаточно высок (лишь среди башкир, карелов, мордвы и удмуртов число таких лиц составляет менее 80%). Совсем иное положение мы наблюдаем у народов, расселенных разбросанно. Среди евреев (лишь небольшая часть которых живет в Еврейской автономной области) считает родным язык своей национальности 14,2%, среди поляков — 29,1%, персов — 30,7, греков — 38%, финнов — 40,9% и т. д.

Кроме 16,3 млн. человек из числа нерусских народов, указавших при переписи в качестве родного русский язык, еще 61,3 млн. человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка (в 1970 г. — 41,9 млн. человек). Таким образом, 77,6 млн. человек, или 62,2% нерусского населения СССР, свободно владеют русским языком. Всего же русский язык хорошо знают 214,8 млн. человек, или 81,9% всего населения страны. Русский язык, ставший языком межнационального общения, играет важную роль в процессе сближения народов СССР. Овладение этим языком помогает всем народам страны приобщиться к достижениям передовой науки и культуры.

Наряду с русским в стране довольно широко распространены в качестве вторых и другие языки народов СССР. О свободном владении этими языками сообщили 12,3 млн. человек — 4,7% населения страны; наиболее распространенными среди них являются украинский, белорусский, узбекский, татарский, молдавский, азербайджанский, таджикский, грузинский и другие языки⁴³.

* * *

Итоги переписи населения свидетельствуют об огромных успехах, достигнутых советским народом за последнее десятилетие. Ее материалы будут использованы для решения многих задач, стоящих перед нашей страной. Вместе с тем они подтвердили слова Л. И. Брежнева, сказанные им на XXV съезде КПСС о том, что «из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся за последнее время проблемы окружающей среды и народонаселения. Улучшение социалистического природопользования, разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»⁴⁴. Среди этих проблем в первую очередь необходимо отметить падение темпов естественного прироста населения в ряде районов страны, больше всего нуждающихся в трудовых ресурсах, быстрое сокращение численности сельского населения в одних районах и не менее быстрый рост его в других (хотя такой рост в ряде случаев и не вызывается экономическими соображениями), рост числа разводов, достигших 1/3 от общего числа заключаемых браков⁴⁵ и т. д. Опыт социалистического строительства в нашей стране показывает, что в условиях планового хозяйства и целенаправленной политики все эти проблемы могут быть решены в сравнительно короткие сроки.

⁴² Население СССР по Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 23—26.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 73.

⁴⁵ Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 28.

Н. К. БАЙБУЛАТОВ, М. М. БЛИЕВ, М. О. БУЗУРТАНОВ,
В. Б. ВИНОГРАДОВ, В. Г. ГАДЖИЕВ

ВХОЖДЕНИЕ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ *

Истоки нерушимого братства народов нашей страны уходят в те далекие времена, когда складывалось многонациональное Российское государство. Навеки связав свои судьбы с русским народом, народы Кавказа, в том числе и Чечено-Ингушетии, определили путь своего последующего развития.

Проблема вхождения Чечено-Ингушетии в состав России представляет большой научный и общественно-политический интерес. Она давно уже привлекает внимание историков. Но отнюдь не сразу ее освещение приобрело объективный характер. В литературе долгое время господствовало мнение, что присоединение Чечено-Ингушетии к России произошло насильственным путем, в результате так называемой Кавказской войны, т. е. подавления царизмом антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев в XIX в., события которой преимущественно и были в центре исследовательских интересов¹.

Со второй половины 50-х годов в связи с углублением изучения русско-чечено-ингушских взаимоотношений в более ранний период² появились работы, в которых «непосредственному», проводимому «насильственными методами» включению чеченцев и ингушей в XIX в. в состав России противопоставлялся предшествующий длительный мировой процесс добровольного сближения русских и горцев³.

В литературе была предпринята попытка провозгласить «официальными датами окончательного присоединения Чечено-Ингушетии к России» 1810 и 1895 гг. (первая — год «добровольного принятия ингушами русского подданства», вторая — год окончания «олустошительной и

* Статья представляет собой расширенный и доработанный текст доклада, прочитанного на научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» 2 октября 1979 г. (г. Грозный).

¹ См., напр., Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, тт. 1—4. СПб., 1871—1888; Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст. М., 1923; Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939; Фадеев А. В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. — «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. II, вып. 1. Грозный, 1960 и др.

² Фадеев А. В. Из истории русско-чеченских связей. — «Вестник Московского университета», 1959, № 1; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI — первой трети XVII в. М., 1963; Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI — начало XX века). — «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. III, вып. 1, 1963; Тавакаля Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России. — «Археолого-этнографический сборник», вып. 2. Грозный, 1968 и др.

³ Тавакаля Н. А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Автореф. докт. дис. М., 1972; Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России. — «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. IX, вып. 1, 1972 и др.

изнурительной войны» в Чечне)⁴. Но этот тезис не нашел широкого признания⁵, в том числе и среди сторонников двухэтапного (добровольного и принудительного) присоединения чеченцев и ингушей к России.

С дальнейшим расширением базы источников, активизацией исследовательских усилий и учетом опыта решения аналогичных проблем в соседних республиках и областях Кавказа стала выработываться концепция добровольного присоединения к России чеченцев и ингушей еще до событий XIX в., признания прогрессивных последствий мирного общения широких народных масс Чечено-Ингушетии и России вне зависимости от классовой политики правящих верхов. Ряд исследователей, опираясь на отдельные документальные источники, высказывали мнение о том, что вайнахи (собрательное название чеченцев и ингушей) добровольно присоединились к России уже к началу XIX в.⁶ Свое последовательное обоснование эта точка зрения получила лишь в последнее время.

Сначала была предложена и аргументирована общерегиональная периодизация истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI—60-х годах XIX в., включающая два основных этапа:

1) установление дружеских русско-кавказских связей и добровольное вхождение народов Кавказа в состав России;

2) утверждение на Кавказе военно-административного аппарата самодержавия и развертывание освободительной борьбы горцев, направленной против царизма и местных феодалов.

Русско-чечено-ингушские отношения на первом из этих этапов характеризовались по аналогии с русско-осетинскими отношениями: «Стремление избежать внешней опасности и установить торгово-экономические связи явилось основанием для присоединения к России народов... Осетии, Ингушетии и Чечни в 70—80-х годах XVIII века»⁷. Однако это правильное положение не было в то время должным образом раскрыто и конкретизировано. Отрывочность имевшихся в распоряжении исследователей документальных свидетельств о развитии русско-чечено-ингушских отношений в XVIII в. и недостаточное внимание к источникам XVI—XVII вв. ослабляли доказательность принципиально важного и верного вывода. И, хотя он нашел частичное отражение в ряде работ⁸, понадобились годы активных источниковых поисков и исследований для убедительного обоснования плодотворной идеи. В ходе такой работы историки все чаще стали подразумевать под понятием «вхождение Чечено-Ингушетии в состав России» не единовременный акт (невозможный в конкретных местных условиях), а длительный и постоянно прогрессирующий, добровольный в своей основе процесс.

⁴ См., напр., Тавакалян Н. А. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1. Грозный, 1967 и др.

⁵ См. отчет об обсуждении «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР» («История СССР», 1975, № 1).

⁶ Скитский Б. В. Назрановское возмущение 1858 года. Владикавказ, 1930, с. 1—2; Крупнов Е. И. К истории Ингушии.— «Вестник древней истории», 1939, вып. 2, с. 79; Гарданов В. К. Присоединение Северного Кавказа к России. В кн. Народы Кавказа, т. 1. М., 1960, 85—88; Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 29.

⁷ Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России.— «Вопросы истории», 1970, № 7, с. 51—53.

⁸ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 66; Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975, с. 50; Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ до 1917 года (Обзор литературы за 1971—1975 гг.).— «История СССР», 1977, № 3, с. 162; Гаджиев В. Г. Из истории великой дружбы. В сб. Вопросы истории Дагестана, т. 2, Махачкала, 1975, с. 16—18 и др.

Актуальность решаемой задачи наглядно проявилась на Всероссийской конференции по историографии истории народов Северного Кавказа и Дона в сентябре 1978 г. В ее материалах подчеркивалось: «В современной советской историографии вхождение нашего края в состав России интерпретируется как безусловно прогрессивное событие. Но очевидный урон перспективному осознанию всех сторон этого процесса наносят такие суждения, которые не разграничивают двух принципиально различных этапов — добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России и установление колониального режима, связывают „присоединение“ местного края к России с 1859 годом, то есть со временем окончания так называемой Кавказской войны. Это приводит к недооценке предшествующей мирной истории добровольного оформления русско-чечено-ингушского единства в составе России... и ставит разрешение кардинального вопроса в зависимости от привходящих, временных обстоятельств. В результате Чечено-Ингушетия противопоставляется соседним областям Кавказа. Задача историков состоит в том, чтобы верно и полно обрисовать картину вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, правильно разобраться в периодизации и содержании этого процесса...»⁹.

В ходе подготовки научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» были предприняты новые архивные изыскания, мобилизован весь комплекс уже известных источников, исходя из современного научного уровня кавказоведения дано толкование выявленным материалам, полученные выводы широко обсуждены специалистами¹⁰. В итоге стало возможным внести ясность во многие аспекты проблемы.

В истории русско-чечено-ингушских взаимоотношений и вхождения Чечено-Ингушетии в состав России можно выделить три основных этапа:

1) X — первая половина XVI в. — время первых, еще не регулярных контактов;

2) середина XVI—XVII в. — установление непосредственных политических, военных, культурных связей, отразивших складывающееся взаимное тяготение и начало процесса вхождения обществ Чечено-Ингушетии в состав России;

3) XVIII в. — дальнейший рост и углубление политических, военных, культурных, а вслед за тем широких торгово-экономических и социальных взаимоотношений; победа к середине XVIII в. русской ориентации у основной массы чеченцев и ингушей и фактическое оформление в 1762—1781 гг. их добровольного вхождения в состав России.

Необходимо подчеркнуть, что особенности длительного процесса вхождения чеченцев и ингушей в рамки всероссийской государственной структуры определились прежде всего спецификой социально-экономического уровня развития Чечено-Ингушетии, находившейся тогда на начальной стадии становления так называемого кавказского горского феодализма¹¹, при котором феодальные отношения в крае еще только прокладывали себе дорогу сквозь устойчивые традиции патриархально-родового строя. Чрезвычайная родо-племенная пестрота, раннефеодаль-

⁹ Власов А. В. Исторические исследования — на уровень современных требований. В кн. Истоки великой дружбы. Грозный, 1978, с. 10.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Методические указания для студентов Чечено-Ингушского государственного университета, изучающих курсы истории. Грозный, 1979, с. 3—15; Бузуртганов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навекы вместе. Грозный, 1980, с. 3—18.

¹¹ См. об этом: Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма. — Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 56—59.

ная и сельскохозяйственная разобщенность, усугубляемая существенной локальной неравномерностью социально-экономического развития, порождающей, в частности, противоречия между родственным населением равнинных и горных районов края; своеобразии местных экономических условий и форм эксплуатации, зачастую не связанных с землепользованием сельскохозяйственными угодьями; особая роль военных (защита, разбой) и управленческих функций нарождающейся вайнахской феодальной знати и противостоящие последней обычаи и нормы «общинного демократизма», специфика местного рабовладения, питаемого регулярным захватом пленных, — таковы некоторые черты генезиса феодализма у горцев Кавказа, в первую очередь у вайнахов. В условиях разложения военно-демократического в своей основе общества и протекал объективный процесс вхождения чеченцев и ингушей в состав России¹².

Справедливы суждения о том, что «включение в состав Российской империи оставило здешних „феодалов“ не у дел»¹³, что «феодализирующейся социальной верхушке горских обществ... была выгодна отчужденность горцев, которая оберегала вековую структуру сельских общин от изменений»¹⁴. Все это наряду с усиливавшейся властью религии и духовенства «тормозило общественно-экономическое развитие и тем самым препятствовало взаимному сближению горцев»¹⁵, замедляло и усложняло утверждение исторически прогрессивной ориентации на Россию.

Следует учитывать и внешнеполитические факторы: реакционную позицию султанской Турции, Крымского ханства и шахского Ирана, а также все более активно действовавших за их спиной Англии и Франции. Правительства этих стран, преследуя собственные корыстные цели, стремились посеять недоверие, вражду, ненависть между народами Северного Кавказа и Россией, делая ставку на консервативные элементы местного общества. Разжигание религиозных распри, военные провокации, безграничный фанатизм части клерикалов, корыстолюбие и беспринципность феодальных верхов — все это в существенной мере обусловило специфику развития процесса вхождения Чечено-Ингушетии и соседних с ней областей в состав России.

* * *

Первые контакты народов Чечено-Ингушетии с русскими относятся ко времени расцвета Древнерусского государства¹⁶. Сохранились свидетельства об эпизодических связях и в период монголо-татарского господства (XIII—XV вв.), а после его падения, не позднее первой половины XVI в. на берегах рек Сунжа и Терек рядом с чеченскими аулами

¹² Подробнее см.: Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — «История СССР», 1975, № 6, с. 44—53; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — «Советская этнография», 1978, № 2, с. 15—24; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 14—21; Виноградов В. Б. Некоторые проблемы генезиса феодализма на Центральном Кавказе. — «Вопросы истории», 1980, № 10.

¹³ Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 50.

¹⁴ Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 46.

¹⁵ Там же, с. 43.

¹⁶ Крупинов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, с. 46; Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1969; Магомедова Т. С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии. — «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. IX, ч. 2, вып. 1, 1972; Гриценко Н. П. Истоки дружбы, с. 12—20 и др.

возникают постоянные русские поселения. Русские письменные источники этого времени демонстрируют достаточную осведомленность в расстановке политических сил в крае, хорошее знание местности и этнографической ситуации в бассейне этих рек. Они отмечают неоднократное пребывание в золотоордынских кочевьях у подножья гор Чечено-Ингушетии русских князей, бояр, дружинников, летописцев, торговых людей. Растет и число археологических находок (предметы вооружения, монеты, украшения), свидетельствующих о давних связях местного населения с русскими и Русью. Чеченский и казачий фольклор в полном соответствии с памятниками материальной культуры сохранил воспоминания о добрососедском и дружеском обитании вольных русских переселенцев и горцев. Однако до середины XVI в. эти связи не оказывали заметного влияния на ход истории края.

С укреплением Русского централизованного государства, после присоединения Казанского и Астраханского ханств и выхода России к берегам Терека, а также в результате добровольного присоединения адыгских народов в 1557 г. взаимоотношения чеченцев и ингушей с русским народом стали более регулярными¹⁷.

С 1567 г. документально засвидетельствовано прямое общение Ушарома-мурзы — предводителя ококов (чеченцев, живших на равнине близ границ с Дагестаном) — с русским гарнизоном города-крепости в устье Сунжи, построенного по просьбе кавказцев. Ушаром-мурза верно выполнял обязательства союзника России и завещал сохранить эту верность своему сыну Шиху-мурзе¹⁸.

В 1588 г. Ших-мурза и подвластные ему ококи добровольно приняли русское подданство¹⁹. Тогда же с аналогичной просьбой к русским властям обратился и Султан-мурза, владелец ингушского селения в районе Дарьяла²⁰. Так было положено начало процессу вхождения народов Чечено-Ингушетии в состав России, что тогда же отразилось и в титулатуре русского царя.

Заметим, что тяга к России прежде всего появилась у обитателей равнинных земель бассейнов Сунжи и Дарьяла, более всего страдавших от турецко-крымской и иранской агрессии, от феодальной анархии, почти полностью исключавших возможность мирной жизни. Затем тенденция политического и военного сотрудничества спорадически проявлялась и в некоторых других частях Чечено-Ингушетии.

В середине XVII в. происходит ряд знаменательных событий. Во время московского посольства Ф. Волконского и А. Хватова в Грузию (1638 г.) активно содействовал проходу через горную Ингушетию «земли своей владелец Хавса»²¹. Длительные переговоры терских воевод с вайнахами-мичкизами, осложненные недавними действиями некоторых кабардинских князей, увенчались успехом в 1647 г., когда «выборные лучшие люди от всей Мичкизской земли» (юго-восточной Чечни),

¹⁷ Кушева Е. Н. Указ. соч.; Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Боцвадзе Т. Д. Указ. соч. и др.

¹⁸ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси. — «Вопросы истории», 1970, № 10, с. 216.

¹⁹ Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII вв. — «Археолого-этнографический сборник», вып. 4. Грозный, 1976, с. 181—187.

²⁰ Магомадова Т. С. Владелец Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях. — Материалы конференции Чечено-Ингушского гос. ун-та по итогам работы за 1974 год. Грозный, 1976, с. 62—63.

²¹ Исаева Т. А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке. В сб. Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. IX. Грозный, 1977, с. 99—101.

насчитывавшей 36 селений, принесли в Терском городе шерть (присягу) в подданстве России²². Одновременно устанавливались мирные отношения с чеченцами в районе Аргунского ущелья, где цепь локальных присяг и межземельных «договоров» завершилась поездкой в Москву посланцев «Шибутского джамаата» (общество Шатой). В сентябре 1658 г. они были приняты царем, а затем от имени своей общины присягнули на верность России в Успенском соборе Кремля²³. Тогда же грузинский царь Теймураз передал царю Алексею Михайловичу в устной форме челобитную о принятии в подданство трех братьев аварских мурз Турловых, установивших свой контроль в низовьях Аргуна «на земле на Чачане», в «Чеченовешской деревне», где обитали и вайнахи — выходцы из горной Чечни²⁴.

Все это служит подтверждением постепенно растущей русской ориентации среди чеченцев и ингушей. Даже в исключительно сложных для России условиях последней трети XVII в. русско-чечено-ингушские связи, хотя и сильно ослабли, но не прервались²⁵.

Оценивая в целом содержание складывавшихся русской-вайнахских отношений на этом этапе, следует выделить главную их особенность — союзно-оборонительный характер взаимных контактов.

С начала XVIII в. русско-чечено-ингушские отношения вступили в новую фазу развития²⁶.

Во время похода Петра I в Прикаспий были приняты в подданство равнинные чеченцы, находившиеся в зависимости от кумыкских и других владетелей. Грузинский царь Вахтанг VI в 1731 г. свидетельствовал, что «чачанцы... стоят под высокою протекциею» России²⁷, подразумевая под «чачанцами» прежде всего жителей округа Чечен-Аула. Однако по условиям Ганджинского договора с Ираном 1735 г. Россия была вынуждена перенести государственную границу вновь на Терек²⁸.

Это было время вторжения шаха Надира в Дагестан. Россия стала планомерно укреплять свои позиции на Тереке, где сосредоточивались необходимые для обороны границ войска, строились новые города (Киз-

²² Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке. (Документы). — «Ученые записки» Кабардино-Балкарского пед. ин-та, вып. 13. Нальчик, 1957, с. 83—84, 108.

²³ Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов. (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу). — «Советская этнография», 1978, № 6, с. 99—110.

²⁴ Там же, с. 106—107.

²⁵ Магомедова Т. С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI—XVII веках. В сб. Вопросы истории Чечено-Ингушетии, т. IX, с. 109—111; Исаева Т. А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII веке. Там же, с. 169—182.

²⁶ Возможность для более детальной их характеристики появилась лишь в последние 10—15 лет в связи с широким привлечением ранее неизвестных архивных данных. См. Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.). — «Известия» Северо-Осетинского НИИ, т. 25 (история). Орджоникидзе, 1966, с. 154—160; Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, т. I—II. Тбилиси, 1968—1977; Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России, с. 98—111; Русско-осетинские отношения в XVIII веке, т. 1, 1742—1762 гг. Сб. док. Орджоникидзе, 1976, с. 393—451; Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений. Сб. Вопросы истории Дагестана, т. 2, с. 295—300; его же. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1977; Гаджиев В. Г. Архив кизлярского коменданта. — «Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов н/Д, 1978, № 2, с. 8—10 и др.

²⁷ АВПР, ф. 110, оп. 1, 1731 г., д. 1, л. 18.

²⁸ См. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год, ч. I. СПб., 1869, с. 223.

ляр, Моздок)²⁹ с многонациональным населением. Для чеченцев и ингушей покровительство России и укрепление связей с ней стало жизненной необходимостью. К середине XVIII в. окончательно определяется русская ориентация горцев, а русско-чечено-ингушские отношения приобретают систематический характер: отныне они не ограничиваются только сферой военно-политических контактов, а включают и область торгово-экономических, социально-культурных связей.

Постоянные русско-вайнахские торговые отношения стали налаживаться с возникновением Кизляра. В начале 1738 г. кизлярский комендант писал о регулярном привозе в «гребенские городки из горских разных мест для продажи бурок, шерсти, бумаги и прочего шерстяного, которое в городах и продают»³⁰. Документы последующих лет рисуют картину все более активных торговых связей между чеченцами, ингушами, гребенскими и терскими казаками и Кизляром³¹. Торговля с русскими давала горцам необходимые изделия для труда и быта (гвозди, медные котлы, топоры, ножины, иглы, булавки, зеркала, замки и др.).

Основывая на Тереке новые города, российская администрация учитывала и местные природные богатства, возможность развития экономики края. Так, в связи с заселением урочища Моздок обсуждались планы разработки в «кизлярском крае неоднократно примеченных в тамошних горах изобильных дорогих металлов» и подчеркивалось: «сверх того и от тамошнего плодородия земли также пользы ожидать можно». Проводились в жизнь экономические меры для привлечения и поддержки «выходящих на поселение горских народов»³².

Следует особо отметить, что строительство и укрепление российских городов в крае соответствовало насущным интересам угнетенных слоев вайнахского населения. Многочисленные факты свидетельствуют, что в этот период одной из действенных форм сопротивления чеченского крестьянства феодальной эксплуатации являлся уход в русские города и казачьи станицы на Тереке³³. С другой стороны, с середины XVIII в. стало уделяться особое внимание предоставлению аманатам (заложникам) возможностей широкого «общения с россиянами», обучению русскому языку, «грамоте российской и татарской»³⁴. Все это способствовало дальнейшему развитию русско-вайнахских взаимосвязей³⁵.

Процесс укрепления взаимовыгодных добрососедских отношений не могли нарушить случившиеся иной раз трения и столкновения, как правило, провоцируемые местными феодально-исламскими верхами, политикой самодержавия и его администрации на Кавказе.

²⁹ Гарданов В. К. Исторический очерк. В кн. Народы Кавказа, т. 1. М., 1970, с. 84—85.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 3946, л. 23 об.

³¹ Анализ источников см.: Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 155—158; Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в.— «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит., т. IX, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 65—69; Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1977, с. 60—66; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 7—10.

³² Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 1—5.

³³ Ахмадов Ш. Б. Указ. соч., с. 70—71; Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и речкой Курой находящихся». М., 1979, с. 63.

³⁴ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 157, 268, 438.

³⁵ См. Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их влияние друг на друга.— «Археолого-этнографический сборник», вып. 3. Грозный, 1969, с. 146—159; его же. Истоки дружбы, с. 29—53; Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978, с. 106—132; Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978, с. 61—121; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 8—10.

Конкретные формы и проявления русско-чечено-ингушского «совместничества» нашли отражение в многочисленных источниках. Так, в 1743 г. «начальный чеченский владелец Айдамир верности службы за-свидетельствовал» России и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него³⁶. В 1747—1748 гг. в русское подданство вступили Герменчук, Чебутли (вероятно, Шибуты-Шатой), Шали, Алды и другие чеченские общества³⁷; их владельцам, а также 50 узденям было назначено постоянное жалованье³⁸. В 1756 г. «старшины и прочей народ» этих обществ «учинили присягу, просили, чтоб под протекцию России приняты были»³⁹. С 1756 г. настойчиво просят о принятии в подданство России многочисленные делегации ингушей, которые мотивировали свои действия, в частности, и тем, что «киштинцы, карабулатцы и чеченцы один народ», терпящий «крайние обиды и разорения» от кабардинских владельцев⁴⁰.

Описываемые события происходили в то время, когда Османская Порта, ведя подготовку к новой войне, усилила антирусскую деятельность на Северном Кавказе. Однако чеченцы и ингуши, как и другие народы Северного Кавказа, отвергли домогательства султана и его эмиссаров, отказали в поддержке протурецки настроенным феодалам и оказали посильную помощь России⁴¹. Все это наглядно свидетельствовало об устойчивости русской ориентации в массе чеченцев и ингушей.

Ингушские делегации, ходатайствуя о принятии «под протекцию» России, ссылались на пример некоторых чеченских обществ и добавляли: «чеченцы же с нашим народом имеют смежность и единый разговор»⁴². В свою очередь старшины крупных обществ Алды и Гехи заверяли, что от русской стороны «никаких себе разорений не видели и жили до сего времени в покое, чего и впредь желают...»⁴³. Равнинные чеченцы через своих старшин клялись во «всякой верности к Российской стороне», четко отделяли себя от тех, кто «какие-либо предерзости чинит», даже если это — их владельцы (князья), не раз нарушавшие взятые на себя обязательства. По свидетельству очевидцев, «бывшие в собрании при нас старшины признали сущую здешней стороны справедливость и сказали, что они Россиею весьма довольны...»⁴⁴.

Так подготавливалась почва для окончательного вхождения горских обществ края в состав России. В кратко охарактеризованных нами выше специфических местных условиях этнической пестроты (на территории Чечено-Ингушетии проживали многочисленные «племена», «колена» и общества трех народов — чеченцев, ингушей, карабулаков)⁴⁵, феодальной и сельскообщинной разобщенности⁴⁶ невозможен был единовремен-

³⁶ АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77—1, 1743 г., д. 3, л. 9.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 3378, ч. 44, л. 46; д. 3812, ч. 4, л. 31; д. 3372, лл. 1—2; ЦГВИА СССР, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 220 об.; Тотоев Ф. В. Указ. соч., с. 157—158; Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений, с. 295—300.

³⁸ ЦГВИА СССР, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 74.

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 409, л. 18; АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128—II, д. 1, лл. 886—887.

⁴⁰ См. Русско-осетинские отношения в XVIII веке, т. 1, с. 393—429.

⁴¹ Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в., с. 13; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 53.

⁴² АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128—II, д. 1, л. 887.

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 524, лл. 35—36 об.

⁴⁴ АВПР, ф. Кизлярские дела, оп. 115—1, 1766—1768 гг., д. б/н, лл. 11—24; АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115—1, 1770 г., д. 3, л. 13.

⁴⁵ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974, с. 142—192.

⁴⁶ Гриценко Н. П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии. — «Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1976, № 4, с. 12—16.

ный акт принятия всеми обществами российского подданства, т. е. одновременное включение всех чеченцев и ингушей в состав России. Но последовательное развитие мирных, основанных на взаимной заинтересованности общений обусловило единство их действий в этом вопросе.

Источники отразили и такой примечательный факт: во всех районах с вайнахским населением наибольшее тяготение к России, стремление к привятию российского подданства проявляли трудовые массы и среднее звено местной знати (старшины), а также традиционно не во всем полноправные кровнородственные и территориальные объединения, сильнее всего испытывавшие социальные лишения в тех конкретных исторических условиях. Активность этих слоев вайнахского общества привела к новому этапу русско-чечено-ингушских отношений.

Летом 1762 г. совершилось добровольное вхождение в состав Российского государства третьего по численности народа Чечено-Ингушетии — карабулаков. Их принятие в подданство России было проведено торжественно и широковещательно.

Подробную информацию об этих событиях содержит запись устного донесения «терского войска ротмистра Михаила Мансурова», произведенная в «кизлярской комендантской канцелярии» 26 июня 1762 г., по возвращении его после принятия присяги от карабулаков⁴⁷.

Уже по пути к карабулакам посланник России, направленный для официального оформления присяги, вручил ряду кумыжских и чеченских владельцев и старшин специальные письма кизлярского коменданта, извещавшие о принятии карабулаков в российское подданство. Своё «единогласное искреннее желание принятыми быть в верное российское подданство и быть бы во всяком защищении от неприятелей» карабулаки подтвердили на массовом сходе и при встрече 22 старшин, представивших восемь крупных местных фамилий, с посланцем России. Тогда же была подписана присяга к соглашению, причем присутствовавшие при церемонии карабулаки «весьма довольными себя показали».

В данном случае демонстрировался новый, существенно отличный от прежних ритуал принятия вайнахами российского подданства. Вместо «соглашений» с некоторыми представителями крупной феодальной знати или с посланцами отдельных кровнородственных групп и обществ на массовых, весьма представительных сходах горцев крупных сельских (соседских) общин или даже межобщинных союзов отныне принимались присяги. Это был важнейший шаг на пути этнической консолидации обособленных кровнородственных групп, формирования вайнахских народностей. Он был обусловлен не только всей суммой социально-экономических факторов, но и теми общими политическими и идеологическими задачами, которые решались вайнахами в связи с освоением равнинных земель и постепенным вовлечением их общественной системы в общероссийскую государственную структуру. Не случайно к этому времени относится устойчивое употребление в соответствующих документах формулировки «все старшины и народ», точно отражающей общенародный характер подобных акций. Со своей стороны Россия также стремилась придать особую значимость этим сходам, посылая на них наделённых реальными правами представителей и добиваясь участия в них влиятельных иноплеменных феодалов в качестве «поручителей».

Вхождение карабулаков в состав России было первой общественно-политической акцией такого типа и масштаба в Чечено-Ингушетии. За ней последовали и другие.

⁴⁷ См. Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России, с. 41—42; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 83—85.

В феврале 1770 г. завершился процесс добровольного вхождения в Россию ингушей. Положительное решение Правительствующего Сената в ответ на просьбы ингушских обществ последовало еще в 1757 г. и тогда же соответствующими указами доведено до сведения Коллегии иностранных дел и Астраханской губернской канцелярии⁴⁸. Но в силу ряда причин Россия в то время не имела возможности официально оформить ходатайства ингушей. С началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг., аннулировавшей ограничения Белградского договора, Россия смогла удовлетворить прошения ингушей⁴⁹.

16 февраля 1770 г. в Кизляр прибыли влиятельные ингушские старшины Чопанов и Мирзаханов, присланные от «всего народа и общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное подданство...» Кизлярский комендант Неймиш направил в Ингушетию архимандрита Порфирия, «которого оне (ингуши) хорошо знают и почитают» и «гусарского полка капитана Дегостодия» с поручением принять «тамошний народ в подданство»⁵⁰. В самой Ингушетии было сформировано авторитетное представительство из 24 старшин, действовавших от имени «всего киштинского народа». Они при большом стечении народа подписали соглашение и «от всех киштинских старшин и народов» «ко усердию и в подданство ея императорского величества присягали»⁵¹. Впоследствии (в 1772 г.) «главные киштинские старшины говорили самоперсонально: шли мы-де в подданство ея императорского величества не из принуждения, но самопроизвольно; в коим и ныне состоим непоколебимо...»⁵². Принимая в подданство ингушей, Россия брала обязательство обеспечить их внешнюю безопасность и содействовать переселению на равнины.

Одновременно с ингушами о принятии в российское подданство просили некоторые общества равнинной Чечни⁵³. Однако ситуация в Чечне, более населенной, обширной, раздробленной на многие десятки феодальных и сельскообщинных владений, была значительно сложнее. Сложившаяся здесь общенародная по существу ориентация на Россию больше, чем в других районах края, подвергалась испытанию происками корыстолюбивых чеченских феодальных верхов, межобщинными стычками. Это, а также особо рьяная пропаганда (в том числе и религиозная) внешних врагов русско-кавказского единства (прежде всего Османской Порты и Крымского ханства), жесткая политика царизма по отношению к местным народам несколько задержали развитие процесса вхождения населения преобладающей части края в состав России. В 1774 г., потерпев поражение в войне с Россией, на стороне которой сражались и военные отряды чеченцев и ингушей, Османская империя подписала Кючук-Кайнарджийский договор, по условиям которого султан окончательно признал включение Кабарды в состав России. В том же году добровольно присоединились и осетины⁵⁴. Заметно оживились связи с Дагестаном и Грузией⁵⁵.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1575, лл. 861 и об.; Русско-осетинские отношения..., с. 396—397.

⁴⁹ См. Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 85—87.

⁵⁰ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128—II, д. 1, л. 1224.

⁵¹ Там же, лл. 1226—1227.

⁵² Там же, д. 2, л. 2 об.

⁵³ Там же, ф. Кабардинские дела, оп. 115—I, 1770 г., д. 3, лл. 1, 9, 13; ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 807, л. 64 и об.

⁵⁴ Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959; его же. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970.

⁵⁵ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, с. 140—162; Боцвадзе Т. Д. Указ. соч., с. 41—76; Гамрекели В. Н. Указ. соч., с. 80—102.

После 1774 г. продолжается дальнейшее освоение (с ведома и согласия русской администрации) чеченцами и ингушами равнинных земель Терского бассейна и укрепление сложившихся отношений с чеченскими обществами в округе низовой Аргуна и Качкальковского хребта. На правом берегу Терека и вдоль Сунжи возникают крупные (до 400—500 дворов) селения, основанные переселившимися сюда чеченцами. В них постоянно вливаются выходцы обществ горной зоны края, известной в источниках под названием «Дальние Чечни». Жители равнин, по свидетельству современника — путешественника Штедера, сохраняли тесную связь с сородичами, оставшимися в горах. Тем самым идея принятия российского подданства проникает теперь практически во все (в том числе и высокогорные) общества Чечено-Ингушетии⁵⁶.

В 1778—1779 гг. по специальным соглашениям происходят массовые переселения алдинцев и гихинцев — крупных чеченских обществ — на контролируемые Россией равнинные земли. «Считаясь подданными российскими», они отныне «были охраняемы от аксайских владельцев, которые набегами не оставляли их в покое». В кабардинскую присягу 9 декабря 1779 г. по настоянию русской администрации были внесены пункты, запрещавшие князьям «пускаться в воровские промыслы» на чеченцев и «притеснять... по одному праву сильнейших» ингушей⁵⁷.

Накопленный опыт мирных, регулируемых Россией взаимоотношений, не только собственно русско-вайнахских, но и между другими кавказскими народами, настоятельно диктовал необходимость изменения самой процедуры их юридического оформления. Давняя традиция выработки конкретно-ситуационных документов заменялась развернутыми взаимными обязательствами, приобретающими типовой характер для всех обществ Чечни.

Таким исключительно важным документом нового типа на завершающем этапе длительного процесса мирного и добровольного вхождения чеченцев в состав России стало письменное определение конкретных условий подданства наиболее населенных, политически и экономически значимых сельских общин Чечни, объединявшихся вокруг крупнейших равнинных селений — Большой Чечен и Аджид-Аул. Соответствующий комплекс из трех взаимосвязанных документов лишь недавно привлек пристальное внимание специалистов.

Следует отметить, что частично содержание документов было известно еще П. Г. Буткову, который дал конспективное его изложение⁵⁸. Отдельные сведения этих источников использовали и современные историки⁵⁹. Но подлинное значение уникального для истории Чечено-Ингуше-

⁵⁶ См. ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, оп. 1, д. 1170, лл. 1—3; д. 594, л. 62; д. 3755, л. 83 об.; ЦГИА ГрузССР, ф. 7, оп. 8, д. 4, л. 1; ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, л. 127. См. также: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 62—63, 112; Материалы по истории Кавказского края, т. IV. СПб., 1877, с. 246—250; Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в., с. 178—187; Волкова Н. Г. Указ. соч., с. 178—193. Картографическое выражение этого процесса см.: Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 107, карта-схема В.

⁵⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 60, 62—63.

⁵⁸ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 62—63.

⁵⁹ Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России, с. 108; его же. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия, с. 32; Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. — «Известия» Чечено-Ингушского ин-та истор., яз. и лит. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, т. IX, ч. 3, вып. 1. Грозный, 1974, с. 71.

тии XVIII в. комплекса документов раскрылось лишь сейчас, когда он был полностью выявлен⁶⁰ и обработан.

Этот комплекс документов включает в себя подлинник рапорта на имя Г. А. Потемкина, подписанный кизлярским комендантом А. М. Куроедовым, тексты взаимных обязательств чеченцев и российской администрации, обусловливающих «вечное и верное подданство», и прошения-присяги чеченских и аджи-аульских «старшин и народа». Последние два документа (приложенные к рапорту Куроедова) представляют собой перевод с неизвестного подлинника.

В рапорте «из верных данных» отмечается давнее «повиновение» чеченцев России. Однако в первой части документа Куроедов весьма субъективно излагает события, когда, по его словам, «чеченские народы» в 1757 г. «вышли из должного повиновения своих владельцев» и после этого «совсем оказались противными российской стороне, и многие в разные времена воровские набеги чинили на казачьи станицы и отгоняли скот, пленяя людей». Действительно, когда в 1757 г. многие чеченские общества изгнали иноплеменных князей, пытавшихся усилить феодальный гнет, а российские власти решительно приняли сторону «потерпевших владельцев» и, подстрекаемые ими, предприняли в 1758 г. военные походы в глубь Чечни⁶¹, то с этого времени в крае начинается период ожесточенных междоусобиц, военных столкновений. Царская администрация попыталась было потом урегулировать многочисленные конфликты мирными средствами⁶². Но провокационные действия (включая и вооруженные набеги на казачьи станицы) таких владельцев, как Алисултан Хасбулатов, и части чеченских старшин в разгар русско-турецкой войны вновь накалили обстановку. В 1770 г. кизлярский комендант Медем предпринимает серию военных акций в Чечне⁶³, губительные последствия которых сказываются прежде всего на втянутых в конфликт рядовых чеченцах.

Столкновения (в том числе набеги с захватом скота и пленных) и взаимные обиды имели место и позднее. Они, конечно, не определяли складывавшуюся на местах обстановку, но нередко искусственно раздувались и, как правило, не получали объективной оценки со стороны официальных представителей царской администрации⁶⁴.

Кизлярский комендант Куроедов, вступивший в эту должность в 1779 г., в упомянутом рапорте Г. А. Потемкину приводит перечень мер, направленных на то, чтобы чеченский «народ возвратить от заблуждения и привести в точное повиновение и через то доставить здешнему краю

⁶⁰ ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, лл. 1—7. Публикацию документов с незначительными сокращениями см.: Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России, с. 43—47; Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 89—94.

⁶¹ Головачанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. — «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914, № 11, с. 113—120.

⁶² Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений, с. 297—300.

⁶³ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 300—302.

⁶⁴ Впрочем, бывали исключения. Когда, например, представитель царской администрации в Имеретии и Мегрелии Литвинов высказал мнение о якобы исконной склонности чеченского народа к набегам, то генерал Гудович возразил: «Господин Литвинов недовольное знание имеет... Случающиеся хищничества в отгоне скота не от черного народа происходят, а от владельцев, узденей и праздных холопов» (АКАК, т. 4, с. 3). Стоит напомнить и суждение Н. А. Смирнова о том, что «суровая и полная лишений жизнь в горах, недостаток в жизненно необходимых продуктах нередко вынуждали горцев... совершать набеги на соседней, на казачьи поселения и созданные царизмом укрепленные пункты. Такие набеги были... способом добывания средств к жизни» (Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе, с. 46). Нельзя сбрасывать со счетов и еще один момент: отгон чужого скота был порой знаком удачества подрастающей молодежи, весьма обычным по общественным представлениям эпохи.

спокойствие». Далее сообщается: «А в прошлом 1780 году троекратно от старшин присланы ко мне были письма о принятии их в подданство по-прежнему». Эти письма не удовлетворили нового кизлярского коменданта, искавшего более надежный способ оформления отношений. Учитывая уже имевшийся опыт, обратились к «торжественно учиняемой присяге», в которой чеченцы «все единодушно просили о принятии их в вечное подданство» и «обязались письменно, как им самим, так и их потомкам состоять вечно подданными ея императорского величества» (к рапорту и был приложен «с поданных на татарском диалекте обязательств, присяги перевод»).

Присяга, оформленная в данном случае на основе прошений от главных чеченских и аджи-аульских «старшин и народа», гласила: «Мы обещаемся и клянемся пресвятым алкораном, всемогущим богом и пророком Магометом в том, что будучи из древних лет подданными Всероссийскому престолу, хотя и присягали прежде... но отступали от должного повиновения, отлагаясь от подданства... Просим сами о принятии себя в вечное подданство... Хотим и должны служить вечно, верно и послушно... И пока живы пребудем мы и потомки наши, станем добровольно защищать ея Императорское величество и Отечество... И если бы против всякого чаяния предпринял бы кто что-либо противу Отечества... стараться таковое зло предупредить и в надлежащих местах о том заблаговременно объявлять. Самих же начинающих злодейства почитать собратиею вредных и недостойных извергов от рода человеческого...»

Текст присяги краток и во многом трафаретен. Но впервые в документе, исходящем от чеченцев, появляется понятие российского отечества, сынами которого они уже сознают себя. И впервые в практике взаимоотношений с Россией присяге-прошению сопутствует развернутый документ актового характера из 11 пунктов.

Он начинается с краткого введения, в котором сообщается, что «1781 года января 21 нижеподписавшиеся большие чеченские, аджи-аульские старшины и народ добровольно, чистосердечно, по самой лучшей совести» объявили о вступлении в подданство России «на нижеписанных правилах».

В первых двух пунктах четко сказано о вечном отныне подданстве «на всю жизнь нашу и потомков наших». Чеченцы, «прибегая под покровительство» России, заверяли в готовности «сохранять и защищать до последней капли крови, не жалея живота своего», ее интересы; обязались «врагов Отечества по повелениям истреблять и ни под каким видом дружбы и согласия с ними не иметь...»

В пунктах 3—5 определяются основы общественного устройства чеченцев, причем Россия должна была сохранить право руководствоваться «древними обычаями исправления общественных дел» и традиционными правами их «владельцев» и «старшин в деревнях», только лишь в конфликтных случаях («если между собой разбирательство по претензиям не были учинены») «испрашивая решения кизлярского коменданта».

Весьма важна замена денежной компенсацией («за убитого по сту, а раненому по пятидесяти рублей, не исключая и женского пола») существовавшего обычая кровной мести. Тут же подчеркнута: «Быть нам — старшинам и всему народу — с верноподданными кумыкским, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества и ни под каким видом неприятельских дел не начинать, какковые произойти могут».

Следующие три пункта (6—8) — самые пространные и наиболее «острые». В них приведены условия, на основе которых аннулировались

ранее возникавшие неурядицы между чеченцами, русскими и представителями других народов Притеречья. Здесь упомянуты и пресловутая «баранта» (набеги с целью захвата добычи), и военные нападения на поселения вдоль Терека, имевшие место вплоть до 1779 г., и порядок обмена пленными и беглецами «мужского и женского пола». Последний вопрос особенно важен для понимания сути трений, которые не раз омрачали в XVIII в. русско-чеченские отношения. Захват пленных из соседних (в том числе русских) селений, продажа их в рабство на чужбину или использование в качестве подневольных работников в собственном хозяйстве не только отвечали уровню социально-экономического развития самих горцев, но и постоянно поощрялись и культивировались на Северном Кавказе Османской Портой, Крымским ханством, шахским Ираном. Став традиционным источником обогащения феодальной верхушки горцев, регулярный угон людей резко обострял отношения с соседями и Россией.

В перечисленных пунктах излагается система мер по освобождению из рук горских налетчиков и перекупщиков «российских солдат, казаков и других людей... яко то грузины, армяне...». Ответный жест российской администрации таков: возвращать обратно «явившихся в российских границах» «холопов магометанского закона», бежавших от чеченских старшин. Это вскрывает истинных виновников конфликтных ситуаций — сельских и фамильных старшин, феодалов, обогатившихся за счет захвата и продажи пленных. Классовый характер заключенной сделки выразился и в следующем обязательстве чеченцев (особенно существенном для царских властей после событий Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева): «Нам же всех беглых верноподданных (России.— Авт.) всякого закона людей ни под каким видом не принимать и не держать, а ловить и представлять в Кизляр господину коменданту».

Чрезвычайно существенно содержание 9-го пункта. В нем нашли отражение жизненные интересы тех слоев чеченцев, которые искренне нуждались в мирном, охраняемом законами, взаимовыгодном общении с Россией: «...Позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие российские места. И никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных. А в случае каких происшедших обид по принесении жалобы, где бы то ни случилось, начальникам, особливо господину кизлярскому коменданту, чинить нам удовлетворение. Ежели же узнаем мы где в российских местах своих лошадей, скот, или у нас кто опознает, в таком случае по древним обычаям нашим оный отдавать бесспорно или показать настоящего вора».

Пункт 10-ый документа провозглашал готовность чеченцев представить в Кизляр аманатов «из первейших наших фамилий», которые, «переменяясь» через определенный срок, будут служить реальным «уверением нашей верной подданности».

В завершающем, 11-м пункте объявляется о «поручительстве» кумыкского князя Арсланбека Айдамирова (наиболее влиятельного в равнинной Чечне) «в ненарушении вовеки» взятых обязательств и доводится до сведения, что они утверждены в «присутствии лично его и присланного из Кизляра почтенного подпоручика Зорина». Последние фразы предельно выразительны: «Все сии пункты согласно и добровольно старшины и народ о содержании в совершенной верной и вечной подданности своеручно подписали печатями и пальцами, с клятвою перед алкораном утвердили».

Изложенный документ впервые достаточно полно и многосторонне сформулировал принципы, на которых чеченские сельские общины вхо-

дили в состав России. Он урегулировал назревшие вопросы, жизненно важные для политического объединения чеченских обществ, складывавшегося тогда вокруг ведущих сельских общин крупнейших плоскостных селений Чечен и Аджи-Аул.

Примечательно, что путешественник и исследователь академик И. Гюльденштедт за десять лет до этих событий называет «деревни» Чечен и Аджи-Аул самыми крупными и многонаселенными в Чечне, а в отношении «округа Чечен» замечает, что он включает в себя не менее 8 крупных селений и «нарочито обширен, причем под названием его обитателей чеченцев часто разумеют весь народ»⁶⁵.

Значение торжественного официального акта, состоявшегося в ауле Чечен 21 января 1781 г., для истории Чечено-Ингушетии огромно. Он подвел итог длительному процессу развития русско-вайнахских отношений. Завершение и документальное оформление длительных переговоров, проведенных главными чеченскими и аджи-аульскими старшинами, и сама церемония подписания документов были восприняты большинством вайнахов как общее урегулирование русско-чеченских отношений на условиях добровольного вхождения в состав России. Именно поэтому в течение того же 1781 г. появляется еще ряд обращений к российским властям практически всех значительных обществ Малой и Большой Чечни⁶⁶.

Согласно имеющимся источникам, в 1782 г. от всех (кроме одного) крупных чеченских селений прибыли в Кизляр аманаты⁶⁷. И в дальнейшем документы отмечают стабильное положение всех упоминавшихся выше «ныне уже подданных суть престолу ея императорского величества» чеченских, ингушских и карабулакских обществ⁶⁸. Пребывание чеченцев и ингушей в составе России оценивалось с тех пор современниками как очевидный факт.

Тем не менее в последующие годы не раз официально и подчас торжественно провозглашалось подданство России отдельных групп чеченцев и ингушей. В архивных делах сохранились стереотипно составленные присяги, которые можно оценить как «присяги верности»⁶⁹. Все они относятся к наиболее напряженному на Кавказе периоду: концу XVIII — первой половине XIX в. Горцы принимали в этом участие, стремясь добиться у российских властей решения насущных для них вопросов. В Чечено-Ингушетии «присяги верности», принесенные отдельными обществами, появляются в 1783 г.⁷⁰, но большей частью они связаны с движением под предводительством Ушурмы (Шейх-Мансура) 1785—1791 гг. Известны они и в 1799, 1807, 1810, 1811, 1829 гг. «Присяги верности» ни в коей мере нельзя считать актами присоединения к России, так как после 1781 г. в официальных подтверждениях подданства, как правило, продиктованных конкретными обстоятельствами, речь идет не о вхождении чеченцев и ингушей в состав России, а о сохранении ими «совершенного верноподданнического состояния» Российскому государству, его админи-

⁶⁵ Георги И. Г. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 годах. СПб., 1809, с. 79, 85—86.

⁶⁶ Публикацию фрагментов основных из них, а также соответствующие картографические данные и анализ источников см.: Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 94—99, 105—107.

⁶⁷ Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, с. 109.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275; ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, л. 366, лл. 13—14; Кавказский сборник, т. XIV, Тифлис, 1890, с. 43.

⁶⁹ Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России, с. 48—49.

⁷⁰ Подробнее см.: Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 74—77.

страции на Кавказе в случае обострения внешней и внутренней обстановки⁷¹.

Таким образом, 1781 год является той вехой, когда в основном завершился длительный и наиболее интенсивно проявившийся в 60—70-х годах XVIII в. процесс вхождения населения Чечено-Ингушетии в состав России. Итогом этого было заметное оживление многосторонних связей чеченцев и ингушей с великим русским народом, другими народами России, что существенно ускорило рост местной экономики и культуры⁷².

В дальнейшем, в XIX в. действия царского военно-административного аппарата, усиление великодержавного и феодального гнета стало одной из причин развертывания борьбы горцев Северного Кавказа против социального и национального гнета уже во внутритосударственных рамках. Последующие русско-чечено-ингушские отношения, вопреки реакционной политике царизма, несмотря на происки внешних врагов и действия местных феодально-исламских верхов, исторически дали прогрессивный результат. Отныне и навсегда население края оказалось связано судьбой с Россией — своей многонациональной Родиной.

⁷¹ В редчайших случаях позднейшие присяги принимали форму развернутых договорных документов, подобных соглашению 22 августа 1810 г. (см. АКАК, т. 4, с. 900—902), объявляемому некоторыми историками официальным актом присоединения всей Ингушетии к России. В действительности это событие коснулось лишь части ингушского населения — назрановцев, переселившихся на равнины из глубинных горных районов после 1781 г.

⁷² См. Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. В кн. Истоки великой дружбы. Грозный, 1978, с. 23—30.

М. А. РАХМАТУЛЛИН

ГЕНЕРАЛИССИМУС А. В. СУВОРОВ. ЕГО ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины, а более сего я не требую от того, кто почтет достойным трудиться обо мне, думать и писать.

А. В. Суворов

(«Отечественные записки», издаваемые Павлом Свиным, ч. 42. СПб., 1830, с. 231—232).

Каждый, кто обращается к этой теме, неизбежно сталкивается с двумя главными трудностями — наличием огромной литературы о Суворове, созданной усилиями многих поколений дореволюционных и советских авторов, а также обилием опубликованного документального материала, в котором почти детально отразилась насыщенная богатыми событиями жизнь великого полководца¹. Не имея возможности дать здесь оценку и малой части литературы о Суворове, особо отметим пятитомное фундаментальное исследование Д. А. Милютин², которым, как справедливо принято считать, было положено начало научному изучению теоретического наследия и практического опыта великого полководца, а также капитальный труд одного из первых биографов А. В. Суворова — А. Ф. Петрушевского³. Обе названные работы отличаются полнотой и добросовестностью изложения событий, связанных с жизнью и деятельностью Суворова, а также обстоятельностью авторских суждений. Правда, несколько слабее на общем фоне выглядят военно-теоретические части исследований (в большей мере это относится к труду А. Ф. Петрушевского), но этот недостаток компенсируется богатством фактического материала.

В данной статье автор попытался охарактеризовать основные, наиболее существенные стороны полководческого искусства Суворова, принесшего славу русскому оружию и обусловившего его громкие победы на поле брани над не менее искусственными противниками.

¹ Наиболее полную на сегодняшний день публикацию суворовских документов см.: А. В. Суворов. Документы, т. I. М., 1949; т. II. М., 1951; т. III. М., 1952; т. IV. М., 1953 (далее — Документы).

² Милютин Д. А. История войны России с Францией в 1799 году, тт. 1—5. СПб., 1852—1853.

³ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов (далее — Петрушевский А. Ф.), тт. 1—3. СПб., 1884; перераб. изд. 2 (в одном томе). СПб., 1900.

* * *

Можно объяснить капризом случая, что на Суворова еще в раннем детстве обратил внимание один из ближайших сподвижников Петра I, его питомец Абрам Ганнибал (знаменитый пушкинский «арап Петра Великого»), но вернее, пожалуй, будет считать иначе: в том, что заметил исключительные способности 11-летнего мальчика к военному делу, посоветовал не препятствовать его увлечению и предсказал не по летам серьезному и начитанному подростку великое будущее именно один из «птенцов» славного «Петрова гнезда», проявилась известная закономерность — сам Петр и его соратники по преобразованию России обладали особым даром распознавать истинный талант, настоящее жизненное призвание человека, действительную меру его способностей. Но и Ганнибал не мог предполагать, каких вершин воинского искусства достигнет Александр Суворов. Мировая история по существу не знала другого примера, когда бы военачальник за свою долгую жизнь, большей частью проведенную в боях и походах, не проиграл ни одного сражения. При этом Суворов никогда не искал легких побед: из нескольких десятков больших и малых сражений, которые дал полководец, он лишь в двух-трех располагал превосходящими силами над противником.

Величие Суворова предстанет рельефнее, если учесть, что вся его полководческая деятельность пришлось на период окончательного утверждения деспотизма в России, когда абсолютистский режим, крепостнические порядки, слепое преклонение перед Западом и в области военной мысли существенно тормозили развитие национального военного искусства. Однако и в этих крайне неблагоприятных условиях Суворов сумел сохранить свою яркую индивидуальность, свое исключительное дарование, нашел в себе силы и гражданское мужество активно противостоять пресловутым прусским образцам в военном деле, не раствориться в массе екатерининских генералов. «...Перевес его характерных военных качеств над всеми остальными, — писал А. Ф. Петрушевский, — был так велик, а военно-боевая натура так полна, что его военное поприще затмило все прочее. Во всех войнах за последние 30 лет, где Суворов принимал участие, он резко выделялся из ряда; второстепенные и третьестепенные роли, ему выпадавшие, ограниченная сфера действий, конкуренция военных талантов екатерининской эпохи, несправедливости высших начальников — ничто не в состоянии было затереть Суворова. Все степени он взял с боя»⁴. Даже в годы царствования сумасбродного Павла I, действия и поступки которого практически были непредсказуемы, он не утратил своей самобытности и остался верен себе. Можно представить, каких усилий стоило обуянному духом нетерпимости царю принудить себя сказать спешно возвращенному им из ссылки Суворову: «Веди войну по-своему, как умеешь»⁵, — назначая его по настоянию союзников России во главе войск в Итальянскую кампанию и тем по существу признавая превосходство суворовских правил ведения войн. Не сделать этого он не мог — так был велик авторитет полководца к тому времени. Да и в победе остро нуждались тогда и Россия, и ее союзники. Гарантировать же ее мог только Суворов со своими «чудо-богатырями».

Для более ясного представления о вкладе Суворова в развитие военного искусства напомним в самом общем плане состояние последнего в европейских странах (в том числе и России) к началу его полководческой деятельности.

⁴ Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 747.

⁵ См. там же, изд. 1, т. 3, с. 11.

1.

К исходу 50-х годов XVIII в. главная отличительная черта военного искусства стран Европы состояла в полном и безраздельном торжестве так называемых оборонительных тенденций, суть которых сводилась к ограничению главной задачи вооруженных сил захватом (или обороной) территории и крепостей и конечной цели войны — истощением сил противника. Этим, а также невысокими боевыми качествами солдата-наемника (в большинстве стран Европы) и имевшимся на вооружении армий несовершенным гладкоствольным огнестрельным оружием определялся и крайне неэффективный боевой порядок войск — линейный, с равномерным распределением сил по фронту. Этот порядок рассредоточения войск сковывал оперативную маневренность армии, ограничивал ее подвижность на поле боя, делал очень уязвимыми фланги. Как отмечал Ф. Энгельс, «эти длинные и тонкие линии становились... все более неповоротливыми... линейное построение... связывало армию в целом, подобно смиренной рубашке... продвижение таких длинных линий во время сражения совершалось очень медленно, чтобы не нарушать равнения»⁶. Линейный боевой порядок по существу исключал возможность ведения боя на пересеченной местности, тем более в горах и в ночное время.

В области стратегии господствовала кордонная система, сущность которой состояла в «равномерном разворачивании сил и средств на театре военных действий с целью одновременного обеспечения своих коммуникаций и направлений, имевших какое-либо военное значение»⁷. Основной ее недостаток — распыленность войск на большом пространстве и невозможность их перегруппировки с целью быстрого сосредоточения главных сил армии на решающем участке военных действий. Кордонная система с мощными крепостями вдоль границ государства, игравших роль стратегических опорных пунктов, в принципе исключала генеральное сражение и отдавала предпочтение воздействию на коммуникации противника, тактике позиционного давления и постепенного изматывания его сил.

В целом и кордонная система расположения войск, и линейный боевой порядок армий свидетельствовали о кризисе военного искусства, наступившего в середине XVIII столетия. Нужны были новые идеи и в тактике, и в стратегии войн, идеи, способные на практике опровергнуть устоявшиеся принципы. Раньше всех в России необходимость этого понял выдающийся полководец генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев — «первый военный авторитет времени», по определению С. М. Соловьева⁸.

Его идеи, богатый военный опыт творчески воспринял и развил в стройную систему А. В. Суворов. Впервые в качестве целостной системы им были выработаны новые принципы ведения войн, согласно которым «воюют не числом, а умением», «быстрота и внезапность заменяют число, натиски и удары решают битву». Господствовавшим ранее тенденциям осторожного маневрирования в стратегии и тактике войн Суворов решительно противопоставил наступательное начало. И — что не менее важно — он на практике блестяще доказал неоспоримые преимущества новой, наступательной стратегии и тактики, недаром за ним закрепилось прозвище «генерал Вперед».

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 656; т. 14, с. 36—37.

⁷ Соколовский В. Д. Великий русский полководец А. В. Суворов. В кн. А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. М., 1951, с. 12.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. XV. М., 1966, с. 161.

Созданная Суворовым система явилась плодом пройденной им серьезной школы, в которой наряду с общим образованием⁹ первостепенное значение уделялось основам теоретической подготовки, специальным военным знаниям. «Генералу необходимо непрестанное образование себя науками», — утверждал он. Интерес к знаниям, привычку к постоянному самообразованию Суворов старался привить и другим. «Возьми себе в образец героя древних времен, — говорил он, — наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони — слава тебе!» О себе добавлял: «Я выбрал Кесаря»¹⁰. Он считал Юлия Цезаря первым в ряду великих полководцев всех времен и народов и называл его своим учителем¹¹.

Биографы Суворова верно подметили, что он «в продолжение всей своей жизни любил умственные занятия, относился всегда критически к современным военным событиям, определяя их истинный смысл примерами из военной истории»¹². Суворов особенно любил обращаться к опыту деяний выдающихся полководцев древности и современности, систематически пополняя тем багаж своих знаний. В результате, как свидетельствовали современники полководца, он «обладал глубокими сведениями в науках и литературе... отличался точным знанием всех европейских крепостей, во всей подробности их сооружений, а равно всех позиций и местностей, на которых происходили знаменитые сражения»¹³. Более того, по словам сослуживца Суворова — известного писателя М. М. Хераскова, «внимательный взор его обтекал все пределы земли. С полей Фарсальских переносился он воображением на поля Арабельские; оттуда быстрым полетом устремлялся в страны, открытые Колумбом. Мексика, где владел некогда Монтезума, тоже была ему известна, как и Россия. Все места, ознаменованные славою битв и побед, были в памяти и душе его»¹⁴. Причем к изучению теории и практики он подходил творчески, порой заново переосмысляя устоявшиеся положения и делая неожиданные выводы. Голлого заимствования, подражания классическим примерам прошлого у Суворова не было и в помине, хотя в формировании его полководческого мастерства влияние классических образов военного искусства трудно переоценить. По замечанию А. Ф. Петрушевского, «все добытое путем науки перерабатывалось в нем в нечто совершенно новое, свое собственное, доходившее чуть не до отрицания образов»¹⁵. Суворов откровенно насмеялся над привязанностью иных военачальников к медлительным отходам и обходам, к бесконечным маневрированиям войсками, к «устрашающим» демонстрациям силы — над всем тем, что тогда почиталось за лучшие образцы военного искусства.

В странах же Западной Европы долгое время не желали признать факт становления военного гения русского полководца, упорно не хотели верить, что он «сам глубоко изучил военную историю и, почерпнув из нее уроки, постиг вернее сущность истинного искусства, чем все тогдашние генералы, воспитанные в духе старинной системы войны и привыкшие смотреть на демонстрации и маневры почти как на *цель действий*»¹⁶.

⁹ В автобиографии Суворов писал: «Что до моих наук, они состоят в математике, части философии, географии, истории, языках немецком, французском, итальянском, польском, турецком с малою частью арабского и персидского и финском». — Биография Александра Васильевича Суворова, им самим писанная в 1786 году. М., 1900, с. 22.

¹⁰ Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. Изд. 3. М., 1814, с. 154.

¹¹ Документы, т. IV, с. 411.

¹² Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 748.

¹³ «Русская старина», 1879, № 6, с. 399.

¹⁴ «Русский вестник», 1809, ч. VII, № 8, с. 156—157.

¹⁵ Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 748.

¹⁶ Милютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 308.

Свою разностороннюю общеобразовательную и специальную военно-теоретическую подготовку Суворов дополнил многолетним опытом действительной службы в армии, пройдя путь от солдата до генералиссимуса, последовательно получая звания капрала, подпрапорщика, сержанта. Лишь в 1754 г., когда Суворову шел уже 24-й год, он был произведен в поручики. Заметим, что благодаря широко практиковавшейся тогда в русской армии системе записи дворян в полки с малолетства многие его ровесники были уже не только полковниками, а даже и генералами. Но отставание в чинопроизводстве Суворов быстро наверстал впоследствии, пройденная же им «долгая, тяжелая солдатская школа никаким дальнейшим опытом не заменялась»¹⁷⁻¹⁹. Приобретенные им исключительно обширные для своего времени военно-теоретические знания, дополненные богатой практикой действительной воинской службы, и легли в основу его тактики и стратегии войн.

В свою первую военную кампанию — Семилетнюю войну с Пруссией (1756—1762 гг.) — Суворов вступил 28-летним подполковником. Тогда он еще не занимал высоких командных постов и не мог в полной мере раскрыть своих полководческих дарований, но в ряде операций локального значения показал себя превосходным боевым командиром, в оценке общей военно-политической обстановки обнаружил умение мыслить широко, исходя из задач стратегического порядка²⁰. В частных боевых операциях Суворов проявил личную отвагу и хладнокровие, быстроту и внезапность действий и тем «себя перед прочими гораздо отличил», сообщалось в наградном представлении на молодого командира²¹. Для Суворова в этот период особенно важны были вынесенные из войны личные впечатления и наблюдения, практические навыки, которые, соединяясь с ранее приобретенными им глубокими теоретическими познаниями, и положили начало окончательному оформлению его собственной военной системы. Сколь серьезное место в становлении военачальника отводил Суворов практическому опыту войны, видно из многократно повторяемой им мысли о том, что «только один глубокий в практике военачальник» способен противостоять противнику и добиваться успеха, чиня основанные на этом опыте «хитрые маневры», что «никакой батальи в кабинете выиграть не можно, и теория без практики мертва...»²². С другой стороны, Семилетняя война в целом имела для Суворова «не только значение первого опыта, но и была наглядным показанием всех недостатков старого способа вести военное дело»²³.

2

Семилетняя война окончилась победой русского оружия, одержанной, правда, как верно подметил участник ее А. Т. Болотов, главным образом не искусством военачальников, а отменной храбростью русских солдат, ценой больших жертв²⁴. Суворов, произведенный в полковники, назначается командиром Астраханского, а затем Суздальского полков. Именно в последнем суворовская система военного обучения и начатки организации армии, учитывавшие выводы, сделанные из опыта прошедшей войны, впервые были изложены в виде специальной инструкции,

¹⁷⁻¹⁹ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 1, с. 17.

²⁰ См. об этом подробнее: Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 11—12.

²¹ Там же, изд. 1, т. 1, с. 30.

²² Биография Александра Васильевича Суворова..., с. 12, 8.

²³ Там же, с. 9.

²⁴ См. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738—1794. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков, тт. 1—2. СПб., 1871.

известной под названием «Полковое учреждение», значение которой сразу же вышло далеко за пределы Суздальского полка²⁵. В ней с органически присущими Суворову лаконизмом и образностью впервые были сформулированы важнейшие положения его знаменитой «Науки побеждать», завершение которой относится к середине 90-х годов XVIII в.

В соответствии с основными принципами суворовской системы, порожденной главным образом редким сочетанием в нем природного военного гения с глубоким военным образованием, любой военный успех в конечном счете обеспечивался взаимодействием трех решающих факторов — глазомера, быстроты, натиска. Именно эти главные «правила боя» лежали в основе его военной системы.

Глазомер по Суворову — умение быстро (мгновенно!) ориентироваться в любой обстановке, умение предвидеть планы противника и правильно оценить его силы, точно выбрать направление главного удара. Как позднее писал «один из самых знаменитых писателей по философии войны»²⁶ Клаузевиц, «если совлечь с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины»²⁷. В соответствии с суворовским глазомером нужно было не дать «неприятелю время... пользоваться сколько можно его наималейшей ошибкой и брать его всегда смело с слабейшей стороны»²⁸. Но подобной военной сметкой обладает лишь тот из командиров, кто тщательно изучает противника. Отсюда одно из наиболее важных требований Суворова: «Не презирай никогда неприятеля своего, каков бы он ни был; старайся узнать его оружие и способ, как оным действует и сражается; исследуй силы и слабость его»²⁹. Сам он всегда руководствовался этим правилом, благодаря чему паразитически точно проникал в замыслы противника (в этом немалую роль играла хорошо поставленная разведка в войсках Суворова). Одержанные русскими войсками победы при Туртукае, Фокшанах и особенно при Рымнике и Нови — яркое тому подтверждение.

Существенной чертой тактики Суворова было широкое использование маневра, причем выбор им тех или иных боевых порядков зависел не только от особенностей противника, но и от своеобразия местности, складывающейся обстановки. Именно в силу учета всех этих моментов Суворов иногда применял в бою и отвергаемые им в принципе линейные боевые порядки. «Порядки сражений в благоучреждении военно-начальников», — писал он в своем приказе по войскам Кубанского корпуса в мае 1778 г.³⁰ Это он не раз повторял и позже, внушая своим подчиненным мысль о необходимости творческого подхода к вопросам организации боя и решительно выступая против рутинности и косности. На местности равнинной против регулярных войск, учил он, те же линейные порядки, а против иррегулярных — колонны и каре³¹.

Показательным примером использования Суворовым боевых построений, наиболее полно отвечающих сложившейся обстановке, является

²⁵ См. Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика Суворова. В кн. Суворовский сборник. М., 1951, с. 48 и след.

²⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 78.

²⁷ Клаузевиц К. О войне. М., 1934, с. 45—46.

²⁸ Биография Александра Васильевича Суворова..., с. 12.

²⁹ Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою, ч. 2. М., 1819, с. 67.

³⁰ Документы, т. II, с. 63.

³¹ Суворов А. В. Наука побеждать. Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий, князя Итальянского графа Суворова-Рымникского, с письмами, открывающими наиболее величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства. СПб., 1806, с. 12—13; Документы, т. II, с. 10. См. также Петрушевский А. Ф., изд. 1. Приложения, с. 475.

сражение на Кинбурнской косе (1787 г.), в ходе которого сильно укрепленные турецкие позиции были атакованы русскими войсками не в «кареях», а в линейном построении. Диктовалось это конкретными условиями боя, когда против превосходящих сил неприятеля, не располагавшего конницей, которая особо опасна для линейного построения войск, требовалось одновременно ввести в действие значительную массу войск и обеспечить «наибольшую эффективность огня пехоты»³². Этот маневр в конечном счете и предопределил полный успех русских войск в Кинбурнском сражении, отличавшемся необыкновенным упорством и стойкостью турецких войск. «Какие ж молодцы, с такими еще я не дрался», — писал Суворов о противнике после боя³³.

Но в то время бой все же редко оправдывал применение линейных боевых построений, отсюда — суворовский приказ по войскам: «Пехотное построение — движимый редут, т. е. кареями; линиею очень редко; глубокие колонны только для деплояда» (развертывания)³⁴⁻³⁵. При этом Суворов применял более мобильные, маневренные ротные и однобатальонные (а не громоздкие двухбатальонные и полковые) каре и колонны в сочетании с действиями легкоподвижных егерей в рассыльном строю. В июне 1773 г. при наступлении на укрепления Туртукая Суворов эффективно использовал боевое построение взводными колоннами, действия которых на флангах были поддержаны стрелками в рассыльном строю. Такое разнообразие маневра позволяло суворовским войскам вести бой на любой местности, в любое время года и суток, что являлось серьезным преимуществом над противником, придерживавшимся устарелых шаблонов.

В корне новым был и разработанный Суворовым принцип распределения сил. Господствовавший в военном искусстве европейских стран принцип линейного построения войск для боя, как отмечалось выше, требовал равномерного распределения наличных сил по всему фронту. Суворов же впервые в европейской практике ведения войн стал сосредоточивать основные силы на главном участке сражения, добиваясь подавляющего превосходства над противником в направлении решающего удара и обеспечивая тем разгром его войск по частям.

Классическим примером проведения подобного маневра — стягивания основных сил на решающем участке сражения, что определило его общий успех, — является бой на р. Треббия (июнь 1799 г.). На трехкилометровом участке фронта из 30-тысячной армии Суворов собрал в единый кулак 21 тыс. наиболее боеспособных русских солдат, а на второстепенном шестикилометровом отрезке оставил всего лишь 6 тыс. плохо обученных австрийцев. Здесь, на р. Треббия, Суворов впервые в истории европейских войн продемонстрировал образец встречного сражения, возможного «только при действиях в расчлененных боевых порядках»³⁶. Заметим, что победа в этом сражении была одержана над лучшей в то время в Европе армией — войсками буржуазной Франции.

Характерной чертой суворовской тактики боя было тесное взаимодействие в ходе сражения огня, маневра и завершения удара холодным оружием (штыком). В части литературы бытует мнение, согласно которому суворовская тактика якобы вовсе отрицала значение огня как необходимого элемента боя и целиком строилась на силе штыкового удара. Такое представление, вероятно, сложилось из несколько прямолинейного толкования ряда суворовских

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 36.

³³ Документы, т. II, с. 343.

³⁴⁻³⁵ Там же, с. 354.

³⁶ Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 46.

афоризмов типа — «Пуля обмишулится, штык не обмишулится: пуля дура, штык — молодец» и пр.³⁷

Если же обратиться к содержанию многочисленных приказов Суворова о принципах боевой подготовки войск, то станет очевидным место прицельной стрельбы по противнику в обеспечении успеха сражения, — «пехотные огни открывают победу»³⁸. «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко», — учил он и отдавал приказ: «Пехоте стрелять реже, но весьма цельно, каждому своего противника, не взирая, что когда они толпою»³⁹. Тем самым Суворов выступал не против огня вообще, а лишь против беспорядочной, неприцельной стрельбы «поверх голов». «Приучите Вашу пехоту, — писал он генералу И. Г. Реку, — к быстроте и сильному удару, не теряя огня по пустому»⁴⁰. Заботясь об обучении солдат прицельному огню, Суворов требовал, чтобы «единожды навсегда вообразить себе... что больше потребно времени зарядить, нежели выстрелить»⁴¹. Суворов добивался разумного сочетания огня со штыковым ударом: «Береги пулю в дуле. Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!» — и строго взыскивал с тех, кто нарушал эту заповедь и допускал неоправданный перерасход патронов.

Важную роль в достижении победы полководец отводил артиллерии, также ратуя за максимальную эффективность артиллерийского огня. Известен, например, его приказ по войскам в канун Кинбурнского сражения: «Артиллеристам быть приученным к скорострельной пальбе... на неприятеля пальбу производить весьма цельно, реже и не понапрасну»⁴². Развиваемые Суворовым основы тактики артиллерийского боя уже в то время предполагали широкое маневрирование огнем, последовательное сосредоточение массированного огня на главных направлениях удара, подвижность батарей для правильного выбора наиболее выгодных позиций. Активные действия артиллерии были особенно характерны в сражениях при Фокшанах и Рымнике, в ходе которых максимально учитывалось суворовское требование действовать в бою исходя из точного знания боевых качеств орудий и применяемых зарядов⁴³.

Новым в суворовской тактике боя было и отношение к резерву. Природа линейных боевых порядков войск в принципе исключала вероятность сколько-нибудь эффективного использования тактических резервов, оперативного маневрирования ими, так как они «лишь ослабляли бы в решительный момент боевую силу армии»⁴⁴. Переход Суворова к широкому применению боевого порядка однобатальонными и ротными «кареями» дал возможность сделать резерв постоянным элементом сра-

³⁷ При оценке такого рода высказываний полководца следует принимать в расчет и боевые качества огнестрельного оружия той поры: из гладкоствольных ружей прицельный огонь был возможен лишь на 70—80 шагов, для нового заряжания (оно производилось с дульной части) требовалось много времени и большая сноровка, что, естественно, было затруднительно в боевых условиях. Отсюда знаменитое суворовское изречение: «При всяком случае наименее неприятелю страшной ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают» (Документы, т. II, с. 354—355). Таким образом, «венчавшей дело» рукопашной схватке решающая роль предназначалась исходя из объективной оценки возможностей огнестрельного оружия той эпохи, а также из учета высоких моральных качеств русского солдата.

³⁸ Документы, т. II, с. 63.

³⁹ Там же, с. 354.

⁴⁰ Там же, с. 314.

⁴¹ См. Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 1, с. 60.

⁴² Документы, т. II, с. 354.

⁴³ Там же, с. 465—471, 476—482. О принципах применения Суворовым артиллерии подробнее см.: Харук И. Артиллерия в походах Суворова. В кн. А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти, с. 90—99.

⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 39.

жения, посредством которого можно было влиять на течение боя и даже определять его исход. Особенность трактовки Суворовым роли и значения резерва на войне состояла в том именно, что он отныне «предназначался не просто для поддержки передовых войск, а для наращивания силы удара в бою и развития успеха с целью решительного и полного разгрома противника»⁴⁵. С другой стороны, наличие сильного резерва обеспечивало безопасность флангов и позволяло тем самым без большого риска сосредоточивать основные силы на решающем участке боя.

Анализ проведенных Суворовым сражений показывает, что он практически никогда не оставался без мощного резерва, численность которого в зависимости от конкретной обстановки порой составляла почти третью часть бывших в его распоряжении войск. Так, в сражении на р. Треббия Суворов на основном направлении действия, куда были стянуты более 20 тыс. войск, расположил крупный резерв численностью в 6 тыс. штыков. Это обеспечило решительное превосходство над противником в направлении главного удара при общем неблагоприятном для русских войск соотношении сил.

Одними из главнейших принципов в полководческом искусстве Суворова, в его тактике являлись быстрота действия, внезапность, чем он часто компенсировал «недостаток численной силы» и «предотвращал сосредоточение неприятельских масс»⁴⁶. Суворов требовал быстроты от своих войск при всех условиях, в любое время — на марше и при изготовке к бою, в самом сражении и при преследовании поверженного противника. «Быстрота и натиск — душа настоящей войны», на войне «время дороже всего», не уставал внушать он войскам. «Одна минута решает исход баталии, один час успех кампании, один день судьбы империи». «Упущенное время — невозвратная потеря»⁴⁷.

Считая время одним из основных факторов успеха, Суворов в намечаемом плане военных действий против Турции в 1793 г. писал: «Расчет времени есть главное правило ведения войны»⁴⁸. И действительно, благодаря глубоко продуманным маневрам наступающие получали преимущество, которое в боевых условиях сохранялось, как правило, в течение весьма непродолжительного времени. Отсюда — необходимость быстроты действия. На практике — это лишь миг, когда можно использовать замешательство застигнутого врасплох противника. Упущен этот миг — упущена победа: неприятель уже оправился, перестроил свои боевые порядки и готов дать отпор. Конечную же цель быстроты действий войск и, в частности, быстроты переходов, Суворов видел во внезапности: «Неприятель нас не чает, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трехстах и больше: вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем пришли, с чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!»⁴⁹.

Знаменитые суворовские марш-броски, когда предводительствуемые им войска по бездорожью, в любое время года делали 40-километровые переходы в сутки⁵⁰, приводили в изумление его современников и в замешательство — неприятеля. К тому же после таких стремительных многокилометровых переходов войска сохраняли свои отменные боевые ка-

⁴⁵ Цветаев В. Тактическое наследство А. В. Суворова. В кн. А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти, с. 46—47.

⁴⁶ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 2, с. 94.

⁴⁷ Документы, т. IV, с. 18, 116, 234 и др.

⁴⁸ Там же, т. III, с. 257.

⁴⁹ Суворов А. В. Наука побеждать, с. 17—18; Документы, т. III, с. 506.

⁵⁰ Для сравнения укажем, что норма «уставных» переходов в то время не превышала 20—25 км в сутки.

чества и, как правило, с ходу вступая в бой, ошеломляли неприятеля и добивались победы.

Хрестоматийным стал пример, когда в Италии в необычно жаркие июньские дни 1799 г. суворовские войска совершили, казалось бы, невозможное, пройдя 80 км от Александрии к р. Тидоне всего за 36 часов. И — что не менее поражает воображение, — сразу же завязав бой, сражались в течение нескольких часов и, в конечном счете, одолели численно превосходящего противника⁵¹.

Показателен также марш-бросок суворовских солдат под Фокшанами в июле 1789 г., когда они за 28 часов преодолели 60 км «самой дурной дороги»⁵². Достигалось это за счет отличного инженерного обеспечения движения, продуманности маршрута, наконец, благодаря выносливости русского солдата, в мирное время обученного по твердому суворовскому принципу: «Тяжело в учении — легко в походе»⁵³.

Внезапности Суворов достигал не только быстротой и скрытностью передвижений войск, но и появлением их в самом неожиданном, логически немыслимом для противника месте. Так было под Фокшанами, когда русские войска при полном вооружении, преодолев труднопроходимую местность, оказались там, где практически не было укреплений и где их не могли ожидать. В результате был нанесен мощный удар во фланг противника, приведший в итоге к сокрушительному его поражению. Еще более показательны в этом отношении действия Суворова на р. Адда весной 1799 г., когда водная преграда была форсирована войсками в чрезвычайно неудобном для наведения понтонов месте. Застигнутый врасплох неприятель поддался панике, что наполовину обеспечило русским войскам успех сражения.

Не случайно Суворов любил повторять: «Удивить — победить»; «Кто испуган, тот побежден вполнину: у страха глаза большие; один за десятерых покажется». Суворов на деле много раз доказывал справедливость этого принципа ведения современного боя: «Быстрота и внезапность заменяют число».

Но «быстрота и внезапность победоносны только при силе удара, требующей несокрушимой воли к победе и дружной цельности боя, что Суворов и называл „натиском“»⁵⁴, расцениваемым в военном деле как «наивысшее напряжение сил в решительный момент боя»⁵⁵. Натиск, включающий в себя стремительность и решительность действия всех сил, сосредоточенных для уничтожения противника, объединенный с несокрушимой волей к победе хорошо обученных и уверенных в своей силе суворовских солдат — один из трех главных компонентов его искусства побеждать. «Натиск и удар решают битву...», — не раз повторял полководец. Выделяя в соответствии с этим главные принципы тактики боя, Суворов настоятельно рекомендовал «не развлекаться мелкими стычками», а наносить «сильные удары, проходить массаами через дефиле, атаковать стремительно, бить с быстротой»⁵⁶.

Таким образом, основной принцип суворовской тактики — направляемая глазомером решительная атака с постоянным стремлением к сохранению инициативы атакующей стороной, что позволяло обнаруживать слабые места у неприятеля и последовательно бить по ним, громя его по частям. Так было в сраже-

⁵¹ См. Милютин Д. А. Указ. соч., т. 2, с. 248—255.

⁵² Петрушевский А. Ф., изд. I, т. I, с. 340.

⁵³ Документы, т. III, с. 351.

⁵⁴ Кун В. Суворов как полководец. — «Известия АН БССР», 1950, № 4, с. 24.

⁵⁵ Цветаев В. Указ. соч., с. 52.

⁵⁶ Документы, т. II, с. 461.

ниях при Рымнике, считаемся одним из «классических образцов действия по системе „глазомер, быстрота, натиск“»⁵⁷ Треббни, Нови и др.

В среде военных специалистов того времени широко бытовали представления о едва ли не решающей роли на войне случайностей (известна приверженность подобной точке зрения Наполеона). В отличие от них Суворов искусно сочетал стремительность маневра, решительность действия с предусмотрительностью, тщательно продумывая возможные варианты развития событий. «Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала. Военачальник, руководствуясь порядком и устройством, владычествуем с помощью неусыпности и предусмотрения», — писал он в одном из своих военных наставлений⁵⁸.

Правда, он не отрицал и роли случая, но полагал при этом, что подлинное искусство полководца «должно подчинять себе не предусмотренное стечение обстоятельств, а умение пользоваться ими в своих интересах, моментально овладевать ими»⁵⁹. «Фортуна имеет голый затылок и на лбу длинные висящие власы, лёт ее молниен, не схватя ее за власы — уже она не возвращается»⁶⁰. «Управляй счастьем, — писал полководец, — один миг доставляет победу. Покоряй себе счастье быстротою Кесаря, который умел уловлять неприятеля своего даже днем, окружать его и нападать на него в тех местах, где хотел и в то время, когда желал»⁶¹. И Суворов «управлял счастьем», он умел мгновенно воспользоваться представившимся случаем. Особенно ярко эта его черта проявилась в период Итальянской и Швейцарской кампаний. На основе глубокого всестороннего анализа распоряжений и действий Суворова в ходе военных операций этих лет исследователи приходят к выводу о том, что он и «в стратегическом распределении сил, и в диспозициях к бою имел всегда глубоко обдуманый расчет, всегда действовал с необыкновенной предусмотрительностью и не пренебрегал мерами осторожности там, где они действительно были нужны»⁶².

Оценивая Суворова как непревзойденного тактика, нельзя не остановиться на следующей стороне его полководческого искусства: решительно возражая против особо пагубного в условиях войны методизма и педантизма прусской военной системы, нашедшей многочисленных сторонников и в русской армии, он всегда поощрял широкое проявление инициативы — от военачальника до простого солдата.

«В день сражения и в походе он (полководец. — М. Р.) все полагает на весы, все учреждает... не увлекается стечением обстоятельств; он покоряет себе происшествия; действуя всегда с прозорливостью, он каждый миг неутомим»⁶³. Последовательно выступая за предоставление самостоятельности подчиненным, Суворов считал нужным в интересах дела ограничиваться принятием общего решения («генеральной диспозиции») и не входить «ни в какие подробности», так как пока его указания дойдут до непосредственных исполнителей, обстановка может не раз измениться⁶⁴. Вся суворовская военная система, основывающаяся на трех принципах — глазомере, быстроте, натиске, — органически включала в себя «требование творческого начала при практическом их приме-

⁵⁷ Там же. Введение, с. XVII.

⁵⁸ Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. 2, с. 63.

⁵⁹ Ку и В. Указ. соч., с. 23.

⁶⁰ Документы, т. IV, с. 197.

⁶¹ Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. 2, с. 67.

⁶² М и Л ю т и н Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 308.

⁶³ Жизнь Суворова, им самим описанная..., ч. 2, с. 75.

⁶⁴ См. Документы, т. IV, с. 97.

нении»⁶⁵. Суворов неизменно утверждал, что все «подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости командующих»⁶⁶⁻⁶⁸, от их инициативы. Никогда не отступал он от своего правила: «Все кампании разнятся одна от другой». В полном соответствии с этим положением он мастерски строил свои конкретные действия в конкретных же условиях. В первую очередь именно «в умении быстро учесть и оценить все многообразие сложных условий всей кампании в целом и каждого конкретного боя проявлялся военный гений полководца, его непрезойденный глазомер»⁶⁹.

Сам полководец так определял наиболее важные черты своей победоносной тактики: «Вот моя тактика: храбрость, мужество, проникаемость, предусмотрительность, порядок, мера, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, самозабвение... Расчет войск должен проверяться постоянно»⁷⁰. При этом Суворов особо подчеркивал, что он никогда не ошибался, оказывая «влияние на свои войска своими принципами ведения войны» и, более того, всегда «преуспевал свыше [своих] ожиданий».

3.

Суворову-тактику отдавали должное еще современники, называя его «гением тактики» и, подобно английскому генералу лорду Генри Клинтону, считая, что «Суворов в тактике есть то же самое, что Рембрандт в живописи»⁷¹. Преимущественное внимание тактическому искусству Суворова-полководца уделялось и в последующем. Роль же Суворова-стратега оставалась в тени. Во многом это объяснялось не критическим восприятием представителями русской официальной военной науки, слепо раболепствовавшими перед западноевропейскими «светилами» военной мысли, их заведомо ложных и предвзятых оценок относительно вклада Суворова в развитие новой стратегии войн. Лишь в 1900 г., в столетнюю годовщину смерти Суворова, впервые отчетливо прозвучал призыв поставить его «в число великих полководцев истории» и как выдающегося стратега⁷². Тем не менее в многочисленных работах дореволюционного периода, посвященных описанию жизни и деятельности Суворова, стратегическое искусство полководца так и не получило должного раскрытия и подобающей оценки. Этот пробел был по существу восполнен только в советское время. В исследованиях, появившихся в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и позднее (в 150-летнюю годовщину смерти полководца), во весь рост был показан Суворов-стратег, военный теоретик.

Передовой характер стратегических принципов Суворова прежде всего сказался в решительном отрицании им кордонной стратегической системы расположения войск, основной недостаток которой, как отмечалось выше, заключался в отсутствии возможности широкого маневрирования и оперативного управления войсками. В 1799 г., в какой-то мере подводя итоги своим теоретическим разработкам и проведенным им военным кампаниям, Суворов писал австрийскому генералу К. Гадику: «Кордонная линия всегда может

⁶⁵ Галактионов М. Суворовская тактика. В кн. Суворов А. В. Наука побеждать. М., 1944, с. 10.

⁶⁶⁻⁶⁸ Документы, т. I, с. 613.

⁶⁹ Краснобаев Б. И. Русское военное искусство во второй половине XVIII века.— «Преподавание истории в школе», 1973, № 2, с. 30—31.

⁷⁰ Генералиссимус Суворов. Сб. док. и материалов. М., 1947, с. 316.

⁷¹ См. Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 3, с. 302.

⁷² См. Суворов в сообщениях профессоров академии Генерального штаба. СПб., 1900, кн. I, с. 49.

быть опрокинута: неприятель по своему произволу устремляет силы на один пункт, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными... Я желал бы, чтобы все пути и тропинки заняты были не для того, чтобы защищать каждую из них, но чтобы только наблюдать; для этого достаточны одни легкие войска; главные же силы должно держать в совокупности, чтобы выждать на каком-либо пункте нападения неприятельского, или идти к нему навстречу и отрезать его. Таким образом войска выигрывают время и успеют раскрыть намерения неприятеля, прежде чем он нападет»⁷³. Как видим, Суворов четко требовал сосредоточения основных сил на главном решающем направлении.

Вместе с тем он не забывал об обеспечении безопасности флангов и тыла, но для этого, по его мнению, «достаточны одни легкие войска». Взамен устарелым основам кордонной системы, в соответствии с которыми главной стратегической задачей военной кампании считался «захват территории противника с целью угрозы его коммуникациям, овладение городами и важными крепостями»⁷⁴, Суворов впервые в практике ведения войн в качестве определяющего условия победы в войне, ее основной цели поставил задачу разгрома и последующего уничтожения войск противника, сформулировав ее предельно просто: «Дерево срубись — сучья сами упадут», или: «Уничтожена армия — крепости сами падут». Таким образом, полная победа над противником возможна лишь при условии разгрома его живой силы: «Оттеснен противник — неудача; уничтожен — победа». Именно в этом заключался главный принцип суворовской стратегии, который полководец последовательно проводил в жизнь на протяжении всей своей деятельности. Его эффективность была убедительно доказана на всех театрах военных действий, и особенно в Итальянской кампании 1799 г., в ходе которой были продемонстрированы совершенно иные по сравнению с утвердившимися в военном искусстве образцы решительного «сосредоточения войск, их развертывания, выбора направления главного удара и организации стратегического преследования»⁷⁵.

Основы суворовской стратегии отражены в многочисленных его приказах, но наиболее полно они были сформулированы им в 1798 г. в наброске стратегического плана войны против Франции:

- «1. Действовать не иначе как наступательно;
2. В походе быстрота, в атаке стремительность, холодное оружие;
3. Не нужно методизма, а верный взгляд военный (глазомер. — М. Р.);
4. Полная власть главнокомандующему;
5. Неприятеля атаковать и бить в поле;
6. В осадах времени не терять...;
7. Никогда сил не раздроблять для занятия пунктов. Обошел неприятель — тем лучше: он сам идет на поражение;
8. Сражаясь, идти далее, не останавливаться, прямо к Парижу, как главному пункту, не останавливаясь в Ландау — разве лишь оставить некоторое число войск для наблюдения... не для отступления, о чем никогда не следует думать, но из-за транспортов; никогда не загружать себя бесплодными маневрами...;
9. Не мешкать»⁷⁶.

⁷³ Документы, т. IV, с. 267—268.

⁷⁴ Соколовский В. Д. Указ. соч., с. 13.

⁷⁵ Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 37.

⁷⁶ Генералиссимус Суворов, с. 223—224. См. также: Документы, т. III, с. 587—588; Милютин Д. А. Указ. соч., т. 1, с. 260—261; Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 2, с. 464, приложение VIII.

Таким образом, стратегия Суворова в полном соответствии с теорией военного дела ставила «военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала смыслу войны»⁷⁷. Отсюда решительный, активный, наступательный характер действий суворовских войск, стремление навязать противнику решающее сражение выступали основным средством достижения конечной цели — победы. При этом, если учитывать необычайную стройность, цельность и последовательность активной наступательной тактики Суворова, рассчитанной, в конечном счете, на сокращение сил неприятеля, то становится абсолютно ясным, что она была подчинена решению более общей задачи стратегического плана. В этом как нельзя более четко проявились единство и неразрывность тактических и стратегических принципов суворовского военного искусства.

Стратегическим взглядам Суворова присуще и развитие положения о необходимости закрепления успеха сражения преследованием противника после нанесенного ему поражения на поле боя. Военно-стратегическое обоснование необходимости преследования как заключительной фазы сражения содержится в кратком и емком изречении Суворова: «Недорубленный лес опять вырастает». И отсюда его требование после успешной атаки преследовать неприятеля, «не давать ему время ни собраться, ни строиться... преследовать денно и ночью до тех пор, пока истреблен не будет»⁷⁸. И все это во имя конечной гуманной цели — прекращения войны. «Война бедствие, — говорил полководец. — Решительная победа — конец войне». Существенно, что Суворов теоретически обосновал правило преследования разбитого на поле боя неприятеля до полного его уничтожения и стал последовательно применять его на практике в тот период, когда в военном искусстве XVIII в. сама эта идея «еще не получала признания и довольно прочно утвердилось мнение о необходимости строить отступающему „золотой мост“»⁷⁹.

Характеризуя стратегическое искусство Суворова, нельзя не отметить и впервые в истории военной мысли нового времени теоретически обоснованный им и на практике им же самим неоднократно с успехом примененный принцип сосредоточения крупных сил на решающем направлении военных действий, что в условиях XVIII в., при общей неразвитости транспортных средств и путей сообщения, исключительной громоздкости и неповоротливости армейских тылов, даже в чисто техническом плане было далеко не просто осуществить. Эти объективные трудности преодолевались русской армией благодаря быстрым и скрытным суворовским марш-броскам. Тому способствовало и выполнение другого важнейшего требования стратегического порядка: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации... В бою надо стремиться к единой главной точке». Настоящее суворовское правило впоследствии в теории войн было представлено Клаузевицем следующим образом: «Одновременное напряжение всех предназначенных для данного удара сил рисуется как основной закон войны»⁸⁰⁻⁸¹.

Важнейший стратегический принцип Суворова — сосредоточивать мощные силы на главном участке театра военных действий в решающий момент — оценивался Ф. Энгельсом в середине XIX в. как «весьма близкий к современной» военной системе. Отдавая приоритет в разработке этого принципа безусловно Суворову, Ф. Энгельс указывал, что полководец «понимал необходимость этого уже при штурмах Измаила и

⁷⁷ Клаузевиц К. Указ. соч., с. 119.

⁷⁸ Документы, т. IV, с. 145.

⁷⁹ Соколовский В. Д. Указ. соч., с. 15—16.

⁸⁰⁻⁸¹ Клаузевиц К. Указ. соч., с. 147.

Очакова»⁸². Тем самым еще задолго до того, как в теории войн был со всей ясностью определен наиболее «высокий и простой» закон стратегии — «держат свои силы сосредоточенно»⁸³, — Суворов с успехом применял его на практике, обязуя подчиненных «строго соблюдать правила нанесения мощных ударов» по противнику⁸⁴ крупными силами. Но в то же время «силы его были всегда распределены таким образом, что каждый отдельный отряд мог своевременно получить помощь от других соседних отрядов или от главной армии»⁸⁵.

Анализируя в целом общие стратегические принципы Суворова, исследователи сводят их к следующим основным моментам⁸⁶:

1. Разгром живой силы противника — главная цель войны.
2. Успех в войне обеспечивается только активными наступательными действиями.
3. Решительное поражение войск противника достигается в генеральном сражении, которое надо искать и самому создавать благоприятную обстановку для общего успеха — уничтожения армии неприятеля.
4. Овладение экономическими и политическими центрами страны после разгрома и уничтожения живой силы противника.
5. Все вопросы организации войск, тыла и управления должны быть подчинены решению главной цели войны.

Теоретические взгляды Суворова на искусство ведения войн затрагивают и многие другие важные вопросы, и всегда в его решениях, как справедливо отмечается в литературе, «царит идея о необходимости смотрения на дело в целом», что в принципе и составляет самую суть стратегии⁸⁷.

Блестящие успехи русских войск в сражениях под Фокшанами, при Рымнике, Треббни и Нови, завершившихся энергичным и упорным преследованием разгромленных армий противника, исход штурма неприступного Измаила, равно как и многих других битв, во многом определены были счастливым сочетанием в Суворове-полководце дарований дальновидного стратега и превосходного тактика, соединению в его действиях решительной стратегии с высокой наступательной активностью. Исследователи справедливо усматривают первые проявления такой стратегии уже в действиях П. А. Румянцева, но «только в практике полководческой деятельности Суворова, в его теоретических высказываниях эта решительная наступательная стратегия, ставившая своей задачей полное поражение живой силы противника, получила всестороннее развитие»⁸⁸.

4.

«Секрет» успехов Суворова остался бы не до конца раскрытым без определения того, какое место занимал в его военной системе простой солдат, какая роль ему отводилась в обеспечении успеха отдельного

⁸² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 504.

⁸³ Клаузевиц К. Указ. соч., с. 147.

⁸⁴ Документы, т. III, с. 263.

⁸⁵ Милютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 304.

⁸⁶ См. подробнее: Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 39—41.

⁸⁷ Суворов в сообщениях профессоров академии Генерального штаба, кн. I, с. XXVIII.

⁸⁸ Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII века. М. 1956 с. 394.

сражения и военной кампании в целом. «Тайну его военного искусства,— пишет В. Кун,— столь непонятого многим его современникам и многим военным критикам, можно понять только рассматривая совместно и проникновенное воспитание солдата, и принципы войны, для применения которых он переплавлял крепостного неловкого рекрута в своего „чудо-богатыря“, ибо система Суворова отличается глубоким единством мысли»⁸⁹.

Действительно, глазомер, быстрота, натиск и постоянная инициатива как основные элементы победы настоятельно требовали всесторонне обученной армии. И, пожалуй, одна из главнейших заслуг Суворова состояла в воспитании русского солдата, когда в условиях крепостной России, в век процветания палочной дисциплины в армии находившийся под суворовским началом солдат становился личностью, обретая веру в себя, свои силы и возможности, научаясь хорошо «понимать свой маневр». Если в целом суворовская военная система являла собой неразрывное единство наиболее существенных ее элементов — глазомера, быстроты, энергии натиска и простоты, то ее суть составляли «человек и духовная его сила»⁹⁰, во всей его военной системе именно «простой солдат есть один из главнейших факторов победы»⁹¹. Отталкиваясь от «взгляда на солдата как на решающий элемент военной силы»⁹², Суворов в основу своей системы положил строго целенаправленное боевое воспитание и обучение войск.

Сам пройдя суровую школу солдатской службы, он умел понимать нужды солдат, отзываться на них. Нельзя не признать глубокой обоснованности суждений о том, что он был «настолько же генералом, насколько и солдатом... наиболее соответствующее ему звание или название было бы *солдат-фельдмаршал*». В органическом соединении этих двух качеств и видится «тайна его изумительного господства над войсками и полное себе подчинение коллективной воли множества людей»⁹³. Как писал герой Отечественной войны 1812 г. Денис Давыдов, Суворов «положил руку на сердце русского солдата и изучил его бие»⁹⁴. На это ценнейшее качество великих полководцев, среди которых в первом ряду названы Суворов и Кутузов, указывал М. И. Калинин, говоря, что они были не только «мастерами стратегии и тактики», а «знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе»⁹⁵.

Суворов, исходя из главной цели разработанных им стратегических и тактических основ воинского искусства, и весь процесс обучения войск подчинил центральной идее — «развитию у солдата наступательного порыва и непреклонного стремления к победе над противником»⁹⁶. Отсюда его требование воспитывать в солдатах прежде всего выносливость, храбрость, решительность, а также разумную инициативу. Верное средство для этого одно — учения в обстановке, максимально приближенной к боевой. Суворовская система обучения войск в мирное время отличалась от всех других прежде всего тем, что «боевые качества, приобретаемые на войне и выражаемые термином „обстрелян-

⁸⁹ Кун В. Указ. соч., с. 21.

⁹⁰ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 3, с. 31.

⁹¹ Там же, изд. 2, с. 771.

⁹² Документы, т. I. Введение, с. XII.

⁹³ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 2, с. 288.

⁹⁴ Давыдов Д. В. Сочинения, т. I. СПб., 1893, с. 85.

⁹⁵ Калинин М. П. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1967, с. 418.

⁹⁶ Соколовский В. Д. Указ. соч., с. 22.

ные войска“, были присущи в значительной степени войскам Суворова еще до войны»⁹⁷. Это становилось возможным благодаря последовательно проводимому в жизнь суворовскому принципу—«Солдат и в мирное время на войне». Сообразно с главной целью обучения и воспитания—выработкой умения действовать в бою против любого противника, на любой местности, в любое время года и суток—он еще в своем первом обобщающем наставлении—«Полковом учреждении»—требовал такой выучки, чтобы основная боевая единица (рота)—была «не токмо готова всякой час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем». Он добивался, чтобы «всякой при всяком случае» был «бодр, смел, мужествен и на себя надежен»⁹⁸.

Приучая солдат быть и в мирное время как на войне, Суворов устраивал частые и неожиданные дневные и ночные марши с полной боевой выкладкой, в жару и холод, в грязь и слякоть, с ходу форсировал большие и малые водные преграды, штурмовал специально для этого построенные на полигонах «крепости», проводил знаменитые суворовские стремительные встречные сквозные атаки, по отзывам очевидцев, непостижимо похожие на настоящие баталии. Иностранцы, знавшие с постановкой обучения солдат в армиях других стран и своими глазами видевшие эти учебные атаки, впоследствии писали: «Нужно ли после всего этого распространяться о причинах непобедимости войск Суворова? Последний солдат из попадавших в сферу его влияния узнавал, и практически, и теоретически боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время, не исключая и самых образованных»⁹⁹. И не случайно, в конечном счете, именно в воспитании боевых качеств солдата, прежде всего храбрости, соединенной с воинским мастерством, видел полководец основу своих побед. Суворов, сам отличавшийся редким бесстрашием, высоко ценил и воспитывал храбрость в других, считая это качество одним из решающих факторов успеха.

Но вместе с тем он предостерегал от упования на одну храбрость: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство»¹⁰⁰. Огромное значение военного обучения армии во имя будущих побед он прекрасно определил в одном из своих приказов: «...хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев при внушениях и затверждениях каждому должности его»¹⁰¹. При этом важно подчеркнуть, что Суворов сам никогда не довольствовался достигнутым и того же постоянно требовал от подчиненных: «...единожды в нем (воинском искусстве.— М. Р.) полученное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять»¹⁰². Суворов требовал от каждого солдата и офицера знания своего дела в совершенстве, считая последнее непременным условием успеха. Это требование нашло выражение в известных его изречениях: «Дело мастера боится», «Ученье—свет, неученье—тьма... за ученого трех неученых дают» и др. Сам же учебный процесс был им до такой степени отработан, что обучение «требовало, при понимании основной мысли, много внимания, но мало времени»¹⁰³.

⁹⁷ Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 751.

⁹⁸ Документы, т. 1, с. 151.

⁹⁹ Сборник боевых наставлений и приказов, вып. 1. СПб., 1868, с. 7.

¹⁰⁰ Документы, т. 1, с. 151.

¹⁰¹ Там же, с. 270.

¹⁰² Там же, с. 151.

¹⁰³ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 2, с. 288.

В итоге для хорошо выученных суворовских воспитанников в бою никаких неожиданностей не было, «ибо все было предусмотрено в мирном обучении; строй не имел слабых частей, потому что в людей, из которых строй составляется, было вкоренено понятие, что фронт там, откуда появился неприятель. Общностью и всеми частностями обучения влито в офицеров и солдат сознание, что одним огнем не добьешься победы и что в этом убеждении заключается их превосходство над всяким неприятелем; отрицанием самой мысли о возможности отступления, ретирада сделана временным фазисом боя, ей придано лучшее ее качество — упорство, а вместе с тем обеспечен переход в наступление при первой возможности»¹⁰⁴. Последнее же — переход из оборонительного положения в наступательное, — как следует из теории и практики военного дела, относится к числу «одной из самых затруднительнейших действий на войне»¹⁰⁵.

Другое важное качество, которое постоянно стремился Суворов развивать у подчиненных, — понимание каждым офицером, каждым солдатом смысла своих действий в бою. «Не довольно, — писал Суворов, — чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже баталионные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»¹⁰⁶. И здесь, при оценке вклада Суворова в развитие военной мысли, нельзя не вспомнить слова Ф. Энгельса о том, что «если новая система требовала меньшей муштровки и парадной педантичности, то она требовала гораздо большей быстроты, большего напряжения сил, большей сообразительности от каждого, начиная от главнокомандующего и кончая рядовым стрелком»¹⁰⁷. Понимание «своего маневра» каждым воином означало развитие в бою личной инициативы, обуславливало принятие оптимальных решений, диктуемых складывающейся обстановкой. И Суворов всячески поощрял проявление самостоятельности, быстроту ориентацию в изменившихся условиях: «Местной в его близости, по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленной, он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам»¹⁰⁸. В поощрении и развитии у подчиненных инициативы, самостоятельности Суворов, как можно предположить, следовал примеру Петра I — «не держаться устава яко слепой стены» в тех случаях, когда этого требовала боевая обстановка.

Суворовская система обучения и воспитания предполагала и высокий уровень воинской дисциплины, ибо дисциплина, по его выражению, «мать победы». Место воинской дисциплины в организации армии Суворов определил еще в «Полковом учреждении» и впоследствии строго придерживался этого принципа: «Вся твердость воинского правления, — писал он, — основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненный пред своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оной опорочивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять»¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Там же, с. 287—288.

¹⁰⁵ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его. Собраны Ф. Каузлером. СПб., 1842, с. 61.

¹⁰⁶ Документы, т. IV, с. 20.

¹⁰⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 39—40.

¹⁰⁸ Документы, т. IV, с. 69.

¹⁰⁹ Там же, т. I, с. 98.

В соответствии с этим он требовал «без послабления» взыскивать за любое нарушение воинской дисциплины, в том числе и продиктованное безрассудной смелостью.

Неизвестно, знал ли Клаузевиц (основные мысли которого, как отмечал В. И. Ленин в 1917 г., «сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека»¹¹⁰) об этих высказываниях Суворова, когда писал о том, что «где безрассудная смелость восстает против послушания, где она с пренебрежением отклоняет требования высшей воли, к ней надо относиться как к опасному злу, но не ради нее самой, а учитывая факт неповиновения, ибо на войне нет более важного начала, как послушание»¹¹¹, но прямая параллель между приведенными суждениями вполне очевидна.

Взгляды Суворова на методы воспитания и обучения войск законченную и стройную форму приобрели в его знаменитой «Науке побеждать», где был обобщен тридцатилетний опыт предводительствования войсками и которая по существу является кратким сводом важнейших правил повседневной жизни и боевых действий войск, вобравшим в себя все лучшее, что имелось в военном искусстве того времени. «Наука побеждать» — это и сведенные воедино теоретические обобщения по основным вопросам военного дела, «классический образец того, что именно следует преподавать войскам в виде обязательных к исполнению требований и что оставить на собственное разумение офицера и солдата»¹¹². Руководство правилами «Науки побеждать» при обучении солдат было обязательным для всех подразделений суворовских войск, более того, полководец требовал от подчиненных сознательного «затверждения» ее содержания, глубокого усвоения заключенных в ней основных идей и принципов. Это значительно облегчало и ускоряло процесс обучения и воспитания войск. Тому способствовало и суворовское требование строго придерживаться в обучении следующего правила: от простого к сложному, от более легкого — к трудному. Сам же учебный процесс состоял из показа, повторения и контроля. Такого рода практические наставления командирам по обучению войск и составляют первую часть «Науки побеждать». В полном единстве с общим духом суворовской военной системы особое внимание уделялось обучению войск наступательным действиям в двусторонних полевых учениях — «пехоте на пехоту, кавалерии на кавалерию, кавалерии на пехоту, пехоте на кавалерию»¹¹³ — в условиях, максимально приближенных к боевым.

Вторая часть «Науки побеждать» посвящена развитию теоретических основ боевой подготовки войск, а также раскрытию важнейших приемов и правил воинского искусства. Ее содержание в целом направлено к тому, чтобы развить у воинов творческое начало при применении на практике заключенных в ней принципов. «Умей мыслить своей головой, действуй сообразно обстановке, искусно маневрируй и бей врага со всей силой, какая заключена в войске, — вот в чем ключ к победе»¹¹⁴ — так можно охарактеризовать ее суть, ее общую целевую направленность.

Свою «Науку побеждать» Суворов завершает перечнем необходимых для солдат качеств и факторов, обеспечивающих в конечном счете победу: субординация, послушание (дисциплина), экзерциция (обучение), ордер (порядок) воинский, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, победа и слава. Заключительное суворовское

¹¹⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 79.

¹¹¹ Клаузевиц К. Указ. соч., с. 133.

¹¹² Галактионов М. Указ. соч., с. 6.

¹¹³ Документы, т. IV, с. 17.

¹¹⁴ Галактионов М. Указ. соч., с. 10.

положение тщательно и глубоко продумано: перечисление отдельных элементов дано в той последовательности, в какой приобретались солдатом необходимые боевые качества в процессе его воспитания и обучения. Это — дополнительное подтверждение одной из основных особенностей суворовской системы обучения — ее строгой последовательности в достижении конечной цели: воспитания «героев», «чудо-богатырей».

5.

Если попытаться сформулировать общий вывод об особенностях военного искусства Суворова, то он может быть таков: великий полководец мыслил и воевал нестандартно, нешаблонно и каждый раз ставил тем своих противников в тупик, безысходно озадачивал их, вселял в них страх и неуверенность. «Главными правилами боя у Суворова — глазомер, быстрота и натиск; нормальным действием — наступление; преобладающе действующею силою — закаленная человеческая душа. Все это приведенное во взаимную связь составляло полную систему, складывалось в цельную военную теорию»¹¹⁵. «Но, сохраняя неизменно общий дух своей системы, Суворов применял его каждый раз особым образом, смотря по театру войны, по свойствам противника, по обстоятельствам»¹¹⁶. Это, пожалуй, и было «краеугольным камнем его боевой теории»¹¹⁷. В целом теория эта кратко сводилась к следующему: делай на войне то, что другие считают невозможным. И Суворов, постоянно прибегая к оригинальным решениям, делал невозможное возможным. Это ему удавалось не только в силу его полководческого гения, но во многом и благодаря имевшемуся в его распоряжении человеческому материалу — русскому солдату-патриоту с сильно развитым на основе прочных общинных традиций чувством товарищества, взаимовыручки. Глубоко понимая и ценя эти качества, Суворов стремился к еще большему их развитию у каждого воина. В результате, как тонко подметил В. Кун, «психологические свойства русского солдата он... превращал в твердые правила поведения. Ставя перед ним высокую цель, горячо убеждая в ее полной доступности именно русскому человеку, он разом поднимал весь его внутренний мир и внушал ему уважение к самому себе и безграничную преданность цели. Он превращал полураба в глубоко воодушевленного и сознательного гражданина и этим нравственным освобождением закалял рядовые черты народного характера до геронзма чудо-богатыря»¹¹⁸. Последнее быть может сказано в порыве увлечения, слишком сильно, но приведем один только пример, когда именно эти качества русского солдата позволили суворовским войскам преодолеть невероятные трудности.

После перехода через Сен-Готард в сентябре 1799 г. и штурм Чертова моста, при движении от Альтдорфа к Швицу через Муттенскую долину войска Суворова, брошенные союзниками на произвол судьбы, как известно, оказались в сложнейшей критической ситуации, когда спасти их могло только единственно возможное решение. Говоря словами шекспировского героя, это был именно тот необыкновенный случай, который требует необыкновенной решимости. И Суворов, сохранив необычайную силу духа и веру в свои войска, в эти тяжкие дни

¹¹⁵ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 3, с. 299.

¹¹⁶ Мялютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 296.

¹¹⁷ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 1, с. 54.

¹¹⁸ Кун В. Указ. соч., с. 26.

проявляет твердую решимость¹¹⁹ и находит единственный выход. Путь, пройденный суворовскими войсками во время Швейцарского похода, был столь труден, что, по оценке многих военных специалистов, ни одна другая армия никогда не преодолевала такой. Во время этого похода в полной мере была доказана достоверность суворовского афоризма: «Где пройдет олень, там пройдет и солдат». «Швейцарский поход,— замечает Д. А. Милютин,— по справедливости считается венцом воинской славы Суворова, и без сомнений первые полководцы в свете могли бы гордиться подобным подвигом»¹²⁰. Действительно, полководец в 17-дневной эпопее «сделал все, на что только способна человеческая воля»¹²¹. Не случайно прогностовавший ему в этой кампании французский генерал Массена — один из лучших полководцев Франции¹²² — впоследствии говорил, что он отдал бы все свои походы за один Швейцарский поход Суворова¹²³. Ф. Энгельс, приведя понравившееся ему образное выражение полководца: «русский штык прорвался сквозь Альпы», назвал этот переход «самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов»¹²⁴.

На известные обвинения современников его в том, что он «воюет не по правилам», что не имеет ни малейшего представления о военном деле, Суворов ограничивался насмешливой репликой: «Что же делать, мы уж такие: без тактики и практики, а неприятеля бьем». Другие недоброхоты пытались объяснить его победы везением, счастьем, на что он с присущим ему юмором отвечал: «Помилуй бог, сегодня счастье, завтра счастье. Надобно же когда-нибудь и умение». На вопрос о том, как им достигаются победы, говорил так: «Люби солдата, и он будет любить тебя. В этом вся тайна».

И он действительно искренне любил солдата, заботился о нем и никогда не давал его в обиду, хотя был строг и взыскателен. Простой, доступный, понятный в повседневной жизни, деливший с солдатами все тяготы, лишения и невзгоды походной жизни, бесстрашно ходивший с ними в атаки, Суворов сам был беспредельно любим ими. Личное присутствие Суворова или даже простое упоминание его имени оказывало магическое действие на солдат, вселяя в них «победный дух». Можно утверждать, что и в этом плане Суворов был «одним из самых великих военачальников: едва ли кто другой превосходил его в железной силе воли, непоколебимом мужестве, и в особенности в том безграничном влиянии, которое имел он на войска»¹²⁵. Характеризуя отношения Суворова с солдатами, Д. А. Милютин писал: «Суворов с самых ранних лет начал служить в войсках, жил с солдатами, сроднился с ними, говорил их языком. Достигнув даже фельдмаршальского чина, он по-прежнему... вел жизнь солдатскую... За то и солдатам все нравилось в нем; они слепо веровали в его гений и приучились смотреть на него, как на вождя непобедимого. При одном слове его, при одном взгляде они готовы были

¹¹⁹ Напомним в связи с этим высказывание Наполеона о том, что «истинная мудрость полководца состоит в твердой решимости», что «нет ничего труднее, но нет и ничего важнее твердой решительности», особенно в тех случаях, когда от этого зависит судьба армии. (В кн. Правила, мысли и мнения Наполеона..., с. 6).

¹²⁰ Милютин Д. А. Указ. соч., т. 4, с. 166. За Швейцарский поход Суворову было присвоено звание генералиссимуса российских войск — высшее воинское звание в России.

¹²¹ Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 3, с. 284.

¹²² См. характеристику Наполеоном его «блистательных качеств» военачальника в кн. Правила, мысли и мнения Наполеона..., с. 184, 201.

¹²³ См. Суворов в сообщениях профессоров Академии Генерального штаба, кн. I, с. 44.

¹²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 243.

¹²⁵ Милютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 309.

бросаться в огонь и воду»¹²⁶. Думается, что как раз в этом была заключена одна из главных основ побед предводительствуемых Суворовым войск. Небезынтересно привести и слова австрийского рейхсканцлера фон Гримма, который, будучи поражен неудачами русских войск под командованием И. И. Германа и А. М. Корсакова в кампании 1799 г., писал русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову: «Следовало бы иметь еще двух или трех запасных Суворовых, дабы они находились всюду во главе войск»¹²⁷.

В заключение остановимся еще на одном принципиально важном моменте. Известно, что все наиболее существенные элементы тактического и стратегического искусства Суворова, во многом предвосхитившие переворот в военном деле, вызванный Великой французской революцией, были усвоены и в той или иной мере развиты рядом выдающихся полководцев не только России, но и, как заметил А. Ф. Петрушевский, «сделались потом правилом для всей Европы»¹²⁸. Главнейшие суворовские идеи были восприняты, в частности, Наполеоном, дополнены и развиты им «до высшей степени совершенства»¹²⁹, а также удачно применены на практике уже в более благоприятных условиях — после победы буржуазной революции во Франции. Характерно, что на это обстоятельство впервые обратили внимание уже в начале XIX в., когда только что отгремели наполеоновские сражения и еще не изгладилась из памяти современников впечатления от блистательных суворовских военных побед. Так, на заимствования Наполеоном суворовских идей в области тактики («битвенные порядки», «быстрота и натиск сосредоточенных сил») указывал в 1816 г. декабрист Н. Муравьев, проведший анализ воинского искусства полководцев XVIII в.¹³⁰ Годом позже в плане-проспекте объявленного к изданию «Военного журнала» в специальном очерке, посвященном обзору развития военной мысли, было напечатано следующее: «Наполеон, заняв часть воинских правил у Суворова, особливо его *быстроту* и *внезапность* в нападениях, искусно применил оныя к великим движениям многочисленных армий... Теперь уже ясно и открыто, что многия правила военного искусства занял Наполеон у великого нашего Суворова. Этого не оспаривают сами французы; в этом сознаётся и сам Наполеон: в письмах из Египта, перехваченных англичанами, он ясно говорит Директории, что *Суворова* до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут *особенного искусства его воевать* и не противупоставят ему собственных его *правил*»¹³¹. Конкретно здесь речь идет о преимуществах важнейшего суворовского стратегического принципа — стремления к разгрому и уничтожению живой силы противника. Только последовательное воплощение в жизнь этого основного правила суворовской стратегии было залогом полной победы. Это хорошо понимал Наполеон. «В Европе немало хороших генералов,—писал он,—но они видят сразу слишком много целей. Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними»¹³². По прочтении этой фразы нельзя не заметить ее почти буквального созвучия с приведенным выше суворовским афоризмом: «Дерево срубишь — сучья сами упадут».

¹²⁶ Там же, с. 310.

¹²⁷ См. Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 759.

¹²⁸ Там же, изд. 1, т. 1, с. 184.

¹²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 659.

¹³⁰ «Сын Отечества», 1816, ч. 34, № 46, с. 11—13.

¹³¹ Краткое начертание военного журнала, изданное Федором Глинкою. СПб., 1817, с. 10.

¹³² Наполеон. Избранные произведения. М., 1956, с. XVI.

Наполеон с успехом применял на практике и другой важнейший разработанный Суворовым стратегический принцип — сосредоточение основных сил на решающем направлении (участке) сражения. «Для успеха необходимо сосредоточение масс на решающем, наиболее угрожаемом для противника пункте». «Чтобы дать сражение противнику, я притягиваю к себе все, что только могу»¹³³. «Если мы намерены вступить в сражение, то необходимо сосредоточить все свои войска, не упуская из виду даже самой незначительной части: часто один батальон решает сражение»¹³⁴. Это, как видим, также всего лишь повторение ранее высказанных, а главное, на практике осуществленных суворовских идей в области стратегии войн.

В имеющейся литературе говорится и о приоритете Наполеона в маневрировании крупными силами — одном из необходимейших условий создания превосходства над противником в канун предстоящего сражения. Но Суворов не раз одерживал блистательные победы именно за счет искусного маневра. Достаточно в этой связи упомянуть его действия в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., где он себя показал великолепным «мастером решительного стратегического маневра». Наиболее же яркий пример, когда проявилось его высочайшее мастерство маневрирования значительными массами войск, — сражение на р. Треббия¹³⁵. «Этот десятидневный поход, — писал Д. А. Милютин, — принадлежит к числу самых замечательных страниц в истории военного искусства. Сам Моро, противник нашего полководца, признал действия его в этот период кампании образцовыми». Предпринятые меры для разгрома армии первоклассного противника, продолжает он, «по верности расчета стратегического, с которым соображены, по изумительной быстроте, с которою исполнены, наконец, непреклонной твердости воли и энергии, которые полководец показал в самом бою против превосходных сил неприятельских... ставят Суворова в число полководцев гениальных»¹³⁶.

В своих военных мемуарах, созданных уже на о. Св. Елены, Наполеон, говоря об «истинных правилах ведения войны», рекомендует силы армии «держат в совокупности; на поле сражения сосредоточивать по возможности больше войск и пользоваться всеми благоприятными обстоятельствами»¹³⁷. Он же советует «не иметь уязвимых мест, устремляться с быстротою на важнейшие пункты, использовать моральный фактор, славу оружия, страх, который они внушали...»¹³⁸. Нет нужды доказывать, что подобные идеи по вопросам организации военных операций ранее уже были высказаны Суворовым — часть их читатель найдет в настоящем тексте, другие — в документальном наследии полководца. Напомним только, что, выступая против распыления сил армии, Суворов считал необходимым во всех случаях и особенно для «общего нападения» держать «по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать самую атаку безуспешною»¹³⁹. Истинное правило военного искусства, писал полководец, напасть на противника с самой чувстви-

¹³³ Цит. по Соколовский В. Д. Указ. соч., с. 15.

¹³⁴ Правила, мысли и мнения Наполеона..., с. 61.

¹³⁵ См. Документы, т. IV, №№ 160—215.

¹³⁶ Милютин Д. А. Указ. соч., т. 2, с. 297.

¹³⁷ Правила, мысли и мнения Наполеона..., с. 9.

¹³⁸ Наполеон. Избранные произведения, с. 680.

¹³⁹ Документы, т. IV, с. 304.

тельной для него стороны, дело может быть решено только прямым, смелым нападением¹⁴⁰.

Разумеется, при этом вряд ли речь может идти о прямом заимствовании Наполеоном, как утверждал, например Ф. Глинка, основных стратегических принципов военного искусства, разработанных Суворовым. Вернее будет считать, что гений Суворова предвосхитил коренные изменения в «старых законах и обычаях войн»¹⁴¹, которые в наиболее полном виде были вызваны к жизни буржуазной революцией конца XVIII в. во Франции. Не случайно крупнейший знаток полководческого искусства Суворова Д. А. Милютин в середине XIX в. обращал внимание на тот факт, что фельдмаршал еще в Итальянскую кампанию «имел уже те мысли, которые в новейшем военном искусстве обыкновенно называются наполеоновскими»¹⁴². Еще более определенно это подчеркивалось в столетнюю годовщину смерти полководца: «Военное искусство Суворова далеко опередило его век, и те особенности, которые обыкновенно считаются выработанными французами во время революционных войн и в эпоху Наполеона, задолго до этого времени уже упрочились в суворовских войсках. Если военное искусство заключается в действиях сообразно с обстановкой вообще и со свойствами противника в частности, то это именно и составляет характерную черту действий нашего великого полководца»¹⁴³. Полностью соглашаясь с приведенными мнениями по существу, возьмем на себя смелость ввести одно хронологическое уточнение: таковые мысли Суворов частично имел уже в своем «Полковом учреждении», относящемся к 1767 г.

Но несмотря на общность суворовской и французской (наполеоновской) систем, которая сводилась в целом к тому, что в соответствии с их основными принципами война велась не по утвердившимся правилам, а скорее, вопреки им, между ними было одно существенное различие. Если последняя складывалась и развивалась на основе идеи о решающей роли численного перевеса в достижении общего успеха в кампании, то первая строилась на принципиально иной базе: воюют не числом, а умением.

Так случилось в истории военной мысли, что суворовские идеи в области тактики и стратегии войн, опыт их реализации на практике были преданы забвению, а частично приведенные здесь высказывания Наполеона в свое время стали широко известны, и на этой основе именно ему долгое время отдавали пальму первенства в создании новой стратегии. Особенно усердствовали в этом представители русской официальной военной мысли. Например, уже в 40-е годы XIX в. одна за другой выходят книги, содержащие подборку основных высказываний Наполеона о правилах ведения войн, суждений его о «вечных» принципах военного искусства. Цель подобных изданий, по словам самих издателей, состояла в том, чтобы «распространять в отечестве моем (России.— М. Р.) между молодыми офицерами основательнейшие и вернейшие понятия о военном деле»¹⁴⁴. Надо ли говорить о том,

¹⁴⁰ См. там же, с. 326—327. См. также: Петрушевский А. Ф., изд. 1, т. 3, с. 222.

¹⁴¹ Ленин В. И. ПСС, т. 32, с. 80.

¹⁴² Милютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 305.

¹⁴³ Суворов в сообщениях профессоров Академии Генерального штаба, кн. II, с. 240.

¹⁴⁴ Правила, мысли и мнения Наполеона..., с. 4. В связи со сказанным удивляет отсутствие в обширной советской литературе о Суворове-полководце и в работах, посвященных анализу военного искусства второй половины XVIII в. в целом, сравнительного изучения теоретического и практического наследия двух выдающихся полководцев прошлого, пожалуй, равных по таланту и воинскому мастерству и порой почти одновременно выдвигавших новые идеи в области военного дела и блистательно реализовавших их на практике.

что в этих «правилах» не содержится даже упоминаний о вкладе в развитие военного искусства Суворова, Кутузова и других талантливых отечественных военачальников.

Отчасти это можно, пожалуй, объяснить тем, что теоретические воззрения Суворова о ведении войны до появления «Науки побеждать» не были собраны воедино, а рассеяны в его приказах, наставлениях, письмах и заметках и потому не сразу стали общим достоянием. «Повинен» в том, видимо, и афористический способ изложения Суворовым на «сильном и образном языке»¹⁴⁵ своих многочисленных теоретических идей, сформулированных в максимально доходчивом для массового восприятия виде. Представители официальной военной науки в России не видели, того, что краткость суворовских высказываний, в том числе и его «Науки побеждать», не случайна: в них нет ничего лишнего, что затрудняло бы их понимание каждым солдатом, каждым офицером.

Именно через сие, писал один из первых издателей суворовских творений П. Кузнецов, «сблизил он себя со своими подчиненными, дал им уразуметь свои мысли, должность солдата и соделал оных как по своему выражению, так и на деле богатырями, ибо внушил им дух свой и храбрость врожденную возбудил к действию»¹⁴⁶. Будучи твердо убежден в том, что всякая теория мертва без практики, одержимый мыслью о необходимости донесения своих идей до сознания каждого воина и стремившийся к немедленной проверке их на практике, Суворов намеренно подавал их в предельно краткой форме, приближая к легко усвояемой народной разговорной речи. Как отмечали исследователи, его «идеи поражают оригинальностью, но еще более своеобразностью их изложения»¹⁴⁷.

Это пренебрежение Суворова академизмом в столь серьезной сфере, как военная наука, облегчало возможность подавляющему большинству дворянских и буржуазных официальных историографов затушевывать или даже искажать роль и место полководца в разработке тактических и особенно стратегических начал военного искусства, «не замечать» новизну и жизненность его идей. Этому способствовало и враждебное по существу отношение официальных кругов царской России к суворовским нововведениям.

С сожалением приходится отмечать, что разработанные полководцем новые принципы военного искусства при его жизни (да и много позже) практически не пропагандировались в своем отечестве и не стали достоянием всей русской армии. Правительственные круги России, так нуждавшиеся в его победах, отнюдь не были заинтересованы в перестройке вооруженных сил на основе передовых суворовских принципов, даже при самом общем взгляде разительно не соответствовавших господствовавшим в стране феодально-крепостническим порядкам. Суворов никогда не был свободен в своих действиях, никогда не обладал всей полнотой власти над вверенными ему войсками. И не случайно в плане действий против французов в предстоявшей кампании 1799 г. 68-летний полководец в качестве одного из нешремных условий успеха в войне выдвигает предоставление главнокомандующему полной власти. На склоне лет Суворов с горечью говорил, о том, что его хвалили любили, ругали, удивлялись ему и даже смеялись над ним, но не понимали, особенно в тех случаях, когда «для пользы отечества говорил правду»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 243.

¹⁴⁶ Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни А. В. Суворова, с. 106—107.

¹⁴⁷ Суворов в сообщениях профессоров Академии Генерального штаба, кн. I, с. 1.

¹⁴⁸ «Военный журнал», 1856, № 4, с. 79.

И это было закономерно — суворовская передовая система воспитания и обучения войск находилась в явном противоречии и с феодально-крепостнической сущностью абсолютистского государства, и с официально исповедуемыми в верхах военно-теоретическими принципами. Суворов долгие годы тщетно доказывал полное несоответствие усердно заимствуемых образцов прусской военной системы национальным традициям страны, боевым качествам русских войск. «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?»¹⁴⁹ — восклицал он с негодованием.

Но вместе с тем, вопреки насаждавшимся в русской армии порядкам, повторявшим в своих основных элементах «протухлые», по выражению Суворова, прусские образцы¹⁵⁰, фигура Суворова-полководца не была одинока на военном небосводе России конца XVIII — начала XIX в. Рядом с ним мужали талантливые военачальники — прямые продолжатели суворовских традиций в русской армии. На первом плане — его лучший ученик и верный соратник М. И. Кутузов, существенно обогативший русское военное искусство новыми идеями, новыми теоретическими разработками и новыми победами (среди поверженных им противников оказался сам Наполеон). Далее следовали любимец Суворова пылкий, отважный и неустрашимый П. И. Багратион, хитрый, предусмотрительный А. П. Ермолов, искусный казачий атаман М. И. Платов, смелый и находчивый М. А. Милорадович и многие другие талантливые военачальники, чья деятельность протекала в основном в конце XVIII — начале XIX в.

Наконец, еще один важный штрих к портрету Суворова-полководца: отдельные высказывания современников убеждают в том, что он был и проницательным политиком, превосходно разбиравшимся в сложной политической ситуации в мире той поры. Вот что пишет один из собеседников полководца шведский посол в Вене Г. М. Армфельд: «...будьте уверены, — говорил Суворов, определяя свой взгляд на способы достижения мира в Европе, — что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия и тактика австрийцев, ни Суворов не восстаноят порядок и не одержат таких побед, которые бы привели к желаемому результату. Этого в состоянии достигнуть лишь политика — справедливая, бескорыстная, прямодушная, честная. Только таким путем можно всего добиться...»¹⁵¹ Современному читателю не нужно объяснять, сколь актуальна и в наши дни мысль Суворова о путях и способах сохранения мира во всем мире.

* * *

13(24) ноября 1980 г. исполняется 250 лет со дня рождения Александра Васильевича Суворова. Военная слава великого полководца, его выдающиеся заслуги в создании глубоко национального военного искусства России, оказавшего громадное влияние на развитие военной мысли и в мировом масштабе, по-прежнему привлекают к себе внимание. Целый ряд суворовских положений, особенно в вопросах воспита-

¹⁴⁹ Документы, т. III, с. 570.

¹⁵⁰ Там же, с. 572.

¹⁵¹ См. Петрушевский А. Ф., изд. 2, с. 768—769. В этой связи заметим, что в некоторых работах (особенно дореволюционных) акцентируется внимание на проявлениях так называемого чудачества Суворова в повседневной жизни, расцениваемого рядом авторов как шутовство. Но в тех конкретных исторических условиях Суворов сознательно надел на себя комическую маску, сквозь которую всегда «просвечивал тонкий, оригинальный, иронический ум». (Милютин Д. А. Указ. соч., т. 5, с. 309). Как можно предположить, это был своеобразный способ самозащиты легкоранной, впечатлительной натуры, поневоле «вкусавшей все светские невзгоды», от которых, по признанию самого полководца, несмотря на все его старания «себя предостеречь, всегда был бессилён» (Документы, т. II, с. 234).

ния и обучения войск, боевой их выучки, не утратил своего значения и в наши дни. Не случайно еще в первые годы существования молодого Советского государства, в годы отчаянной борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией по предложению В. И. Ленина в «Книжку красноармейца» в качестве памятки были вписаны под заголовком «Наука побеждать» десять правил-заповедей, почти дословно повторяющих текст знаменитого суворовского творения¹⁵².

В тяжелые военные дни лета 1942 г. учреждается орден Суворова — одна из самых высоких и почетных боевых наград нашей страны. В соответствии со статутом ордена им награждались те генералы и офицеры, а также воинские подразделения, которые добивались успеха на полях сражений в духе Суворова — за счет искусного воинского мастерства. В 1943 г. были созданы и специальные Суворовские военные училища. К сегодняшнему дню в стране сложилась и функционирует большая сеть государственных и местных музеев Суворова: в Ленинграде и Измаиле, Тульчине и Кончанском, а также в других местах, связанных с именем полководца¹⁵³. Все это — яркое выражение глубокого интереса советского народа к личности А. В. Суворова, дань уважения памяти человека, жизнь и деятельность которого являются образцом беззаветного служения Родине.

¹⁵² См. Суворовский сборник. Приложение, с. 275—276.

¹⁵³ См. подробнее: Годлевская Е. В. Суворовские места в Москве. В кн. Суворовский сборник, с. 191—198; Богуславский Г. А. и Афанасьев А. В. По суворовским местам.— Там же, с. 199—262.

Н. А. ЯКИМЕНКО

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
КРЕСТЬЯН В СИБИРЬ И НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(1861—1917)**

Развитие капитализма в России сопровождалось интенсивными аграрными миграциями из центральных губерний на окраины страны. В связи с этим В. И. Ленин отмечал, что «...в новейшей истории Западной Европы это движение не имеет себе равных»¹. Учитывая огромное влияние крестьянских переселений на экономическую и политическую жизнь страны, В. И. Ленин сделал вывод, что ни один экономист, «находящийся в здравом уме и твердой памяти» не может *«не придавать значения ежегодным переселениям... Экономист, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России... необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?»*²

Советские историки достигли заметных успехов в изучении переселенческого движения в России эпохи капитализма. Перед тем, как перейти к рассмотрению этих работ целесообразно, на наш взгляд, остановиться на некоторых основных итогах ленинского изучения крестьянских переселений в России³.

В трудах В. И. Ленина впервые в марксистской историографии вскрыты причины, характер и основные социально-экономические последствия переселений крестьян в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенной России. Кроме общих работ, проблеме переселения В. И. Ленин посвятил ряд специальных статей: «Переселенческий вопрос», «Еще о переселенческом деле», «Значение переселенческого дела». Особенно много внимания он уделил вопросу о причинах крестьянских переселений. И это не случайно. Ряд последователей Мальтуса, как в России, так и за ее пределами, пытались доказать, что существование «излишнего населения» в капиталистических странах вызвано «естественно-историческими причинами, совершенно отрица происхождение его из известного, исторически определенного строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 566.

² Там же, с. 629.

³ Подробнее см.: Степунин В. А. В. И. Ленин о колонизации Сибири в эпоху капитализма. В кн. Бессмертная сила идей ленинизма. Красноярск, 1960; Авербух М. С., Соколова И. А. В. И. Ленин о миграциях. Ташкент, 1971; Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.

противоречия»⁴. Развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин убедительно доказал, что именно вследствие развития капиталистических отношений усиливается стремление крестьян к переселениям «в незаселенные части территории» страны, где земля «еще не вся заселена»⁵. Одновременно он указал и на причины, которые задерживали прогрессивный в экономическом смысле процесс заселения новых территорий. Это были крепостнические пережитки. Только их полная ликвидация «в состоянии действительно открыть новую эру колонизации»⁶.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией познания, уже вскоре после окончания гражданской войны советские историки начали исследование вопросов о заселении Сибири и Дальнего Востока⁷. Авторы вышедших в 20—30-е годы работ рассматривали преимущественно количественную сторону переселенческого движения на Восток, причем особое внимание уделяли проблемам заселения Дальнего Востока. Интерес к этому региону в значительной степени обуславливался тем, что проводимые в первые десятилетия Советской власти крупные мероприятия, направленные на повышение эффективности сельского хозяйства, включали грандиозную программу освоения пустующих земель окраин, в частности Дальнего Востока⁸.

Одним из первых в советской историографии разрабатывал эту тему А. П. Георгиевский. В его работе «Русские на Дальнем Востоке» использованы богатые архивные фонды Приморского губернского архивного бюро. Особый интерес представляет материал, собранный им в результате анкетирования нескольких десятков переселенческих семей. Были получены, например, данные о причинах переселения, среди которых решающее значение имело отсутствие условий для дальнейшего ведения хозяйства⁹. А. П. Георгиевский определил основные этапы заселения Дальнего Востока: 1859—1882, 1883—1899, 1900—1917 г. Он не ограничился, как это делали его предшественники, исследованием только Амурской и Приморской областей, а показал также особенности заселения Камчатки и о. Сахалина. Это был первый систематический и довольно полный очерк истории заселения края.

История заселения Сибири и Дальнего Востока получила некоторое отражение также в трудах по аграрной тематике. Так, работы Н. Карпова, С. М. Дубровского, П. Н. Ефремова, А. П. Погребинского и Ф. Е. Лося¹⁰ посвящены столыпинской аграрной реформе, одним из звеньев которой, как известно, было переселение крестьян на окраины страны. В этих работах дана классовая оценка сущности переселенческой политики царизма в 1906—1914 гг., причем подчеркивается ее ре-

⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 170.

⁵ Там же, т. 3, с. 563.

⁶ Там же, т. 17, с. 70.

⁷ Гребенщиков А. В. Дальний Восток (исторический очерк).—«Северная Азия», 1926, № 5—6; Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Владивосток, 1926; Жемчужников Н. Н. Движение на Восток. М., 1927; Оболенский (Осинский В. В.). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928; Ауэрбах Н. К. Заселение русскими и развитие промыслов в низовьях р. Енисея. Красноярск, 1929; Рябов И. И. Очерки по истории Дальнего Востока (XVII—XIX века). Хабаровск, 1939.

⁸ См. Обетковский Н. А. Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти (1925—1953).—«Записки Амурского областного музея краеведения», 1970, т. 6, вып. 2, с. 33—36.

⁹ Георгиевский А. П. Указ. соч., с. 16.

¹⁰ Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; Дубровский С. Столыпинская аграрная реформа. Л., 1925; изд. 2. Л., 1930; Погребинский О. Столыпинская реформа на Україні. Харків, 1931; Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941; Лось Ф. Е. Україна в роки столыпінської реакції. Київ, 1944.

акционный характер, так как правительство Столыпина ставило перед собой цель не улучшить экономическое положение беднейшего крестьянства, а ослабить с помощью переселений остроту классовой борьбы в деревне. Однако, если относительно оценки переселенческой политики и по ряду других сюжетов мнения авторов одинаковы, то этого нельзя сказать о вопросе состава новоселов. Так, С. М. Дубровский утверждал, что переселялись главным образом крестьяне средней состоятельности¹¹. А. П. Погребинский же считал, что основную массу переселенцев составили малоземельные и безземельные¹². Нам представляется более аргументированным второй вывод, хотя он и обоснован данными только одного региона — Украины.

В целом в это время происходил процесс пересмотра дворянско-буржуазных концепций переселенческого вопроса. Не были еще окончательно изжиты старые, буржуазные и мелкобуржуазные взгляды на исторический процесс. Все это, естественно, не могло не повлиять на качество исследований. С учетом этих факторов становится понятным издание в 1925 г. в Харькове книги И. Л. Ямзина и В. П. Вошинина «Учение о колонизации и переселениях», представлявшей собой конспект лекций, прочитанных ими на землеустроительных курсах. В ней авторы продолжали отстаивать свою точку зрения о переселенцах как о явлении, совершенно не связанном с тем или иным социально-экономическим строем, с условиями жизни и деятельности крестьянства.

Новым этапом в изучении истории переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток стали 50—60-е годы. Усиление внимания Коммунистической партии и Советского правительства к подготовке научных кадров, упорядочение архивного дела наряду с другими факторами оказали решающее воздействие на утверждение систематической научной разработки многих вопросов отечественной истории. В эти годы вышли труды В. В. Покшишевского¹³, Л. Ф. Склярова¹⁴, В. А. Степнынина¹⁵, В. Г. Тюкавкина¹⁶ и других специалистов по истории Сибири. Значительное внимание уделяется переселенческому вопросу и в обобщающих работах по истории крестьянства¹⁷.

Что же нового внесли исследователи 50—60-х годов в изучение переселений в Сибирь и на Дальний Восток? Работа В. В. Покшишевского представляет собой историко-географический очерк процесса заселения Сибири с XVI по XX в. Это первая и пока единственная работа такого рода. Вследствие широкого хронологического охвата изучаемой темы, автор не смог подробно остановиться на проблемах заселения Сибири в эпоху капитализма. Заслугой исследователя является постановка вопроса об организации переселенческих хозяйств и об

¹¹ Дубровский С. Указ. соч., с. 84.

¹² Погребинский О. Указ. соч., с. 45.

¹³ Покшишевский В. В. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951.

¹⁴ Скляров Л. Ф. Создание колонизационного земельного фонда на свободных государственных и кабинетских землях Сибири в 1907—1914 гг.—«Ученые записки» Ленинградского пед. ин-та, т. 222, 1961; его же. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

¹⁵ Степнынин В. А. Влияние переселений на формирование и состояние рынка рабочей силы в Енисейской губернии в конце XIX в.—«Ученые записки» Красноярского пед. ин-та, т. 6, 1955; его же. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

¹⁶ Тюкавкин В. Г. Проведение «нового» курса переселенческой политики в Восточной Сибири (1911—1914 гг.)—«Научные доклады высшей школы». Истор. науки, т. 4. М., 1958; его же. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск, 1961.

¹⁷ См., напр.: История Сибири, т. 3. Л., 1966; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966 и др.

уровне развития капитализма в них. Эти вопросы рассмотрены автором в свете ленинских методологических установок об аграрных миграциях. Усиление переселенческого движения автор объясняет вводом в эксплуатацию Сибирской железной дороги¹⁸. Такое объяснение представляется нам односторонним. Открытие Сибирской магистрали несомненно облегчило передвижение на Восток¹⁹, однако, как подчеркнул Степанин, главной причиной аграрных миграций, их резкого усиления в конце XIX — начале XX в. был вскрытый еще В. И. Лениным «процесс выталкивания крестьянства из земледелия центральной части страны вследствие развития капитализма»²⁰, темпы которого все более ускорялись.

Следует заметить, что большинство исследователей объясняют причину переселений лишь малоземельем²¹, не учитывая при этом других существенных факторов. Если согласиться с доводами этих авторов, то становится непонятным, почему, например, из Харьковской губернии, где в 1872 г. на мужскую душу крестьянского населения приходилось в среднем по 4,1 дес. земли, переселялось ежегодно в несколько раз больше крестьян, чем из Тульской (2,9 дес. на мужскую душу) и в особенности из Московской губернии (3,2 дес.)²². Как видим, объяснять крестьянские переселения одним только малоземельем явно недостаточно, так как на экономическое положение сельского населения существенное влияние оказывало наличие (земледельческих и неземледельческих) промыслов, близость к рынкам сбыта сельскохозяйственной продукции и множество других факторов, которыми характеризовалась не только та или иная губерния, но и уезд, и даже отдельное селение.

В работах В. В. Покшишевского, Л. Ф. Склярова, В. А. Степанина и В. Г. Тюкавкина по-разному решается вопрос об интенсивности переселенческого движения. Чем вызван волнообразный характер переселений? Возражая В. В. Покшишевскому, Л. Ф. Скляров утверждал, что приливы и отливы переселенческой волны на окраины объясняются не пуском Транссибирской магистрали и переселенческой политикой царизма, в которой чередовались этапы ограничений и поощрений крестьянских переселений в Сибирь и на Дальний Восток, а цикличностью экономического развития при капитализме, остротой классовой борьбы²³. Последний фактор, по мнению Н. К. Кольцовой, вообще играл решающую роль²⁴. В. Г. Тюкавкин же полагает, что нельзя устанавливать непосредственную связь между подъемом переселенческого движения в 90-е годы XIX в. и вступлением России в империалистическую стадию развития капитализма, ростом революционного движения в начале XX в., а также «положением в деревне», под которым исследователь подразумевает развитие капиталистических отношений и разоре-

¹⁸ Покшишевский В. В. Указ. соч., с. 169.

¹⁹ Борзунов В. Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали в XIX — начале XX в. Автореф. докт. дис. М., 1972, с. 39.

²⁰ Степанин В. А. Колонизация Енисейской губернии..., с. 66.

²¹ См., напр.: Кольцова Н. К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции. В кн. Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток, 1956, с. 130; Старков М. И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962, с. 14; Гомилова Н. К. Основные районы выселения переселенцев на Алтай в 60—70-е годы XIX в. Экономическое положение крестьянства в районах выхода.—Вопросы истории Сибири, вып. 4. Томск, 1969, с. 121 и др.

²² Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов, т. XXII, ч. III. СПб., 1873, с. 468.

²³ Скляров Л. Ф. Вопрос о переселении крестьян в Сибирь в Третьей государственной думе.—«Ученые записки» Ленинградского пед. ин-та, т. 137, 1957, с. 114.

²⁴ Кольцова Н. К. Указ. соч., с. 131.

ние широких масс трудового крестьянства. Наряду с этим он вполне справедливо относит к факторам, оказавшим существенное влияние на динамику переселений, и те, на которые указывал Л. Ф. Скляров.

В. А. Степнынин считает, в свою очередь, что вышеизложенные точки зрения «имеют один общий недостаток — они не учитывают положения В. И. Ленина о том, что в эпоху капитализма окраины были экономической колонией центральной части страны, имели наличные запасы свободных и удобных земель для разработки при том уровне агрономии и агротехники. Если бы окраины не имели таких земель, были бы невозможными и переселения»²⁵.

И действительно, в первые десятилетия после реформы 1861 г. основным колонизационным районом для крестьянства центральной черноземной полосы был юг и юго-восток страны, в частности, Новороссия, Дон, Кубань и Поволжье. Однако в ряде южных губерний уже к середине 80-х годов запас свободных земель иссяк, вследствие чего последовал ряд распоряжений Министерства внутренних дел о прекращении отвода переселенцам казенных земель²⁶. Поэтому со второй половины 80-х годов основным объектом колонизации становятся Сибирь и Дальний Восток. Пуск же Транссибирской магистрали, разрушение в 1906—1914 гг. части общины, приливы и отливы революционного движения, переселенческая политика царизма, вставшего в начале XX в. на путь поощрений крестьянских переселений, — все это, по мнению В. А. Степнынина, играло второстепенную роль.

Соглашаясь в целом с его точкой зрения, мы не можем, однако, не обратить внимания на некоторую схематичность его концепции о решающем воздействии на динамику европейских переселений «степени развития капитализма в деревне европейской части страны, степени остроты противоречий между капитализмом и феодально-крепостническими пережитками»²⁷, на которые он указывает как на факторы, игравшие ведущую роль. Мы полагаем также, что в каждом конкретном случае наряду с отмеченными моментами следует учитывать всю их совокупность. Так, на усиление переселенческих настроений крестьян влияли слухи, которые, в зависимости от их содержания, то ускоряли, то, наоборот, тормозили переселенческое движение. В начале 80-х годов, например в ряде губерний имели широкое хождение слухи об обещании царя отвести в Сибири для каждой переселенческой семьи достаточный земельный надел. На Полтавщине ходили слухи о том, что будто бы монарх сказал крестьянам: «Тут вам земля не будет, а если хотите, вот вам земля в Сибири»²⁸. Слухи о льготах для переселяющихся в Сибирь имели широкое распространение в 80—90-е годы также в Белоруссии²⁹. Позже, в 1905—1907 гг., среди значительной части крестьян центральных губерний разошлись слухи о том, что Государственная дума отрежет часть помещичьих земель и передаст их в руки крестьян, что также не могло не сказаться на размахе переселенческого движения.

К сожалению, историки, изучавшие проблему заселения Сибири и Дальнего Востока эпохи капитализма мало затрагивали вопрос о динамике переселений. В связи с этим интересна статья Н. К. Томило-

²⁵ Степнынин В. А. Колонизация Енисейской губернии..., с. 66.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 437, л. 51.

²⁷ Степнынин В. А. Колонизация Енисейской губернии..., с. 67.

²⁸ Переселение крестьян из Полтавской губернии с 1861 года по 1 июля 1900 года, вып. 1. Полтава, 1900, с. 270.

²⁹ Наши переселенцы. Витебск, 1896, с. 5.

вой³⁰. Не анализируя условий крестьянских переселений в отдельных губерниях, автор попыталась вскрыть причины колебания переселенческого движения. Так, резкое возрастание численности переселенцев в 80-х годах она объясняет общим ухудшением экономического положения крестьян центральной части страны, связанным, в свою очередь, с войной 1877—1878 гг., недородом 1879—1880 гг. и аграрным кризисом в России. Причину усиления переселений в 90-х годах она видит в «дальнейшем ухудшении положения крестьянских масс, увеличении беднейшей его части»³¹. Влияние этих факторов было очевидным, однако нам представляется совершенно несостоятельным утверждение автора о том, что армия безработных не находила своего применения в России вследствие слабости «капиталистических производственных отношений...»³². В действительности степень развития капиталистических отношений прямо пропорциональна занятости трудящихся, так как «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»³³. Таким образом, в дальнейшем, с развитием капитализма, вступлением его в империалистическую стадию следовало ожидать еще большего увеличения армии безработных.

Весьма сложной в историографии оказалась вновь поднятая в 50—60-е годы проблема социального состава переселенцев. Вопрос о том, кто составлял главную массу новоселов, имеет принципиальное значение, так как от него в значительной степени зависит определение расстановки классовых сил накануне трех революций в России. Именно поэтому в его обсуждение включилось большинство исследователей. Одни из них пришли к выводу, что во второй половине XIX в. на окраины переселялось главным образом крестьянство средней состоятельности³⁴. Другие исследователи доказывают преобладание среди переселенцев данного периода беднейших слоев деревни³⁵. Расхождение во мнениях объясняется многими причинами. Одна из них — разная трактовка понятий «бедняк», «середняк», «кулак». Так, А. И. Гинзбург относит к середнякам тех крестьян, кто имел не менее 5 дес. земли на семью³⁶, Л. Б. Белявская — 10 дес.³⁷, Н. Қ. Томилова³⁸ и В. Г. Тюкавкин³⁹ — в среднем по 15 дес. (они ссылаются на исследования

³⁰ Томилова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865—1899 гг.). — Вопросы истории Сибири, вып. 3. Томск, 1967, с. 71—83.

³¹ Там же, с. 79.

³² Там же.

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 645.

³⁴ См., напр.: Покшишевский В. В. Указ. соч., с. 128, 180; Степанин В. А. Влияние переселений..., с. 119; его же. Колонизация Енисейской губернии..., с. 70; Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири..., с. 122; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 6. М., 1968, с. 388; Тюкавкин В. Г. Социально-экономические предпосылки..., с. 16. (В другой своей работе — «Сибирская деревня накануне Октября». Иркутск, 1966, с. 29 — автор отмечает факт преобладания в конце XIX в. переселенцев-бедняков).

³⁵ Томилова Н. К. Основные районы выселения переселенцев на Алтай..., с. 118; Кондрашенков А. А., Лапин Н. А. Некоторые проблемы истории западносибирского крестьянства в феодальную и капиталистическую эпоху. В кн. Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, с. 41; Тихонов Б. В. Указ. соч., с. 153.

³⁶ Гинзбург А. И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, с. 13.

³⁷ Белявская Л. Б. Крах переселенческой политики царизма в период столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке (1906—1914 гг.). Автореф. канд. дис. Томск, 1958, с. 11.

³⁸ Томилова Н. К. Основные районы выселения переселенцев на Алтай..., с. 121—122.

³⁹ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября..., с. 30.

В. И. Ленина, где цифра 15 дес. выведена исходя из средних по 50 губерниям Европейской России величин⁴⁰). При этом они не учитывают того, что основные переселенческие контингенты формировались в Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Воронежской, Орловской и Тамбовской губерниях, т. е. в черноземной полосе, где десятина пахоты давала значительно больший доход, чем, скажем, в нечерноземной Новгородской губернии.

Украинские историки пришли к выводу, что в Полтавской губернии к среднему крестьянству следует относить только тех, кто имеет от 6 до 9 дес., к зажиточным — 10 дес. земли и более. Приблизительно такой же расчет характерен и для других перечисленных губерний Украины⁴¹. Учитывая сходство почвенных и экономико-географических условий черноземной полосы России и Украины, названные цифры можно, очевидно, принять в качестве исходных при характеристике социального состава переселенцев из центральных земледельческих губерний страны.

Причиной противоречивых выводов о социальном составе переселенцев является и ограниченность источниковой базы. В распоряжении исследователей имеются лишь разрозненные сведения, да и то главным образом относящиеся к сибирским переселенцам. В последние годы для советской историографии характерна тенденция более широкого привлечения архивных материалов. Но некоторые даже опубликованные данные еще недостаточно использованы. Для примера назовем полузабытые очень подробные материалы, собранные А. А. Кауфманом и В. И. Юферовым⁴², С. Л. Чудновским и Г. И. Успенским⁴³.

Показательно, что никто из упомянутых выше авторов, придерживающихся тезиса о преобладании среди переселенцев крестьян средней состоятельности, не оперирует массовыми статистическими данными. Чаще всего дело ограничивается ссылкой на В. И. Ленина⁴⁴. Прав Б. В. Тихонов, указавший, что вывод о преобладании среди переселенцев средних слоев деревни В. И. Ленин сделал только лишь относительно первых пореформенных десятилетий (до начала 80-х годов), сославшись при этом на книгу И. А. Гурвича⁴⁵. «В позднейших статьях по переселенческому вопросу, — отмечает Б. В. Тихонов, — В. И. Ленин уже не возвращался к этому выводу, а напротив, настойчиво указывал на все большее вовлечение в переселенческое движение крестьянской бедноты...»⁴⁶. Зная, что в течение 1861—1900 гг. переселение в Сибирь и на Дальний Восток шло неравномерно, и что около 80% новоселов поселилось в этих районах в 1885—1900 гг., можно безошибочно утверждать, что большинство из переселившихся во второй половине XIX в. принадлежало к беднейшим слоям крестьянства. Заметим, что и В. В. Покшишевский, и В. А. Степный, и Л. Ф. Скляр, и В. Г. Тюкавкин согласны с тем, что в 90-е годы среди переселенцев преобладала беднота.

⁴⁰ См. Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 64.

⁴¹ Лещенко М. Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополітичного капіталізму. Київ, 1970, с. 56—57; Кудь В. О. Соціально-економічні передумови селянського руху на Волині в 1905—1907 рр. — «Український історичний журнал», 1973, № 7, с. 81.

⁴² Кауфман А. А. Томские переселенцы. Сборник правовых и общественных знаний, т. 7. СПб., 1897; Юферов В. И. Опыт исследования бюджетов переселенцев. СПб., 1906.

⁴³ Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае. Иркутск, 1893; Успенский Г. И. Собр. соч., т. 8. М., 1957, с. 259—418.

⁴⁴ См. Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 175.

⁴⁵ Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1889.

⁴⁶ Тихонов Б. В. Указ. соч., с. 9.

Хотя изучение периода столыпинской аграрной реформы и не вызвало особых дискуссий вокруг вопроса о социальном составе переселенцев, однако некоторые авторы продолжали отстаивать тезис о преобладании среди них представителей средних слоев в начале XX в. Так, С. М. Дубровский, как и в работах 20-х годов, попытался доказать, что после 1905 г. «основная социальная сущность переселенцев сохранялась — как и раньше, переселялось главным образом крестьянство среднего достатка»⁴⁷. В. И. Ленин неоднократно указывал на факт преобладания среди новоселов малоземельных и безземельных крестьян⁴⁸. Автору этих строк в свое время удалось обнаружить в ЦГИА СССР неизвестные ранее данные челябинского и сызранского регистрационных пунктов, свидетельствующие о том, что земельное обеспечение подавляющего большинства переселившихся в течение 1907—1911 гг. в Сибирь и на Дальний Восток крестьян составляет 3,5 дес. на семью⁴⁹.

В 50—60-х годах изучение заселения Сибири и Дальнего Востока шло преимущественно в двух направлениях. Одно из них — освещение переселенческой политики царизма за тот или иной отрезок времени, другое — характеристика экономического положения новоселов. Последнее направление наиболее ярко представлено работами уже упоминавшихся нами В. А. Степынина и Л. Ф. Склярова. Хотя монография В. А. Степынина посвящена крестьянской колонизации одной только Енисейской губернии, основные выводы автора вполне применимы ко всей Сибири. Л. Ф. Скляров избрал объектом своего исследования более обширный регион — Томскую, Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую губернии. Общее состояние переселенческой деревни Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции проанализировал В. Г. Тюкавкин, отметив при этом наличие интенсивных процессов классовой дифференциации среди крестьян-переселенцев.

В. А. Степынин обстоятельно раскрыл особенности разложения крестьянства и развития капиталистических отношений в одном из крупных колонизационных районов. Он сделал вполне обоснованный, на наш взгляд, вывод о том, что в Сибири переселенцы заводили, как правило, более состоятельное, чем на родине, хозяйство. Однако рост феодально-крепостнических тенденций в переселенческой и землеустроительной политике самодержавия в конце XIX — начале XX в., как доказал Л. М. Горюшкин⁵⁰, осложнил эволюцию фермерского образца в Сибири, а не обусловил ее изменение в направлении растущей эволюции прусского типа, как полагает В. А. Степынин. В данном случае направление аграрной эволюции в Сибири, которая была преимущественно фермерской, отождествляется с условиями ее проявления.

В монографии В. А. Степынина встречаются и противоречивые утверждения. Так, он заявляет, что главной причиной крестьянских переселений являлось разорение крестьянства, малоземелье и безземелье⁵¹, и наряду с этим показывает преобладание среди переселенцев бывших государственных крестьян, которые были обеспечены землей значительно лучше помещичьих⁵². Таким образом, непонятно, почему же те слои населения, которые особенно страдали от недостатка земли,

⁴⁷ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 398.

⁴⁸ См. Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 327, 332 и др.

⁴⁹ Якименко М. А. Крах переселенской политики царизму в 1906—1913 гг. — «Український історичний журнал», 1976, № 7, с. 42.

⁵⁰ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976, с. 89.

⁵¹ Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии..., с. 64—66.

⁵² Там же, с. 69.

принимали менее активное участие в заселении Сибири. Автор утверждает, что среди государственных крестьян «быстрее развивались капиталистические отношения и более многочисленная группа крестьян выталкивалась из земледелия, теряла надежду на ведение самостоятельного хозяйства на родине»⁵³. Это верно. Но из этого еще не следует, что большинство переселенцев выходили из бывшей государственной деревни. Ведь если согласиться с точкой зрения В. А. Степынина, то Казанская губерния (85% государственных крестьян) должна была давать больше переселенцев, чем, скажем, Киевская губерния (20% того же сословия)⁵⁴.

В действительности, в первую очередь следует учитывать условия ведения мелкого крестьянского хозяйства в том или ином регионе. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что подавляющее число «переселенцев шли из малороссийских и среднечерноземных губерний. Это — тот центр России, где всего сильнее остатки крепостничества, где всего ниже заработная плата, где крестьянским массам живется особенно тяжело»⁵⁵.

В советской историографии история заселения Сибири в годы столыпинской аграрной реформы наиболее полно освещена в монографии Л. Ф. Склярова. Особенно много внимания автор уделил переселенческой политике царизма, осветив, в частности, переселенческий вопрос в III Государственной думе. Однако нельзя согласиться с тем, что до 1906 г переселенческая политика царизма еще не была частью аграрной политики, за что автора вполне справедливо критиковала М. С. Симонова⁵⁶. Л. Ф. Скляров, к сожалению, не дал прямого ответа на вопрос: улучшило ли свое экономическое положение большинство переселенцев?

Кроме отмеченных монографий, в течение 60-х годов было опубликовано большое количество журнальных статей, сообщений в различных сборниках местных издательств, тезисов сообщений и докладов на различных конференциях как всесоюзного, так и регионального масштабов. В отличие от предыдущего десятилетия заметно возросло количество исследований по Дальнему Востоку⁵⁷. Н. К. Кольцова, Л. Б. Белявская, В. В. Покшишевский и Ю. Н. Осипов продолжили начатое их предшественниками изучение переселенческой политики царизма на дальневосточной окраине.

В научный оборот были введены новые данные о ходе заселения, причем основное внимание уделялось периоду столыпинской аграрной реформы. Появилась тенденция вскрыть социально-экономические по-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907, с. XXVIII.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 153.

⁵⁶ Симонова М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX—начале XX в.—Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970, с. 425.

⁵⁷ Кольцова Н. К. К столетию заселения Приморья (Способы передвижения крестьян-переселенцев, их устройство во Владивостоке).—«Ученые записки» ДВГУ, вып. 3. Владивосток, 1961; Покшишевский В. В. К географии колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока.—Сибирский географический сборник, т. 1. М., 1962; Белявская Л. Б. Социально-экономические последствия переселенческой политики Столыпина. В кн. Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962; е е же. К вопросу о социально-экономических последствиях переселенческой политики Столыпина на Дальнем Востоке. В кн. Вопросы истории советского Дальнего Востока, вып. 2. Владивосток, 1965; Осипов Ю. Н. Крестьянская колонизация и развитие сельского хозяйства Приморской области (1906—1917 гг.).—Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений. Владивосток, 1967; е го же. Ход русской земледельческой колонизации Дальнего Востока в конце XIX—начале XX в.—Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968.

следствия крестьянских переселений. Это стремление особенно заметно в исследованиях Л. Б. Белявской и Ю. Н. Осипова. Однако если Л. Б. Белявская сосредоточила свое внимание только на отрицательных последствиях крестьянских переселений, то Ю. Н. Осипов показал объективно прогрессивные стороны переселений, выразившиеся в резком росте производства зерновых хлебов, поголовья скота, интенсивном развитии экономики края. Вместе с тем нельзя не отметить досадные неточности в некоторых работах. Так, Л. Б. Белявская утверждает, что до 1861 г. царское правительство якобы совершенно не занималось вопросами крестьянских переселений⁵⁸, хотя в 30—50-е годы XIX в. Министерство государственных имуществ организовало переселение до 400 тыс. крестьян⁵⁹, часть которых была поселена в губерниях Западной Сибири⁶⁰. Неправомерно и ее утверждение о том, что содержание нового переселенческого закона от 6 июня 1904 г. стало известно населению только в конце 1906 г.⁶¹ Царское правительство стало пропагандировать переселения еще в условиях назревания, а затем и развития первой буржуазно-демократической революции в России⁶².

Нельзя согласиться и с тезисом Ю. Н. Осипова, который пишет, что наиболее высокий процент обратных переселенцев был не в первые годы после переселения, а через 6—7 лет⁶³. Более убедительными, на наш взгляд, являются данные Л. Б. Белявской⁶⁴. Судя по ежегодным отчетам заведующих Амурским и Приморским переселенческими районами (а в их достоверности сомневаться не приходится), обратные переселенцы, например, в 1908 г., прожили на новом месте в среднем 8,3 месяца⁶⁵.

В трудах сибирских историков получила дальнейшее освещение переселенческая политика царизма в годы столыпинской аграрной реформы⁶⁶, были охарактеризованы объективные прогрессивные последствия крестьянских переселений не только в годы их наибольшего размаха, но и в предшествующее время, в частности во второй половине XIX в.

Развитию советской исторической науки способствовало принятое ЦК КПСС в августе 1967 г. постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»⁶⁷. ЦК КПСС в 1969 г. обсудил вопрос об основных направлениях научно-исследовательской работы ведущих исторических учреждений⁶⁸. Эти мероприятия стимулировали и разработку советскими исследователями сюжетов по интересующим нас проблемам. Новыми работами пополнилась историография заселения Сибири и Дальне-

⁵⁸ Белявская Л. Б. Крах переселенческой политики царизма..., с. 3.

⁵⁹ Васильчиков А. И. Землевание и земледелие в России и других европейских государствах, т. 2. СПб., 1876, с. 979.

⁶⁰ Колесняков А. Д. Переселение крестьян в Западную Сибирь в середине XIX в.— Вопросы истории Сибири, вып. 9. Томск, 1976, с. 63—72.

⁶¹ Белявская Л. Б. Крах переселенческой политики царизма..., с. 4.

⁶² Степынин В. А. Из истории переселенческой политики самодержавия в начале XX века (Переселенческий закон 6 июня 1904 г.)— «История СССР», 1960, № 5, с. 161—164.

⁶³ Осипов Ю. Н. Экономическое положение «новоселов» в дальневосточной деревне в период империализма.— Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 171.

⁶⁴ Белявская Л. Б. Социально-экономические последствия..., с. 139.

⁶⁵ ЦГА Дальнего Востока (Томск), ф. 19, оп. 3, д. 911, л. 9.

⁶⁶ Соловьева Е. И. Переселенческая политика царизма в период столыпинской аграрной реформы.— Материалы по истории Сибири. Сибирь в период капитализма, вып. 3. Новосибирск, 1967.

⁶⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1972, с. 342—357.

⁶⁸ «История СССР», 1969, № 3, с. 3—4.

го Востока⁶⁹. Историки стали больше связывать переселенческий вопрос с развитием капиталистических отношений, формированием социально-экономических предпосылок социалистической революции в деревне таких окраин, как Сибирь и Дальний Восток. Ряд авторов, в частности, Л. М. Горюшкин, В. Ф. Борзунов, Э. М. Шагин, Б. Н. Морозов и Г. П. Жидков поставили новые проблемы, существенно уточнили некоторые вопросы социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

На примере Сибири Л. М. Горюшкин вскрыл сущность аграрной колонизации, показал ее тесную взаимосвязь с аграрным развитием всей страны. Г. П. Жидков проанализировал отрицательное влияние кабинетского землевладения на успешное освоение огромных земельных богатств Алтая. Исследователи единодушно констатируют, что характерной чертой переселенческой политики самодержавия как в Сибири, так и на Дальнем Востоке было вмешательство чиновничьей бюрократии, которая препятствовала «свободному устройству переселенцев», вносила «путаницу в новые земельные отношения...»⁷⁰. Спорным, однако, является вывод Э. М. Шагина об увеличении среди переселенцев средних слоев крестьянства. По его мнению, приток переселенцев «затемнял», «затушевывал» разложение крестьянства в амурской деревне⁷¹. Л. М. Горюшкин справедливо, на наш взгляд, возразил, что нигде «химически чистого», как выражается Э. М. Шагин, классового разложения крестьянства не было. В. И. Ленин в свое время обращал внимание на то, что переселения не ослабляют, а, наоборот, дают «громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства»⁷². Большинство переселенцев и на новом месте заводили хозяйства бедняцкого типа, многие из них разорились окончательно, пополняя ряды промышленного и сельскохозяйственного пролетариата⁷³.

⁶⁹ Мальков Р. А. Переселенческие контингенты как социальный источник пролетариата (Алтай, конец XIX—начало XX в.).—«Научные труды Новосибирского пед. ин-та, вып. 64, 1971. Из истории Западной Сибири; Борзунов В. Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX—начала XX в. Томск, 1972; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973; Морозов Б. Н. К истории развития капитализма на русском Дальнем Востоке (1861—1904 гг.). Горький, 1973; Осипов Ю. Н. Об особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока.—История, археология и этнография народов Дальнего Востока, вып. 1. Научные доклады VIII Дальневосточной конференции по проблемам исторической науки. Владивосток, 1973; Шагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917—1918 гг.). М., 1974; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири...; Мелешенко С. А. Хроника журнала «Русское богатство» о переселении крестьян на Дальний Восток (1880—1905 гг.).—История, археология и этнография народов Дальнего Востока, вып. 1. Научные доклады VIII Дальневосточной конференции по проблемам исторической науки. Владивосток, 1973; Манжуренко А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири накануне первой мировой войны. В кн. Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в.—1918 г. Томск, 1976; его же. Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX—начало XX в.). В кн. Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII—начале XX в. Томск, 1978; Федорова Е. Д. Из истории заселения таежных и урманных пространств Иркутской губернии во второй половине XIX в. В кн. Социально-экономическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976; Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII—начале XX века (1795—1917 гг.).—«История СССР», 1979, № 3.

⁷⁰ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири..., с. 300.

⁷¹ Шагин Э. М. Указ. соч., с. 79.

⁷² Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 175.

⁷³ Степьян В. А. Влияние переселений на формирование и состояние рынка рабочей силы..., с. 119; Борзунов В. Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX—начала XX в. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 37; Большаков В. Н. К характеристике внутрисибирских социальных источников пополнения рынка индустриального наемного труда в конце XIX—начале XX в. В кн. Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976, с. 62—78.

Другое дело, что средние слои переселенцев, слившись с аналогичной категорией местного населения, несколько увеличили численность крестьян среднего достатка. Но ведь это увеличение было относительным, так как переселенческая беднота в несравненно больших масштабах пополняла дальневосточную деревню.

Вопрос о социальной структуре сельского населения Дальнего Востока нуждается в дальнейшем изучении. Это видно из следующего. Л. Б. Белявская утверждает, что беднота составляла в Амурской области к 1910 г. 54,3%⁷⁴, М. И. Старков — 78% (средняков — 18%, кулаков — 4%)⁷⁵, В. П. Голионко — 26% (средняков — 44%, кулаков — 30%)⁷⁶. Э. М. Шагин предложил следующий вариант социальной структуры сельского населения Дальнего Востока: бедняков к 1910 г. — 62,3%, средняя прослойка — 18—21%, остальные принадлежали к зажиточной части⁷⁷. Л. М. Горюшкин заметил, что ошибка Э. М. Шагина кроется в методике подсчетов, при которой он отнес 50% крупных хозяйств с посевом в 20—40 дес., но без годовых и сезонных рабочих, к средней группе⁷⁸, тогда как В. И. Ленин прямо указывал, что «употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия мелкой буржуазии»⁷⁹.

Таким образом, результаты подсчетов социального состава крестьянства у разных исследователей существенно отличаются.

В последнее время в переселенческой историографии Сибири появились исследования, в которых анализ социального расслоения крестьянства осуществлен с помощью математических методов и электронно-вычислительной техники. Используя уже имеющийся в советской исторической науке опыт корреляционного анализа сельскохозяйственной статистики, томский исследователь Е. Я. Слепцов внес уточнения в существовавшее представление о классовой дифференциации сибирской переселенческой деревни к 1917 г.⁸⁰ Подвергнув математическому анализу подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1916 г., он вычислил, что среди переселенцев Томской губернии беднейшие слои деревни составляли 47,8%, средние — 33,8% и зажиточные — 18,4%. Учитывая, что вычисления сделаны с учетом нескольких показателей (посев, скот, бюджеты), эти полученные результаты следует признать оптимальными. Сравнив социальную дифференциацию переселенческой и старожильской деревни, автор сделал вывод о «почти одинаковом процентном отношении низшей, средней и высшей групп в среде старожильского и переселенческого крестьянства, а также о примерно равном, за некоторыми исключениями, экономическом положении однородных социальных групп переселенцев и старожилов к 1917 г.»⁸¹ Долгое время считалось, что большинство старожилов принадлежало к зажиточной группе сельского населения Сибири. Опыт Е. Я. Слепцова мо-

⁷⁴ Белявская Л. Б. Социально-экономические последствия..., с. 145.

⁷⁵ Старков М. И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962, с. 69, 72.

⁷⁶ Голионко В. П. Очерки революционного движения в Приморье (1900—1916 гг.). Хабаровск, 1940, с. 34.

⁷⁷ Шагин Э. М. Указ. соч., с. 340.

⁷⁸ Горюшкин Л. М. Указ. соч., с. 29—30.

⁷⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 169.

⁸⁰ Слепцов Е. Я. О применении математических методов при изучении разложения сибирского старожильского крестьянства накануне Октябрьской революции. В кн. Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976, с. 36—64; его же. Использование массовых источников о применении наемного труда для характеристики социальной структуры старожильского крестьянства Сибири. В кн. Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977.

⁸¹ Слепцов Е. Я. О применении математических методов..., с. 61, 63—64.

жет быть использован для исследования аналогичных вопросов и в других регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке.

Проблема крестьянских переселений поднимается также и в работах историко-демографического плана. К таковым можно отнести исследования В. М. Кабузана по Дальнему Востоку и Л. М. Горюшкина по Сибири⁸². Авторы указанных работ впервые в историографии подвергли подробному анализу не только динамику народонаселения, но и его национальный и сословный состав. В. М. Кабузан установил, что общая численность населения Дальнего Востока к середине XIX в. составляла всего 17,7 тыс. человек. Земледелие здесь отсутствовало. Только благодаря украинско-русской крестьянской колонизации (украинцы составляли около 60% новоселов) в хозяйственный оборот поступили огромные пространства ранее пустовавших земель. В 1914 г. здесь уже проживало 967 тыс. человек, из них 81,8% составляли переселенцы⁸³.

В 70-е годы появился ряд исследований по истории крестьянских переселений на окраины, в которых главное внимание уделено районам выхода переселенцев. Кроме упомянутой ранее монографии Б. В. Тихонова⁸⁴ вышли работы П. Л. Верещагина⁸⁵, Н. А. Якименко⁸⁶, Е. И. Кривякова⁸⁷ и Н. Л. Проскура⁸⁸. Книга Б. В. Тихонова представляет собой первое в советской историографии исследование крестьянских переселений по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики конца XIX в. Хорошо проиллюстрированы, в частности, основные направления переселенческого движения. По подсчетам автора, в 1897 г. неместные уроженцы в Сибири и на Дальнем Востоке составляли около 1200 тыс. человек⁸⁹. Анализируя численность переселенческих контингентов, автору следовало бы отметить, что в Сибири и на Дальнем Востоке действительное число переселенцев было несколько меньшим, так как кроме переселенцев оно включало и ссыльных.

К сожалению, в монографии нет характеристики переселенческой политики царизма, что значительно затрудняет понимание тех или иных фактов. Так, автор объясняет причину несоответствия временно отсутствующих (3 053 255 чел.) и временно пребывающих (2 104 754 чел.) техническими ошибками счетчиков⁹⁰. Нам представляется такое объ-

⁸² Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма. В кн. Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976, с. 76—84.

⁸³ Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976, с. 41, 161, 169—170.

⁸⁴ См. также его статью: «История СССР», 1977, № 1, с. 109—121.

⁸⁵ Верещагин П. Л. Крестьянские переселения из Белоруссии (Вторая половина XIX в.). Минск, 1978; его же. У истоков аграрных миграций белорусского крестьянства на окраины России в период империализма. В сб. Вопросы истории, вып. 3. Минск, 1976, с. 3—21; его же. Из истории аграрных миграций белорусского крестьянства в период капитализма (конец XIX—начало XX в.). Там же, с. 22—31.

⁸⁶ Якименко М. А. Организация переселения селян з України в роки столипінської аграрної реформи (1906—1913 рр.).— «Український історичний журнал», 1974, № 7, с. 32—42; его же. Деякі питання переселенської політики царизму в III Державній думі. В сб. Питання історії СРСР, вип. 19. Харків, 1975, с. 80—87; его же. Крах переселенської політики царизму в 1906—1913 рр.— «Український історичний журнал», 1976, № 7, с. 41—50.

⁸⁷ Кривяков Е. И. Социально-экономическое положение переселенцев на родине. В кн. Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1974, с. 11—37; его же. Промысловые занятия новоселов из Мордовии в местах водворения. Там же, с. 38—46; его же. Переселение крестьян из Мордовии в пореформенный период (Историография вопроса). В кн. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVIII—начало XX в.). Саранск, 1979.

⁸⁸ Проскура Н. Л. Переселения селян з Харківської губернії у роки столипінської аграрної реформи.— «Український історичний журнал», 1973, № 6, с. 98—105.

⁸⁹ Тихонов Б. В. Переселение в России..., с. 152, 182—183.

⁹⁰ Там же, с. 33.

яснение несколько односторонним. В данном случае не учтены условия крестьянских переселений. Известно, например, что подавляющее большинство крестьян во второй половине XIX в. переселялось без соответствующего разрешения властей⁹¹.

В советской литературе по истории заселения Сибири и Дальнего Востока в 1861—1917 гг. следует отметить очевидные успехи изучения данной проблемы. Советские историки смогли объяснить действительную причину скромных успехов в освоении новых земель при царизме, разорения сотен тысяч крестьян-переселенцев. Буржуазная историография (как дореволюционная, так и современная) всю вину пыталась свалить на самих переселенцев или на трудность освоения целинных и залежных земель. В связи с этим Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев писал: «Пытаясь как-то оправдать действия правительства, сгладить удручающее впечатление от передвижения с запада на восток и обратно гигантских масс измученного народа, буржуазные исследователи придумали целую теорию, утверждавшую, что во всем повинны... сами восточные степные земли. Они писали, что эти земли якобы бесплодны и в силу своих природных особенностей попросту не могут быть когда-либо использованы»⁹². В. И. Ленин указывал, что непригодными эти земли являются «не столько в силу природных свойств... сколько вследствие общественных свойств хозяйства... обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность»⁹³. Только социалистическая действительность создала благоприятные «условия для использования новых земель всюду — в Западной Сибири и Северном Казахстане, в Поволжье и на Северном Кавказе, на Урале, Дальнем Востоке»⁹⁴.

Советскими исследователями дана принципиальная оценка переселенческой политики царизма, вскрыты социально-экономические предпосылки крестьянских переселений, их влияние на экономическое развитие окраин. Разумеется, это вовсе не означает, что данная проблема уже исчерпана. Дальнейшего исследования ждут вопросы социального состава переселенцев, его изменений в течение всего пореформенного периода, устройства новоселов. Только с использованием самого широкого круга источников можно с достаточной полнотой осветить и такие еще мало исследованные вопросы, как роль земских учреждений в организации крестьянских переселений, состояние медицинского обслуживания новоселов, условия ликвидации переселенцами имущества и земли, взаимовлияние в различных сферах жизни новоселов и местных жителей, участие переселенцев в классовой борьбе и ряд других. Наконец, пришло время заняться историографическим обобщением накопившейся литературы по переселенческому вопросу, что, несомненно, окажет благоприятное влияние на дальнейшее изучение такого важного и актуального вопроса, каким является история заселения и хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока.

⁹¹ Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века.— «Вопросы истории», 1965, № 1, с. 28—38.

⁹² Брежнев Л. И. Целина. М., 1979, с. 27.

⁹³ Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 229.

⁹⁴ Брежнев Л. И. Указ. соч., с. 28.

О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КОРМЧИХ КНИГ НА РУСИ

Проблема рецепции византийского права в Древней Руси имеет обширную историографию, хотя крупные исследования в этой области не предпринимались вот уже в течение нескольких десятилетий. Между тем актуальность этой проблемы очевидна, так как применительно к первым десятилетиям после принятия христианства — это прежде всего вопрос о культурном уровне дохристианской Руси.

Если не сужать проблему рецепции до простейших аспектов заимствования, а представить ее более широко, то перспектива ее решения окажется сопряженной с выяснением прежде всего уровня правового развития дохристианского общества Древней Руси, иначе говоря, уровня развития правовой надстройки тогдашнего общества, его государственности, его общинноправовых институтов, в том числе публичного права и т. д.

Все эти сюжеты приобретают особую остроту в ситуации, когда решается вопрос происхождения перевода того или иного византийского юридического свода законов. Если эти переводы предприняты в Древней Руси в период становления там христианства, то они особо четко высвечивают все аспекты культурно-правовых предпосылок их осуществления, а следовательно, и предпосылок понимания и усвоения представителями общества того времени сложнейшей юридической терминологии, разработанной византийским правом. Вполне понятно, что столь высокого уровня развития общество, в лице его конкретных представителей, осуществлявших переводы, не могло достичь в кратчайший период, — для этого нужно, по крайней мере, немало десятилетий. Таков один из путей, раскрывающих возможность под данным углом зрения проникнуть в глубины древнерусской истории.

Вопрос о дальнейших переводах византийских юридических памятников имеет и другую, не менее значимую сторону. Это проблема использования специфических черт переводческой работы как источника по истории эпохи, современной самому переводчику. В терминологии перевода могут быть скрыты немаловажные материалы для суждений о условиях древнерусского общества, структуре управления, правовых нормах и т. д.

* * *

Среди наиболее древних славянских юридических переводов, пожалуй, важнейшее место занимает перевод Номоканона XIV титулов без толкований, сохранившегося в древнейшем экземпляре так называемой Ефремовской кормчей начала XII в. и некоторых других *.

Историографическая традиция до сих пор связывала перевод этого кодекса с южнославянскими древними государствами, в частности, с

* *Кормчие книги*, или *номоканоны*, — юридические кодексы, систематизировавшие основные памятники церковного и светского права христианского мира и прежде всего византийской церкви и византийских императоров, упоминаемых в древнерусской литературе как «первых царев оуряженьев».

Болгарией конца IX — начала X в. В недавно вышедшем исследовании Я. Н. Шапова подведены итоги этого изучения истории кормчих книг как у нас в стране, так и за рубежом¹. В работе учтено и изучено до 180 списков кормчих книг XII—XVIII вв., основная часть которых до сих пор не была введена в научный оборот. На этом обширном фундаменте Я. Н. Шапов реконструирует генеалогию списков кормчих книг. Больше того, он попытался решить поистине непосильную (с точки зрения объема исследовательской работы) задачу систематизации этих юридических кодексов, выделение и датировку их редакций и изводов.

Естественно, что в небольшой по объему книге итоги этой работы не могли быть изложены во всей ее полноте. Поэтому автор в качестве главной темы избрал изучение и систематизацию кормчих книг наиболее древнего периода — XI—XIII вв.

Основное внимание он уделит проблеме происхождения и истории появления на Руси в середине XI в. славянского перевода греческого Номоканона XIV титулов без толкований. Этот раздел — один из самых обстоятельных в монографии. Автор тщательно изучил и сопоставил списки этой кормчей, систематизировал материал обширной (русской и европейской) литературы о самой Кормчей и отдельных ее компонентах. В книге подытожены разыскания исследователей (главным образом В. Н. Бенешевича) о греческих списках, имеющих прямое или косвенное отношение к греческому протографу так называемой Древнеславянской кормчей.

Концепция автора книги вкратце может быть сведена к следующему. Перевод Древнеславянской кормчей был предпринят в Болгарии в конце IX — начале X в. (скорее всего, в 20-х годах X в.). Уникальный по подбору статей греческий оригинал Кормчей, не сохранившийся до наших дней, сложился, очевидно, в Византии, точнее, в Константинополе, откуда и был перенесен в Болгарию. Основу этого греческого оригинала составила так называемая третья редакция Синтагмы XIV титулов, созданная в Византии при патриархе Тарасии в 784—787 гг. Я. Н. Шапов считает, что работа над ней велась практически до 912 г., так как этой датой завершаются перечень иерархов и «Летописец вскорее», входящие в состав дополнительных статей к Номоканону XIV титулов.

Автор допускает, что оригинал мог проникнуть в Болгарию не непосредственно из Византии, а с территории, контролируемой римской папой (с. 98), так как в составе дополнительных статей Сборника находится так называемая «Проримская схолия», о происхождении которой имеется большая историография².

В конце X — начале XI в. славянский перевод Кормчей попал на Русь (либо через Западноболгарское царство, либо через Афон, либо через Константинополь)³.

От архетипа Кормчей, попавшей на Русь, автор ведет три ветви генеалогии списков. Первая ветвь ведет через Ефремовскую кормчую конца XI — начала XII в. к Уваровской кормчей начала XIII в., а также к Рогожской кормчей третьей четверти XV в. Вторая ветвь — от архетипа к

¹ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

² Павлов А. С. Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями. — Византийский временник, т. IV. СПб., 1897, с. 148 и др.; Schmid H. F. Neue Beiträge zur Frage nach der ältesten Kirchenslavischen Nomokanon Übersetzung. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1924, № 1; Grivec F. Orientalische und römische Einflüsse in Scholien der Slavenapostel. — «Byzantinische Zeitschrift», 1929—1930, Bd. 30; Троицкий С. В. Спор старог Рима са новим на странама крмчије. Београд, 1960 и др.

³ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 101.

Плигинской кормчей последней четверти XV в. и третья — к Троицкой кормчей конца XV — начала XVI в. Кроме того, как полагает автор, один из ранних списков Древнеславянской кормчей был на Афоне и дал основу для работы над новым переводом (сербским) Кормчей в начале XIII в.

Если общая концепция происхождения так называемой Древнеславянской кормчей дана в книге главным образом на основе трудов В. Н. Бенешевича и Я. Н. Шапов уточняет и развивает его идеи, то в анализ древнерусских списков автор, опираясь на материалы И. И. Срезневского, внес свой вклад. Он проделал большую работу по восстановлению полного состава статей Ефремовской кормчей. Основным методом на этом пути был перекрестный анализ всех кормчих этого типа по составу статей.

Древнейшая Ефремовская кормчая, как известно, обрывается на середине 87-й главы «Собрания исвелл Юстиниана в 93 главах». Состав ее протографа определяется Я. Н. Шаповым по Плигинской кормчей и включает после «Собрания в 87 (93) главах» календарный трактат «Великого книжника Антиохийского», «Летописец вскорее» патриарха Никифора, перечни архиепископов и патриархов, статью «Разум 7 собор», «Образ... веры» Михаила Синкелла, Вопрос-ответ князя Антиоха и архиепископа Афанасия Александрийского, 7-й титул Прохирона (Градского закона) в 28 главах, 2-ю главу 2-го титула Эклоги, 9-е правило первого-второго Константинопольского собора, подборку статей о власти константинопольского патриарха, включая «Проримскую схолию», помещенную между 1-й и 2-й главами 28-го титула Прохирона, отрывок послания Ефесского собора к епископам Памфилии⁴.

Реконструкция эта сделана довольно тщательно. Интересны наблюдения над сокращенным вариантом Ефремовской кормчей, относимым к XI — началу XII в., представленным так называемой Уваровской кормчей XIII в. Думается, однако, что автор преувеличивает число и значение таких сокращений⁵. Вряд ли они демонстрируют непригодность в древнерусской действительности полного варианта Кормчей XIV титулов. Выборка текстов зависела в первую очередь от ранга церковных иерархов, ее предпринимавших, и назначения выборки. Сокращения же Плигинской кормчей касаются вообще только правил Трулльского собора и интерпретировать их крайне затруднительно (не говоря уже об их датировке).

Я. Н. Шапов почти не затрагивает в своих историографических отступлениях гипотезу древнерусского происхождения перевода Кормчей, отсылая читателя к трудам А. С. Павлова. Автор относится к этой гипотезе как к историческому эпизоду, считая, что трудами В. Н. Бенешевича вопрос окончательно решен в пользу гипотезы о древнеславянском переводе. Между тем гипотеза А. С. Павлова во многом опиралась на древнерусские термины Кормчей XIV титулов. Позднее же, в связи с работами В. Златарского, указавшего на факт целенаправленной редакторской работы над содержанием Кормчей как на свидетельство специальной подготовки в Византии экземпляра Кормчей для Болгарии⁶, к наблюдениям А. С. Павлова над лексикой стали относиться как к явлениям позднейшего «обрусения» текста Ефремовской кормчей в Древней Руси.

⁴ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 47—48, 64—88.

⁵ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 103—109, 236—239.

⁶ Златарски Васил. Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия.— Златарски В. Избрани произведения, т. 1. София, 1972, с. 243—256 и др.

Справедливости ради следует отметить, что Я. Н. Шапов, тщательно исследовав аргументы В. Златарского (а также С. В. Троицкого)⁷, пришел к мнению о несостоятельности подобной интерпретации⁸. Эти выводы автора носят принципиальный характер. По сути дела, они означают отказ от единственных, казалось бы, реальных фактов, говоривших о специальной подготовке греческого экземпляра Синтагмы XIV титулов для перевода в Болгарии. Правда, сам Я. Н. Шапов такого вывода не делает, но он диктуется логикой сделанных наблюдений.

Таким образом, несмотря на собственные наблюдения, главной слабостью гипотезы А. С. Павлова Я. Н. Шапов считает языковые данные, ссылаясь на мнение В. Ягича и Ф. И. Буслаева о болгарском изводе текста⁹. В качестве важного аргумента автор приводит свидетельства С. Н. Обнорского. Аргументация С. Н. Обнорского, высказанная им в личном письме к Я. Н. Шапову от 1959 г., в основном сводится к тому, что для древнерусского перевода потребовался бы крупный штат переводчиков, а болгарский готовый текст стоил «дешевле»¹⁰. Думается, что этот довод явно неубедителен, если вспомнить о стремлениях русской церкви Ярослава к самостоятельности, о честолюбии самого Ярослава, если вообще иметь в виду общие аспекты проблемы суверенитета Древнерусского государства и т. п. К тому же и критерий «дешевизны» (свойственный скорее эпохе развитого товарного производства) вряд ли приемлем.

В 1912 г. С. Н. Обнорский издал книгу, специально посвященную исследованию языка древнейшего списка Кормчей — Ефремовского. Итог исследования рукописи ученый формулирует сразу же: «Кормчая — памятник русский»¹¹. Подтверждается это многочисленными и тщательными наблюдениями.

Вместе с тем, несмотря на громадный и убедительный материал о русском изводе языка Кормчей, С. Н. Обнорский все же оставляет возможность полагать, что в основе Ефремовской кормчей лежит южнославянский оригинал. Надо сказать, что С. Н. Обнорский вообще исходил из тезиса, что все древнейшие русские переводные памятники списаны со старославянских (южнославянских)¹². Поэтому в ряде затруднительных случаев анализа языка Ефремовской кормчей он неоднократно прибегает к предположению о наличии следов древнеболгарского оригинала¹³.

Здесь уместно напомнить, что С. Н. Обнорский в свое время выдвинул и отстаивал гипотезу о независимости сложения древнерусского литературного языка от старославянского¹⁴. Думается, что не случайно поэтому для ученого все древнейшие памятники, написанные с той или иной долей норм старославянского литературного языка, — не русские по своему происхождению, а древнеболгарские.

В сущности говоря, это — дань традиции, сложившейся еще в XIX в. Как верно отметил Я. Н. Шапов, XIX век был периодом, «когда все или почти все произведения на славянском языке связывались с Древней

⁷ Троицкий С. В. Спор старог Рима са новим на странама словенске крмчице.

⁸ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 92—95.

⁹ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 89.

¹⁰ Там же.

¹¹ Обнорский С. Н. О языке Ефремовской кормчей. СПб., 1912, с. 3.

¹² Там же, с. 29.

¹³ Там же, с. 30, 36, 54, 62 и др. Между прочим, С. Н. Обнорский оговаривал, что лексика памятника остается неизученной.

¹⁴ Обнорский С. Н. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

Болгарией времени Симеона и Самуила»¹⁵. Для XIX — начала XX в. эта традиция имела и церковно-политические аспекты, ибо официальная церковь, так сказать, канонизировала ее.

Сила влияния церковно-политических традиций в историографии ряда проблем русской и славянской истории хорошо подтверждается в истории изучения проблемы происхождения славянской письменности. Признанная ныне большинством ученых гипотеза о более древнем (в сравнении с кириллицей) происхождении глаголической азбуки разрабатывалась в XIX — начале XX в. усилиями главным образом не русских ученых. Прежде всего это труды П. И. Шафарика, Ф. Миклошича, Фр. Рачки и др. Когда в 1856—1857 гг. П. И. Шафарик выдвинул основные аргументы своей гипотезы, М. П. Погодин, И. О. Бодянский, И. И. Срезневский ответили молчанием. В России, пожалуй, лишь В. И. Григорович решительно поддержал гипотезу древнейшего происхождения глаголицы. Даже такой крупнейший знаток славянской филологии, как А. Х. Востоков, проявил сдержанность в этом вопросе. Добросовестнейший И. И. Срезневский, в течение долгих десятилетий изучавший проблему, так и не решился признать первичности глаголицы и остался «колеблющимся». Е. Ф. Карский считал синхронными оба алфавита. А. И. Соболевский в десятом томе «Богословской энциклопедии» в слабо аргументированной статье довольно бесцеремонно раскритиковал гипотезу о первичности глаголицы. Факт весьма многозначительный. Еще одним исключением был В. Н. Щепкин, не только поддерживавший, но и развивавший идеи П. И. Шафарика. Таким образом, вполне возможно, что русским ученым в большинстве своем, очевидно, было не всегда под силу отказаться от тезиса о первенстве истинно славянской кириллицы — принадлежности православного богослужения.

Некоторую аналогию охарактеризованной ситуации можно увидеть и в разработке проблемы славянорусских древнейших переводов с греческого. Число общепризнанных в литературе древнерусских домонгольских переводов невелико. И каждый факт такого перевода с трудом пробивает себе дорогу. Общеизвестно, насколько бурными были многолетние споры по поводу концепции В. М. Истрина о древнерусском переводе XI в. «Хроники Георгия Амартола». В литературе послевоенного периода из наиболее крупных и объемных переводов окончательно получило признание древнерусское происхождение перевода «Истории иудейской войны Иосифа Флавия», обстоятельно показанное Н. А. Мещерским.

Разумеется, выявление древнерусских переводов, особенно наиболее ранних, составляет сложнейшую проблему исторического и прежде всего филологического характера. И тем не менее в последние годы презумпция южнославянского происхождения произведений ранней книжности Древней Руси несколько поколеблена. Все чаще высказывается мнение о явном преувеличении в XIX — начале XX в. роли диалектного влияния на древнеславянский литературный язык, преувеличении его региональной территориальной обособленности в славянских раннефеодальных государствах. Ученые-филологи приходят к мысли о более значительной, чем считалось прежде, общеславянской функции древнеславянского литературного языка. И в этой связи особое место в изучении данной проблемы отводится лексике того или иного памятника¹⁶.

¹⁵ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 9.

¹⁶ Мещерский Н. А. О славяно-русской переводной литературе XI—XV вв.— Труды Отдела древнерусской литературы, т. XX. М.—Л., 1964; Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском литературном языке южных и восточных славян.— «Вопросы языкознания», 1961, № 1 и др.

Нетрудно заметить, что в работе Я. Н. Шапова основные направления изысканий ученого не учитывают указанных сдвигов. Признавая, что лексика памятника не изучена, Я. Н. Шапов вместе с тем, опираясь на литературу, определяет извод языка Ефремовской кормчей как древнеболгарский¹⁷.

Главные усилия Я. Н. Шапова при исследовании славянского перевода Номоканона XIV титулов без толкований, как уже упоминалось, были направлены на реконструкцию статейного состава архетипа Ефремовской кормчей, что, в свою очередь, используется как база для определения времени и места перевода. В монографии Я. Н. Шапова проделана большая и серьезная работа по созданию общих примерных схем соотношения кормчих книг и отчасти генеалогии их списков. Эта работа основывалась на методике сопоставления постатейного состава многочисленных рукописей кормчих книг. Однако можно ли столь же уверенно применять эту методику для решения принципиально иного вопроса — вопроса о времени и месте перевода греческого текста на старославянский язык, как это сделано в работе Я. Н. Шапова? В этом можно усомниться.

Факты, изложенные в монографии, можно интерпретировать иначе, если предположить, что греческий оригинал Сборника XIV титулов без толкований вовсе не включал так называемые дополнительные статьи. Исходя из допущения, что с греческого был переведен лишь основной костяк Кормчей, кончая разделом «Собрания в 87(93) главах», а остальные статьи были привлечены в сборник создателями Кормчей на месте, самостоятельно, многие факты будут объяснены, на наш взгляд, более логично и убедительно.

Попытка найти греческий оригинал, который бы включал все фиксируемые ученым дополнительные статьи, на наш взгляд, малоперспективна. Во всяком случае, Я. Н. Шапов констатирует сходство греческих списков Синтагмы III редакции и реконструируемого им архетипа Ефремовской кормчей лишь в основной своей части, включающей «Собрание в 87(93) главах»¹⁸.

Тезис автора о том, что так называемые дополнительные статьи состоят большей частью из очень распространенных в византийской литературе и неоднократно переведенных на славянский язык сочинений, объективно служит скорее аргументом против его концепции, чем в ее пользу. Я. Н. Шапов полагает, что именно факт большой их популярности и многократных переводов на славянский повышает шансы их присутствия в собранном виде в греческом оригинале архетипа Ефремовской кормчей. Думается, что как раз, наоборот, гораздо больше оснований полагать, что многие из дополнительных статей были собраны воедино переводчиками-редакторами уже в различных по времени готовых переводах, и только незначительная их часть была переведена специально.

Если Я. Н. Шапов, развивая концепцию южнославянского происхождения перевода архетипа Ефремовской кормчей, опирается исключительно на тексты дополнительной части Кормчей, то некоторые исследователи пытаются сделать это на материалах основной части Кормчей. В частности, речь идет об исследовании И. Вашицы, посвященном анализу «Собрания в 87(93) главах»¹⁹. Центр тяжести этого анализа лежит в изучении лексического материала. Ученый сосредоточил свое внимание на терминах «Собрания в 87(93) главах», совпадающих с терминами

¹⁷ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 89, 235.

¹⁸ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 64, 72 и др.

¹⁹ Vašica J. Collectio 87(93) capitulorum dans les Nomocanones slaves. — «Byzantinoslavica», 1959, t. 20, № 1.

древнейших славянских переводов. Главным аргументом в пользу гипотезы восточноболгарского, по мнению И. Вашицы, перевода архетипа Ефремовской кормчей служит термин *чиститель* (*ερεος*) и его производные, а также термины *соборный* (*συστατιχος*), *штуждый* (*αλλοτριον*), характерные для перевода Преславской школы X в.²⁰

Однако такой принцип исследования без соблюдения некоторых условий подобен подходу палеографа, который взялся бы датировать какой-либо памятник письменности лишь по древнейшим графическим чертам объекта исследования и игнорировал бы позднейшие графические явления. Палеографы же, как известно, поступают наоборот: датируют памятник по позднейшим элементам графики. В работе, посвященной «Собранию в 87(93) главах», И. Вашица, тонкий филолог, создавший ряд глубоких исследований в этой области, и в частности, по лексике древнейших памятников славянской письменности, абстрагируется от позднейших лексических элементов. Однако это допустимо лишь при одном условии: если доказано действительно их вторичное, т. е. позднейшее происхождение. Например, в лексике краткой редакции Закона Судного людем таких наслоений вообще не обнаружено, и поэтому древнейшие элементы лексики в данном случае имеют ключевое значение в определении места происхождения памятника.

В качестве второго авторитетного мнения Я. Н. Шалов привлекает наблюдения А. И. Соболевского, который в определении хронологии и места переводов таких памятников, как Златоструй, Изборник 1073 г., канонарий Иоанна Мниха и др. опирался, в частности, на перевод *ερεος* как 'чиститель', считая такое толкование специфичным для Преславской школы X в. В числе таких памятников А. И. Соболевский назвал и Номоканон XIV титулов²¹.

Справедливости ради следует напомнить, что А. И. Соболевский держался более широкого взгляда. Именно этот ученый прекрасно сознавал возможность проникновения древнейшей терминологии в памятники, более поздние по времени и различные по месту происхождения. Он писал, в частности, что «церковнославянский язык Кирилла и Мефодия легко принимал в себя разнообразные местные элементы, и в тех случаях, где мы имеем дело не с несомненной эпохой славянских апостолов и их ближайших учеников, пользование словарем представляет значительные трудности»²². Иначе говоря, в таких условиях древнейшая лексика становится очень ненадежным и даже не решающим аргументом. Вот что писал ученый конкретно по поводу термина *чиститель*: «... слово *чиститель*, принадлежащее из древнейших памятников лишь тем, которые вышли из кружка болгарского царя Симеона, находится в более поздних (XI—XIII вв.) текстах сербских и русских, перейдя в них вместе с другими словарными данными церковнославянского языка»²³.

На наш взгляд, немаловажно, что мнение А. С. Павлова о переводе Номоканона XIV титулов на Руси при Ярославе Мудром было поддержано М. Н. Сперанским. Это мнение не отвергал и Н. Н. Дурново²⁴.

²⁰ Там же, с. 5—7.

²¹ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 90, 121—122, 127.

²² Там же, с. 94.

²³ Там же. Это суждение можно дополнить высказыванием А. С. Орлова: «Вообще определить язык перевода для X—XI—XII вв. весьма трудно. Ведь литературный язык русские получили из Болгарии и могли так хорошо писать на литературном языке Болгарии и так ловко подражать ему, что лишь в незначительной доле обнаруживали свой русизм». (Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1937, с. 44.)

²⁴ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 29; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 110.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с лексикой перевода архетипа Ефремовской кормчей начала XII в. Действительно ли этот перевод, содержащий терминологию древнейших восточноболгарских переводов, имеет элементы лексики иного происхождения лишь как результат позднейших редакций. Ввиду ограниченного объема статьи остановимся лишь на принципиально важных экскурсах в терминологию.

* * *

Важнейшим моментом в трактовке происхождения перевода Ефремовской кормчей являются, на наш взгляд, тексты 33-й и 34-й глав раздела Кормчей, известного под названием «Собрания в 87 (93) главах», представляющего выборку из новелл Юстиниана. В свою очередь, целью нашего исследования будет выяснение вопроса о времени появления в текстах этих глав таких древнерусских терминов, как *тиун* и *тиунство*, т. е. терминов, не имеющих ничего общего с южнославянской основой лексики Кормчей, терминов, корни которых уводят в пределы Северной Европы. Следовательно, необходимо выяснить: когда появились в Кормчей эти термины — в момент перевода с греческого или в процессе предполагаемой позднейшей правки славянского перевода. Задача, разумеется, не простая. Однако попробуем разобраться в этом.

Греческий текст этих глав опубликован в издании Древнеславянской кормчей²⁵. Перевод этих глав по Ефремовской кормчей, опубликованный там же, выглядит следующим образом:

«33. Аще ли съключитъся поставляемоумоу епископу подъ властью оужика своего быти, отъ того поставления самовластья да боудеть. Боголюбивымъ же епископомъ и мьнихомъ ни отъ единого же закона приставникъ или тиоунъ, коегождо лица бывати не даемъ. 34. Попомъ же и дякономъ и подьякономъ, правдънымъ и единъмъ приближения на приставничьство или тиоунство призываемомъ, таково приимати слоужение подаемъ...»²⁶.

Как видно из текста, первая часть 33-й главы самостоятельна. Это объявление самозванцем епископа, поставленного в этот сан «под властью» своего родственника (в греческом тексте — родителя, γονέως). Вторая часть главы и ее продолжение в 34-й главе повествуют о запрещении незырять ни на какие указания (законы) епископам и монахам, т. е. черному духовенству, выступать в роли опекунов, попечителей или управителей (что конкретно имеется здесь в виду, на первый взгляд не вполне ясно). И, наоборот, попам, дяконам и иподьяконам, т. е. представителям белого духовенства, если они «праведны» и их приглашают на эту роль, разрешается пребывание в этой должности. Статья 34 имеет продолжение, где разъясняются некоторые технические условия перехода в названные должности. В этой части уже фигурирует только один термин — *περί ἀλλήν κουράτοριαν*, переведенный в Ефремовской кормчей: *от (ѿ) иного тиоунства*.

²⁵ Древнеславянская коричая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. 1. СПб., 1906, вып. I—III (Далее — ДСК), с. 768—769.

«λγ'. Εἰ δὲ συμβῆ τὸν χειροτονούμενον ἐπίσκοπον ὑπὸ τὴν τοῦ ἰδίου γονέως ἐξουσίαν εἶναι, ἐξ αὐτῆς τῆς χειροτονίας ἀνεξουσίος ἔστω. τοὺς δὲ θεοφιλεστάτους ἐπίσκοπους καὶ μοναχοὺς ἐκ μηδενὸς νομοῦ ἐπιτρόπους ἢ κουράτορας οὐδὲν ποτε προδῶλον γίνεσθαι συγχωρούμεν. λδ. Τοῖς δὲ πρεσβυτέροις καὶ διακόνοις καὶ ὑποδιακόνοις τῷ δικαίῳ καὶ μόνῳ τῆς συγγενείας εἰς ἐπιτροπὴν (ἢ) κουράτοριαν καλούμενους τὴν τοιαύτην ὑποδέχεσθαι λειτουργίαν συγχωρούμεν...»

²⁶ Там же.

В тексте обеих глав неясен смысл терминов *приставникъ* и *тиунъ* (и, соответственно, *приставничество* и *тиунство*). Термин *приставникъ* в переводных текстах имеет самое разное значение, в том числе и в текстах самой Ефремовской кормчей. Это — надсмотрщик, управитель, служитель, слуга. Термином *приставникъ* обозначали некоторые византийские церковно-судебные должности. Так, в текстах постановлений Карфагенского собора, вошедших в Ефремовскую кормчую, в § 97 этим термином переведено греческое ἐκδικῶνς ('экдик, прокурор'), в § 138 — греческое ἐκβιβαστῆς (от ἐκβίβαξω — 'отводить, толкать'). В самом «Собрании в 87 (93) главах» этим термином переведено греческое ἐκκλητοροῦς; в значении 'сборщик', а также термин ρεφερενδάρχιος — референдарий. В постановлениях Халкидонского собора (§ 3) как 'приставник' переведено греческое μισθωτάι ('наниматель, откупщик'). И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря...» нигде не фиксировал словоупотребление *приставникъ* (равно как и *приставничество*) в значении 'опекун' (опекунство). Единственным исключением является интересующая нас Ефремовская кормчая²⁷.

Древнерусский термин *тиунъ* в подавляющем большинстве случаев употребляется, как известно, в значении 'слуга, домоправитель, управляющий', а также как 'должностное лицо в системе княжеского управления городом или округой'. В интересующем нас значении термин *тиунъ* в древнерусских источниках не употребляется. У И. И. Срезневского *тиунъ* (тиунство) используется в значении 'опекун' лишь в 33-й и 34-й главах «Собрания в 87 (93) главах» Ефремовской кормчей.

Обращение к греческому тексту Кормчей мало что меняет, поскольку там фигурирует греческое ἐπιτρόπος, имеющее значение 'управитель, заведующий, попечитель, опекун'. Наряду с греческим термином в Кормчей стоит и латинский термин *хорратора*, имеющий точно те же значения: 'управитель, заведующий, попечитель, опекун'. Употребление латинских терминов в греческой Кормчей — явление нередкое, обусловленное самой историей права. Более того, совпадение семантической нагрузки обоих терминов может дать повод для предположения о том, что перед нами просто синонимы (греческий термин и латинская параллель).

Древнейший перевод Ефремовской кормчей, к сожалению, не помогает нам утвердиться в этом суждении, поскольку в нем фигурируют термины в довольно неожиданном для них значении.

Проясняет ситуацию обращение к истории греко-римского права. Дело в том, что древнее римское право знало два вида опеки: а) *tutela* — опека несовершеннолетних, где главной целью была охрана семейных интересов, и б) *cura* — иные виды опеки, основной целью которых была охрана классовых, корпоративных интересов²⁸. Эти тонкости в различии опеки формально были восприняты и юстиниановым законодательством²⁹. Интересующий нас текст в новелле 123 сар. 5 в латинской версии выглядит следующим образом: «Deo autem amabiles episcopus & monachos, ex nulla lege tutores, aut curatores cujuscunque personae heri permittimus, presbyteros autem, & diaconos, & subdiaconos jure & lege cognationis tutelam aut curam suscipere haereditatis, permittimus proprio-

²⁷ Кроме интересующих нас фрагментов можно также упомянуть цитацию в Ефремовской кормчей 7-го титула Прохирона, где ἐπιτροπος хорратора переведены как 'приставник'. См. Шаповалов Я. Н. Указ. соч., с. 74.

²⁸ Zachariä von Lingenthal K. E. Geschichte des griechischen-römischen Rechts (далее — Zachariä...). Berlin, 1892, S. 120.

²⁹ Там же, S. 121.

& solo gradu cognationis ad tutelam & curam vocatis, hujusmodi suscipere administrationem permittimus...»³⁰.

Итак, греческие параллели для латинского *tutela* (*tutores*) — ἐπιτροπή, ἐπιτροποις; для латинского *cura* (*curatores*) — κουράτωρεια κουράτωρας. Содержание латинской параллели почти во всем совпадает с текстом 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» в греческой Кормчей XIV титулов. Однако есть и сокращения, наличие которых в Синтагме затруднило понимание текста славянскими переводчиками. В латинской параллели говорится о том, что попу, а с другой стороны, и диакону, и иподиакону, которые по праву или положению родственника берут на себя попечение о наследстве или опеку, это разрешается; исключительно лишь степень кровного родства (*cognationis*) и приглашение к опеке или попечению разрешают взятие на себя такого рода функции. Таким образом, требования соблюдения условий кровного родства по существу дела исключали для переводчика возможность применения термина *тиунъ*. Но именно этот акцент фактически устранен в греческом тексте Кормчей. Это наблюдение остается в силе, невзирая на то, что до сих пор не обнаружено греческой параллели текста «Собрания в 87 (93) главах», совпадающей с текстом Ефремовской кормчей во всех деталях, поскольку в данном фрагменте текст Кормчей имеет точную греческую параллель.

Далее, если латинское *tutela* имело единственное значение опеки, защиты, покровительства, то греческая параллель — ἐπιτροποις обозначала и опеку, и управление, заведывание и т. д. Этот термин в византийском праве часто подразумевал душеприказчика вообще (а не только воспитателя), и, по мнению некоторых исследователей, двойное его значение часто сбивало с толку византийских юристов³¹.

В византийском законодательстве очень рано оба понятия опеки стали сливаться³². Уже в Эклоге (VIII в.) в VII титуле в значении 'опекунство' употребляется только термин κουράτωρεια (κουράτωρας), поскольку там речь идет главным образом о проблемах имущества. С другой стороны, структура византийского церковно-имущественного управления уже знала институт *эпитропов* как преемников ктитора (церковного благотворителя, основателя храма и т. п.), как управителей его наследством³³. Это свидетельствует о слиянии *tutela* с древним понятием *cura*, *curatores*.

Практически то же заметно и по тексту самой греческой Кормчей, послужившей основой перевода архетипа Ефремовской кормчей. В конце 34-й главы, там, где речь идет о необходимости соблюсти ряд формальностей для вступления в должность опекуна, в частности, говорится, что выполнение их лишает основания претензии со стороны иного кураторства (περὶ ἄλλῃ κουράτωρῶν). Таким образом, вместо прежнего параллельного упоминания обоих видов опеки стоит лишь один термин (в латинском тексте новеллы 123, сар. 5 сказано: *in alia tutela aut cura*). Это важный показатель того, что в самом греческом тексте Сборника XIV

³⁰ Corpus juris civilis. In quator partes distinctum. Dionisio Gothofredo I. C. auctore, cui appendicis & auctarii loco... adjecta sunt, in primis Francisci Modii, I c. Brugensis ad omnes L. Pandectatandem... Francofurti ad Maenum..., 1663. Tomo III. Methodica novellarum Iustiniani dispositio & epitome ad ordinem. Edicti perpetui accomodata. Novellae Iustiniani. Novellae Leonis. Canones apostolarum (далее—Corpus juris civilis, t. III), p. 253.

³¹ Zachariä..., S. 120, com. 501.

³² Там же, S. 123, 162.

³³ Соколов Пл. Церковноимущественное право в Греко-Римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896, с. 245 и др.

титулов оба термина начинают сливаться и одновременное их употребление — дань старой традиции.

Обращаясь к переводу Ефремовской кормчей, мы видим, что, несмотря на явные трудности понимания текста греческого оригинала ввиду его сокращения, переводчики, хотя и неловко, но все-таки передали оттенок древней традиции различения видов опеки. В термин *эпитроп* — 'приставник', вероятно, вкладывалось понимание опеки сирот, а в термин *куратор* — опека имущества. Только в этом случае может быть объяснено употребление в качестве аналога куратору древнерусское *тиун*. Хотя, строго говоря, и *приставник*, и *тиун* — термины не для обозначения опекунства при условиях кровного родства. Здесь уместно напомнить, что древнерусский перевод VII титула Эклоги (перевод, вероятнее всего, более ранний, чем перевод архетипа Ефремовской кормчей), где контекст сосредоточен вокруг опеки имущества, термин *опекун* (*χορηγаторας*) передан весьма своеобразно — как 'старейшина'³⁴, т. е. в полном соответствии с традициями обычного права. В канонах же, касающихся служителей церкви, такой термин был явно неуместным (впрочем, может быть и потому, что этот термин фигурировал в совсем иных значениях).

В связи с этим чрезвычайно интересен текст сербской Кормчей XIII в. Как известно, в основу ее легли комментированные тексты церковных канонов и тексты светских постановлений. Вместе с тем в ней есть части, общие с Ефремовской кормчей, которые во многом переведены заново, хотя местами проглядывает и использование старого перевода. Интересующий нас текст 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» кое в чем отличен от Ефремовской кормчей. Вот эти фрагменты:

«33. Аще же прилоучит' се поставляемому еп(и)с(ко)поу подь властню своего родителя и еще быти от(ь) врѣмене того поставления самовластьнь да боудеть. Б(о)голюбивым' же еп(и)с(ко)помь и мнихомь ни въ едином же законѣ приставникомь или печальникомь коемоу любо лицу быти не повелѣваемь.

34. Прозвутеромь же и диакономь, иподиакономь праведнымь единѣмь сродьствомь на приставничьство или на попечение дѣтти призываемомь таковое приети слоужение прашаемь...»³⁵

Во-первых, из приведенного текста следует, что первая часть 33-й главы есть по существу исправленный и уточненный перевод, представленный Ефремовской кормчей. Уточнения встречаются и стилистические, и содержательные (в частности, вместо *ужика* — родителя). То же самое мы наблюдаем и по последующему тексту. Более четко в сербском переводе подчеркнуто условие кровного родства для вступающего в роль опекуна («единѣмь сродьствомь» вместо раннего «единѣмь приближения»). Преимущество же со старым переводом видна в выражениях «боголюбивым», «в едином законе».

Греческие *επιτροπος* и *χορηγаторας* в сербском тексте обозначены как *приставник* и *печальник*. Последний термин встречается в источниках в значении: 'попечитель, покровитель, защитник'. Таким образом, если *приставник* является как бы остатком старого перевода или совпадает с ним, то термин *печальник* фактически игнорирует греческую основу текста и служит лишь синонимом термина *приставник*.

³⁴ Мерло Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением и со вступ. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. 366—367; Эклога. Византийский законодательный свод VIII в., с. 56. О гипотезе древнерусского перевода Эклоги см.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклога). — «История СССР», 1976, № 1.

³⁵ ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, л. 223 об. Здесь цитируется текст по Рашскому списку Кормчей сербской редакции, датированному 1305 г.

Разгадка подобного осмысления текста заключается в том, что переводчики и юристы, работавшие над Кормчей Саввы сербского, опирались не только на древние тексты кормчих, но и на более поздние комментарии к ним, а также на более поздние византийские юридические кодексы. В частности, в Сербскую кормчую был включен сербский перевод Прохирона (Градского закона). В Прохироне уже четко проявилось всеобщее употребление термина *ἐπιτρολός* и в значении 'опекун, воспитатель, попечитель', и в значении 'душеприказчик, управитель наследством'. В 36-м титуле Прохирона «περὶ ἐπιτρολῶν» (Об эпитропах) куратор фигурирует уже на втором плане, являясь в сущности лицом, подчиненным эпитропу, его техническим помощником. Условие ближайшего родства предъявлялось только к эпитропу. Куратор, таким образом, уже не олекун. В сербском переводе для греческого *ἐπιτρολός* применен, как и ранее в Ефремовской кормчей, термин *приставник*, а греческое *κουράτορις* переведено как 'хранитель', что даже отдаленно уже не напоминает прежнюю терминологию римского права³⁶. Думается, что именно вследствие этого при переводе 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» оборот *ἐπιτῳβλός ἢ κουράτορας* передан в принципе однозначно как 'приставник и печальник'. В тексте 34-й главы термин *печальник* заменен на вариацию «попечение дѣтии», что, на наш взгляд, резко выделяет одно из значений термина *ἐπιτρολός*³⁷. Следовательно, сербский перевод в этом фрагменте еще более современен.

Поставим теперь вопрос: а какой славянский текст использовался при новом переводе греческих текстов и формировании новой Кормчей книги? Речь идет, в частности, о разделе Кормчей, известном как «Собрание в 87 (93) главах». Выше было замечено, что в этом разделе сербского перевода в ряде мест обнаруживается явное сходство с Ефремовской кормчей (т. е. ее протографом или списком с нее). Чем же пользовались переводчики и редакторы Саввиной кормчей: Ефремовской кормчей (ее протографом или списком с нее) или южнославянским переводом, выполненным в Болгарии или смежных с нею пределах?

В качестве допущения можно принять и последний вариант, хотя, скорее всего, в ту пору раннеболгарский текст не сохранился. Тем не менее в порядке предположения мы вправе в изучаемых фрагментах 33-й и 34-й глав «Собрания в 87 (93) главах» не исключать возможности наличия следов древнейшего южнославянского текста Кормчей.

В этом случае можно допустить, что основная терминология 33-й и 34-й глав Сербской кормчей перешла в нее из южнославянского древнейшего перевода (т. е. термины: *приставник*, *печальник*, обороты: *попечение дѣтии*, от иного попечения). Тогда, следуя логике, нужно сказать и другое: эти термины в протографе Ефремовской кормчей были исправлены в древнерусской редакции и вместо *печальник* поставлен *тиун*, вместо *попечения дѣтии* — *тиунство*, вместо *от иного попечения* — *отъ иного тиунства*. Подобная редакция настолько маловероятна, что не выдерживает критики даже при допущении, что в древнейшем переводе всюду стояли только термины *приставник* и *печальник* (приставничество

³⁶ Например, 4-я и 5-я главы 36-го титула Прохирона в сербском переводе даны следующим образом: 4. «С(ы)нови, его же отецъ въ плѣнении, приставникъ не дається, нь хранитель имѣния дається. Възратившоу бо се отцоу бывасть емоу с(ы)нь паки подь властью, яко николи же плѣненоу бывшоу». 5. «Имушемоу приставника недоужна или старца дається хранитель, иже правитель имѣнню, паче есть и гл(аго)лемии помощникъ бѣди ради приставник от кнеза поставляется». (ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, лл. 311 об.—312). См. также: O Procheiros Nomos. Imperatorum Basilii Constantini et Leonis Prochiron. Ed. Zachariae v. Lingenthal. Heidelbergae, 1837, p. 203—204.

³⁷ Формально это никак не соответствует термину *куратор*.

я печалование). Термин *печальник* (печалование) не сопряжен ни в каком аспекте с термином *тиун*. Предположить в древнем тексте гипотетического древнего славянского перевода какой-либо синоним вышеприведенному термину весьма затруднительно ввиду отсутствия такой терминологии.

Следовательно, появление термина *тиун* (тиуństwo) в тексте протографа Ефремовской кормчей может быть объяснено не позднейшей правкой, а лишь непосредственным переводом с греческого. Переводчик не вполне уяснил суть постановлений (а это можно видеть и в других местах Кормчей). Этому способствовало, как было сказано выше, сокращение текста 5-й главы 123-й новеллы. Подробности текста этой новеллы оттеняют эту ошибку, так как там заявлено наиболее четко, что речь идет (а) об опеке наследства и что (б) эту функцию представителя белого духовенства могли выполнять, будучи кровно родственны опекаемому. Ни древнерусский *тиун*, ни даже *приставник* в таком качестве в источниках не выступают.

Таким образом, перед нами — ошибка, причем ошибка не позднейшей редакции, а непосредственного перевода с греческого. Можно полагать, что ошибка перевода была усугублена отсутствием в тогдашней древнерусской терминологии точного аналога греческим терминам.

Другим, на наш взгляд, весьма серьезным аргументом древнерусского происхождения перевода протографа Ефремовской кормчей служит использование переводчиком древнерусского термина *завѣнница* для перевода греческого *ληγάτος*. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что *легат* переводится термином *завѣнница* не только в Ефремовской кормчей. Исследуя полный древнерусский перевод Эклоги, сохранившийся в юридических сборниках «Мерило праведное», автор этих строк обратил внимание на то, что переводчик активно использовал термин *завѣнница* для перевода, во-первых, понятия 'имущество умершего', наследуемое не по завещанию, а по закону' и, во-вторых, не вполне правомерно применял этот термин для перевода греческого *ληγάτος* (легат) как особого рода дарений завещателя³⁸. *Легатарии*, т. е. те, кому завещан легат, не считались наследниками в точном смысле этого слова, так как они, в противоположность наследникам, несли ответственности за долги завещателя. В то же время легат мог быть реализован лишь через основного наследника. Было высказано предположение, что, прибегая к термину *завѣнница*, древнерусский переводчик, возможно, стремился подчеркнуть, что *легат* не наследство (*κληρονομία*) в собственном смысле слова³⁹. Эта мысль опирается на предположение, что древнерусское право знало термин *наследство* и *наследники*, однако в юридических источниках сохранилась терминология, связанная не с бесспорными случаями наследования, а с процедурой судебного установления судьбы имущества умершего, т. е. *завѣнница*. Разумеется, что подобная трактовка легата древнерусскими переводчиками-юристами далеко не бесспорна, но в то же время она выступает как прямое доказательство того, что Византийский свод законов VIII в. был непосредственно переведен в Древней Руси⁴⁰.

В полном соответствии с указанной традицией сделан и перевод ряда текстов в архетипе Ефремовской кормчей. Все они концентрируются в

³⁸ Милов Л. В. О древнерусском переводе Византийского кодекса законов VIII века (Эклоги), с. 149—154.

³⁹ В более поздний период легаты в пользу церкви стали называться на Руси вкладами по душе.

⁴⁰ Фонд старославянского языка не содержит термина *завѣнница* ни в значении 'наследство', ни в значении 'имущество умершего'. См. *Slovník jazyka staroslovenskeho*. II. Praha, 1965.

«Собрании в 87 (93) главах», т. е. в завершающей части основного греческого текста Кормчей XIV титулов. Это главы 24, 26 и 77-я, причем 26-я глава специально посвящена проблеме легатов⁴¹.

В поисках ответа на вопрос, является ли применение термина *задъница* в значении 'легат' результатом непосредственной переводческой работы с греческим текстом Кормчей или итогом «обрусения» древнеюжнославянского перевода, важно ознакомиться с южнославянской традицией трактовки термина *легат*, сохранившейся в Сербской кормчей начала XIII в.⁴²

Сразу же следует отметить, что единого подхода к трактовке термина *легат* в этом юридическом сборнике не прослеживается. Видимо, все зависело от юриста-переводчика. Так, в составе Кормчей помещен полный сербский перевод Прохирона (Градского закона), в котором 35-й титул (из 8 глав) специально посвящен проблеме легата («Περὶ λεγάτων»). Термины *легат* и *легатарий* переведены здесь в традиции ранних старославянских переводов, т. е. не единым термином, а описательно, объяснением природы явления. В частности, заголовок титула звучит следующим образом: «Περὶ λεγάτων» — «О даръхъ, даемыхъ въ завѣтъ или въ животоу по смръти».

Приведем текст и сербский перевод первых трех глав этого титула:

«1. Ο λεγάταριος οὐ δύναται μέρος καταδέχεσθαι καὶ μέρος παραίτησθαι.— Даровникъ, рекше възмелен дары, не можеть чести възети и другое чести от(ъ) рещисе.

2. Ἀγέλης ληγατευθείσης, καὶ τὰ προστεθῆντα λαμβάνει ὁ ληγατᾶριος. εἰ δὲ καὶ μειωθῆ, καὶν εἰς ἓνα βοῶν περιστῆ, λαμβάνει αὐτὸ ὁ ληγατᾶριος. εἰ καὶ ἐπανστατο εἶναι ἀγέλη.— Стадоу оставлену бывшю въ даръ, и прибывшая, рекше природившаясе, възмелеть даровникъ. Аще же и оумалитъсе, аще же и едино животно останетьсе, възмелеть е даровникъ. Аще и прѣстало быти стадо, рекше скончалосе.

3. Καὶ οἴκου ληγατευομένου καὶ καιομένου, λαμβάνει τὸ ἔδαφος.— И двор, еще будеть оставлень въ даръ и погарить възмелеть даровникъ землю»⁴³.

Переводы цитированных статей показывают, что термины *дар* и *даровник* настолько глухи и приблизительны, что их точное значение, адекватное греческому, не всегда ясно даже из контекста переводов.

Таким образом, сербский перевод Градского закона свидетельствует об отсутствии в южнославянской юридической традиции специальной терминологии, аналогичной византийским юридическим понятиям, и об отсутствии даже каких-то приближенных аналогий. Знакомство с другой частью текста Сербской кормчей, с «Собранием в 87 (93) главах», дает несколько иные наблюдения. Текст 78-й главы (77-й по нумерации Ефремовской кормчей) трактует термин *легат* в традиции сербского перевода Прохирона:

«Аще кто на избрание бракоу или дѣтотворения, или вѣна ради, или брачнаго дара или дасть что, или оставитъ своимъ дѣтем или иномоу

⁴¹ ДСК, с. 759—762, 790.

⁴² Необходимо оговорить весьма важное обстоятельство. Термин *задъница* в переводе Ефремовской кормчей не смешивается с термином *наследие*, *наследство* (ἀρρονοσίαις), который употреблен в Кормчей по прямому своему назначению. (См. ДСК, с. 78, 793 и др.) Широко употребляется термин *наследие* и в Сербской кормчей. (ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, лл. 220 об., 231 об. и др.) Эти моменты, видимо, сводят на нет возможность рассуждения об «обрусении» терминологии Кормчей.

⁴³ O Procheiros Nomos. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Ed. Zachariae v. Lingenthal. Heidelberg, 1837, p. 202; ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, л. 311.

коему любо лицу достояние или даръ, или испрва чисто оставляемь...»⁴⁴.

Здесь обороту *достояние* или *даръ* соответствует греческое *κληρονομίαν ἢ λυγατον*, т. е. *легат* переведен как 'дар'⁴⁵. В других же главах перевод качественно иной. Так, в конце 24-й главы «Собрания 87 (93) глав» фрагмент, содержащий оборот *τῶν λυγατῶν καὶ τῶν κληρονομίῳν*⁴⁶, в сербском переводе звучит так: «... и с(вя)тымъ ц(е)рквамъ и инѣмъ всѣмъ чьстнымъ домоу тькмо 40 лѣтъ прѣшствие противу полагати повелѣваемъ сему съблюдаемоу и въ истезание поклада и наслѣдия на бл(а)гочѣстивые вины оставляемаго»⁴⁷. Термин *легат* здесь переведен как 'поклад', т. е. употреблено оригинальное лаконичное понятие, не имеющее преемственности с до сих пор приводимыми случаями перевода.

Столь резкая разница в переводах разных текстов Сербской кормчей позволяет высказать предположение, во-первых, о принадлежности этих текстов разным переводчикам, во-вторых, об отсутствии единой общепринятой терминологии. Впрочем, можно допустить, что перевод термина *легат* как 'дар' был общепринятым, а перевод его как 'поклад', — нововведением.

Для выяснения этого обстоятельства полезно сравнить оба цитируемых перевода с переводами Ефремовской кормчей. Приведем переводы параллельных фрагментов:

гл. 77. «Аще кѣто изволениемъ брака или дѣтостворения, или дара ради, или брачьныхъ даровъ или дасть, или оставить своимъ дѣтьмъ или иному какомуоу оубо кѣгда лицу причастье и задѣнницу или из начала чистѣ оставляющимъ...»;

гл. 24. «... с(вя)тымъ ц(е)рквамъ или инѣмъ всѣмъ чьстнымъ домоу едино четырѣдесять лѣтъ написание противу положити повелѣваемъ таковуому хранимоу и въ въздании задѣнницъ и причастии въ благочѣстивія вины оставляемъимъ»⁴⁸.

Из сопоставления переводов первого фрагмента становится очевидным большое сходство текстов. Абсолютно совпадает порядок слов и основные словоупотребления. Похоже, что это один перевод; только в сербском тексте сделаны грамматические уточнения и подновления (вместо: *избращие* — *изволениемъ*, вместо: *дара ради* — *въна ради*, вместо: *дасть* — *дасть что*, вместо: *иному какомуоу* — *иному коему любо лицу*, вместо: *изначала* — *испрва*). Небольшой фрагмент из 24-й главы также схож в общей последовательности перевода. Правда, уточнения и поновления здесь более решительные (вместо: *таковуому храниму* — *сему съблюдаемоу*, вместо: *въ въздании* — *въ истезание* и т. д.), и лишь концовки совпадают полностью.

Для более определенных выводов дополним сопоставление переводов приведенных текстов текстами переводов 26-й главы «Собрания в 87(93) главах»:

Ефремовская кормчая

Еще ли задѣнница боудеть повелѣваеми: равню шести м(е)с(я)ць от(ъ) явления завѣтоу ищитаюшемъ, симъ всѣми образы подаяти имъ же оставлено есть.

Рашская кормчая

Аще же поклада боудеть повелѣваемъ: прѣжде шести м(е)с(я)ць скончания явления завѣта разычитающе, сего всѣми образы прѣдати имъ же оставлень ес(ть).

⁴⁴ Там же, лл. 230—230 об.

⁴⁵ ДСК, с. 790.

⁴⁶ Там же, с. 759.

⁴⁷ ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, л. 220 об.

⁴⁸ ДСК, с. 790, 759.

Аще ли ожидають того отягченн такуюу задъницю подаяти и плодѣ, и лихвѣ, и всяко законное възращение въздадять от(ъ) врѣмене и оумъртвѣя оставльшааго.

Аще ли задъниця чьстьноумоу нѣкоемоу оставиться: ни кацемъ же образьмъ таковыя задъниця придати. Мѣста же или лица от(ъ) нихъ же се подати повельно боудеть далече: да боудоуть тѣгда подобаетъ оиѣмъ имъ же се оставлено есть или объдържаемая часть съключается измѣняти задъницю, и большее примати паче того прибѣвание доброкоупно съ прилаганиемъ не мьне четвертѣя части и оставленааго количества, а не многѣми людскѣми даньми отягчени: аще ли продати възхотять не мьне въ цѣноу примати елико же от(ъ) таковыя задъниця нежели на 30 и 5 лѣтъ събирати тако оубо яко таковою цѣноу на пользное прѣжереченааго чьстьнааго домоу останеть вмѣстѣ⁴⁹.

Аще же прѣстоупеть речена(о) врѣме того имоуще невѣдадеть таковаго поклада и плода, и лихвы, и всего законнаго прибытка истезани боудоуть от врѣмене, въ не же сконьчасе оставивы покладь.

Аще же покладь чьстьноумоу нѣкоемоу храмоу оставлень боудеть: ни единымъ же образомъ таковаго не продати. Аще же мѣста или ч(е)ловици от нихъ же то отдално быти повелено ес(ть) далече отидоше: тогда подобаетъ тѣмъ, имъ же таковое оставлено ес(ть), аще и дръжимая чьсть приключается протывна покладу, и испльнити зато прибытькъ добрь съ приложениемъ не мьнше четвертое чести оставленаго имѣния числа, и не стоужаемомъ быти людскѣми даньми, аще же боудеть или село или винограды или ино нѣко таковые мѣсто: и аще възхотеть продати не мьншоу того цѣноу възмоуть нь елико же от таковаго мѣста за три десети и пять лѣтъ събираетсе яко же таковую цѣноу на пользное прѣждѣ реч(е)ноумоу чьстьноумоу домоу еже оставлено быти истьщити подбает⁵⁰.

Общий просмотр обоих текстов дает основание для вывода о том, что перед нами — разные переводы. Вместе с тем можно заметить, что эти переводы чрезвычайно близки друг к другу. Прежде всего важно отметить общий стиль, в основе которого один и тот же принцип построения фраз. Затем необходимо подчеркнуть, что сербский перевод во многих местах отличается от более древнего лишь уточнением грамматических форм, исправлением ошибок и подновлением отдельных, видимо, устаревших слов и выражений. Так, в сербском тексте стоит: *аще же покладь боудеть, повельваемъ* — вместо: *аще ли задъниця боудеть, повельваемы*. В сербском: *сега всѣми образы прѣдати имъ же оставлень есть* вместо: *симъ всѣми образы подаяти имъ же оставлено есть*. В сербском: *и плода и лихвы и всего законнаго прибытка* вместо: *и плоды и лихвѣ и всяко законное*. В сербском: *и испльнити зато прибытькъ добрь съ приложениемъ не мьнше четвертое чести оставленаго имѣния числа* — вместо: *и большее примати паче того прибѣвание доброкоупно съ прилаганиемъ не мьне четвертѣя части оставленааго количества*.

Таким образом, налицо следы определенной работы по обновлению перевода. В фрагменте сербского текста: *ни единемъ же образомъ таковаго не продати*, видимо, вкралась описка — *продати* вместо *придати*. В целом же от древнего варианта этот фрагмент отличают подновление отрицательного оборота, сокращение слова *задъниця* и синоним к выражению *никакимъ способом* (ни кацемъ же образомъ таковыя задъниця придати). Число примеров такой обработки древнего перевода можно увеличить. Отметим лишь одну поразительную деталь. В сербском переводе повторено вслед за Ефремовским списком чисто индивидуальное *далече* в значении 'далеко, вдали и слишком далеко'. Эта деталь, на наш

⁴⁹ ДСЖ, с. 761.

⁵⁰ ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, лл. 221—222 об.

взгляд, весьма выразительно подчеркивает факт использования сербскими юристами предшествующего перевода, дошедшего до нас в древнейшем списке Ефремовской кормчей.

Разумеется, на практике работа над Сербской кормчей была также намного сложнее. В частности, текст рассматриваемой нами 26-й главы содержит фрагмент, не имеющий параллели и в греческом тексте Кормчей XIV титулов, и даже в 12-й главе 131-й Новеллы латинской версии новелл Юстиниана («аще же боудеть или село или винограды или ино иъко таковыя мѣсто») ⁵¹. Из контекста следует, что этот пассаж поясняет содержание термина *мѣсто*, означенного в греческом тексте как *τόπος*, а в латинской версии текста новеллы — как *locus*. Причем приведенный пассаж комментирован скорее всего на основе знания рассматриваемого здесь латинского текста новеллы, ибо в контексте новеллы *locus* может быть переведен как «имение, поля» и т. д., т. е. *αγρος*.

Итак, подведем итог сравнительной плодотворности обоих предложений. Одно из них состоит в том, что сербский переводчик опирался на древнейший южнославянский перевод (т. е. древнеболгарский). Второе сводится к тому, что такой опорой создателям Сербской кормчей XIII в. служил текст архетипа Ефремовской кормчей, либо какого-то списка с него. В первом случае нас интересует вопрос, каким термином в древнейшем старославянском тексте был обозначен термин *legat*. Как показывает материал Сербской кормчей XIII в., возможны два варианта. Один из них — обозначение термина *legat* как *дар*. Этот вариант наиболее вероятен, так как он широко представлен в переводе Градского закона (Прохирона) и отчасти в тексте «Собрания в 87 (93) главах». При рассмотрении этой версии самым важным является объяснение того, как из старославянского *даръ*, т. е. термина, как правило, не несшего смысловой нагрузки в значении «легат», при «обрусении» текста Кормчей появилось древнерусское *забъница*, причем в значении, опять-таки не вполне характерном для этого юридического термина. Логичного объяснения такому предположению нет. Иначе говоря, такой ход событий не мог быть реальным.

Рассмотрим второй вариант — обозначение термина *legat* ⁵² как *покладъ* (з). При этом сразу же надо отметить отсутствие жесткой смысловой определенности этого малоупотребительного термина, в других источниках почти не встречающегося ⁵³. Больше того, этот термин в составе той же Сербской кормчей XIII в. имеет близкую лексическую параллель с совершенно иным значением. Сербский перевод 18-го титула Прохирона («Περὶ καταθῆκης») (О вкладах или вещах, сдаваемых на хранение) обозначает греческое *παρακαταθήκη* как *покладѣжь*.

Вот текст и сербский перевод первых двух статей этого титула:

«Παρακαταθήκη ἐστὶ τὸ ἐπὶ παραφυλακῇ τινὶ διδόμενον»
(«Покладѣжь есть еже на сохранение кому даемое»)

«Ἐπὶ τῶν ἀπὸ θοροβου ἢ ἐμληρημοῦ ἢ συμπιπασσεως ἢ ναυαγίων παρατιθεμένων κατὰ μὲν τοῦ λαβόντος εἰς τὸ διπλοῦν ἀγωγῇ ἀρμόζει. Κατὰ δὲ τῶν κληρονόμων ἀπὸ μὲν δόλου τοῦ διατιθεμένου εἰς τὸ ἀπλοῦν, ἀπὸ δὲ οἰκειοῦ εἰς τὸ διπλοῦν. ἐπὶ δὲ τῶν λοιπῶν παρακαταθηκῶν εἰς τὸ ἀπλοῦν ἢ ἀγωγῇ δίδονται.»

⁵¹ Corpus juris civilis, t. III, p. 278.

⁵² Таким образом, совпадение чисто индивидуальной манеры употребления термина *забъница* в протографе Ефремовской кормчей и в протографе перевода Эклоги из Мерила Праведного служит важнейшим аргументом в пользу датировки обоих переводов одной эпохой, т. е. первой половиной XI в.

⁵³ Ср. *покладати* в значении «сделать вклад» в надписи на кресте Ефросыни Полоцкой 1161 г. — Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. М., 1960. с. 255.

(«Иже мятежа ради или пожара или падения или истопления полагаемы покладежи, сиць имѣють повъземлюшему, съгубицею наемъ подобаетъ по наслѣдникомъ же лъстию оубо положышаго соугоубицею, от своего же единосугу[гу]бь, от прочихъ же покладежихъ единогоубицею наемъ даетьсе»)⁵⁴.

При всем лаконизме перевода, опускающего существенные детали статьи, где речь идет о вариантах вознаграждения за хранение ценностей при своеобразной системе страхования, четко следует постоянное и последовательное толкование вклада, сдаваемого на хранение, как *покладежь*⁵⁵. Если предположить (что, строго говоря, нереально) бытование в старославянском лексическом массиве обоих, трудно различимых между собою терминов *покладъ* и *покладежь*, близких по семантической нагрузке, но весьма редких и малоупотребительных, то становится ясным следующее. Предположение, что в процессе «обрусения» старославянского (древнеболгарского) текста Кормчей XIV титулов именно термин *покладъ* в значении греческого *λεγατοῦς*, а не *παρακαταθήκη*, мог быть передан как *завѣнница*, абсурдно, так как при близости обоих терминов *покладъ* и *покладежь* наиболее вероятная ошибка на старославянской основе могла быть только в придании одному из них значения другого, почти не отличимого термина. Собственно, так и случилось спустя примерно столетие. В сокращенном сербском переводе Синтагмы Матвея Властаря термин *покладъ* (покладѣ) употребляется в значении *покладежь* из 18-го титула Прохирона. Первая глава так называемого «II состава» в греческом оригинале Синтагмы Матвея Властаря озаглавлена *Περὶ παρακαταθήκης*, а в переводе сербских юристов первой половины XIV в. — «О покладѣ». Соответственно и текст статьи выглядит следующим образом: «Закон о покладѣ. Покладѣ ес(ть) иже на съхранение некому даемое...» и т. д.⁵⁶ Перед нами, таким образом, изменение семантической нагрузки термина, который в начале XIII в. в тексте Сербской кормчей был явным новообразованием, а термин *покладежь* из той же Сербской кормчей к середине XIV в., видимо, уже исчез.

В нашем же случае приходится полагать, что, если термин *покладъ* фигурировал в болгарском протографе, то на Руси он был разгадан правильно (т. е. в значении греческого *λεγατοῦς*), а реализован... неверно (т. е. переведен в древнерусском варианте как *завѣнница*). Гипотеза эта алогична, так как противоречит реальной исторической судьбе термина. Больше того, каким образом термин *даръ* в 76-й главе отредактирован как *завѣнница* и термин *покладъ* в 24-й и 26-й главах отредактирован также как *завѣнница*? Ведь уяснить подлинный смысл того и другого здесь не помог бы даже контекст! Это возможно лишь в одном случае: при знании греческого текста.

Таким образом, цепь выдвинутых предположений неизбежно отягощается абсурдными допущениями.

Если же предположить, что при работе над Сербской кормчей XIII в. переводчики имели древнерусский текст перевода Кормчей XIV титулов, то все становится на свое место. Перевод термина *легатъ* в протографе Ефремовской кормчей XI в. тесно связан с традицией древнерусского перевода Эклоги, где, вероятно, впервые *легатъ* был осмыслен как 'завѣнница', что явно неточно, но, тем не менее, на какой-то период стало

⁵⁴ О Procheiros Nomos, Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Heidelbergae, 1837, p. 111; ГИМ ОР, Воскрес. собр., № 29, л. 188.

⁵⁵ Ср. древнерусское *поклажаи*, *поклажея* в значении 'вещь, вверенная на сохранение'. См. Срезневский И. И. Материалы..., т. II, стб. 1104—1105.

⁵⁶ Флоринский Г. Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербов и Греков. Хрисовулы. Сербский законник. Сборники византийских законов. Киев, 1888, с. 353, 426.

общепринятым. Сербским же переводчикам Градского закона (Прохирона) полный древнерусский перевод Эклоги, вероятно, не был известен поэтому *легат* (λεγατοϋς) был передан ими в традициях первых южнославянских переводов, т. е. описательно (как 'дар, даваемый в завещании'). При этом важно отметить, что перевод Прохирона был, видимо, принят ранее работ над переводом Сербской кормчей архиепископа Саввы. Предпринимая новые переводы, переводчики-редакторы Сербской кормчей в частях Кормчей, общих с текстом древнего перевода Кормчей XIV титулов, и, в частности, в «Собрании в 87(93) главах», опирались на этот ранний древнерусский перевод. Вероятно, переводчик, работавший с текстами 26-й главы и смежных с ней текстов, столкнулся с практикой обозначения термина *легат* древнерусским *задъница*. Возможно, это вынудило его в сербском тексте дать экспромтом свой, новый аналогичный термин *поклад*, как потом оказалось, удивительно похожий и почти совпадающий с термином *покладежь* 18-го титула Прохирона.

Таким образом, приведенные наблюдения, на наш взгляд, служат серьезным доводом в пользу гипотезы древнерусского происхождения славянского перевода Синтагмы XIV титулов без толкований, древнейший экземпляр которого представлен Ефремовским списком конца XI — начала XII в.⁵⁷

Соображения, изложенные в пользу древнерусского происхождения перевода текста архетипа Ефремовской кормчей, при условии их развития на основе дальнейших наблюдений, могут быть учтены и в объяснении причин создания Кормчей конца XIII в.— так называемой Русской редакции. Если считать перевод архетипа Ефремовской кормчей принятым при Ярославе (а это был, вероятно, не только перевод, но и подбор статей дополнительной части), то именно данная кормчая должна считаться Кормчей Русской редакции. Она была крупнейшим и авторитетнейшим церковно-юридическим руководством, поскольку ссылки на нее и переводы из нее сохранились в источниках с XI по XVI в.

Когда во второй половине XIII в. была предпринята работа по воссозданию письменной и культурной традиции домонгольской Руси, закономерно и естественно, что основой для обновления Кормчей стала древнейшая Кормчая Русской редакции (Ефремовской редакции). Вся работа по созданию новой кормчей в рамках основной части ее (включая «Собрание в 87(93) главах») велась на ее основе, так как из Сербской кормчей были взяты только толкования. Тексты правил и канонов даны по Сербской кормчей в этой части лишь в порядке исключения. Стремление использовать старый авторитетнейший текст прослеживается даже в дополнительной части этого сборника.

Нелишне заметить, что в русском средневековье не делали различий между старой Кормчей книгой, новой и новейшей. И, вполне возможно, именно потому, что в основе поздних редакций сохранялся древнейший перевод, предпринятый на Руси. Характерны с этой точки зрения слова митрополита Даниила (20-е годы XVI в.), обращенные к старцу Вассиану: «Ведома тебе великая книга: священныя правила апостольския и отеческия и седми вселенских собор и поместных и прочих святых отец и от градских законов к ним же приложена и сочетанна... И тое книги не смее никто же разрешити или чем поколебати от седмаго собора до руского крещения, а в нашей Руской земљи та книга больши пети сот лет соборную же церковь содержит и все православное христьянство просвещает и спасает»⁵⁸.

Таковы некоторые соображения о происхождении ранних юридических переводов в Древней Руси в первые десятилетия после принятия христианства.

⁵⁷ Наш вывод не подвергает сомнению предположение о возможном существовании в Болгарии конца IX — начала X в. старославянского перевода.

⁵⁸ Цит. по: Бенеманский Мих. Закон градской. М., 1917, с. 111.

О. М. ВЕРБИЦКАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РСФСР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1950)

Первые послевоенные годы занимают особое место в истории советского общества, советской деревни. Самоотверженным трудом колхозного крестьянства, работников совхозов и МТС в кратчайшие сроки были в основном восстановлены производительные силы деревни. Уже к концу первой послевоенной пятилетки валовая продукция сельского хозяйства почти сравнялась с уровнем довоенного 1940 г. Основными производителями сельскохозяйственной продукции в эти годы являлись колхозы, советское крестьянство.

История сельского хозяйства и крестьянства первых послевоенных лет нашла довольно широкое отражение в трудах исследователей¹. Недавно вышел первый обобщающий труд по истории советской деревни в этот период². Вместе с тем не все аспекты истории советского крестьянства этого периода получили глубокую разработку. Так, в специальном исследовании нуждаются вопросы, связанные с социальными изменениями в крестьянстве.

В настоящем сообщении предпринимается попытка охарактеризовать основные изменения в численности и составе колхозного крестьянства, трудовых ресурсов колхозов крупнейшей союзной республики страны — Российской Федерации, вскрыть факторы и движущие силы социального развития этого класса в годы послевоенного восстановления народного хозяйства.

За четыре года войны население колхозов сократилось в целом по стране на 13,4 млн. человек (17,6%), в том числе по РСФСР — на 9,1 млн. (20,3%)³, т. е. на долю этой республики пришлось основная убыль колхозного населения страны.

Вследствие огромных людских потерь проблема трудовых ресурсов колхозов приобрела в первые послевоенные годы первостепенное значение. Грандиозные задачи по восстановлению и дальнейшему развитию сельского хозяйства, выдвинутые в четвертом пятилетнем плане, предстояло решать в условиях, когда не только сократилась общая численность крестьянства, но и значительно изменился его половой, воз-

¹ См. Волков И. М. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых послевоенных лет в советской исторической литературе. В кн. Очерки по историографии советского общества. М., 1967; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Советский период. М., 1978, с. 119—128.

² Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. М., 1978.

³ См. табл. 1.

растной и профессиональный состав. Не случайно поэтому вопросам укрепления кадров сельского хозяйства было уделено огромное внимание в Законе о четвертом пятилетнем плане (1946—1950 гг.), в постановлении февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б). В этих документах решение проблемы восстановления сельского хозяйства ставилось в прямую зависимость от степени обеспеченности его рабочей силой и квалифицированными кадрами, повышения их политической и трудовой активности⁴.

Быстрый рост численности крестьянства, особенно его трудоспособной части, начался вскоре после принятия в июне 1945 г. Верховным Советом СССР Закона о демобилизации старших возрастов Красной Армии. Демобилизация проходила в несколько очередей и была в целом завершена в 1948 г. В результате народное хозяйство получило около 8,5 млн. работников⁵, значительная часть которых вошла в колхозное производство.

В первый послевоенный год население колхозов пополнилось также за счет возвращения граждан, угнанных фашистами в Германию. Так, только к концу 1945 г. на Родину возвратилось более 5 млн. репатриантов, из которых около половины поселилось в сельской местности⁶.

В 1944 г. в состав РСФСР вошла Тувинская автономная область, кочевое и полукочевое население которой стало переходить к оседлому образу жизни, объединяться в колхозы. К концу пятилетки численность колхозного населения в Туве достигла 48,3 тыс. человек. В масштабах РСФСР это было, конечно, немного⁷.

Об изменениях численности колхозного крестьянства в рассматриваемый период можно судить по данным таблицы 1. Они показывают, что после окончания войны вплоть до 1948 г. как по стране в целом, так и в Российской Федерации, наблюдается быстрый количественный рост колхозного крестьянства за счет возвращения в деревню эвакуированного и репатрированного населения, а также демобилизованных военнослужащих. Ежегодный прирост численности крестьян-колхозников происходил во всех без исключения регионах РСФСР. Численность колхозного населения республики за 1945—1947 гг. увеличилась на 1,9 млн. человек. Однако в последующие годы, после завершения демобилизации основных контингентов военнослужащих, начинает преобладать тенденция сокращения численности колхозников; в 1948 г. оно составило 0,5 млн. человек, а за 1949—1950 гг. — 2,6 млн. человек. Особенно заметно уменьшилось население колхозов в центральных областях республики. В результате к концу четвертой пятилетки в колхозах РСФСР проживало на 1,2 млн. человек меньше, чем в конце последнего года войны.

Аналогичные тенденции имели место и в колхозах большинства других республик. Так, ежегодная убыль колхозного населения страны (в границах 1939 г.) в 1948—1950 гг. составляла около 1,5 млн. человек. В то же время, если учитывать при этом западные области Украины и Белоруссии, Правобережную Молдавию, республики Прибалтики, где в конце 40-х годов была осуществлена коллективизация единолич-

⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. (1917—1967 гг.), в 3-х тт. Т. 3. М., 1968, с. 272, 278, 381—427; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6. М., 1971, с. 213—214, 241—246, 253—256.

⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 479.

⁶ «Вопросы истории КПСС», 1977, № 3, с. 86.

⁷ Для сравнения заметим, что в связи с коллективизацией крестьянских хозяйств в республиках Прибалтики и западных областях Украины и Белоруссии, Правобережной Молдавии к концу четвертой пятилетки в этих районах было создано 27,7 тыс. колхозов, включивших около 10 млн. крестьян.

Таблица 1

Динамика численности колхозного населения РСФСР в 1940—1950 гг. * (на конец года, тыс. человек)

Территория	1940 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
СССР	75 810,1	62 410,5	64 455,9	64 106,2	66 592,4	66 807,1	69 468,6	72 247,5
СССР (в границах 1939 г.)	нет св.	нет св.	нет св.	63 969,2	65 935,4	65 449,5	63 790,1	62 295,4
РСФСР	44 846,9	35 729,9	36 584,2	36 101,3	37 615,8	37 117,6	35 753,2	34 480,7
в том числе:								
Север	нет св.	нет св.	1 123,1	1 100,5	1 088,5	1 044,2	1 007,2	969,6
Северо-Запад	нет св.	768,5	803,8	850,7	912,9	905,5	907,4	901,4
Центр	нет св.	17 629,6	18 383,9	18 052,8	18 753,0	18 482,2	17 840,3	16 992,8
в том числе:								
черноземная зона	нет св.	6 464,9	6 886,1	6 756,7	6 966,0	6 927,3	6 657,1	6 296,1
нечерноземная зона	нет св.	11 164,7	11 497,8	11 296,1	11 787,0	11 554,9	11 153,2	10 696,7
Поволжье	нет св.	3 562,9	3 652,2	3 622,5	3 822,0	3 760,0	3 570,7	3 424,8
Северный Кавказ и Крым	нет св.	3 820,3	3 832,7	3 759,2	3 891,2	3 930,0	3 662,6	3 586,1
Урал	4 941,9	3 910,7	3 961,3	3 984,2	4 098,6	4 018,7	3 901,6	3 804,9
Западная Сибирь	4 310,0	3 281,1	3 247,1	3 195,4	3 424,5	3 348,5	3 243,1	3 158,9
Восточная Сибирь	нет св.	1 374,7	1 387,2	1 370,8				
Дальний Восток	нет св.	253,8	263,2	271,4				

* Таблица составлена по: А р у т ю н я з Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2, доп. М., 1970, с. 395—396; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 29. Использовались материалы по основным экономико-географическим районам РСФСР без выделения автономных республик.

ных крестьянских хозяйств, то картина будет иной. Именно за счет этих новых районов и в 1948—1950 гг. общая численность колхозного крестьянства страны продолжала расти, достигнув к концу 1950 г. 72,2 млн. человек против 62,4 млн. в 1945 г.

Говоря о причинах сокращения сельского населения в этот период, следует отметить прежде всего то обстоятельство, что после войны значительно возросла роль деревни как социального источника пополнения рабочей силы города и промышленности. Как известно, СССР потерял в Великой Отечественной войне 20 млн. человек, что тяжело сказалось на обеспеченности предприятий истроек рабочей силой. В условиях гигантского размаха восстановительных работ фабрики, заводы, стройки, транспорт испытывали острую нужду в рабочей силе. Учитывая важность первоочередного восстановления промышленности для всего народного хозяйства, государство вновь ввело систему организованного перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней. Специальное постановление Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих» восстанавливало действие этой системы, которая эффективно применялась в годы довоенных пятилеток. Данное постановление предусматривало участие в трудовых договорах для работы в промышленности, на лесозаготовках, строительстве и т. д. наряду с другими категориями граждан также и колхозников⁸. Так, по плану организованного набора рабочей силы на 1947 г. предусматривалось использовать 1130,5 тыс. колхозников (более 4% общего количества трудоспособных членов колхозов) на заготовке леса и торфяных работах⁹. В Российской Федерации ежегодно проводился набор рабочих численностью не менее 0,5 млн. человек, причем главным образом среди сельского населения¹⁰. По истечении срока договора в колхозы возвращались далеко не все сезонники. Значительная часть их, получив рабочую специальность, зачислялась в штаты рабочих государственных предприятий.

На изменении численности колхозного крестьянства отдельных районов сказывался не только уход крестьян в города, но и организованное переселение их в другие районы. Государство проводило на добровольных началах переселение сельских жителей, которые желали переехать в другие места, в частности, в колхозы, где ощущался недостаток рабочей силы. Из густозаселенных районов центра, запада и юга РСФСР часть колхозников переехала в области, вошедшие в состав страны после Великой Отечественной войны. Из Российской Федерации только за 1945—1948 гг. переселилось в другие районы более 111 тыс. хозяйств¹¹. В результате в Калининградской области к концу 1950 г. в колхозах проживало уже 84,5 тыс. человек, в Сахалинской области (в том числе и в южной части острова) — около 15 тыс. человек. Продолжали осваиваться и малозаселенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Благодаря переселению из европейской части страны за три последних года четвертой пятилетки население колхозов Иркутской области выросло на 4,2%, Амурской области — на 7,4%, Приморского края — на 14,6%. В первые послевоенные годы государство проводило переселение также и в районы, население которых

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, с. 431.

⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 533, лл. 45, 45 об.

¹⁰ Переселение и организованный набор рабочих к 40-й годовщине Октября. М., 1957, с. 24.

¹¹ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972, с. 220.

резко уменьшилось за войну; вследствие этого колхозное население Ленинградской и Псковской областей за годы четвертой пятилетки выросло на 10—11%¹². Переселение, продолжавшееся и в последующие годы, способствовало быстрейшему восстановлению трудовых ресурсов села, особенно в районах, подвергавшихся оккупации.

Наряду с планомерным перемещением сельских жителей, в том числе и в несельскохозяйственные отрасли экономики, в общем процессе изменения численности колхозного крестьянства известная роль принадлежала и стихийной миграции. В 1949 г. из 768,6 тыс. трудоспособных членов колхозов страны, выбывших на постоянную работу в промышленность, через оргнабор было привлечено 621,9 тыс. человек, а 146,7 тыс. (или 19,1%) ушло из колхозов в неорганизованном порядке. В 1950 г. из 845,5 тыс. колхозников более 20% устроились на промышленные предприятия помимо оргнабора¹³.

В основе стихийной миграции колхозного населения в первые послевоенные годы лежали экономические причины, прежде всего недостаточная материальная заинтересованность колхозников, низкая оплата трудодня, тяжелые материально-бытовые условия, особенно в отстающих колхозах. Конкретный материал свидетельствует о прямой зависимости между оплатой труда и убылью трудоспособного населения из колхозов. Так, в 60—90% колхозов Смоленской, Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Орловской областей выдача зерна на трудодень в конце пятилетки не превышала 1 кг. И именно здесь, в центральных областях, стихийная миграция колхозного населения и удельный вес трудоспособных, занятых вне колхозного производства, но проживающих в колхозах, были самыми высокими по стране. При этом необходимо подчеркнуть, что в целом по стране колхозов с такой оплатой трудодня было менее половины. В крепких же колхозах, где оплата труда была значительно выше, отвлечение рабочей силы не превышало размеров, предусмотренных государственным планом¹⁴.

Сдерживающим стихийную миграцию фактором была политика государства, направленная на усиление морального и материального стимулирования труда колхозников. В условиях первых послевоенных лет на первый план выдвигались моральные стимулы, и среди них — массовые награждения передовых работников сельского хозяйства орденами и медалями СССР, присвоение им звания Героя Социалистического Труда. Никогда еще в прошлом трудовые усилия колхозников так широко не отмечались правительственными наградами. Всего за годы четвертой пятилетки орденами и медалями было награждено более 161 тыс. передовиков сельского хозяйства, около 5,5 тыс. получили высокое звание Героя Социалистического Труда¹⁵. 19 апреля 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление, которое предусматривало увеличение оплаты труда посредством дополнительного начисления трудодней колхозникам за перевыполнение плановых норм¹⁶. Эти мероприятия поднимали значение крестьянского труда, способствовали росту участия колхозного крестьянства в общественном производстве, уменьшали отток колхозников в города.

¹² Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 29.

¹³ Там же, д. 1190б, л. 138.

¹⁴ См. ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1190, л. 145; д. 1019-б, лл. 99, 101; Балева А. И. Колхоз «Прогресс». М., 1949, с. 49.

¹⁵ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы... с. 105.

¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, с. 474—482.

Годовые отчеты колхозов за 1946—1950 гг. зафиксировали, что ежегодно от 5 до 7% трудоспособных колхозников работало вне колхозов — на предприятиях и в организациях, расположенных как в сельской местности, так и в близлежащих городах. Выработывая определенное количество трудодней в году (в основном в период летней страды), они сохраняли за собой право на членство в колхозе¹⁷. К концу пятилетки численность этой группы снизилась. В целом же она зависела от организационно-хозяйственного состояния колхозов, но в меньшей степени — от близости города и удобства транспортного сообщения с ним. Примечательно, например, что больше всего трудоспособных, которые работали в промышленности, но проживали в колхозах, приходилось на Центральный Промышленный район. Так, если в среднем по стране в 1950 г. эта группа насчитывала 7,1% ко всему трудоспособному населению колхозов, то в данном регионе она была значительно большей: в Московской области — 33,3%, Владимирской — 25,1, Калужской и Ивановской — по 15% и т. д. В то же время в других районах страны, где крепких в экономическом отношении колхозов было больше, доля этой группы была намного ниже: в Ростовской области и Краснодарском крае — 2,2%, в Крымской области — 1,4%. Кроме того, сказывалось и расстояние от крупных промышленных центров. Поэтому на Урале и в Сибири величина этой группы не превышала 1% от общей численности трудоспособных колхозников¹⁸.

Колхозная молодежь являлась одним из источников комплектования учащихся школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ. Создание кадров квалифицированных промышленных рабочих было важнейшим условием выполнения огромных восстановительных работ в стране. Исходя из этого, Верховный Совет СССР счел целесообразным комплектовать контингент учащихся системы трудовых резервов как из числа городской, так и сельской молодежи в возрасте 14—17 лет¹⁹. В первые послевоенные годы сельские комсомольцы и молодежь составляли более 3/4 общего количества учащихся системы профтехобразования²⁰. Выпускники этих школ, как правило, закреплялись на работе в городах, в деревню возвращались немногие.

Отлив части колхозного населения в город ускорял процесс урбанизации. За 1946—1950 гг. среднегодовая численность рабочих и служащих страны выросла на 12 млн. человек и в конце пятилетки на 19% превысила довоенный показатель²¹. Решающую роль в этом сыграло сельское, главным образом колхозное, население.

Уменьшение численности колхозного крестьянства за период войны и послевоенные годы обусловило снижение его удельного веса в социальной структуре советского общества. Так, если в 1940 г. колхозники вместе с членами их семей составляли 40,7% всего населения РСФСР, то в 1950 г. их удельный вес сократился до 34,0%²².

Значительные колебания общей численности колхозного населения отразились и на его структуре. За период войны и послевоенные годы произошли существенные сдвиги в численности основных возрастных

¹⁷ В годовых отчетах колхозы учитывали эту категорию трудоспособных как своих членов, принимавших лишь частичное участие в колхозном производстве. (См., напр., ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, лл. 33, 34, 35, 41).

¹⁸ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, лл. 29, 34, 41.

¹⁹ Собрание законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1958 гг. М., 1959, с. 419.

²⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы, с. 109.

²¹ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы..., с. 218—219.

²² Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статист. ежегодник. М., 1965, с. 11; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 29.

групп крестьянства, изменилось соотношение мужчин и женщин, некоторые перемены произошли и в профессиональном составе колхозников.

Первостепенное значение для послевоенного восстановления сельского хозяйства имело восполнение контингента работников. К моменту окончания войны положение с трудовыми ресурсами в колхозах было очень тяжелым. В большинстве районов Российской Федерации они составляли лишь около $\frac{2}{3}$ довоенного уровня (см. табл. 2), а в Поволжье, Пермской, Орловской областях — только половину²³. Возвращение в деревню после окончания войны эвакуированного населения, репатриантов, демобилизованных воинов способствовало не только значительному улучшению общей демографической ситуации, но и увеличило общее количество трудоспособных работников в колхозах. В целом по республике, как видно из таблицы 2, их число выросло с 12,5 млн. (в начале 1945 г.) до 15,9 млн. (к 1949 г.), т. е. на 3,4 млн. человек (21,4%). В последующие годы число трудоспособных, как и общая численность колхозного населения, снижается. Эта тенденция прослеживается по всем основным экономико-географическим регионам республики и по стране в целом (в границах 1939 г.). Но если общая численность колхозного населения на указанных территориях в 1950 г. оказалась меньше, чем в конце войны, то с численностью трудоспособных работников колхозов дело обстоит по-другому. Эта важнейшая группа колхозного крестьянства РСФСР в последнем году четвертой пятилетки на 15,5% превышала соответствующие показатели по республике на начало 1945 г. Наибольшим (на 22,5%) был ее прирост по северо-западным областям, что было связано с образованием и заселением территории Калининградской области. Почти на 14% увеличилось количество трудоспособных колхозников в черноземной зоне и Западной Сибири. Менее заметно (на 2—3%) выроста эта группа в колхозах Поволжья, Северного Кавказа и Крыма. Примечательно и то, что рост трудовых ресурсов в колхозах РСФСР, как и в целом по стране в границах 1939 г., наблюдался вплоть до 1949 г., в то время как общая численность населения начала сокращаться с 1948 г.

Следует отметить, что некоторое снижение численности трудоспособных колхозников в 1949—1950 гг. по сравнению с 1948 г. происходило под воздействием такого объективного фактора, как рост механизации колхозного производства. Подчеркнем, что в конце 40-х годов материально-техническая база колхозов была полностью восстановлена, а в 1950 г. механизация полевых работ в них была выше, чем в 1940 г.²⁴

За послевоенные годы среди трудоспособных увеличилось количество мужчин. В колхозах РСФСР к началу 1946 года их было 3,3 млн. ($\frac{1}{4}$ состава), а в 1950 году — 4,9 млн. ($\frac{1}{3}$ состава). Кроме того, необходимо учитывать и то, что после окончания войны в деревне было немало мужчин трудоспособного возраста, полностью или частично утративших в результате ранений трудоспособность, отнесенных к категории инвалидов и взрослых нетрудоспособных. Но большинство из них в той или иной мере участвовали в общественном производстве, помогали поднимать разрушенное войной хозяйство. Благодаря этому колхозы имели возможность усилить свои трудовые ресурсы.

В рассматриваемый период соответственно изменилась и относительная доля женщин-колхозниц среди трудоспособных. В этой группе она

²³ См. Очерки истории Ивановской организации КПСС, ч. 2. Ярославль, 1967, с. 392; Очерки истории Орловской партийной организации. Тула, 1967, с. 270; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971, с. 319.

²⁴ См. Вылецкая М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958). М., 1976, с. 44, 84.

Динамика численности трудоспособного населения колхозов РСФСР в 1940—1950 гг.*
(на конец года, тыс. чел.)

Территория	1940 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
СССР	35 437,6	22 015,7	23 906,1	25 061,5	27 362,7	28 279,8	29 617,2	30 794,1
СССР (в границах 1939 г.)	нет св.	нет св.	нет св.	24 992,8	27 010,0	27 583,5	26 814,7	25 905,6
РСФСР	20 805,2	12 536,8	13 499,1	14 194,3	15 677,7	15 948,3	15 360,4	14 658,7
в том числе:								
Север	нет св.	416,8	428,5	436,8	454,5	448,4	431,7	398,6
Северо-Запад	нет св.	296,8	312,9	345,3	406,6	407,5	413,7	403,3
Центр	нет св.	6 247,9	6 725,7	7 050,0	7 798,4	7 994,2	7 734,6	7 331,1
в том числе:								
черноземная зона	нет св.	2 068,4	2 300,7	2 455,7	2 718,9	2 852,3	2 797,7	2 674,6
нечерноземная зона	нет св.	4 179,5	4 425,0	4 594,3	5 079,5	5 141,9	4 936,9	4 656,5
Поволжье	нет св.	1 255,5	1 379,4	1 447,2	1 619,9	1 648,6	1 522,6	1 422,9
Северный Кавказ и Крым	нет св.	1 339,9	1 438,6	1 512,7	1 614,9	1 626,2	1 543,0	1 469,3
Урал	2 153,7	1 158,6	1 434,4	1 517,0	1 651,9	1 656,3	1 584,1	1 554,7
Западная Сибирь	1 900,5	1 100,4	1 190,7	1 270,7	1 442,4	1 452,2	1 418,1	1 379,1
Восточная Сибирь	нет св.	608,3	604,3	585,9				
Дальний Восток	нет св.	106,6	108,0	113,8				

* Таблица составлена по: Арутюнян Ю. В. Указ. соч., с. 397—398; Волков И. М. Трудовой подъем советского крестьянства в послезонные годы..., с. 224; ЦГАНХ СССР, ф. 7496, оп. 7, д. 1019а, л. 31.

уменьшилась по РСФСР незначительно: с 10,1 млн. человек в 1945 г. до 9,7 млн. в 1950 г., т. е. всего на 4%. Сравнивая соотношение мужчин и женщин в группе трудоспособных до войны и в конце четвертой пятилетки приходится констатировать, что за истекшие 10 лет оно существенно изменилось. Если до войны женщины составляли примерно половину (52%) общего числа трудоспособных колхозников, то в 1950 г. — уже более $\frac{2}{3}$. И в этом сказались последствия войны, которые особенно сильно ощущались в первое послевоенное пятилетие. (Заметим, что в военное время женщины составляли основную рабочую силу колхозов — более 75%). Следовательно, за годы четвертой пятилетки удельный вес женщин среди работников колхозов, хотя и был выше довоенного уровня, зато намного (примерно на 10—15%) сократился по сравнению с периодом войны²⁵.

При нормальных условиях воспроизводства населения около половины его составляет подрастающее поколение, т. е. дети (до 12 лет) и подростки (от 12 до 16 лет). При этом количественное выражение этих двух возрастных групп определяет потенциальную обеспеченность народного хозяйства рабочей силой на ближайшие годы.

Как показывают годовые отчеты колхозов, обе эти группы в абсолютном выражении также уменьшились. Так, в 1940 г. по колхозам Российской Федерации насчитывалось 4,5 млн. подростков (10,1% ко всему населению), в 1945 г. — 3,8 млн. (10,3%), а в 1950 г. — 3,4 млн. (9,8%)²⁶. Особенно заметно сократилась эта группа колхозного населения по ряду районов с развитой промышленностью, поскольку здесь больше, чем в других районах страны, подростки уходили в город на учебу или работу. Так, в колхозах центральных районов РСФСР после войны численность подростков уменьшилась на 14—16%, по Западной Сибири — на 10—14% и т. д. В других же районах страны их количество, наоборот, выросло. Так, в колхозах Грузии число подростков к 1950 г. стало больше на 20%, в Средней Азии — на 9—14%. В целом по стране в 1950 г. в колхозах насчитывалось на 0,6 млн. подростков больше, чем в начале восстановительного периода²⁷. Здесь сказалось включение в состав СССР новых территорий, где была осуществлена коллективизация сельского хозяйства.

За годы четвертой пятилетки несколько сократилась в количественном отношении и самая младшая возрастная группа колхозного населения — дети. Об этом можно судить на основе данных о рождаемости. Если в 1940 г. в СССР на каждую тысячу сельских жителей приходилось 31,5 рождений, то в 1950 г. — 27,1²⁸. Всего по колхозам Российской Федерации в 1948 г. насчитывалось 13,4 млн. (36% общего состава населения) детей в возрасте до 12 лет, а в 1950 г. — уже на 1,7 млн. человек меньше. В целом по стране (в границах 1939 г.) численность детей колхозников к концу пятилетки сократилась на 2,7 млн. человек²⁹. В этом также нашли свое отражение общее уменьшение численности колхозного крестьянства, особенно за счет лиц молодых возрастов, которые вместе с членами семьи перебирались в город или уже там обзаводились семьей. Кроме того, сказалось и резкое снижение рождаемости в годы войны, особенно на территории, подвергавшейся вражеской оккупации.

²⁵ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, с. 324; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, лл. 30, 31, 33.

²⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 37.

²⁷ Там же.

²⁸ Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статист. ежегодник. М., 1966, с. 43.

²⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 67.

В то же время доля лиц преклонных возрастов и инвалидов в колхозах росла. Так, в Российской Федерации в 1948 г. данная группа насчитывала 4,6 млн. человек (12%), в 1950 г. — 4,8 млн. (почти 14% общей численности колхозного населения)³⁰. Следует заметить, что колхозники, ушедшие на заслуженный отдых, как правило, оставались жить в деревне. В колхозе за ними сохранялось право на личное подсобное хозяйство, они освобождались от налогов и поставок. Обычно они принимали посильное участие в колхозном производстве, особенно в период уборки урожая. Так, в 1950 г. в колхозных работах в целом по стране участвовало 61,2% пожилых и инвалидов³¹.

При характеристике состава колхозного крестьянства в послевоенные годы важное значение имеет его распределение по роду занятий, участию в основных отраслях сельского хозяйства, уровню квалификации. Специфика сельскохозяйственного труда предопределяет довольно широкое участие в нем лиц, находящихся вне пределов трудоспособного возраста, т. е. подростков 12—16 лет и пожилых людей старше 55—60 лет, а также части инвалидов. Вместе с трудоспособными они составляют важнейшую категорию так называемого занятого населения. За послевоенные годы эта категория колхозного населения увеличилась. В целом по стране (в границах 1939 г.) она выросла с 34,6 млн. человек (в 1945 г.) до 35,2 млн. (в 1950 г.), т. е. на 0,6 млн. человек. Несколько увеличилась она (на 0,2 млн. человек) и в составе колхозного населения РСФСР. Характерно при этом, что прирост количества занятых в колхозном производстве был достигнут, как отмечалось ранее, на фоне определенного сокращения общей численности колхозного населения. Это обстоятельство обусловило соответствующее возрастание удельного веса занятого населения в общем составе колхозного крестьянства — с 54,5% (в 1945 г.) до 58,3% (в 1950 г.)³².

Рост занятости колхозного населения явился прямым результатом мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по укреплению трудовой дисциплины колхозников, по усилению роли моральных и материальных стимулов их трудовой активности, что сыграло важнейшую роль в восстановлении довоенного уровня сельскохозяйственного производства и его дальнейшем развитии.

Определенные изменения произошли за первые послевоенные годы и в профессиональной структуре колхозного крестьянства. Своеобразный характер сельскохозяйственного труда, сравнительно невысокий уровень развития производительных сил обусловили слабую расчлененность внутриклассовой структуры колхозного крестьянства. По данным переписи 1939 г., 82,5% всех работников сельского хозяйства (в основном колхозники) были заняты ручным или конно-ручным трудом, не требующим квалификации. Незначительно снизилась доля этой категории работников сельского хозяйства и ко времени переписи 1959 г. — до 79,3%³³. Таким образом, к началу восстановительного периода среди крестьянства еще не сформировалась сложная профессиональная структура, поскольку 1/3 работников сельского хозяйства занимались немеханизированным ручным трудом. Тем не менее внутри этой самой многочисленной группы уже было развито определенное разделение труда. Исходя из сферы приложения труда, можно выделить две основные подгруппы: растениеводы (полеводы, овощеводы, садоводы, виноградари и др.) и животноводы

³⁰ Там же, л. 112.

³¹ Рассчитано по: А р у т ю н я и Ю. В. Указ. соч., с. 324; Советская деревня в первые послевоенные годы, с. 113.

³² Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019а, л. 44.

³³ Итоги Всесоюзной переписи населения. СССР. Сводный том. М., 1962, с. 130.

(доярки, телятницы, конюхи, свиноводы, птичницы, пастухи, чабаны и др.), причем вторые в отличие от первых заняты круглый год и имеют постоянное рабочее место.

По мере развития экономики и углубления специализации в колхозах создавались овощеводческие, садоводческие, виноградарские и другие специализированные бригады. В бригадах (внутри которых существовали звенья) сосредоточивалось подавляющее большинство рабочей силы колхозов. Так, в 1947 г. в растениеводстве было занято 73% всех колхозников страны. В большинстве колхозов Смоленской, Пензенской, Рязанской, Курской, Великолукской, Владимирской областей в растениеводческих бригадах и звеньях в течение года работало от 80 до 86% всех колхозников, занятых в общественном производстве³⁴.

В рассматриваемый период многие виды сельскохозяйственных работ, особенно в огородничестве, выполнялись колхозниками вручную или с использованием конной тяги. Но по мере насыщения колхозного производства средствами механизации ручной труд вытеснялся машинным. Так, в целом по колхозам Российской Федерации в 1946 г. на ручных и конноручных видах работ в земледелии было занято 15 080,1 тыс. человек (75,2% занятого колхозного населения), а в начале 1950 г. — 14 943,5 тыс. человек (70,6%)³⁵. Высвободившаяся часть рабочей силы из полеводства, огородничества и других подразделений растениеводства использовалась, как правило, в других отраслях колхозного производства и прежде всего в животноводстве. После принятия в 1949 г. трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного животноводства часть растениеводов и обслуживающего персонала была направлена на работу в животноводство. В итоге численность и удельный вес животноводов среди занятого колхозного населения РСФСР увеличились с 1476,2 тыс. (6,8%) в 1947 г. до 2109,3 тыс. человек (10,5%) в 1950 г.³⁶

В этой отрасли также преобладали профессии, связанные с ручным или маломеханизированным трудом, хотя ряд животноводческих должностей требует определенных профессиональных навыков (доярки, чабаны и др.) и специального обучения (например, пчеловоды). По годовым отчетам колхозов тех лет удается проследить около полутора десятков различных профессий, каждая из которых играла важную самостоятельную роль в отрасли. Преобладали количественно среди них доярки и конюхи (примерно по 1/3 к общему количеству занятых в отрасли). Затем следовали чабаны, овчары, скотники, пастухи. Характерно, что к концу пятилетки распределение рабочей силы в животноводстве по отдельным специальностям стало более равномерным. Это произошло за счет усложнения производственного процесса, приведшего к увеличению доли колхозников на вспомогательных работах и по обслуживанию нескольких видов скота: с 38,3 тыс. в 1947 г. до 271,3 тыс. человек в 1950 г.³⁷

Сельские партийные и советские организации уделяли большое внимание повышению производственной квалификации и общего культурно-технического уровня колхозников массовых профессий. В послевоенные годы в деревне ими была создана широкая сеть агрономического и зоотехнического обучения.

Занятия в кружках и семинарах, где в осенне-зимний сезон слушатели знакомились с новейшими достижениями сельскохозяйственной науки и передовым опытом, посещало значительное число колхозников. Так, только в 1947/48 учебном году различными формами агро- и зоо-

³⁴ Рассчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 521, л. 18.

³⁵ Там же, д. 361, л. 14.

³⁶ Там же, д. 521, л. 114; д. 1013, л. 177.

³⁷ Там же.

технического обучения было охвачено 3,7 млн. колхозников³⁸. Значение этой формы профессионального обучения рядовых колхозников особенно возросло в последний период пятилетки в ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 19 июня 1950 г. «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельское хозяйство», в котором систематическое повышение уровня агротехнических знаний колхозников оценивалось как одно из главнейших условий неуклонного подъема сельского хозяйства³⁹. Вследствие этого широкие массы колхозного крестьянства значительно расширили свой общий кругозор, укрепили профессиональные навыки.

Дальнейшее развитие получила наиболее перспективная социально-профессиональная группа крестьянства — механизаторы. В послевоенные годы придавалось огромное значение вопросу обеспеченности колхозного производства механизаторскими кадрами. Пути и методы решения этой проблемы были выработаны февральским (1947 г.) Пленумом ЦК ВКП(б) и в последующих партийных и правительственных документах. Основная масса механизаторов сельского хозяйства в эти годы готовилась через школы механизации, курсы при МТС, а также в ремесленных училищах и школах ФЗО. Формирование механизаторских кадров явилось важным условием развития производительных сил в колхозном производстве. Кроме того, по своему культурно-техническому уровню они приближались к индустриальным рабочим, поэтому их влияние на крестьянство было велико. Они способствовали распространению среди колхозников более передовых методов организации труда, помогали им овладевать техникой, часто выступали застрельщиками социалистического соревнования в сельском хозяйстве.

Количество колхозников-механизаторов постепенно росло. Это видно из следующих данных: в 1946 г. в колхозах РСФСР было 378,5 тыс. трактористов (1,9% занятого колхозного населения), а в 1953 г. — 497,8 тыс. (2,9%). Таким образом, за эти годы количество трактористов в колхозах выросло на 119,3 тыс. человек⁴⁰.

В целом по стране контингент колхозных механизаторов к началу пятой пятилетки был восстановлен. Правда, колхозы некоторых районов Центра, Северо-Запада и Поволжья ощущали недостаток в трактористах, шоферах и других индустриальных кадрах села. В то же время Украина и Северный Кавказ в достаточной степени были укомплектованы механизаторами.

За послевоенные годы половой состав механизаторов изменился за счет возрастания удельного веса мужчин. Так, если в 1946 г. женщины составляли 17,4% колхозных механизаторов страны, то через два года — лишь 5% (как и до войны). Возвращение демобилизованных и подготовка новых кадров заметно улучшили качественный состав механизаторов. Удельный вес высококвалифицированных трактористов за это время вырос с 17,6% до 31,8%⁴¹.

Следовательно, за годы четвертой пятилетки Советскому государству удалось не только восстановить довоенный уровень численности механизаторских кадров, но и добиться определенного качественного улучшения состава индустриальных кадров колхозной деревни.

³⁸ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы..., с. 245.

³⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, с. 620.

⁴⁰ Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства в 1929—1957 гг. М., 1960, с. 152.

⁴¹ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы..., с. 244.

Успешное восстановление сельского хозяйства в немалой степени зависело и от обеспечения его квалифицированными кадрами специалистов и руководящего состава, от их знаний и опыта, умения наладить производственный процесс, правильно расставить и использовать трудовые ресурсы и технику.

До войны колхозы не располагали достаточным количеством специалистов. Нехватка агрономов, зоотехников, ветврачей и других специалистов была очень ощутимой. Формирование сельскохозяйственной производственной интеллигенции к тому времени еще не завершилось. Война обострила кадровую проблему, число специалистов в колхозах значительно сократилось. В начале 1946 г. по системе Наркомзема СССР насчитывалось немногим более $\frac{2}{3}$ довоенного количества, причем непосредственно в колхозах и МТС работало менее 20% этих кадров⁴².

Отсюда вполне закономерно то большое внимание, которое уделялось кадрам специалистов сельского хозяйства в Законе о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, в постановлении февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б)⁴³. Меры, разработанные в связи с этими решениями, охватывали весь комплекс подготовки, использования кадров специалистов, организации и оплаты труда и т. п. Необходимо отметить, что за послевоенные годы многое было сделано для насыщения сельскохозяйственного производства кадрами. Довоенный контингент основных специальностей был восстановлен уже в 1947 г.⁴⁴

Однако непосредственно в колхозах и при МТС была занята лишь незначительная часть специалистов сельского хозяйства. Так, в 1950 г. в колхозах РСФСР работало 2,5 тыс. агрономов, 1,3 тыс. зоотехников, 10,3 тыс. ветеринарных врачей и ветфельдшеров с высшим и средним специальным образованием⁴⁵. Ввиду малочисленности штатных специалистов, непосредственное обслуживание колхозов осуществлялось в основном через участковую сеть районных отделов сельского хозяйства и МТС. Участковый специалист обслуживал ряд колхозов, условно объединенных в один участок. Кроме участковых агрономов, в обслуживании колхозов принимали участие агрономы специализированных хозяйств. В послевоенный период в колхозах ведущее место занимала участковая агрономическая служба при МТС. По мере расширения масштабов производства, особенно после укрупнения колхозов, развернувшегося в 1950 г., резко усилилась необходимость в сосредоточении агрономов и зоотехников непосредственно в колхозах. С этой целью в послевоенные годы агрономам и зоотехникам, занятым в колхозах, устанавливалась заработная плата на 25% выше, чем у специалистов, работающих в аппарате Министерства сельского хозяйства⁴⁶. Эта мера сыграла известную роль в сокращении текучести кадров специалистов колхозного производства, накоплении ими профессионального опыта. Так, если в начале четвертой пятилетки стаж работы в данном хозяйстве свыше 3 лет имело около 25% специалистов сельского хозяйства, то в 1950 г. — уже более 33%⁴⁷.

⁴² Тюрин А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства, 1946—1958 гг. М., 1973, с. 41, 42.

⁴³ См. об этом: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, с. 272—279, 381—427.

⁴⁴ Тюрин А. П. Указ. соч., с. 44.

⁴⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019в, лл. 8, 29, 36, 43.

⁴⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, с. 410.

⁴⁷ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019в, лл. 14, 34, 42, 49.

В 1949 г. в колхозах РСФСР насчитывалось 161,2 тыс. председателей колхозов, 298,2 тыс. бригадиров растениеводческих бригад, 164,8 тыс. заведующих животноводческими фермами. Вместе со специалистами сельского хозяйства удельный вес этой категории колхозников составлял по республике 3,8%⁴⁸. В связи с развернувшимся в 1950 г. укрупнением колхозов количество председателей, бригадиров и заведующих фермами к началу 1951 г. сократилось. Соответственно уменьшилась и их доля среди других категорий колхозного крестьянства (до 3,0%).

После окончания войны среди председателей колхозов очень мало было лиц со средним и высшим образованием, примерно 90% их имело лишь начальное образование⁴⁹. Многие из них были хорошими организаторами, практиками⁵⁰.

В то же время накоплению профессионального опыта в эти годы мешала частая сменяемость председателей. К началу мирного периода в среднем по стране, в том числе и в РСФСР, почти $\frac{2}{3}$ общего состава председателей колхозов работали в данном хозяйстве менее 3 лет. Это объясняется прежде всего тем, что многие колхозы во время оккупации были полностью разрушены, а после войны на их месте воссоздавались колхозы, как правило, с новыми руководителями. Сказался также и естественный процесс обновления состава председателей в результате прихода фронтовиков, заменивших менее подготовленные кадры.

Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение улучшению состава председателей колхозов. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 г. подчеркивалось, что с задачами четвертой пятилетки успешно справляются те колхозы, во главе которых стоят способные, политически грамотные и преданные колхозному делу кадры. В целях ликвидации отставания колхозов и их подъема необходимо было укрепить состав председателей колхозов за счет выдвижения на эту работу квалифицированных кадров, специалистов сельского хозяйства и знающих колхозное производство практиков с опытом руководящей работы⁵¹. За годы пятилетки состав руководителей и организаторов колхозного производства стабилизировался. Характерно при этом, что более опытными кадрами располагали колхозы тыловых зон с преобладанием экономически крепких колхозов. В 1950 г. в республиках Закавказья и Средней Азии стаж работы более 3 лет в данном колхозе имели 40—60% председателей, а в Псковской, Брянской, Смоленской и ряде других областей — 30—35%⁵².

В колхозах трудилось сравнительно небольшое число работников, которых годовые отчеты колхозов причисляли к административному и обслуживающему персоналу. Это колхозники, занятые в сфере делопроизводства (зам. председателей колхозов, завхозы, кассиры), работники общественного питания и детских учреждений, а также возчики почты, письмоносцы, уборщицы, сторожа и пр. В 1947 г. по колхозам Российской Федерации насчитывалось 1,4 млн. человек на этих должностях, или 6,5% занятого колхозного населения. В некоторых областях

⁴⁸ Там же, лл. 1, 8, 15, 29, 36, 43, 49; д. 1019а, л. 44.

⁴⁹ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, с. 404—406.

⁵⁰ См. Ажирков П. И. Как колхоз «Борец» стал передовым социалистическим хозяйством. Изд. 2. М., 1950, с. 62.

⁵¹ Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству, т. I. М., 1957, с. 158—159.

⁵² Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы..., с. 238.

численность административных аппаратов колхозов была слишком велика⁵³.

В ходе выполнения постановления партии и правительства от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» управленческие аппараты колхозов были сокращены. К середине 1949 г. в колхозах РСФСР для работы в поле и на ферме было высвобождено более 500 тыс. человек⁵⁴. К 1951 г. удельный вес административно-обслуживающего персонала среди всего занятого населения в колхозах республики сократился наполовину.

* * *

Важнейшим итогом огромной организаторской и идеологической работы партии на селе в первые послевоенные годы, самоотверженного труда советского крестьянства, работников МТС и совхозов явилось восстановление довоенного уровня сельскохозяйственного производства. «Народ-герой, — отмечал Л. И. Брежнев, — покрывший себя неувядаемой славой, тесно сплотился вокруг партии и в годы послевоенного восстановления вновь проявил свои замечательные качества — стойкость, самоотверженность, трудолюбие. История тех лет, пожалуй, по-настоящему еще не написана, но о главном мы помним хорошо: уже в 1948 г. был в основном достигнут довоенный уровень производства в промышленности, а к 1950 г. — и в сельском хозяйстве»⁵⁵.

К концу первого послевоенного пятилетия валовая продукция сельского хозяйства страны составляла 99% от уровня 1940 г., а по РСФСР — 104%⁵⁶.

Годы четвертой пятилетки вместе с тем были годами постепенного восстановления трудовых ресурсов колхозов, периодом позитивных изменений в составе крестьянства. В колхозах РСФСР к концу пятилетки численность трудоспособных колхозников достигла 14,6 млн. человек, против 12,5 млн. в начале 1945 г. Совершенствовалась профессиональная структура крестьянства: полностью была восстановлена довоенная численность колхозных механизаторов, улучшился состав руководящих кадров и специалистов колхозов; из административного аппарата в производственную сферу была переведена часть служащих. На основе укрепления материально-технической базы колхозного производства, роста его механизации выросла производительность труда колхозников, которая в 1950 г. достигла довоенного уровня⁵⁷. Все это создавало предпосылки для дальнейшего повышения культурно-технического уровня крестьянства, совершенствования его внутриклассовой структуры.

⁵³ Лосев А. В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. 1945—1964 гг. Воронеж, 1965, с. 30.

⁵⁴ «Большевик», 1949, № 13, с. 40.

⁵⁵ Брежнев Л. И. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967, с. 21.

⁵⁶ Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1971, с. 34; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статист. ежегодник. М., 1965, с. 162.

⁵⁷ Страна Советов за 50 лет. Сб. статист. материалов. М., 1967, с. 125.

А. Д. ЗАЙЦЕВ

ЛЮДИ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИГА *

Мартыс Григорий Константинович — лейтенант, летчик 822-го истребительного авиационного полка, коммунист. 10 октября 1942 г. при отражении налета вражеской авиации на г. Грозный сбил вражеский бомбардировщик, а второй таранил.

Родился в 1921 г. Награжден орденом Ленина ¹.

Михеев Виктор Илларионович — лейтенант, командир звена 897-го истребительного авиационного полка, коммунист. 25 декабря 1942 г. на Юго-Западном фронте (район Каменска) во главе четверки истребителей, прикрывая наземные войска, вступил в бой с шестью вражескими бомбардировщиками. С первой же атаки два «юнкерса» были подбиты, третий Михеев таранил. Экипаж противника спасся на парашютах и оказался неподалеку от места, где приземлился советский летчик. Михеев сумел взять немцев в плен.

Родился 5 октября 1918 г. в деревне Приволье Иссинского р-на Пензенской обл. Русский. Окончил 7 классов, школу фабрично-заводского ученичества, работал помощником машиниста. Член ВЛКСМ с 1938 г. Окончил военное авиационное училище в г. Энгельсе. Был младшим летчиком 162-го резервного авиационного полка и командиром звена 13-го запасного авиационного полка. Кандидат в члены КПСС с 1941 г. В Великой Отечественной войне участвовал с 25 октября 1942 г., занимая должности командира звена и заместителя командира эскадрильи 897-го истребительного авиационного полка. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Умер от ран 23 сентября 1943 г. ²

Момот Федор Павлович — старший лейтенант, командир эскадрильи 639-го штурмового авиационного полка, коммунист. 14 января 1945 г. в районе населенного пункта Тата (под Будапештом) направил свой горящий самолет на скопление автомашин и живой силы противника.

Родился 7 августа 1913 г. в с. Цыркуны Харьковского р-на Харьковской обл. Окончил 8 классов, авиационную школу в г. Полтаве, работал летчиком-инструктором в аэроклубах городов Мариуполя, Харькова и Сумы. Член КПСС с 1939 г. В Советской Армии — с ноября 1941 г. Занимал должности командира звена и заместителя командира эскадрильи. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней и Красной Звезды.

Воздушный стрелок-радист старшина **Носков Дмитрий Иванович**, родился в 1922 г. Член КПСС. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» ³.

Мясников — младший лейтенант, летчик 5-й Воздушной армии. Не позднее 20 июля 1943 г. на Степном фронте таранил фашистский истребитель. Совершил посадку на самолете ⁴.

* Окончание. Начало см. № 3.

¹ «Вестник противовоздушной обороны», 1975, № 2, с. 37.

² Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦА МО СССР), ф. 370, оп. 6540, д. 9, л. 163; «Защитник Отечества» (17-я Воздушная армия), 1945 г., 6 ноября.

³ «Молодой коммунист», 1976, № 11, с. 54.

⁴ «Советский пилот» (5-я Воздушная армия), 1943 г., 22 июля.

Надеев Виктор Семенович — младший лейтенант, командир эскадрильи 102-й истребительной авиационной дивизии. 27 июля 1942 г. под Сталинградом двойным тараном уничтожил вражеский бомбардировщик. Поврежденную машину благополучно посадил на свой аэродром⁵.

Некрасов Виктор Алексеевич — капитан, помощник командира 172-го истребительного авиационного полка по воздушно-стрелковой службе, коммунист. 17 июля 1943 г. на Западном фронте таранил вражеский самолет.

Родился 10 декабря 1917 г. в с. Орево Краснозоринского р-на Орловской обл. Русский. Окончил 7 классов неполной средней школы, педагогический техникум, работал учителем. Член ВЛКСМ с 1936 г. В Советской Армии — с 14 августа 1936 г. Окончил Качинскую Краснознаменную военную школу пилотов им. А. Ф. Мясникова, работал в ней инструктором-пилотом. В Великой Отечественной войне участвовал с 17 февраля 1942 г. по 9 мая 1945 г. в составе 1-й Воздушной армии, занимая должности командира звена и начальника воздушно-стрелковой службы 627-го истребительного авиационного полка, помощника командира по воздушно-стрелковой службе и командира эскадрильи 172-го истребительного авиационного полка. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I и II степени и тремя орденами Красной Звезды. В звании полковника уволился в запас в 1969 г.⁶

Николаев Николай Иванович — гвардии капитан, командир эскадрильи 8-го гвардейского штурмового авиационного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота, коммунист. 18 июня 1944 г. эскадрилья штурмовиков наносила бомбовый удар по кораблям противника в Выборгском заливе. Огнем зениток самолет командира был подбит. Капитан направил свой Ил-2 на вражеский корабль.

Родился в 1914 г. в дер. Сареве Переславльского р-на Ярославской обл. Русский. Окончил семилетку и Александровское педагогическое училище. В 1934 г. поступил в Тамбовское училище Гражданского воздушного флота. В 1938 г. стал летчиком-инструктором в аэроклубе Метростроя в Москве. В Советской Армии — с 1939 г. Окончил Ейское военно-морское авиационное училище. С 1940 г. служил в авиационных полках Краснознаменного Балтийского флота, где и встретил Великую Отечественную войну. Освоив новый самолет Ил-2, он сражался в 18-м штурмовом авиационном полку под Севастополем, затем в 8-м гвардейском штурмовом авиационном полку участвовал в боях на Перекопском участке фронта, в освобождении Новороссийска, в борьбе за Керчь, Керченский полуостров и Феодосию, топил вражеские корабли и суда при освобождении Севастополя. После разгрома фашистов в Крыму участвовал в наступательных операциях наших войск на Карельском перешейке. Был награжден двумя орденами Красного Знамени. Провел 127 боевых вылетов, лично уничтожил 7 самолетов на земле и 1 в воздухе, 13 танков и танкеток, 4 бронемашин, 20 полевых и зенитных орудий, 31 миномет и 118 автомашин. 16 мая 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В Н-ском гарнизоне в аллее героев был установ-

⁵ ЦА МО СССР, ф. 2 гв. над, оп. 243973, д. 7, лл. 80—81; ф. 220, оп. 245, д. 4, л. 94; «Красное знамя», 1942 г., 29 июля; «Красная Армия», 1942 г., 22 августа; Козлов Н. А. В огне сражений. Грозный, 1969, с. 129.

⁶ «Вечерний Ленинград», 1966 г., 5 ноября.

лен бюст отважного летчика. В дни праздников у бюста встают в почетный караул пионеры⁷.

Отчик Владимир Семенович — лейтенант, старший летчик 130-го гвардейского штурмового авиационного полка, комсомолец. 11 августа 1943 г. при штурмовке бронепоезда на перегоне станций Гривка — Павлиново (Западный фронт) его самолет был подбит истребителями противника, он направил его на бронепоезд противника.

Родился 21 апреля 1921 г. в дер. Суфовичи Мозырского р-на Гомельской обл. Белорус. Окончил 7 классов, 3 курса строительного техникума. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с 22 декабря 1940 г. Окончил Тамбовскую военную авиационную школу пилотов. Был пилотом 10-го запасного авиационного полка. В Великой Отечественной войне участвовал с 1 января 1943 г.⁸

Павленко Михаил Иванович — гвардии старший лейтенант, командир эскадрильи 33-го штурмового авиационного полка, коммунист. 16 января 1943 г. под Старой Руссой, когда его машина была подбита и загорелась над целью, направил пылающий самолет на вражескую батарею.

Родился в 1914 г. в г. Острогожске Воронежской обл. Окончил 7 классов средней школы, был рабочим, учился на рабфаке. В 1936 г. окончил школу пилотов Гражданского воздушного флота в г. Тамбове. Член КПСС с 1939 г. В Советской Армии — с 27 марта 1941 г. Окончил 1-ю высшую школу штурманов, служил в 1-м Резервном авиационном полку. В Великой Отечественной войне участвовал с 4 сентября 1941 г. Награжден двумя орденами Красного Знамени⁹.

Палагин Владимир Степанович — лейтенант, командир звена 873-го штурмового авиационного полка, коммунист. 7 января 1943 г. во время штурмовки вражеских артиллерийско-минометных огневых точек в районе г. Великие Луки в воздушном бою плоскостью своего Ил-2 срезал стабилизатор бомбардировщика «Фокке-Вульф-190». Произвел посадку на своем аэродроме.

Родился 20 сентября 1914 г. в г. Оренбурге. Русский. В 1937 г. окончил 3-ю школу летчиков ГВФ в г. Балашове. С началом Великой Отечественной войны служил в штурмовых частях Военно-Воздушных Сил, сражаясь на Северо-Западном, Сталинградском, Калининском, Западном, 2-м Украинском фронтах, занимая должности командира звена, заместителя командира и командира эскадрильи. Произвел 235 боевых вылетов. Уничтожил 24 танка, 65 автомашин с войсками и грузами, подавил огонь 12 полевых орудий, 14 минометов и 15 орудий зенитной артиллерии. Участвовал в 36 воздушных боях, в которых лично сбил 4 вражеских самолета и 5 уничтожил на земле. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова III степени, Александра Невского и Красной Звезды. 15 мая 1946 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В 1960 г. в звании полковника уволился в запас, проживал в Одессе¹⁰.

⁷ Великанов В. Подвиг Анны. Румянцев Б. Побратимы Гастелло. Зузульский А. Тропами гроз. Городинский Н. Пусть мертвые слышат. Ярославль, 1973, с. 71—73.

⁸ ЦА МО СССР, ф. 35, оп. 3084, д. 6, лл. 264—266.

⁹ ЦА МО СССР, ф. 336, оп. 5246, д. 8; «Сокол Родины» (6-я Воздушная армия), 1943 г., 10 июля.

¹⁰ «Авиация и космонавтика», 1973, № 5, с. 35.

Панин Иван Иванович — майор, штурман 210-го штурмового авиационного полка, коммунист. 18 апреля 1944 г. при нанесении штурмового удара по фашистскому аэродрому под городом Керчь (Крымская обл.) в самолет попал вражеский снаряд. Летчик сообщил, что тяжело ранен, и направил пылающую машину на зенитную батарею противника.

Родился в 1907 г. в дер. Ногаево-Глинище Тульской обл. Русский. До призыва в армию был чернорабочим. Член КПСС с 1932 г. В Советской Армии — с 1933 г. Окончил 9-ую военную авиационную школу пилотов. В Великой Отечественной войне участвовал с 24 июня 1941 г. в составе Южного, Северо-Кавказского, Закавказского фронтов и отдельной Приморской армии. Произвел 113 боевых вылетов на самолетах Р-Зет и Ил-2. Им уничтожено 6 вражеских танков, 31 машина с войсками и грузами, 33 артиллерийских орудия, 6 складов с боеприпасами, потоплены 1 баржа и 2 катера. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды. 1 июля 1944 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹¹.

Панов Алексей Борисович — подполковник, командир 67-го гвардейского истребительного авиационного полка, коммунист. 2 августа 1943 г. семнадцать советских истребителей, прикрывая наземные войска в районе Чернь — Красниково (Центральный фронт), встретили семьдесят фашистских бомбардировщиков в сопровождении сорока истребителей. В воздушном бою Панов один «Юнкерс-87» сбил, а другой таранил плоскостью своего самолета. Посадил истребитель на своем аэродроме.

Родился 15 октября 1914 г. в с. Сыромятниково Путивльского р-на Черниговской обл. Русский. На родине окончил начальную школу, а в Конотопе — семилетку и школу ФЗУ при паровозо-ремонтном заводе; работал столяром-краснодеревщиком. В 1932 г. поступил в Киевский государственный университет, а через два года по призыву Ленинского комсомола стал курсантом 8-й школы военных летчиков. В 1938 г. в составе добровольцев сражался против фашистов в Испании. Принимал участие в воздушных боях над Эбро и Мадридом. Был тяжело ранен. Награжден орденом Красного Знамени. В 1939 г. стал слушателем Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Учебу прервала Великая Отечественная война. А. Б. Панов сражался на Ленинградском, Волховском, Калининском, Западном, Юго-Западном, Сталинградском, Северо-Западном, Центральном и 1-м Белорусском фронтах. Произвел 241 боевой вылет, участвовал в 41-м воздушном бою, лично уничтожил 14 самолетов противника. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Александра Невского, Красной Звезды и многими медалями. 12 сентября 1944 г. в воздушном бою был смертельно ранен. 23 февраля 1945 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Конотопское профессионально-техническое училище № 4, одна из улиц Конотопа и пионерский отряд школы села Грузского носят имя героя¹².

Перепелица Александр Михайлович — младший лейтенант, командир звена 44-й истребительной авиационной дивизии, комсомолец. 15 мая 1942 г. принял бой против трех фашистских истребителей. Один

¹¹ «Крылья Родины», 1963, № 4, с. 17.

¹² Гриценко И. Т., Головин Н. М. Подвиг. Документальные очерки о Героях Советского Союза. Харьков, 1975, с. 240—242.

«мессершмитт» уничтожил, но и его машина была повреждена. Летчик направил пылающий самолет на ангары с самолетами врага.

Родился в 1918 г. в г. Мелитополе. Украинец. Окончил школу ФЗУ, ныне городское профессионально-техническое училище № 12 Запорожского областного управления профтехобразования УССР, работал инструктором в нем. Член ВЛКСМ с 1935 г. В Советской Армии — с 1937 г. Окончил 1-ю Краснознаменную Качинскую военную авиационную школу. На фронтах Великой Отечественной войны участвовал с августа 1941 г. За период с 6 августа по 31 октября 1941 г. произвел 61 боевой вылет. Им лично было уничтожено 6 танков, 32 автомашинны, 125 повозок с грузами и живой силой, 4 орудия полевой артиллерии. 20 ноября 1941 г. отважный летчик был удостоен звания Героя Советского Союза¹³.

Пересумкин Петр Петрович — капитан, командир эскадрильи 149-го истребительного авиационного полка, коммунист. В годы Великой Отечественной войны дважды таранами уничтожал самолеты противника.

Родился 14 июля 1918 г. на хуторе Солонов Комсомольского р-на Волгоградской обл. Русский. Окончил 7 классов неполной средней школы, работал слесарем на тракторном заводе в Сталинграде. Без отрыва от производства закончил обучение в аэроклубе. В Советской Армии — с 10 сентября 1937 г. Окончил Борисоглебскую военную авиационную школу летчиков, служил младшим и старшим летчиком 47-го истребительного авиационного полка, командиром корабля и звена 304-го истребительного авиационного полка и 137-й отдельной разведывательной эскадрильи. В годы Великой Отечественной войны — заместитель и командир эскадрильи 917-, 813- и 149-го истребительных авиационных полков войск ПВО страны, участвовал в битве за Москву, громил фашистов на Западном, 1- и 2-м Белорусских фронтах. Произвел 113 боевых вылетов. В 35 воздушных боях сбил 18 вражеских самолетов. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. 18 августа 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В звании подполковника уволился в запас 23 января 1958 г.¹⁴

Петров Федор Семенович — старший лейтенант, командир звена 66-го истребительного авиационного полка, коммунист. В районе Берлина (железнодорожный узел Вурцен) в воздушном бою сбил два вражеских истребителя и третий таранил. Приземлился на парашюте.

Родился 23 июня 1920 г. в дер. Седневка Устимовского р-на Кировоградской обл. Окончил семилетку, работал формовщиком на Николаевском государственном заводе. В Советской Армии — с 15 сентября 1940 г. Учился в Конотопской и Армавирской военных авиационных школах пилотов, а с июля 1942 г. служил в учебном авиационном полку. В Великой Отечественной войне участвовал с декабря 1942 г. на Закавказском фронте, в составе Особой Приморской армии и на 2-м Белорусском фронте. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени и двумя орденами Красной Звезды. Уволился в запас в звании подполковника 8 июля 1960 г.¹⁵

¹³ Андреев С. А. Совершенное ими бессмертно. М., 1976, с. 55—56.

¹⁴ «Коммунист Вооруженных Сил», 1978, № 7, с. 71.

¹⁵ «Красная звезда», 1965 г., 1 декабря.

Пискунов Илья Михайлович — младший лейтенант, летчик 236-го истребительного авиационного полка, коммунист. В августе 1943 г. на Воронежском фронте таранил вражеский бомбардировщик «Юнкерс-88». Произвел посадку на самолете.

Родился в 1922 г. в Москве. Русский. Окончил 6 классов средней школы, работал на производстве. В 1942 г. окончил военную школу летчиков. В Великой Отечественной войне участвовал с 8 июня 1943 г. 14 августа 1943 г. не вернулся с боевого задания¹⁶.

Полуновский Валерий Федорович — старший лейтенант, командир эскадрильи 845-го истребительного авиационного полка, комсомолец. В октябре 1943 г. на Волховском фронте таранил вражеский самолет «Мессершмитт-110».

Родился 15 июля 1920 г. в г. Прокопьевске Новосибирской обл. Русский. Окончил 7 классов неполной средней школы, промышленное училище и работал на одном из предприятий. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с января 1939 г. 5 января 1941 г. окончил 30-ю военную авиационную школу пилотов им. А. К. Серова и оставлен в ней инструктором-пилотом. В Великой Отечественной войне участвовал с 19 марта 1942 г. в составе Ленинградского и Волховского фронтов, занимая должности пилота, заместителя командира, штурмана и командира эскадрильи. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны II степени. Уволился в запас 27 ноября 1945 г.¹⁷

Радигер Лев — летчик 728-го истребительного авиационного полка. 23 августа 1943 г. в ходе прикрытия бомбардировщиков в районе Чугуева Харьковской обл. два наших летчика (Радигер и Карнаухов) вступили в воздушный бой с 20 вражескими истребителями. 4 фашистских самолета были сбиты, погиб Карнаухов, но Радигер не вышел из боя и сбил пятый истребитель противника. Однако у него, видимо, кончились боеприпасы, и он пошел на таран, уничтожив еще один фашистский самолет. Погиб.

Биографические данные пока не найдены¹⁸.

Радюшкин Николай Михайлович — старший лейтенант, командир звена 115-го истребительного авиационного полка, коммунист. 2 августа 1944 г. во время штурмовки боевой техники неприятеля на станции Толочин Витебской обл. самолет был подбит огнем зенитной артиллерии. Пилот направил пылающую машину в скопление вражеских эшелонов.

Родился в 1921 г. в селе Михеи Сапожковского р-на Рязанской обл. Русский. Окончил семилетку, работал шлифовщиком. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с 30 октября 1940 г. Окончил Чугуевскую военную авиационную школу, служил в 5-й запасной авиационной бригаде Среднеазиатского военного округа. В Великой Отечественной войне участвовал с 23 сентября 1943 г., занимая должности старшего летчика и командира звена. Кандидат в члены КПСС с 1943 г.¹⁹

Рогальский Альфон Антонович — младший лейтенант, летчик 92-го истребительного авиационного полка. В боях за Сталинград во время

¹⁶ ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 518860, д. 1, лл. 16, 39.

¹⁷ ЦА МО СССР, ф. 364, оп. 6306, д. 5, л. 18; «Бей врага!» (14-я Воздушная армия), 1943 г., 27 октября.

¹⁸ В рожейкин А. Рядовой авиации. М., 1972, с. 229, 230, 244.

¹⁹ «Здравствуй, небо!» М., 1966, с. 131.

нанесения штурмового удара по фашистским войскам самолет был подбит огнем зенитной артиллерии, загорелся. Летчик направил машину на скопление вражеских танков.

Биографические данные не установлены²⁰.

Романенко Александр Сергеевич — капитан, командир эскадрильи 32-го истребительного авиационного полка, коммунист. 3 сентября 1942 г. на Западном фронте (район железнодорожной ветки Ржев — Вязьма, дер. Сычевка) таранил вражеский истребитель.

Родился в 1912 г. в г. Миллерово Ростовской обл. Русский. Окончил 9 классов, работал токарем на заводе. В Советской Армии — с 1933 г. Окончил военную школу летчиков. В Великой Отечественной войне участвовал с первых ее дней. Воевал на Западном, Северокавказском, Калининском, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Произвел более 200 боевых вылетов, провел 150 воздушных боев, сбил 21 самолет противника лично и 5 в группе. 28 сентября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза. До этого был награжден двумя орденами Красного Знамени. В звании майора и должности штурмана 91-го истребительного авиационного полка погиб 6 ноября 1943 г.²¹

Романенко Алексей Митрофанович — младший лейтенант, пилот 12-го дальнебомбардировочного авиационного полка, комсомолец. 13 августа 1943 г. на Северо-Западном фронте во время бомбового удара по войскам противника воздушный корабль Романенко был подбит, летчик направил его на скопление танков и пехоты противника.

Родился 8 марта 1918 г. на хуторе Рухловка Арык-Балыкского р-на Кокчетавской обл. Казахской ССР. Русский. Окончил семилетку, школу фабрично-заводского ученичества, работал слесарем. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с 20 октября 1939 г. Окончил военную школу младших авиационных специалистов и Омскую военную авиационную школу пилотов. Был оставлен в ней пилотом-инструктором. В Великой Отечественной войне участвовал с 10 февраля 1943 г. 6 мая 1965 г. посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

Члены экипажа: **Вихорев** — штурман, **Изосимов** — воздушный стрелок-радист, **Воронин** — воздушный стрелок²².

Рощупкин Иван Фролович — младший лейтенант, летчик 159-го истребительного авиаполка, комсомолец. 5 июля 1941 г. под Ленинградом таранным ударом уничтожил вражеский бомбардировщик. Приземлился с парашютом.

Родился 17 октября 1919 г. в с. Плеханово Грязинского р-на Воронежской обл. Русский. Окончил семилетку, школу ФЗУ, работал газовщиком на Новолипецком металлургическом заводе. В Советской Армии — с декабря 1939 г. Окончил Борисоглебскую авиационную школу им. В. П. Чкалова. В Великой Отечественной войне участвовал с 22 июня 1941 г. летчиком и командиром звена. Член ВКП(б) с 1942 г. Произвел 160 боевых вылетов, участвовал в 42 воздушных боях, в которых лично сбил 5 фашистских самолетов и 2 — в группе. Награжден орденом Ленина. 2 мая 1943 г. не вернулся с боевого задания²³.

²⁰ «Молодой коммунист», 1974, № 5, с. 49; Руденко С. И. Крылья победы. М., 1976, с. 108.

²¹ «Авиация и космонавтика», 1976, № 1, с. 22.

²² ЦА МО СССР, ф. 3-й Воздушной армии, газ. «Советский сокол», 1943 г., 22 августа.

²³ ЦА МО СССР, ф. 159-го иап, оп. 299460, д. 1, л. 9.

Савцов Виктор Иванович — лейтенант, старший летчик 622-го штурмового авиационного полка, коммунист. 29 октября 1944 г. на 2-м Прибалтийском фронте после штурмовки цели, вступив в воздушный бой с двумя вражескими истребителями, пушечным огнем своего штурмовика сбил один фашистский самолет, но второй стервятник успел поджечь его машину. Летчик направил горящий самолет на артиллерийскую батарею врага.

Родился в 1922 г. в г. Балаково Саратовской обл. Русский. Член ВЛКСМ с 1938 г. В 1941 г. окончил военную школу летчиков. В 1942 г. был слушателем Краснодарского объединенного военного авиационного училища. Кандидат в члены КПСС с 1942 г. В Великой Отечественной войне участвовал со 2 декабря 1943 г. в составе 15-й Воздушной армии. Перед одним из вылетов на боевое задание сделал в своей записной книжке такую запись: «Я не хочу умирать, но если придется, то умру героем». Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды²⁴.

Самохвалов Иосиф Иванович — старший лейтенант, командир звена 618-го штурмового авиационного полка Северокавказского фронта, коммунист. В 1943 г. таранил самолет противника.

Родился 17 апреля 1918 г. в селе Южаково Троицкого р-на Алтайского края. Русский. Окончил 7 классов неполной средней школы, 3 курса лесотехнического техникума в г. Бийске. В Советской Армии — с 3 августа 1940 г. Окончил Пермскую военную авиационную школу пилотов, служил инструктором-пилотом в 12-й военной авиационной школе первоначального обучения Приволжского военного округа. В Великой Отечественной войне участвовал с 1 января 1942 г. и до 9 мая 1945 г. на Юго-Западном, Сталинградском, Южном, Северокавказском, 2-м Прибалтийском, Ленинградском фронтах и в Отдельной Приморской армии. Произвел 710 боевых вылетов, из них 598 на самолетах По-2 и Ил-2 — на штурмовике Ил-2. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени и двумя орденами Красной Звезды. 26 октября 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В звании подполковника уволился в запас 26 апреля 1958 г.²⁵

Семенов Алексей Иванович — капитан, командир эскадрильи 138-го штурмового авиационного полка, коммунист. 21 июля 1944 г. во время штурмовки вражеской танковой колонны в 8 км, западнее г. Гродно (Белоруссия) самолет был подбит огнем зенитной артиллерии. Летчик направил пылающую машину на вражеские танки.

Родился в 1913 г. в г. Арзамасе Горьковской обл. Русский. Окончил семилетку, летную школу Гражданского воздушного флота. В Великой Отечественной войне участвовал со 2 августа 1942 г. на Северо-Западном фронте, занимая должности пилота, заместителя командира и командира эскадрильи в составе 1-й и 4-й Воздушных армий. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды²⁶.

Сидоров Иван Дмитриевич — капитан, командир эскадрильи 92-го истребительного авиационного полка, коммунист. 5 июля 1943 г. на

²⁴ «Коммунист Вооруженных Сил», 1968, № 3, с. 45—46.

²⁵ Музей боевой славы Качинского высшего военного авиационного ордена Ленина Краснознаменного училища летчиков им. А. Ф. Мясникова.

²⁶ Ефимов А. Н. Над полем боя. М., 1976, с. 204.

Курской дуге, прикрывая боевые порядки своих войск, в воздушном бою он сбил фашистский бомбардировщик и два истребителя. Но его самолет был подбит. Сидоров направил пылающую машину на третий истребитель и сумел выбраться с парашютом. От горевшей одежды вспламенились стропы, летчик погиб.

Родился 24 сентября 1916 г. в селе Светлый Яр Волгоградской обл. Русский. Рос и учился в Сталинграде, где окончил семилетку, школу ФЗУ, работал слесарем на судовой верфи. Член ВЛКСМ с 1931 г. В Советской Армии — с 1 августа 1934 г. Окончил 7-ю военную школу летчиков. Служил младшим летчиком, командиром звена и заместителем командира эскадрильи в 21-м истребительном авиационном полку, в составе которого и встретил Великую Отечественную войну. Произвел около 400 боевых вылетов. В воздушных боях уничтожил лично 16 самолетов противника и 7 — в группе. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. 28 сентября 1943 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза ²⁷.

Соколов Михаил Иванович — сержант, пилот 94-й авиационной эскадрильи ВВС Черноморского флота. 28 сентября 1941 г. во время нанесения штурмового удара по вражеским укрепленным позициям на подступах к г. Севастополю самолет над целью был подбит огнем зенитной артиллерии и загорелся. Летчик направил машину на вражеские танки.

Родился в 1920 г. в г. Ворошиловграде. После окончания школы и аэроклуба учился в Ейском военном авиационном училище морских летчиков ²⁸.

Солдатов Виктор Дмитриевич — старший лейтенант, командир звена 57-го штурмового авиационного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота, коммунист. 11 февраля 1943 г. в районе Красного Бора (под Ленинградом) в воздушном бою с истребителями противника штурмовик Солдатов был подбит. Летчик направил его на колонну вражеских войск.

Родился 28 ноября 1914 г. в Москве. Окончил военно-морское авиационное училище им. Леваневского в Николаеве. Служил в авиационных частях Черноморского флота, работал летчиком-инструктором в военно-морском авиационном училище в г. Николаеве, находился в резервном авиационном полку на переучивании, откуда был направлен в ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Награжден орденом Красного Знамени ²⁹.

Сторожаков Алексей Николаевич — старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи 154-го истребительного авиационного полка, коммунист. 23 июля 1941 г. на Ленинградском фронте он атаковал самолет-разведчик «Хеншель-126». В ходе воздушного боя Сторожаков таранил машину фашиста, не позволив ему привести в свой штаб добытые сведения. Произвел посадку на самолете.

Родился в 1917 г. в селе Когальник Азовского р-на Ростовской обл. Русский. Окончил 5 классов неполной средней школы, фабрично-заводское училище в г. Ростове, был рабочим на обувной фабрике. В Советской Армии — с 15 августа 1935 г. Окончил 7-ю военную школу летчиков. в г. Сталинграде, служил в авиационных частях Ленинградского воен-

²⁷ Герой воздушных таранов. М., 1980, с. 149.

²⁸ «Молодой коммунист», 1975, № 1, с. 43.

²⁹ «Молодой коммунист», 1976, № 11, с. 54—55.

ного округа. В Великой Отечественной войне участвовал с первых ее дней, защищал Ленинград. В сводке Совинформбюро от 13 августа 1941 г. сообщалось, что за 45 дней войны он уничтожил 8 фашистских самолетов. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. 10 сентября 1941 г. на подходе ко Мге (Ленинградская обл.) в воздушном бою с девятью немецкими истребителями был тяжело ранен и направил подожженный самолет в колонну вражеских бронетранспортеров. 16 января 1942 г. за мужество и высокое боевое мастерство, проявленные при 152 боевых вылетах, за 8 лично и 36 в группе уничтоженных самолетов противника посмертно присвоено звание Героя Советского Союза³⁰.

Табатадзе Моисей Ефремович — младший лейтенант, младший летчик 160-го истребительного авиационного полка, комсомолец. 9 июля 1941 г. на Смоленщине в неравном бою с 12 фашистскими стервятниками таранил вражескую машину. Погиб.

Родился 15 января 1921 г. в Боржомском р-не Грузинской ССР. Грузин. Окончил 9 классов железнодорожной школы, работал на производстве. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с 16 ноября 1938 г. Окончил Сталинградское военное авиационное училище. Служил младшим летчиком в авиационной части Московского военного округа³¹.

Трифонов Вениамин Михайлович — лейтенант, старший летчик 6-го бомбардировочного авиационного полка, комсомолец. 26 января 1945 г. при нанесении удара по артиллерийско-минометным позициям врага его самолет был атакован истребителями противника. Экипаж уничтожил один истребитель противника, но и советский бомбардировщик загорелся. Летчик направил его на вражеские войска.

Родился в сентябре 1919 г. в г. Белорецке Башкирской АССР. Русский. Окончил среднюю школу. Член ВЛКСМ с 1939 г. В Советской Армии — с февраля 1940 г. Окончил 1-ю Чкаловскую военную авиационную школу пилотов. Участник Великой Отечественной войны с 1943 г.

Члены экипажа: **Дремлюга Терентий Петрович** — лейтенант, штурман; **Нагуманов** — старший сержант, воздушный стрелок-радист; **Книгин** — рядовой, воздушный стрелок³².

Тяпин Василий Александрович — лейтенант, старший летчик 128-го бомбардировочного авиационного полка, коммунист. 22 апреля 1945 г. во время налета на крепость Франкфурт-на-Одере (под Берлином) самолет был подбит огнем зенитной артиллерии, загорелся. Летчик направил боевую машину на артиллерийские позиции врага.

Родился в январе 1919 г. в пос. Юрино Марийской АССР. Окончил 10 классов средней школы, Балашовскую военную авиационную школу пилотов (1941 г.), Краснодарское объединенное военное авиационное училище (1943 г.). Кандидат в члены КПСС с 1942 г. В Великой Отечественной войне участвовал с 20 марта 1944 г.³³

Холод Павел Петрович — капитан, командир звена 229-го дальнебомбардировочного авиационного полка, коммунист. 16 августа 1941 г. при выполнении боевого задания в окрестностях Кривого Рога самолет

³⁰ ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 45, л. 213; Крылатые богатыри. Л., 1965, с. 202.

³¹ «Советский патриот» (ГСВГ), 28 января 1977 г.

³² «Красная звезда», 1968 г., 23 мая; «Молодой коммунист», 1975, № 5, с. 33.

³³ «Авиация и космонавтика», 1977, № 5, с. 29.

был подбит. Два члена экипажа выбросились с парашютом. Командир, развернув горящую машину, направил ее в скопление войск противника.

Родился в 1916 г. в г. Часов Яр Артемовского р-на Донецкой обл. В 1937 г. окончил Ворошиловградское военное авиационное училище. Член КПСС с 1938 г.

Члены экипажа: **Травников Виктор Никандрович** — лейтенант, стрелок-бомбардир, комсомолец. Родился в 1921 г. в селе Норское Ярославской обл. Окончил среднюю школу. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армии — с 1939 г. Окончил Краснодарское военное авиационное училище в 1940 г. Травников В. Н. был тяжело ранен еще в самолете и умер при спуске на парашюте. Третий член экипажа (фамилия пока не известна) приземлился с парашютом. Фашисты окружили его. В начавшейся перестрелке советский авиатор отстреливался до последнего патрона. Погиб³⁴.

Хоменко Александр Михайлович — младший лейтенант, командир звена 625-го штурмового авиационного полка, коммунист. 27 марта 1943 г. вместе с ведомым младшим лейтенантом Г. Ф. Кузиным вел разведку подъездных путей противника с запада к линии фронта. В районе села Серебрянка (Донбасс) штурмовики были обстреляны фашистской зенитной артиллерией. Летчики приступили к их штурмовке. Во время одного из заходов в самолет Хоменко попал зенитный снаряд. Машина загорелась. Советский летчик направил горящий штурмовик на зенитную батарею врага.

Родился 20 августа 1922 г. в поселке Штабка Павловского р-на Алтайского края, коммунист. Русский. Окончил семилетку и два курса автодорожного техникума. Одновременно учился в аэроклубе. Член ВЛКСМ с 1939 г. В Советской Армии — с 1940 г. Окончил военную авиационную школу пилотов в г. Энгельсе, служил в 10-м запасном авиационном полку. В Великой Отечественной войне участвовал с 20 октября 1942 г. в боях под Сталинградом и на юге Украины. Член КПСС с 1945 г. Награжден орденами Отечественной войны I степени (посмертно), Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Член экипажа воздушный стрелок-радист сержант **Завадовский**³⁵.

Ченский Владимир Никифорович — капитан, командир эскадрильи 563-го истребительного авиационного полка, коммунист. В сентябре 1942 г. в воздушном бою в районе Сталинграда, израсходовав все боеприпасы, таранил «мессершмитт». Приземлился на парашюте.

Родился 4 июля 1915 г. в селе Комбулат Петровского р-на Северокавказского края. Русский. Окончил 7 классов семилетней школы в г. Ставрополе, работал в совхозе «Гигант» Сальского р-на Ростовской обл. Член ВЛКСМ с 1934 г. В Советской Армии — с 20 августа 1935 г. Окончил 3-ю военную школу авиационных техников Уральского военного округа, был пилотом, младшим летчиком 8-й разведывательной авиационной эскадрильи, младшим летчиком, начальником химической службы, командиром звена 27-го истребительного авиационного полка Московского военного округа. Участвовал в боях против белофиннов, в Великой Отечественной войне — с 28 августа 1941 г. на Брянском, Воронежском, Сталинградском, Донском, Центральном и Белорусском фронтах, занимая должности адъютанта и командира эскадрильи, помощника командира 562-го истребительного авиационного полка по воздушно-стрелковой службе, помощника командира 116-го гвардейского истреби-

³⁴ «Красная звезда», 1973 г., 16 мая.

³⁵ «Авиация и космонавтика», 1975, № 4, с. 15.

тельного авиационного полка по воздушно-стрелковой службе. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Погиб в авиационной катастрофе 19 октября 1944 г.³⁶

Чернявский Виктор — летчик штурмового авиационного полка. 14 октября 1944 г. во время штурмовки танковой колонны врага в Латвии (под Ригой) самолет был подбит огнем зенитной артиллерии противника. Направил машину на фашистские танки.

Биографические данные пока не найдены³⁷.

Чечелашвили Отари Григорьевич — капитан, командир эскадрильи 141-го гвардейского штурмового авиационного полка, коммунист. Совершил один из первых таранов на штурмовике.

Родился в 1923 г. в Тбилиси. Грузин. В Советской Армии — с 20 марта 1940 г. Окончил Ейское военное авиационное училище. В Великой Отечественной войне участвовал со 2 февраля 1942 г. в составе Крымского, Северокавказского, 2-го и 1-го Украинских фронтов, занимая должности пилота, штурмана звена, заместителя командира и командира эскадрильи. Член КПСС с 1944 г. Произвел 220 боевых вылетов, в которых уничтожил и повредил: 34 танка, 49 вагонов с фашистами, 8 складов боеприпасов, 4 переправы и 4 баржи. В воздушных боях сбил 5 самолетов противника. 27 июня 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, Александра Невского и Красной Звезды. В 1958 г. в звании подполковника уволился в запас. Умер в 1959 г.³⁸

Чиликов Георгий Николаевич — лейтенант, командир звена 255-го истребительного авиационного полка ВВС Северного флота, коммунист. 27 сентября 1942 г. в Заполярье во главе четверки истребителей вел бой с десятью вражескими «юнкерсами» и шестнадцатью «мессершмиттами». Таранил истребитель противника. Выбросился с парашютом, тот не раскрылся. Посмертно награжден орденом Ленина.

Родился в 1914 г. Член КПСС с 1940 г. В Советской Армии — с 1941 г.³⁹

Чиркин Петр Степанович — старший лейтенант, командир звена 62-го штурмового авиационного полка, коммунист. 22 июня 1941 г. с аэродрома у села Лисятичи (Стрижский р-н Львовской обл.) вылетел с младшим лейтенантом В. С. Слюнкиным на разведку войск противника. Обнаружили интенсивное движение вражеских колонн. Гитлеровцы открыли ураганный огонь. Машину Чиркина охватило пламя. Летчик направил пылающую «Чайку» на танковую колонну врага.

Родился 19 июня 1914 г. в селе Остролучье Хоботовского р-на Тамбовской обл. Русский. Окончил 7 классов неполной средней школы, 3 курса ФЗУ в г. Мичуринске, работал слесарем. В Советской Армии — с 1932 г. Учился в 144-й полковой школе в г. Вышний Волочок, в военной школе авиационных техников и 7-й военной школе пилотов в г. Сталинграде. Служил младшим летчиком во 2-й и 36-й истребительных авиационных эскадрильях, в 14-м легкоштурмовом авиационном полку, где занимал последовательно должности старшего летчика и командира

³⁶ Руденко С. И. Крылья победы. М., 1976, с. 119—120.

³⁷ Захарович Я. В небе Советской Латвии. Рига, 1945, с. 7—9.

³⁸ «Красная звезда», 1968 г., 4 сентября.

³⁹ Это было на Крайнем Севере. Мурманск, 1965, с. 82—83; «Блокнот агитатора Советской Армии», 1972, № 2, с. 20.

звена. С 13 февраля по 13 марта 1940 г. участвовал в боях с белофиннами⁴⁰.

Шишов Николай Потапович — старший лейтенант, командир экипажа 53-го авиационного полка (Авиация дальнего действия). 24 сентября 1941 г. в ходе выполнения боевого задания был атакован истребителями противника и загорелся. Летчик был ранен в грудь, штурман убит. Воздушные стрелки по команде оставили самолет. Командир экипажа направил пылающий бомбардировщик в колонну автомашин.

Родился в 1908 г. В 1935 г. окончил военную школу морских летчиков. Был пилотом, младшим летчиком в 14-й тяжелобомбардировочной эскадрилье, старшим летчиком в 53-м дальнебомбардировочном авиационном полку, адъютантом эскадрильи 53-го скоростного бомбардировочного авиационного полка⁴¹.

⁴⁰ Отважные сыны Дона. Очерки о героях Советского Союза. Ростов н/Д, 1963, с. 275—276; «Красная звезда», 1976 г., 26 июня.

⁴¹ ЦА МО СССР, ф. 30, оп. 11499, д. 3, л. 130; Цыкин А. Д. От «Ильи Муромца» до ракетопоса. Краткий очерк истории дальней авиации. М., 1975, с. 213.

М. Г. МЕЙЕРОВИЧ

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОПОЛНЕНИЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

(На материалах Ярославской губернии)

Борьба рабочего класса России на различных этапах неразрывно связана с изменениями его социальной структуры. В. И. Ленин еще в конце XIX в. убедительно показал, что с завершением промышленного переворота в России сложился «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству»¹. В эпоху империализма выросла не только численность рабочего класса, но и его кадровая прослойка, «усилилась чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей»².

В работах советских историков рассмотрены многие проблемы формирования рабочего класса, его состава и положения. Значительное внимание уделено и вопросу об источниках происхождения и пополнения рядов фабрично-заводского пролетариата. Всесторонний анализ литературы по этой теме был сделан Л. М. Ивановым еще в 1963 г. на сессии по истории пролетариата, состоявшейся в Ростове, а затем в специальной статье. Он отметил, что исследователи, идет ли речь о второй половине XIX в. или о начале XX в., «придерживаются в общем одной точки зрения: деревня является основным источником происхождения и последующего пополнения рабочего класса, далее идут кустари и ремесленники и, наконец, семьи рабочих». Одни историки совсем игнорируют роль рабочих семей в этом процессе, другие отводят им незначи-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 547.

² Ленин В. И. ПСС, т. 22, с. 282.

тельное место, третьи, признавая их роль, делают это недостаточно последовательно³.

Л. М. Иванов не ограничился критическим разбором литературы, он впервые во всей широте поднял вопрос о значении преемственности фабрично-заводского труда для характеристики социальной структуры рабочего класса. Основной вывод исследователя: «В 80—90-х годах XIX в. пролетариат крупной промышленности, прежде всего центра страны, примерно на $\frac{2}{3}$ состоял из потомственных рабочих»; в XX в., когда значение рабочих семей как источника пополнения пролетариата еще более возросло, они «давали, примерно 50—60% всех рабочих»⁴. Не все исследователи разделяют этот вывод. Возможно, что подсчитанная Л. М. Ивановым доля потомственных рабочих в действительности была не столь велика⁵. Тем не менее выдвинутое им положение о всевозрастающей роли рабочих семей как источника пополнения пролетариата бесспорно.

За последние 15 лет очень немного сделано для дальнейшего исследования этой проблемы. Отдельные работы вообще обходят вопрос о преемственности фабрично-заводского труда⁶, ряд исследователей ограничиваются ссылками на подсчеты Л. М. Иванова⁷. Некоторые историки лишь вскользь упоминают о потомственных рабочих⁸, а другие, признавая в общем важное значение пролетарских семей, не подкрепляют свои выводы конкретными данными⁹.

Тем не менее в последние годы вышло несколько работ, где проблеме источников пополнения пролетариата уделяется значительное внимание. В книге Ю. И. Серого о рабочих Юга России ей посвящена специальная глава. Естественно, что центральное место автор отводит характеристике крестьянства, составлявшего основные кадры рабочих региона, но он делает попытку определить и роль семей рабочих в этом процессе. Попытка эта представляется интересной, хотя в расчетах автора слишком много «допущений». Поэтому его вывод о том, что на Юге «около 25% потребностей промышленности в кадрах» удовлетворялось за счет рабочих семей, воспринимается только как некоторая возможность, но не как имевшая место в реальности доля потомственных рабочих¹⁰.

У. А. Шустер в монографии о петербургских рабочих 1905—1907 гг. показывает, что кадры столичного пролетариата пополнялись преимущественно за счет крестьян, подавляющая часть которых потеряла реальную связь с землей. Рассматривая вопрос о потомственных рабочих,

³ См. Иванов Л. М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. В кн. Рабочий класс и рабочее движение в России (1861—1917). М., 1966, с. 78.

⁴ Там же, с. 140.

⁵ См. Потолов С. И. Рец. на сб. «Рабочий класс и рабочее движение в России». — «История СССР», 1967, № 5, с. 192.

⁶ См., напр.: Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. Л., 1966, с. 32—57.

⁷ См. Кабанов П. И. и др. Пролетариат во главе освободительного движения в России (1895—1917 гг.). М., 1971, с. 25; Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 — октябрь 1917). М., 1976, с. 34—36 и др.

⁸ См. Ромашова В. И. Образование постоянных кадров в пореформенной промышленности Москвы. В кн. Рабочий класс и рабочее движение в России (1861—1917), с. 160; Мурзинцева С. В. Изучение формирования состава рабочих Трубочного завода по данным паспортных книг (1907—1914 гг.). В кн. Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Ростов н/Д, 1972, с. 63 и др.

⁹ См. Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971, с. 31; Пушкарева И. М. Железнодорожники в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 40.

¹⁰ Серый Ю. И. Рабочие Юга в период империализма (1900—1913 гг.). Ростов н/Д, 1971, с. 124.

автор «ставит под сомнение возможность образования сколько-нибудь представительного контингента рабочих второго поколения к началу XX в.» Привлекаемые им косвенные материалы не убеждают в правильности данного вывода, факты же, приведенные в работе, свидетельствуют, что почти пятая часть текстильщиков относилась к потомственным рабочим. Для начала XX в. это достаточно «представительный контингент»¹¹.

В монографии Э. Э. Крузе отмечается значение рабочих семей как одного из «важнейших в эпоху империализма источников притока рабочей силы». Более того, автор считает детей рабочих наряду с «постоянными рабочими, потерявшими работу в периоды кризиса и депрессии», главным и основным источником пополнения промышленного пролетариата. Но этот очень важный вывод остается декларативным и не подкрепляется соответствующим анализом¹². Недостаточная четкость понятийного аппарата нередко приводит к тому, что автор, анализируя лишь данные о стаже или о связи с землей, делает неожиданный вывод о высоком удельном весе не только кадровых или постоянных, но и потомственных рабочих¹³.

Большой интерес представляет работа В. З. Дробижева, А. К. Соколова и В. А. Устинова о социальной структуре российского пролетариата в 1918 г. На основе выборочного исследования материалов профессиональной переписи 1918 г. авторы приходят к выводу, что «главным источником пополнения промышленных кадров были выходцы из деревни». Значение рабочих семей в этом процессе постоянно возрастало и «в некоторых районах из их числа было более половины вновь поступивших на производство»¹⁴.

Справедливо выступая против абсолютизации значения отдельных признаков, в том числе и преемственности фабрично-заводского труда, авторы, на наш взгляд, несколько принижают значение последней, отводя ей лишь роль ускоряющего фактора в процессе формирования кадрового пролетариата. По их мнению, «раннее вхождение в рабочую среду было не менее важным фактором, чем потомственная принадлежность к ней», которая «сама по себе... без длительного пребывания на производстве не вела автоматически к выработке более высокого уровня сознания»¹⁵. Но дети рабочих не только скорее превращались в кадровых пролетариев, но почти всегда становились ими с закономерной необходимостью. И выработка пролетарского сознания начиналась у них очень рано, а факторы, мешавшие этому, влияли на них гораздо меньше, чем на выходцев из других социальных слоев.

Кадровыми были многие рабочие первого поколения, составлявшие накануне революции большинство российского пролетариата. Но тот факт, что его ряды насчитывали значительную и все возрастающую долю потомственных рабочих, делал рабочий класс более сплоченным и сознательным, свидетельствовал о появлении нового качества, о завершенности, как отмечают сами авторы, процесса его формирования.

Поэтому, не преувеличивая значения преемственности фабрично-заводского труда, следует признать важную роль этого фактора в характеристике социальной структуры пролетариата, в выяснении источников

¹¹ Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 22—26.

¹² Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. М., 1976, с. 12, 139.

¹³ Там же, с. 144—145.

¹⁴ Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975, с. 204.

¹⁵ Там же, с. 95.

его пополнения. В этом плане нам представляется весьма перспективным определение удельного веса потомственных рабочих у различных отрядов рабочего класса в разные периоды его развития.

Ярославская губерния принадлежала к одной из наиболее развитых в промышленном отношении: по удельному весу в общей численности промышленных рабочих России она занимала в 1890-е годы 12-е место, в 1913 г. — 14-е¹⁶. На промышленных предприятиях губернии накануне первой мировой войны трудилось 43 390 рабочих, причем 92,5% их было сосредоточено в 11 крупных фабричных центрах¹⁷. Концентрация в ярославской промышленности была выше, чем в целом по стране: в 1913 г. на 15 крупных предприятиях (500 рабочих и более) было занято 63,2% всех рабочих.

Ряд особенностей отличает состав ярославского пролетариата от соседних губерний. Во-первых, это — меньший удельный вес текстильщиков: во Владимирской и Костромской губерниях на их долю приходилось примерно $\frac{9}{10}$ рабочих, в Ярославской — немногим более половины. В начале XX в. здесь усиливается значение тяжелой промышленности, на долю которой в 1913 г. приходилось 17,1% рабочих. Во-вторых, рабочие городских предприятий (68% в 1913 г.) преобладали над сельскими, в то время как в других губерниях района (даже в Московской) наблюдалась противоположная картина. Третья особенность заключалась в преобладании рабочих, пришедших на ярославские предприятия из других губерний (60,2% в 1902 г.). Это было связано прежде всего с характером отхода ярославских крестьян: в 1901 г. 77,4% уходило на заработки за пределы губернии и лишь 4% всех отходников направлялось на фабрики и заводы¹⁸. Зато на ярославские предприятия в большом количестве шли рабочие из Владимирской, Костромской, Вологодской и других губерний.

Связь ярославских рабочих с землей была слабой. По Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., из 37,5 тыс. рабочих губернии владели землей до революции только 14,9%, а обрабатывали ее сами или с помощью членов семьи — 10,1%. Лишь 1% рабочих уходил до 1917 г. на сельскохозяйственные работы, причем среди металлистов таких не было совсем, среди текстильщиков — 0,3%¹⁹.

Эта краткая характеристика состава рабочих Ярославской губернии²⁰ свидетельствует, что более глубокий анализ их социальной структуры представляет значительный интерес. В работах, опубликованных по результатам выборочного исследования материалов профессиональной переписи 1918 г., дана многосторонняя характеристика ярославских рабочих. Определен исследователями и удельный вес потомственных рабочих (33,4%)²¹. Конечно, революция и начавшаяся гражданская война внесли значительные изменения в состав рабочего класса, тем не менее

¹⁶ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 193.

¹⁷ Здесь и далее приводятся наши подсчеты, отличающиеся от данных фабричной инспекции. См. Мейерович М. Г. Фабрично-заводская промышленность Ярославской губернии в начале XX в. — «Вестник Ярославского университета», 1972, вып. 1, с. 62—73.

¹⁸ Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Ярославль, 1907, с. 343, 570.

¹⁹ Гуревич М. Историко-статистический сборник по Ярославской губернии. Ярославль, 1922, с. 178; Дробинжев В. З. и др. Указ. соч., с. 118.

²⁰ Подробнее об этом см.: Мейерович М. Г. О происхождении промышленных рабочих Ярославской губернии (кон. XIX — нач. XX в.). — «Вестник Московского университета», сер. IX, 1969, № 6, с. 26—42.

²¹ См. Дробинжев В. З. и др. Указ. соч.; Соколов А. К. Методика обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. — «История СССР», 1971, № 4; его же. Состав рабочих Ярославской и Воронежской губернии (по данным первичных материалов профессиональной переписи 1918 г.). — «Вестник Московского университета», сер. IX, 1972, № 4.

эти данные дают определенное представление об источниках пополнения пролетариата губернии в дореволюционное время.

Достаточно полно характеризуют роль пролетарских семей в воспроизводстве кадров промышленных рабочих материалы специальных обследований, проводившиеся в разные годы в некоторых губерниях. По Ярославской губернии подобных обследований не было. Поэтому интересующие нас данные могут быть получены лишь на основе анализа массовых первичных источников промышленных предприятий.

Цель настоящего сообщения — привлечь к решению проблемы преемственности фабрично-заводского труда один из таких, пока еще не использовавшихся в исторической литературе видов первичных источников. Речь идет о личных делах рабочих Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ). Это — одно из крупнейших текстильных предприятий России, где накануне мировой войны работало свыше 11 тыс. человек — четверть всех рабочих губернии. Личные дела рабочих хранятся в архиве Ярославского комбината технических тканей «Красный Перекоп», в их числе 22,5 тыс. дел дореволюционных рабочих²².

Основной (а иногда и единственный) документ дела — справка о прохождении службы на ЯБМ, где приводятся данные о поступлении, об изменениях в занимаемой должности, перерывах в работе, прогулах, взысканиях, увольнении, исчислялся стаж работы на ЯБМ на дату заполнения справки («за вычетом неработающего времени»). Эти сведения повторяются и в дополнительных справках на новую дату. Здесь нередко имеются данные о заработной плате, пособиях, наградах, причинах увольнения или смерти.

Формуляр справки в этой основной ее части не изменялся. Изменения коснулись лишь «заголовочной» части: если раньше (наиболее ранние справки датируются 1893 г.) здесь сообщались лишь фамилия, имя, отчество, должность, рабочий номер, дата поступления, то в 1900 г. были введены новые графы, дающие крайне важные сведения социально-демографического характера. Отмечались возраст рабочего, его звание (сословие), место приписки, семейное положение, состав и местонахождение семьи, характер жилья.

Справки заполнялись не с момента поступления рабочего, а по требованию представителей администрации по различным поводам (увольнение или повторное поступление, нарушения дисциплины, получение награды или пособия, серьезное заболевание или смерть и т. п.). Нерегулярность составления справок приводила к тому, что на некоторых рабочих дел нет вообще, хотя об их работе на ЯБМ встречаются сведения в документах других членов семьи. Это безусловно отразилось на полноте охвата, тем не менее представительность фонда весьма значительна. По нашим подсчетам, здесь хранятся дела примерно 85% всех работавших на ЯБМ в 1895—1917 гг. (по отдельным годам эта цифра колеблется от 72 до 95%). Весьма ценным является то, что личные дела полностью охватывают весь период империализма (середина 90-х годов XIX в. — 1917 г.).

Справки о прохождении службы составлялись в расчетном отделении фабричной конторы на основании документов первичного учета. Из паспортных книг, являвшихся основным документом списочного состава

²² По описи в фонде личных дел насчитывается 24 139 единиц хранения. Дела рабочих, поступивших после 1917 г., и служащих, а также повторные и незаполненные дела в выборке составили 6,9%, что в пересчете на весь фонд дает 1666 единиц. Остальные (22 473) относятся к дореволюционным рабочим. Краткая характеристика источника и некоторые предварительные выводы по теме данного сообщения были опубликованы нами в кн. «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979, с. 179—185).

рабочих (в начале 900-х годов они так и стали называться — «Именные списки фабрично-рабочих»), брали социально-демографические данные о рабочем. Составлялись они на каждый операционный год, причем на ЯБМ запись производилась семьями, включая и неработающих членов. Формуляр их практически не менялся: помимо указанных выше социально-демографических сведений здесь имелись данные о паспорте (виде на жительство), об отношении к рекрутской повинности, об увольнении и смерти.

Данные о прохождении службы в справку заносились из месячных «формуляров рабочих». Они велись по отделам и службам; на каждого рабочего заводился отдельный лист, где ежедневно фиксировались характер работы и количество проработанных часов, затем подводился итог по неделям и за месяц.

«Ресконтро рабочих», откуда брались сведения о заработках, представляет собой обычную книгу двойного бухгалтерского учета. На каждого отводился двойной лист, где отмечалось, сколько заработано за месяц, сколько получено (из кассы, лавки и т. п.) и причиталось получить. Из «Книги штрафов» переносились сведения о размере штрафа, за что и кем наложен. Данные о наградах, пособиях, производственных травмах, стихийных бедствиях и другие также брались из соответствующих документов первичного учета, которые велись систематически.

Сведения этих документов переносились в справку без изменений и дополнительной обработки. Подобное происхождение показателей личного дела сохраняет за ним значение первичного источника и в достаточной степени обуславливает достоверность и точность сообщаемых им сведений. Однородность их обеспечивается практически неизменным формуляром справки.

Правда, в ряде случаев составители справок ограничивались данными о прохождении службы и упускали социально-демографические и некоторые другие сведения о рабочем. Иногда эти пропуски могут быть восполнены за счет сопоставления соответствующих показателей в личных делах других членов семьи.

Помимо основной справки в деле нередко имеются и другие документы: справки о зарплате, о составе семьи, ее материальном достатке и жилищных условиях, о состоянии здоровья и производственных травмах, прошения и жалобы рабочих, переписка с другими предприятиями, где раньше «проживал» рабочий, и другие материалы, дающие немало дополнительных ценных сведений.

Каждое личное дело характеризует конкретного рабочего гораздо полнее и многостороннее, чем упомянутые выше первичные документы. Эта характеристика касается различных сторон, выражает связь многих признаков, охватывает сравнительно большой период. Поэтому изучение личных дел, давая широкую возможность для разного рода группировок и установления корреляционной зависимости между признаками, позволяет, с одной стороны, проследить каждое явление в динамике, с другой — получить достаточно полную и разностороннюю социально-экономическую и социально-демографическую характеристику рабочих.

Массовый характер источника позволяет для его анализа применить математико-статистические методы с использованием ЭВМ. Нами проводилось выборочное исследование. Тип выборки был определен исходя из основной задачи — выяснить место пролетарских семей в пополнении рабочих кадров. Поскольку большинство личных дел не содержит прямых сведений о потомственности, для определения этого признака их необходимо сгруппировать по семейному признаку, для чего должны быть учтены все рабочие, носящие одну и ту же фамилию. Следовательно-

но, наиболее эффективной в данном случае является серийная выборка с механическим отбором серий. По описи учитывался каждый двухсотый рабочий, затем отбирались все дела рабочих, носящих ту же фамилию. Всего было отобрано 108 фамилий (12 фамилий встретились дважды), составивших серии данной выборки, внутри которых проводилось сплошное наблюдение. Механический отбор серий обеспечил соблюдение принципа случайности выборочного исследования. Необходимый объем выборки, соответствующий заданной точности и достоверности, был рассчитан предварительно в 1800 единиц²³.

Важное значение при применении количественных методов исследования имеет представительность данных: насколько имеющийся набор показателей обеспечивает характеристику изучаемого явления или процесса. Возможности нашей программы, безусловно, ограничивались тем, что приходилось «опрашивать» документы с готовыми данными, собиравшимися 60—80 лет назад с совершенно иными задачами. Поэтому на подготовительном этапе была разработана такая анкета, показатели которой в соответствии с задачами исследования позволяли подвергнуть количественному и качественному анализу наиболее важные признаки, в том числе и такие, которые можно выявить лишь сопоставлением данных личных дел членов одной семьи.

Всего было заполнено 3178 анкет (13,6-процентная выборка): 3047 — на рабочих, дела которых попали в выборку, и 131 — на рабочих, дополнительно учтенных по делам родителей. Для обработки на ЭВМ показатели анкеты шифровались по 40 признакам, разработанным с расчетом извлечения из анкет максимально полной информации. Они характеризуют пол, сословие, место приписки, характер семьи и семейное положение, потомственность; год рождения и поступления на ЯБМ, должность при поступлении и основную квалификацию рабочего, стаж работы на ЯБМ (общий и на определенные даты); сведения о характере жилья, заработной плате, пособиях и наградах; даты и причины увольнения и смерти.

Уже сам перечень признаков, извлеченных из личных дел, свидетельствует о больших возможностях источника для изучения различных сторон социальной структуры и положения рабочего класса. Здесь же, как отмечалось, мы ограничимся анализом источников пополнения фабрично-заводского пролетариата.

Фонд личных дел, как уже указывалось, охватывает в основном 1895—1917 гг.²⁴ При проведении исследования мы выделили пять периодов:

I период — 1895—1899 гг. — промышленный подъем в экономике, начало соединения рабочего движения с социализмом;

II период — 1900—1904 гг. — экономический кризис и депрессия, назревание революционной ситуации в стране;

III период — 1905—1909 гг. — продолжающаяся депрессия в экономике, первая русская революция и последовавшая за ней реакция;

IV период — 1910 — июнь 1914 г. — предвоенный промышленный и революционный подъем;

²³ Фактически он превысил 3200 единиц, что значительно усилило репрезентативность полученных данных. Автор выражает глубокую благодарность ст. преподавателю кафедры статистики Ярославского университета Ф. Н. Завьялову за большую помощь, оказанную в применении статистических методов исследования.

²⁴ Самые ранние дела датируются 1893—1894 гг., но их буквально единицы. В некоторых случаях после 1895 г. составлялись справки на лиц, уволившихся ранее этой даты. Всего в выборке только 101 дело (3,2%) рабочих, прекративших работу до 1895 г.

Распределение рабочих ЯБМ по месту приписки во второй половине XIX в.
(в %)

Губернии	По данным паспортных книг (подсчеты Б. Н. Васильева)			По выборочным подсчетам из фонда личных дел *	
	1875 г.	1888 г.	1896 г.	1858**—1879 гг.	1880—1894 гг.
Ярославская	64,2	52,0	44,1	68,9	48,3
в том числе:					
г. Ярославль	11,1	16,5	14,8	48,0	21,8
Ярославский уезд	45,3	28,3	20,9	13,6	18,1
Владимирская	28,8	35,0	40,0	28,2	38,0
в том числе:					
Юрьевский уезд	18,0	22,3	29,4	18,3	22,6
Прочие	7,0	13,0	15,9	3,0	13,8
Всего учтено рабочих	1968	3783	6385	273	707

* В подсчеты включены только рабочие, место приписки которых известно.

** Год основания фабрики.

В период — июль 1914—1917 гг. — первая мировая война, победа Февральской буржуазно-демократической революции.

Треть всех рабочих, попавших в выборку, поступили на ЯБМ ранее 1895 г. И хотя они составляют небольшую часть тех, кто работал на фабрике в пореформенные годы, анализ данных позволяет сделать интересные выводы, особенно если сопоставить их с подсчетами Б. Н. Васильева по паспортным книгам ЯБМ за отдельные годы второй половины XIX в.²⁵ (см. табл. 1).

Анализ приведенных данных показывает, что основным источником формирования рабочих кадров ЯБМ в пореформенную эпоху были крестьяне, составлявшие примерно 80—85% всех работавших на фабрике²⁶. Многие из них в 60—70-е годы были еще прочно связаны с землей, что особенно ярко видно на примере крестьян Ярославского уезда: в 1878 г. они составляли почти половину всех рабочих; но доля тех, кто поступил на ЯБМ в 1858—1879 гг. и остался работать после 1895 г., равнялась всего 13,6%. Показатель поступивших в 1880—1894 гг. вырос до 18,1% и числовое значение его приблизилось к удельному весу Ярославского уезда в общей численности рабочих в 1896 г. Это свидетельствует о том, что в 80—90-е годы связь большинства рабочих этой группы с крупным фабричным производством стала намного прочнее, и многие из них оставались крестьянами лишь по своей сословной принадлежности.

Компактную и все увеличивающуюся группу на ЯБМ составляли рабочие из Владимирской губернии, преимущественно из Юрьевского уезда. Бросается в глаза большая близость значений показателей в нашей выборке и подсчетах Б. Н. Васильева. В уезде издавна было распространено ткачество, здесь размещалось немало внешних отделений текстильных мануфактур. С середины 70-х годов, когда последние стали усиленно вытесняться крупным фабричным производством, начался массовый приток юрьевцев на ЯБМ (в 1867 г. они составили менее 3% рабочих, в 1875 г. — 18%, а в 1896 г. — почти 30%; за эти 30 лет их аб-

²⁵ См. Васильев Б. Н. К характеристике формирования пролетариата в России (по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губернии). — «Ученые записки» Шахтинского пед. ин-та, 1957, т. II, вып. 2. Табл. (прил.).

²⁶ Мещане из других городов (кроме Ярославля) составляли примерно 4—5% рабочих ЯБМ.

солютная численность выросла более чем в 40 раз). Это были «кустарии», или, как называл их В. И. Ленин, «капиталистически употребляемые рабочие»²⁷, являвшиеся важным источником формирования промышленного пролетариата в пореформенную эпоху. Их связь с землей, подорванная еще раньше, ослабевала все больше, и они быстрее и прочнее оседали на фабрике, чем крестьяне из других районов.

Наибольшая «устойчивость» была характерна для рабочих из ярославских мещан, особенно в 60—70-е годы. Они составили почти половину рабочих, поступивших в этот период и оставшихся на ЯБМ после 1895 г., хотя в 1875 г. их насчитывалось всего 11,1%. Большинство из них были потомками посессионных рабочих ЯБМ, приписанных в 1842 г. к мещанскому сословию и составивших основной костяк квалифицированных рабочих фабрики. Это о них в первую очередь указывалось в брошюре, изданной правлением ЯБМ в 1896 г.: «...одни из них — рабочие, так сказать, коренные, причем некоторые из них родились и выросли на фабрике, и есть семьи, в которых уже четвертое поколение работает на Ярославской мануфактуре»²⁸.

Таковы были источники формирования и пополнения рабочих кадров на ЯБМ в пореформенную эпоху: не менее 1/3 составляли крестьяне (включая «кустарей»), около 15—20% давали горожане, преимущественно из Ярославля (мещане других городов составляли примерно 4—5% рабочих ЯБМ). Если в 70-е годы Ярославская губерния давала около 2/3 рабочих (а в 1867 г. — даже 72,3%), то в дальнейшем ее удельный вес быстро уменьшался, и в 90-е годы преобладают уже выходцы из других губерний (55,9%), главным образом из Владимирской. Это соотношение «местных» и «пришлых» остается неизменным и в начале XX в.²⁹

Хотя подавляющее большинство были рабочими в первом поколении (даже у тех, кто продолжал работать после 1895 г. доля потомственных рабочих не превышала 15%³⁰), к концу периода возрастает роль пролетарских семей в воспроизводстве рабочего класса. Анализируя данные Всероссийской переписи 1897 г. о семьях рабочих, Л. М. Иванов пришел к выводу о повсеместном оседании семейных рабочих в городах и промышленных центрах: «Рабочие жили вместе со своими семьями, и это относится прежде всего к костяку пролетариата основных отраслей промышленности, к тем рабочим, которые прочно влились в ряды армии тружеников промышленности»³¹.

Правильность этого вывода вполне подтверждается и нашими данными. По переписи 1897 г., удельный вес рабочих, живших в семьях, в текстильной промышленности страны выше, чем в других отраслях (32,5% против 20,6% по всей промышленности). В Ярославской губернии этот показатель по отрасли был вдвое выше — 65%³², на ЯБМ за 1895—1899 гг. он равнялся, по нашим подсчетам, 72,3%. Чем раньше возникает крупное фабричное производство в отрасли или районе, чем выше здесь концентрация рабочих, чем крупнее предприятие, тем прочнее оседают на фабрике рабочие семьи. В цитированном выше описании ЯБМ отмечалось, что рабочие из сельской местности «стремятся выпить своих жен и вообще членов семьи из деревни, чтобы потом при-

²⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 450.

²⁸ Ярославская Большая мануфактура. М., 1896, с. 125.

²⁹ Подробнее об этом см.: «Вестник Московского университета», 1969, № 6.

³⁰ См. табл. 2. Фактически, как мы увидим дальше, доля потомственных в этой группе была значительно большей, но это не меняет общего вывода.

³¹ См. Иванов Л. М. Указ. соч., с. III.

³² См. Численность и состав рабочих России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи. 1897, т. 1. СПб., 1906, табл. II.

Удельный вес рабочих семей на ЯБМ и их состав

	Работали в периоды					
	до 1895 г. *	I	II	III	IV	V
Всего рабочих в выборке	1072	1547	1797	1795	1801	1613
	14,8	18,5	20,8	26,9	29,6	31,7
из них члены рабочих семей (в %)	67,5	71,8	74,6	79,9	77,1	73,7
	22,1	24,9	26,6	32,1	34,6	41,0
<i>в том числе:</i>						
<i>главы семей</i>	32,8	32,5	33,2	33,2	30,9	26,1
	10,5	12,0	13,1	15,2	15,3	17,6
<i>жены</i>	24,0	26,1	26,7	27,9	26,2	24,3
	5,8	6,7	6,1	10,4	11,5	14,0
<i>дети</i>	10,0	12,3	13,6	17,4	18,4	21,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>прочие **</i>	1,5	0,9	1,1	1,4	1,6	1,4
	14,3	0	14,3	20,0	13,8	26,1
Предельная ошибка выборки ***	—	±2,14	±1,92	±1,75	±1,82	±2,08

* В знаменателе везде показана доля потомственных рабочих в данной группе.

** Родители, живущие в семье детей, и одинокие члены рабочих семей, живущие отдельно.

*** Здесь и далее различные коэффициенты рассчитывались по известным формулам. См. Рязанов Н. Н. Общая теория статистики. М., 1971.

строить их на фабрику»³³. Молодые рабочие, прибывшие из деревни, часто обзаводились семьями уже на фабрике: работницами были их жены, рабочими впоследствии становились их дети. Нередко, как мы видели, целыми семьями, из поколения в поколение работали на ЯБМ ярославские мешане.

Таким образом, к концу XIX в. происходят существенные изменения в источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата. В эпоху империализма все большее значение в этом процессе приобретают рабочие семьи, к которым на ЯБМ принадлежало подавляющее большинство рабочих³⁴ (см. табл. 2).

При анализе данных следует иметь в виду, что высокие показатели у работавших до 1895 г. не отражают действительной доли членов рабочих семей в пореформенную эпоху, так как они относятся лишь к тем, кто продолжал работать после этого времени, т. е. к кадровой части рабочих. Показатели же 1895—1917 гг. близки к действительным, так как выборочная совокупность достаточно представительна с точки зрения охвата всех рабочих ЯБМ за эти годы.

Некоторое снижение доли пролетарских семей в IV периоде объясняется, во-первых, усилением в годы подъема притока рабочей силы из непролетарской среды; во-вторых, на наших показателях отразилось определенное ухудшение постановки учета на ЯБМ — для этого периода снизилась репрезентативность фонда личных дел (87% от численности фактически работавших) по сравнению с III периодом (95,3%);

³³ Ярославская Большая мануфактура, с. 125.

³⁴ Семья считалась рабочей, если фабрично-заводским трудом кроме главы семьи были заняты жена или дети; крестьянской — если родители или жена и дети рабочего находились в деревне. Принадлежность к крестьянским и прочим семьям установить по личным делам очень трудно: их учтено всего 2,5%, в то время как у 26% рабочих данные о характере семьи отсутствуют.

самый высокий здесь и процент дел, в которых не заполнены многие данные (21%). Существенное понижение показателей в годы войны вызвано мобилизацией в армию многих кадровых рабочих, а также прогрессирующим ухудшением учета (репрезентативность фонда — 71,7%).

Данные таблицы позволяют проследить динамику доли всех потомственных рабочих в выборочной совокупности: от периода к периоду она неуклонно возрастает, причем наиболее значительный рост наблюдается в III периоде. Эти данные показывают удельный вес потомственных рабочих среди всех работавших в данный период. Для выяснения источников пополнения большой интерес представляет другой показатель этого признака: доля потомственных пролетариев в числе рабочих, поступивших на ЯБМ в тот или иной период. Оба показателя представлены во взаимосвязи в таблице 3. Уже сам факт более высоких числовых значений второго показателя свидетельствует о всевозрастающем влиянии преемственности фабрично-заводского труда на изменение социальной структуры рабочего класса. Анализ динамики доли потомственных рабочих среди поступивших в различные периоды обнаруживает не только ее рост, но и резкий скачок вверх в XX в., особенно в III периоде, после 1905 г.³⁵

Меньшая доля потомственных рабочих среди поступивших в XIX в., особенно до 1895 г., вполне объяснима: шел процесс формирования пролетариата и подавляющее большинство фабрично-заводских рабочих происходило из непролетарской среды. Весь вопрос в том, насколько наши данные близки к действительным, насколько полно отражены в них реально протекавшие процессы?

Характер источника, как уже отмечалось, ограничивает возможности исследователя и не позволяет получить исчерпывающие данные по многим признакам. К определению потомственности это относится в первую очередь.

Во-первых, установить наличие этого признака можно лишь тогда, когда родители рабочего также трудились на ЯБМ. Если же они работали на других предприятиях Ярославля или в иных местах, то такой рабочий фигурирует в наших подсчетах как непотомственный.

Во-вторых, большинство личных дел не дают прямого ответа на вопрос о потомственности, и она устанавливалась путем выявления семейных гнезд. А это удавалось не всегда из-за неполноты социально-демографических сведений: у 11% рабочих остались неизвестными сословие, место приписки и ряд других данных. Сложнее всего выяснить потомственность у женщин. Выйдя замуж, они вместе с фамилией меняли место приписки и сословие, и обнаружить их родителей удается крайне редко (удалось установить потомственность лишь у 40 таких работниц).

Таким образом, «потери» при определении доли потомственных рабочих весьма значительны. Существенная разница показателей в I и II периодах по сравнению с III (соответственно на 25% и 17%) объясняется, по-видимому, не только изменившимися социально-экономическими условиями, но в определенной степени и указанными «потерями». Но особенно велики они были у рабочих, поступивших до 1895 г. И этот факт нетрудно объяснить: личных дел рабочих, уволившихся ранее этой даты, почти нет, и мы лишены возможности выявить родителей для подавляющего большинства рабочих старшего поколения, немалое число которых могло быть потомственными. И в этом третья и, пожалуй,

³⁵ Исключение составляет IV период, когда имеет место некоторое снижение показателей (о причинах говорилось выше). Зато война вновь дает рост доли потомственных рабочих: ухудшение положения рабочих семей, связанное с мобилизацией на фронт вызвало ускоренный приток на фабрику детей рабочих.

Таблица 3

Движение рабочих кадров и преемственность фабрично-заводского труда на ЯБМ

Поступили на ЯБМ			Продолжали работу в периоды (в % к числу поступивших)									
период	всего рабочих	доля потомственных	I		II		III		IV		V	
			всего рабочих	потомственных	всего рабочих	потомственных	всего рабочих	потомственных	всего рабочих	потомственных	всего рабочих	потомственных
до 1895 г.	1072	14,8	90,6	15,8	81,0	14,3	67,9	13,7	59,2	13,9	44,8	14,2
I	576	23,8	100,0	23,8	83,5	22,0	62,2	22,1	50,2	20,4	33,7	23,7
II	447	32,0	—	—	100,0	32,0	70,9	35,0	52,1	34,8	36,9	30,3
III	392	48,7	—	—	—	—	100,0	48,7	74,7	49,8	42,4	46,4
IV	352	44,6	—	—	—	—	—	—	100,0	44,6	78,6	42,4
V	333	46,6	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	46,6
Всего в % к численности выборки	99,8*	—	48,7	—	56,5	—	56,5	—	56,7	—	50,8	—

* На 6 рабочих из числа дополнительно учтенных данные о времени поступления отсутствуют.

Таблица 4

Распределение рабочих по возрасту к моменту поступления на ЯБМ
и по признаку потомственности *

Период	До 12 лет	12—14 лет	15—16 лет	17—20 лет	21—25 лет	26—30 лет	31 и более лет	Итого	Линейный коэффициент корреляции**
до 1895 г.	55 36,4	197 35,0	131 25,2	140 10,0	114 6,1	99 3,0	114 0	850 17,2	-0,83
I	2	88	80	84	80	35	49	418	-0,46
II	0	81,8	30,0	11,9	1,3	0	0	25,6	
III	4	90	67	83	41	22	31	338	-0,76
IV	5	92	86	48	26	22	9	288	-0,84
V	2	47	98	46	20	13	6	232	-0,83
Итого . . .	44,3	69,5	53,5	19,3	4,5	2,6	0,9	36,0	-0,79
В % к общему числу рабочих с известным возрастом	3,0	26,1	22,7	18,2	12,5	8,2	9,3	100,0	

* В знаменателе «везде» показана доля потомственных рабочих в данной группе.

** Расчет линейного коэффициента корреляции, показывающего тесноту и направление связи между признаком-фактором (возраст рабочих при поступлении) и признаком-следствием (для потомственных) производится по формуле:

$$r = \frac{\sum xy - \frac{\sum x \cdot \sum y}{n}}{\sqrt{\left[\sum x^2 - \frac{(\sum x)^2}{n} \right] \left[\sum y^2 - \frac{(\sum y)^2}{n} \right]}}$$

где x — числовое значение возраста; y — доля потомственных в данной возрастной группе; n — число возрастных групп.

основная причина того, что наши данные (14,8%) показывают, вероятно, лишь часть потомственных рабочих этой группы³⁶.

Попытаемся, используя методы математической статистики, хоть в какой-то мере восполнить эти «потери». Известно, что подавляющее большинство рабочих начинали свою трудовую деятельность в раннем возрасте. В нашей выборке (см. табл. 4) из 2333 рабочих, возраст которых известен, 70% поступили на ЯБМ будучи не старше 20 лет, а 52% — не старше 16. Характерно, что с каждым периодом удельный вес младших возрастных групп возрастает: если в I периоде рабочие до 16 лет давали $\frac{2}{3}$, а до 20 лет — $\frac{3}{5}$ всех поступающих, то в годы войны их доли выросли соответственно до $\frac{4}{5}$ и $\frac{9}{10}$.

Все проводившиеся исследования показали, что дети рабочих начинали работать на промышленных предприятиях раньше, чем выходцы из других слоев. Об этом же говорят и результаты наших наблюдений: чем моложе возраст при поступлении, тем выше доля потомственных.

³⁶ К этому предположению подводят и данные специальных обследований, проведенных в других губерниях Центрального Промышленного района. Так, в 1897 г. из 117 тыс. рабочих Владимирской губернии, учтенных специальной переписью фабричной инспекции, 37,2% были потомственными. В 1881 г. из 4391 рабочих-текстильщиков мужского пола г. Москвы у 42,8% отцы были фабричными рабочими. (См. Раши и А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 532 и 536.)

Следовательно, между этими признаками существует причинно-следственная связь, причем расчеты линейных коэффициентов корреляции показали, что связь эта обратная и очень тесная.

Анализ данных таблицы 4 показывает, что для характеристики преэместности фабрично-заводского труда наибольший интерес представляют три младшие возрастные группы (до 16 лет включительно), давшие около $\frac{1}{10}$ всех потомственных рабочих. Обращает на себя внимание, что в младшей возрастной группе (до 12 лет) значения показателя по периодам очень неравномерны, что скорее всего является следствием неполноты нашей информации и малым числом наблюдений (в 1895—1917 гг. в этом возрасте поступило всего 15 человек). В показателях второй группы (12—14 лет) явственна другая особенность: в I—V периодах их значения очень высоки и близки между собой, в 1858—1894 гг. они ниже в 2—2,5 раза. По-видимому, в 1895—1917 гг. значения долей потомственных можно считать достаточно надежными, в то время как до 1895 г. они, по причинам отмеченным выше, явно занижены. Для третьей группы (15—16 лет) наблюдается постепенный рост показателя (только III период дает резкий скачок вверх, а IV и V, как и в предыдущей группе, — некоторое снижение). Очевидно здесь, несмотря на «потери», значения показателей в большей степени отражают реально протекавшие процессы.

С этими наблюдениями связаны и дальнейшие расчеты — применение широко используемого в статистике метода интерполяции, т. е. выявления недостающего ряда динамики. Суть этого приема заключается в том, чтобы выявить тенденцию изменения признака в ряду динамики (в данном случае — это доли потомственных в I—V периодах, для которых имеются надежные данные) и тем самым получить возможность вероятностной оценки значения признака для недостающего ряда (т. е. для 1858—1894 гг.), данные для которого признаны нами сильно заниженными. Применение интерполяции оправдано лишь в тех случаях, когда известно, что условия, определяющие формирование данного признака, не изменились или были близкими.

Конечно, в целом, с точки зрения влияния различных (главным образом социально-экономических) факторов на изменение состава рабочего класса условия второй половины XIX в. существенно отличались от обстановки начала XX в. Об этом свидетельствуют и различия показателей потомственности за эти периоды по всем возрастным группам. Демографические факторы меняются не столь быстро, как социально-экономические. Решающее значение для дальнейшей судьбы ребенка имел род занятия родителей, влияние же остальных факторов, независимо от периода, сводилось к минимуму. В возрасте до 12 лет на фабрику могли поступать почти исключительно лишь дети рабочих. В значительной степени это относится и к 12—14-летним. Что же касается 3-й возрастной группы (15—16 лет), то здесь дело обстоит несколько иначе. Даже в 1895—1917 гг. в этой группе в среднем свыше $\frac{1}{3}$ рабочих не были потомственными. В таком возрасте подросток мог начинать работать на фабрике независимо от занятий родителей. Следует учесть также, что если в 60—80-е годы дети рабочих начинали работать в малолетнем возрасте, то с 90-х годов они чаще шли на фабрику не ранее 14—15 лет. Иными словами, для 15—16-летних условия со временем могли существенно измениться, и интерполяция данных здесь не будет достаточно оправданной. Поэтому мы ограничим применение этого метода лишь для двух младших возрастных групп.

В первой группе надежными следует признать показатели III—V периодов, т. е. 100%. Действительно, трудно предположить, что, если все

Таблица 5

Число потомственных у рабочих, поступивших на ЯБМ до 1895 г.

Возраст при поступлении	Всего рабочих *	Исчисленная доля потомственных	Потомственных	Из них	
				установлено документально	исчислено дополнительно
По 11 лет	66	100,0	66	21	45
12—14 лет	238	66,4	158	73	85
Прочие	768	8,2	63	63	—
Всего . . .	1072	26,8	287	157	130

* Сюда включены рабочие, возраст которых неизвестен (всего в периоде их 222, в том числе 21 потомственный), разбитые по возрастным группам методом взвешивания.

10 детей этого возраста, поступившие на ЯБМ в 1903—1917 гг., были потомственными, то в 1895—1902 гг., — только один из 5. Здесь почти наверняка мы сталкиваемся с отсутствием личных дел родителей этих малолетних рабочих. Низкий коэффициент корреляции в I периоде ($-0,46$), резко отличающийся от других, показавших наличие обратной тесной связи между возрастом поступающих и потомственностью, также подтверждает, что мы имеем дело не с реальными отношениями, а с дефектными данными. Исходя из этого, а также из высказанных выше соображений, все рабочие данной возрастной группы, в том числе и поступившие до 1895 г. (66 чел.), в дальнейших расчетах отнесены к потомственным.

Во второй группе (12—14 лет) мы произвели для 1895—1917 гг. выравнивание динамических рядов потомственных с помощью метода наименьших квадратов и выразили тенденцию изменения данного признака соответствующим функциональным уравнением³⁷. Была определена как средняя доля потомственных в 1895—1917 гг. (85,27%), так и коэффициент регрессии, показывающий, на сколько ежегодно в среднем увеличивается или уменьшается эта доля (0,75%). Этот коэффициент и был применен для исчисления доли потомственных у рабочих этой группы, поступивших на ЯБМ до 1895 г. (см. табл. 5).

Таким образом, было исчислено дополнительно 130 потомственных рабочих, а общее их количество выросло до 287 (26,8%). Увеличение доли потомственных у поступивших до 1895 г., естественно, должно изменить этот показатель и в 1895—1917 гг., так как в I периоде из их числа продолжали работу 90,6%, во II—81% и т. д. (см. табл. 3). Применяя в качестве меры указанную долю (26,8%), мы в каждом периоде дополнительно получили примерно от 115 до 60 потомственных рабочих. Соответственно выросли и их выборочные доли. Для всего изучаемого периода (1895—1917 гг.) этот показатель составил 34,1% (см. табл. 6). Эти новые числовые значения признака вряд ли увеличивают действительный удельный вес потомственных на ЯБМ. Ведь в наши дополнительные подсчеты не вошли рабочие, поступившие на фабрику в возрасте старше 14 лет, а среди них выявлены далеко не все потомственные.

Не учитывались и другие «потери», о которых говорилось выше. Косвенно наш вывод подтверждается и высоким удельным весом потомственных рабочих, установленным специальными обследованиями конца XIX в. в соседних губерниях. Для последнего периода (VII—

³⁷ См. Рязов П. Н. Указ. соч., с. 327—330.

Число потомственных рабочих на ЯБМ в 1895—1917 гг.

Периоды	Численность рабочих в выборке	В том числе потомственные		Выборочная доля потомственных (%)		Доля потомственных в генеральной совокупности (доверит. интервалы)	Общая численность рабочих на ЯБМ (генеральная совокупность)
		установлено документально	всего (исчислено)	установлено документально	всего (исчислено)		
I	1547	285	399	18,5	25,79±2,08	23,71—27,79	13 248
II	1797	374	487	20,8	27,1±1,95	25,45—29,05	14 880
III	1795	483	581	26,9	32,37±2,05	30,32—34,42	13 886
IV	1801	533	617	29,6	34,26±2,1	32,16—36,36	15 266
V	1613	512	574	31,7	35,59±2,26	33,33—37,85	16 607
Всего (1895—1917 гг.)	3071	931	1048	30,3	34,12±2,55	31,57—36,67	26 538
Уволились до 1895 г.	101	11	27	10,9	26,73	—	—
Итого	3172	941	1075	29,7	33,89	—	—

1914—1917 гг.) полученные нами доверительные интервалы доли потомственных (33—38%) могут быть сопоставлены с результатами разработки профессиональной переписи, согласно которым доля потомственных на ЯБМ в 1918 г. составила 38,4%³⁸. Все это позволяет считать исчисленные нами итоговые данные близкими к фактическим.

Следовательно, мы с достаточной степенью вероятности можем утверждать, что в период империализма (1895—1917 гг.) не менее трети всех работавших на ЯБМ были потомственными рабочими. Данные итоговой таблицы позволяют говорить не только о высоком удельном весе потомственных рабочих на ЯБМ, но и о постоянном увеличении этого показателя от периода к периоду. Рост этот отражает все более усиливающуюся роль рабочих семей в пополнении фабрично-заводского пролетариата.

Как и следовало ожидать, у рабочих из мещан доля потомственных рабочих высокая. У крестьян — этот показатель не только меньше, но и колебания его в зависимости от места выхода значительно сильнее. Во Владимирской губернии он самый высокий (31%), в Ярославской — несколько ниже среднего (26%), в Вологодской — самый низкий (16%). По-видимому, здесь немалое влияние оказывает и расстояние от места выхода рабочих до фабрики, и степень разложения крестьянства в разных районах (см. табл. 7).

Корреляционный анализ с применением коэффициента ассоциации, показывающего силу связи между сословным происхождением рабочих и потомственностью, позволяет сделать интересные наблюдения. Низкие числовые значения коэффициента свидетельствуют, что связь эта слабая. Иными словами, принадлежность к тому или иному сословию не являлась решающим фактором в изменении доли потомственных рабочих. Причем, от периода к периоду связь эта уменьшается, а в годы подъема рабочего движения и мировой войны становится совсем слабой. А это означает, что сословная принадлежность все меньше влияет не только на социальное положение рабочих, но и на их социальное происхождение. Начиная с 1905 г. примерно у половины поступавших на ЯБМ рабочих из крестьянского сословия родители были уже кадровыми рабочими.

³⁸ Эти данные были любезно предоставлены нам А. К. Соколовым.

Таблица 7

**Доля потомственных у рабочих из мещан и крестьян
(по периодам поступления)**

	I	II	III	IV	V	Всего
Мещане	58,3	67,1	81,3	72,7	74,6	58,2
Крестьяне	16,8	24,9	48,9	50,2	50,7	29,7
Коэффициент ассоциации *	0,428	0,424	0,340	0,231	0,247	0,287

* Коэффициент ассоциации рассчитывается по формуле:

$$K_{cs} = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}}$$

где a, b, c, d — частоты изучаемых признаков;

a — доля потомственных у мещан; c — доля потомственных у крестьян; b и d — доли непотомственных у мещан и крестьян.

Коэффициент ассоциации показывает направление и силу связи между двумя качественными признаками, вариации которых носят альтернативный характер.

Таблица 8

Удельный вес кадровых рабочих на ЯБМ в 1895—1917 гг.

Категории рабочих	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.	1914 г.	1917 г.
Всего *	3791	11 507	10 838	11 044	12 085	13 131
Численность (в т. ч. в %)	1015	1376	1438	1443	1364	1189
Со стажем не менее 5 лет	68,18	62,43	74,55	79,76	74,78	67,37
Квалифицированные со стажем не менее 5 лет	8,77	7,63	5,91	2,98	1,83	1,85
Потомственные со стажем не менее 5 лет	4,93	8,87	9,46	9,98	10,85	17,41
Итого кадровых рабочих (%)	81,88	78,93	89,92	92,72	87,46	86,63
Предельная ошибка выборки	±2,27	±2,05	±1,47	±1,25	±1,67	±1,88

* Фактическая численность работающих на ЯБМ в каждом году подсчитана нами и превышает официальную (среднеисчисленную) численность на величину коэффициента 1,21 (рассчитан как средняя гармоническая взвешенная за годы, по которым имелись соответствующие данные).

Ярославская Большая мануфактура — одно из крупнейших в России предприятий по обработке хлопка, с высоким уровнем механизации и современной технологией. Накануне Великого Октября она существовала уже почти 60 лет (а с учетом и посессионной мануфактуры — без малого 200 лет). Эти факторы способствовали формированию здесь весьма значительного слоя кадровых рабочих, длительное время связанных с промышленным производством и имевших достаточно высокую квалификацию (см. табл. 8).

Особенности источника позволяют нам определить стаж работы только на данном предприятии. И тем не менее анализ данных свидетельствует, что длительная работа в крупной промышленности являлась безусловной закономерностью для подавляющего большинства рабочих (по выборке в целом 63% рабочих имели стаж на ЯБМ не менее 5 лет, 48% — не менее 10, 18% — 25 лет и более).

Этому выводу не противоречит тот факт, что текучесть кадров на ЯБМ была все же заметной (см. табл. 3). Наибольшую устойчивость проявили рабочие, поступившие до 1895 г., хотя в этой группе естественная убыль (по возрасту) должна быть максимальной. В XX в. текучесть

возрастает: из поступивших во II периоде в следующем пятилетии не работало почти 30%, из поступивших в III— свыше 25%.

В чем же причина? Она, безусловно, в растущей мобильности населения, создаваемой, по словам В. И. Ленина, крупной машинной индустрией, при господстве которой «переход рабочих с одного заведения на другое, из одного конца страны в другой становится необходимостью»³⁹. Были и отдельные случаи возврата к крестьянскому труду, но не являлись типичными. Большинство же, особенно молодые рабочие, не обремененные семьями, имея достаточно высокую квалификацию и недовольные условиями и оплатой труда, переходили на другие предприятия, причем нередко меняли и специальность: потомственные текстильщики становились кадровыми металлстами, химиками, железнодорожниками (нами зафиксировано около 30 подобных случаев).

Но необходимо заметить при этом, что и на ЯБМ приходило немалое число рабочих с других предприятий, имея уже довольно высокую квалификацию (документально зафиксировано 25 таких рабочих, фактически их было гораздо больше). Именно уровень квалификации⁴⁰ может служить достаточно объективным показателем для отнесения к кадровым рабочим этой группы, даже если их стаж на ЯБМ был менее 5 лет. К кадровым отнесены также и потомственные рабочие, стаж которых был менее 5 лет или остался неизвестным (см. табл. 8).

В целом за 1895—1917 гг. кадровые рабочие составляли от $\frac{8}{10}$ до $\frac{9}{10}$ и более всех рабочих ЯБМ. Это очень высокие показатели. И хотя они несколько снижаются в годы промышленного подъема (1910 и войны 1914 г.) в целом довольно явно прослеживается тенденция к их увеличению.

Эта тенденция, как и рост удельного веса потомственных пролетариев, отражает те глубокие качественные изменения, которые происходили внутри рабочего класса, в его социальной структуре. Кадровые рабочие с большим производственным стажем и достаточно высокой профессиональной выучкой в эпоху империализма представляют самый многочисленный отряд на крупных предприятиях развитых отраслей промышленности. Роль рабочих семей становится все более решающей в пополнении рядов пролетариата, а преемственность фабрично-заводского труда приобретает значение важного фактора в процессе его формирования.

Таковы главные выводы, сделанные на основании анализа данных выборочного исследования личных дел рабочих ЯБМ. Думается, что основные тенденции, прослеженные нами, будут характерны не только для данной фабрики: в определенной степени они могут быть распространены и на другие крупные городские предприятия, в текстильной промышленности, во всяком случае. В своих выводах мы коснулись далеко не всех взаимосвязей различных признаков, характеризующих социальную структуру рабочего класса. И тем не менее они свидетельствуют о богатых возможностях, которые может дать изучение личных дел рабочих — ценного источника по истории рабочего класса России эпохи империализма.

³⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 549.

⁴⁰ В основу квалификации положено 3 разряда рабочих: квалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные. В данном случае нами учитывались рабочие I разряда (ст. рабочие, ткачи, прядильщики, ремонтновщики, металлсты, паросиловики и др.) как по основному, так и вспомогательному производству. (См. Классификация занятий, производств и отраслей труда для разработки Всероссийской демографическо-профессиональной переписи 1920 г. М., 1921, с. 5, 10 и др.).

В. М. ВОРОБЬЕВ, А. Я. ДЕГТЯРЕВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Сельское расселение в феодальной Руси успешно изучается в советской исторической науке уже более сорока лет — первые крупные работы в этой области появились в середине 30-х годов¹. Уже тогда обозначились и две главные взаимосвязанные линии изучения расселения. Первая из них ориентировалась на постепенное накопление материалов и выполнение региональных исследований. Вторая, помимо этого, включала создание, на основе конкретных исследований, концепционных разработок темы, а также выявление этапов и факторов расселения.

Так, Н. Н. Воронин попытался выделить стадии развития поселений феодальной эпохи и пришел к выводу о том, что одни типы поселений в процессе исторического развития сменяются другими. К сожалению, на его построениях, восходящих в некоторых элементах к воззрениям А. И. Никитского о наступлении деревень на села², сказались недостаточная изученность основных характеристик расселения, поэтому попытка выстроить схему смены типов поселений привела к созданию концепции, которая, даже по собственному признанию автора, «отнюдь не отражает всей сложности реальной смены явлений»³.

По-иному подошел к разработке проблемы С. Б. Веселовский. На основе обширных материалов, относящихся к Северо-Восточной Руси, он выделил основные этапы эволюции сельских поселений — важнейших элементов расселения. Согласно его наблюдениям, до середины XV в. русские поселения были крайне невелики по размерам и только с этого времени под воздействием землевладельцев, устремлениям которых в этой области якобы противостоял «отселенческий инстинкт» крестьян, начинается нарастающее укрупнение селений. Процесс укрупнения поселений был задержан, по мысли С. Б. Веселовского, глубоким разорением в конце XVI в., но затем возобновился в годы «хозяйственной реставрации» (выражение С. Б. Веселовского). Многие из выявленных С. Б. Веселовским черт и особенностей расселения были подтверждены последующими работами ученых, но причины, выдвинутые им для их объяснения, были оспорены сразу же после появления книги.

Совершенно другие соображения о факторах эволюции расселения сформулировал в это время Б. А. Романов. Он объяснил малодворность русской деревни XV—XVI вв. тем, что «при данных условиях производительности и уровне техники вместимость деревни в каждой данной местности имеет свой предел»⁴. Таким образом, на первый план эволю-

¹ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. — «Известия» ГАИМК, вып. 138. Л., 1936; Веселовский С. Б. Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936; Романов Б. А. Изыскания о русском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского). В кн. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, с. 237—446. В работах С. Б. Веселовского, Б. А. Романова и других авторов мы не встретим термина «расселение», который стал использоваться советскими историками позднее. Тем не менее с полным основанием можно говорить, что их работы посвящены проблемам расселения.

² Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 42.

³ Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 58.

⁴ Романов Б. А. Указ. соч., с. 440.

ции расселения вместо социально-психологических феноменов (по С. Б. Веселовскому) выдвигались факторы, обусловленные техническим уровнем производства. Правда, обстоятельное изучение ряда феодальных владений в итоге привело Б. А. Романова к заключению о том, что «пределы вместимости деревни строго индивидуальны, но в своем среднем выражении поддаются районированию, сохраняя свой индивидуальный характер, однако, и в сфере данного района»⁵. Такая поправка фактически аннулировала предположение о «пределе вместимости», а наряду с ним и предложенное автором объяснение малодворности русской деревни XV—XVI вв.

Важной особенностью работ С. Б. Веселовского и Б. А. Романова было обозначенное в них стремление рассматривать эволюцию поселений в том или ином владении как органичное целое, а не как простую сумму или последовательность смены первичных единиц — сел и деревень. Именно в этом плане своевременен был призыв С. Б. Веселовского «вести исследование по владениям более или менее крупным»⁶. Правда, этот призыв не получил в то время широкого отклика. С другой стороны, ограничение исследования рамками феодальной волости недостаточно — ряд важных черт и особенностей расселения может быть выявлен только при рассмотрении значительных территориальных совокупностей и за продолжительный период.

Такой подход, заимствованный историками из арсенала экономической географии, точнее, из географии населения, был осуществлен в работах М. В. Витова. Именно благодаря его усилиям, сети расселения впервые в советской исторической науке предстали как многообразное целое, развивающееся в пространстве и во времени. М. В. Витов при рассмотрении проблем расселения вышел за рамки феодальных владений, преодолев тем самым существенный методический недостаток работ предыдущего времени. Им был плодотворно и последовательно осуществлен генетический подход к изучению расселения в северных районах Руси. На примере изучения гнездового типа расселения им выявлена своеобразная «инерция» в эволюции сетей поселений: унаследованная от прошлого, часто весьма отдаленного, конфигурация расселения (например, гнезда поселений, возникавшие в процессе распада «печищ») продолжала существовать при изменившихся социально-экономических условиях и влиять на дальнейшее развитие хозяйственной жизни. М. В. Витовым была всесторонне изучена сеть поселений Заонежья, обрисованы типы заселения и расселения, формы и типы поселений, выявлена динамика различных показателей⁷. Он разработал также новые принципы методики картографирования историко-географических данных писцовых и переписных книг, актового материала.

Направление, для развития которого так много сделал М. В. Витов, — изучение расселения на значительных территориях за длительные промежутки времени — является сегодня доминирующим⁸. Среди последних

⁵ Там же, с. 440.

⁶ Веселовский С. Б. Указ. соч., с. 11.

⁷ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962; его же. О классификации поселений. — «Советская этнография», 1953, № 3; его же. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. — «Советская этнография», 1955, № 1.

⁸ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVII вв. М., 1974; Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976; Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. М., 1971; Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений). В кн. Аграрная история европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 253—366; Воскобойникова Н. П. К истории поселений Яренского уезда

работ выделяется капитальный труд П. А. Колесникова о северной деревне, где рассмотрены основные характеристики северной региональной сети расселения, выявлены ее особенности и пути развития на протяжении нескольких веков⁹. Развитие северной деревни: состав двора и семьи, планировка поселений, их размеры — плодотворно исследуется А. И. Копаневым, который впервые в советской историографии принял картографирование поселений, зафиксированных источниками XV—XVII вв.¹⁰

Истории поселений XVI в. уделено значительное внимание в трехтомном исследовании аграрной истории Северо-Запада России, выполненном под руководством А. Л. Шапиро¹¹.

Следует отметить, что вопросы сельского расселения на русском Севере и Северо-Западе в XV—XVII вв. освещены в отечественной историографии значительно полнее нежели история расселения в других районах за тот же период. В немалой степени это обусловлено тем, что источниковая база для исследований расселения в указанных районах этого времени гораздо богаче, чем для других областей, — сохранившийся массив писцовой документации XV—XVII вв. создает уникальную возможность исследования расселения на отрезке, превышающем два столетия. Выполнение такой работы поможет в дальнейшем выделить общее и особенное в эволюции расселения, а, кроме того, как справедливо отметили Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто и В. Д. Назаров, данные по Северо-Западу имеют значение не только для изучения этого региона, но, будучи сопоставленными с отрывочными данными по другим районам, «дают возможность делать более обоснованные (чем ранее) заключения о тех или иных сторонах аграрного строя в иных областях и государстве в целом»¹². Это положение целиком относится и к истории сельского расселения.

Данная работа является попыткой проследить изменения некоторых компонентов сельского расселения — динамику размеров поселений и их расположения на местности и зависимость этой динамики от эволюции главной составной части сельского поселения — крестьянского двора (его состава и населенности) — в одном из районов Северо-Запада России — Шелонской пятине (площадь около 32 тыс. кв. км) — на протяжении XVI—XVII вв.¹³ Для этого использовались материалы писцовых и переписных книг 1498—1505, 1539, 1582, 1628, 1646 и 1678 гг.¹⁴

в конце XVI — начале XVIII в. Там же, с. 367—448; Маматова Е. П. Писцовые книги Русского уезда XVI — 20 гг. XVII вв. Методы их изучения. — Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. 1. М., 1972; Дегтярев А. Я., Шапиро А. Л. Демографическая характеристика системы поселений Северо-Запада Руси в XVI в. В кн. Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 35—42 и др.

⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.

¹⁰ Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 117—143; его же. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, прил. 1, 2, 3.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятинны. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Л., 1978.

¹² Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма. В кн. Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Октябрьский период. М., 1978, с. 22.

¹³ Подобная задача, правда, в несколько иной постановке, решалась М. В. Витовым и П. А. Колесниковым для северных районов Русского государства XVI—XVII вв. и авторами «Аграрной истории Северо-Запада России» для XVI в. Данная статья может рассматриваться как продолжение исследований в этом направлении.

¹⁴ Новгородские писцовые книги, т. 5. СПб., 1905, с. 1—70, 71—286, 287—314, 407—423; т. 4. СПб., 1886, с. 1—232, 237—522; ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 977, 310, 800, 987,

Новгородские писцовые книги конца XV—XVII в. содержат сведения о десятках тысяч поселений, разбросанных на огромном пространстве Северо-Запада Руси. Описания, отличающиеся друг от друга принципами построения, полнотой охвата территории и степенью сохранности, дают, однако, возможность рассматривать совокупность сел и деревень отдельных районов Новгородчины как сеть расселения и проследить некоторые черты ее развития во времени. Под сетью расселения в эпоху феодализма мы понимаем некоторое множество более или менее самостоятельных компонентов — поселений, соединенных между собой различными, правда, довольно слабыми системообразующими связями (функциональными, иерархическими и т. п.). Главными признаками сети расселения выступают ее территориальная целостность, известная взаимозависимость элементов, относительная автономность и обособленность от других подобных образований¹⁵.

На рубеже XV—XVI вв. в Шелонской пятине насчитывалось около 6000 поселений¹⁶. Преобладающим их типом была 1—2-дворная деревня — 71% всех населенных пунктов¹⁷. В среднем на поселение приходилось в это время 5,6 кв. км площади с учетом неудобных земель и водных поверхностей. Но, поскольку деревни были чрезвычайно мелкими, хозяйственная освоенность территории была небольшой. На долю учтенной пашни приходилось всего 7,4% территории пятины, на долю учтенных сенокосов — 1,8%¹⁸.

В первой половине XVI в. расселение пятины продолжало интенсивно развиваться по линии формирования новых поселений. По нашим подсчетам, в Новгородском уезде Шелонской пятины их возникло свыше 400, а во всей пятине — около 700. Подавляющее большинство новых поселений — это починки, поставленные «на лесу»¹⁹.

Характерной чертой развития сети расселения в это время явилось усложнение ее иерархической структуры. В многочисленных центрах «деревенских комплексов», которые пошли в раздачу помещикам, когда «бурное, массовое развитие поместного землевладения переклестнуло наличие старых сел»²⁰, быстро растет число дворов, отстраиваются церкви, и эти поселения получают статус сельца или даже села. Так, в Новгородском уезде Шелонской пятины за полвека количество сел и селец возросло в 6—7 раз.

Увеличению числа поселений способствовали землевладельческие устремления многочисленных служилых феодалов, среди которых, по выражению Б. А. Романова, шла «бешеная борьба за рабочие руки»²¹. Основным средством побуждения крестьян к переходам, часто связанным с основанием нового поселения, была «льгота», т. е. освобождение крестьянина от платежей в течение ряда лет, пока новое хозяйство

8570. Наиболее полными являются описания 1498, 1582 и 1646 гг. В тех случаях, когда переписи не охватывают всей пятины, мы выясняли динамику исследуемых показателей на более или менее обширных сопоставимых территориях и затем распространяли полученные данные на весь район.

¹⁵ Подробнее о сетях расселения см.: Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977, с. 121; Покшишевский В. В. Население и география. М., 1978, с. 102—119.

¹⁶ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, с. IX.

¹⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1970, с. 324.

¹⁸ Там же, с. 127.

¹⁹ НПК, т. 4, с. 246, 253, 265, 277, 295, 344 и др.

²⁰ Романов Б. А. Указ. соч., с. 412.

²¹ Там же, с. 466.

становится на ноги. Для мелкого землевладельца предпочтительнее было «перезывать» «от отцов детей и от дядь племянников», так как в этом случае не производилась выплата «пожилого». Правда, Судебником 1497 г. регламентация этой выплаты была произведена недостаточно строго, а поэтому через полвека, в Судебнике 1550 г., в статье о крестьянском «отказе», появляется примечательное дополнение: «а пожилое имати с ворот», т. е. «независимо от величины застроенности и личного состава двора»²². Появление такого дополнения — лишнее свидетельство наличия в то время активной практики перехода, сильно влиявшей на эволюцию сетей поселений и прежде всего на формирование новых единиц расселения — починков.

Рост количества деревень приводил к тому, что выбор места для каждого нового поселения становился все более затруднительным — множество удобных мест уже было занято, а хозяйственные ареалы сел и деревень стали соприкасаться. К середине XVI в. площадь, приходившаяся на одно поселение, уменьшилась до 4,6 кв. км (с учетом неудобных земель и водных пространств). Среднее расстояние между деревнями сократилось до 2,3 км (табл. 1). По-видимому, развитие сети поселений Шелонской пятины вплотную подошло к тому рубежу, за которым выставление новых деревень и починков уже не могло быть ведущим способом хозяйственного освоения территории.

Поступательное демографическое развитие района было прервано хозяйственным кризисом в последней трети XVI в. Уже в 1570 г. в Новгородском уезде Шелонской пятины запустело 65% облагаемой запашки²³. Доля запустевших поселений была несколько меньше: запустение полей шло быстрее, нежели исчезновение дворов и деревень, поскольку сокращалась запашка и уцелевших в условиях разрухи крестьянских хозяйств. К середине 70-х годов, судя по описанию Порховского уезда 1576 г., положение еще больше усугубилось. Пустыми к этому времени значилось около половины всех дворов и четыре пятых всей пашни²⁴. Прежде всего кризисом было сметено большое число мелких 1—3-дворных деревень, в которых теперь проживало лишь 21,5% населения против 63% в 1539 г.²⁵

К середине 80-х годов в пятине запустело более 90% поселений. Существенно изменились и внутренние характеристики этой региональной сети расселения. Среднее расстояние между деревнями возросло до 8 км, площадь в расчете на одно поселение увеличилась в 11 раз, резко уменьшилась плотность населения. Во второй половине 80-х годов Шелонская пятина прошла высшую точку кризиса и уже к самому началу XVII в. (1602 г.) здесь отмечается некоторый рост населения²⁶. Параллельно с этим начинается и восстановление поселений, «оживление» пустошей. Правда, в первой четверти XVII в. темпы возрождения были крайне низкими — сказалась шведская оккупация и общее тяжелое экономическое положение страны. Активизация этого процесса пришлось на двадцатилетие — с середины 20-х до середины 40-х годов.

За 40 лет — с 90-х годов XVI в. до переписи 1628/29 г. — в пятине было восстановлено около 300 поселений (в среднем по 7—8 в год). За 17 следующих лет (до переписи 1646 г.) возродилось 216 поселений; темпы восстановления увеличились почти в два раза. В середине XVII в.

²² Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного. — «Исторические записки», т. 29, 1949, с. 225.

²³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины, с. 116.

²⁴ Там же, с. 95.

²⁵ Там же, табл. 60 и 45.

²⁶ Там же, табл. 80.

Сельское расселение Шелонской пятины
(Конец XV—XVII вв.)

	Число поселений	Дворов на 1 поселение	«Людей» (женатых мужчин)		Среднее расстояние между поселениями (км)	Средняя площадь (кв. км), приходящая на:		
			во дворе	в поселении		1 поселение	1 двор	1 «человека» (женатого мужчину)
Конец XV в.	6200	2,6	1,65	4,3	2,4	5,1	1,9	1,15
Середина XVI в.	6900	2,5	1,65	4,1	2,3	4,6	1,8	1,10
80-е годы XVI в.	607	3,3	1,20	4,6	8,0	52,4	13,8	11,50
1646 г.	1070	5,4	1,70	9,2	6,0	29,7	5,5	2,23
1678 г.	1976	4,3	2,10	9,0	4,4	16,1	3,7	1,76

происходит их дальнейшее нарастание. В период между 1646 и 1678 гг. было вновь заселено около 900 пустошей (в среднем по 28 в год).

К 1678 г. восстановление сети расселения в изучаемом районе в основном завершилось: только 55 поселений обозначены в книге 1678 г. как деревни, «что были пустоши», т. е. поселения, восстановленные незадолго до этой переписи.

К 1678 г. было возрождено в общей сложности около трети поселений (2 тыс. из 6 тыс.), существовавших в середине предыдущего столетия. Восстановление пустошей продолжалось и далее, но в целом темпы этого процесса к концу третьей четверти XVII в. угасают.

К 1678 г. средняя дворность поселений несколько снижается — с 5,4 двора до 4,3. Это следствие, во-первых, реакции на введение подворного обложения (замедляется процесс выделения в отдельные дворы взрослых женатых мужчин), а во-вторых, свидетельство активного возобновления пустошей, число дворов в которых сначала, как правило, было небольшим, что снижало средние показатели дворности в пятине. Однако вследствие роста населенности крестьянских дворов средняя населенность деревень не уменьшается, а остается на уровне 1646 г. (табл. 1) Плотность населения в 1678 г. почти достигает показателей XVI в. Для этого времени можно говорить о преодолении последствий кризиса конца XVI в. и о восстановлении, правда, в качественно новом виде, региональной сети расселения. Теперь сеть поселений пятины лишь отдаленно напоминала ту, что существовала в середине XVI в. Коренным образом изменился один из ее главных показателей — общее число поселений. Количество сел и деревень сократилось в три раза и уже никогда не приближалось к показателю XVI в. Одновременно с этим начинают быстро расти средние размеры поселений и населенность их главных компонентов — крестьянских дворов.

Развитие сетей расселения в России в XVII в. проходило под воздействием новых, существенно изменившихся по сравнению с предыдущим периодом социально-экономических факторов. Главным из них было закрепощение крестьянства. Утративший свободу перехода крестьянин потерял и значительную часть своей хозяйственной инициативы. Барское хозяйство, требующее концентрации рабочих рук, потребность постоянного надзора за крестьянами, вотчинный режим и т. п. начинают все более сказываться на развитии деревни, изменяя демографический облик крестьянского двора — состав и численность его населения.

В современной исторической литературе нет полного единства мнений об основных (прежде всего структурных и количественных) характеристиках населения крестьянских дворов на протяжении

XVI—XVII вв. Были они в этот период относительно стабильными, или же подвергались значительным изменениям? Действительно ли сравнительно «малолюдной», как зафиксировано писцовыми книгами XVI в., была населенность крестьянских дворов, или же часть взрослого (женатого) мужского населения (главы вторых, третьих и т. д. семей) оказалась скрытой от нас?

Еще в дореволюционной историографии были сформулированы три точки зрения, касающиеся толкования термина «люди» в писцовых книгах XVI в. Н. А. Рожков полагал, что это перечень взрослого мужского населения двора. Возражая ему, В. О. Ключевский считал «людей» дворохозяевами, а А. М. Андрияшев — главами семейств, помещавшихся во дворе²⁷. В современной советской литературе в том или ином виде продолжают существовать две из перечисленных точек зрения. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», а также А. И. Копанев в своей недавно вышедшей работе полагают, что люди писцовых книг XVI в. это главы семейств, помещавшихся во дворе, т. е. женатые мужчины²⁸. Я. Е. Водарский, исследовав «долговую книгу» Иосифо-Волоколамского монастыря 1532 г., подтвердил правильность позиции и расчетов населенности крестьянского двора авторами «Аграрной истории Северо-Запада России» и тоже определил населенность двора XVI в. примерно в 6 человек обоюбого пола²⁹. К концу XVII в. (1678 г.) населенность двора возросла, по его расчетам, до 7—8 человек³⁰, т. е. стала больше в среднем на 17—35%. Относительно первой половины XVII в. Я. Е. Водарский полагает, что населенность двора «могла быть такой же или меньше»³¹.

Иную позицию в толковании термина «люди» в писцовых книгах XVI в. занимал М. В. Витов. Он полагал, что «записывался в книгу обычно дворохозяин (а не главы всех малых семей, помещавшихся во дворе.— Авт.), сын его записывался лишь тогда, когда глава семьи был стар, болен, вообще малотрудоспособен»³². Писцовые книги, по его мнению, фиксировали только дворохозяина — старейшего в семье, а не глав всех малых семей двора. Исключением были те случаи, когда во дворе жили семьи братьев или складников. Тогда фиксировалось уже несколько мужчин. Взгляд М. В. Витова на характер учета мужского населения в писцовых книгах в целом близок к точке зрения В. О. Ключевского. Именно неполнотой переписи мужского населения дворов в XVI в. М. В. Витов объяснял существенную разницу в их населенности по данным писцовых и переписных книг XVI и XVII вв.³³ Но при таком подходе структура и численность населения дворов на протяжении XVI — первой половины XVII в. фактически признаются неизменными.

Нет единства мнений и в оценке веса тех или иных факторов, воздействовавших на демографический облик крестьянского двора в

²⁷ Ключевский В. О. Отзыв о исследовании Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.» — Соч., т. 8. М., 1959, с. 373; Андрияшев А. М. Указ. соч., с. VIII. Более подробный историографический разбор см.: Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв. В сб. Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

²⁸ Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1970, с. 18; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в., с. 120.

²⁹ Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи..., с. 119—121, 128.

³⁰ Там же, с. 128.

³¹ Там же, с. 127.

³² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв., с. 130.

³³ Там же.

изучаемый период. В одном случае на первый план выдвигаются интенсификация в XVII в. эксплуатации крестьянского двора со стороны частных владельцев и возросшая его производственная связь с владельческим хозяйством³⁴. В другом случае первопричина изменений состава (следовательно, и населенности) крестьянского двора усматривается в развитии товарно-денежных отношений, вызвавшем со второй половины XVII в. разложение долевой деревни³⁵. Обеим точкам зрения присуща недооценка воздействия подворного обложения на состав и населенность крестьянских дворов XVII в. На наш взгляд, ближе к истине те исследователи, которые связывают рассматриваемые здесь явления в первую очередь с переходом к подворному обложению³⁶.

Как известно, с 30-х годов XVII в. при раскладе государственных повинностей стала применяться условная окладная единица — «живущая четверть», включавшая в себя то или иное число крестьянских и бобыльских дворов. Введение «живущей четверти» обозначило первый этап перехода от поземельного (посошного) принципа налогообложения к подворному. Окончательно этот переход завершился после переписи 1678 г., но уже в конце 30-х годов появились налоги, непосредственно раскладывавшиеся на дворы — «дымы»³⁷.

Реакция крестьянства и феодальных владельцев на эти новшества фискальной политики не замедлила сказаться. В период с 1628 г. по 1646 г. средний показатель населенности крестьянского двора в Шелонской пятине увеличился с 2,1 до 3,3 человек мужского пола. В 1678 г. этот показатель составлял уже 4,3 человек мужского пола.

Не менее существенно изменялся в XVII в. и состав крестьянского двора. Так, уже перепись 1646 г. дала картину весьма внушительного массива крестьянских дворов с неразделенными семьями (табл. 2). В пределах одного двора довольно часто фиксировалось несколько семей (как родственников по прямой и боковой линиям, так и семей, не связанных узами родства, по крайней мере, обзримого). Доля крестьянских дворов с неразделенными отцовскими семьями³⁸, включая дворы с отцовскими семьями и неродственниками, в это время составляла около 17%, в них сосредоточилось почти 23% мужского крестьянского населения. Удельный вес дворов с братскими семьями также оказался достаточно высоким — более 15% (17% мужского населения). Таким образом, суммарный удельный вес крестьянских дворов с неразделенными семьями в 40-е годы XVII в. составлял более 32% (свыше 40% населения).

Тенденция сокращения семейных разделов еще отчетливее проявилась к 70-м годам XVII в. Удельный вес крестьянских дворов с неразделенными отцовскими семьями (табл. 3) в это время составлял почти 21% (25,7% населения). Но особенно резко возросла доля дворов с братскими семьями. Удельный вес этой группы дворов составил 37% (44% населения). Таким образом, суммарный удельный вес крестьянских дворов с неразделенными семьями к 1678 г. вырос до 56,7% (69% всего населения).

³⁴ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1977, с. 17, 102 и др.

³⁵ Власова И. В. Указ. соч., с. 75—76.

³⁶ Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи..., с. 130.

³⁷ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977, с. 330.

³⁸ Под неразделенными отцовскими подразумеваются семьи, где с хозяином двора проживают сыновья или зятья со своими семьями.

Таблица 2

Крестьянские дворы Шелонской пятины 1646 г.

Состав двора	Дворов		Человек м. п.	
	число	%	число	%
Отцовские семьи:				
Хозяин	376	12,4	376	3,7
Хозяин, сыновья	1662	53,5	5464	53,7
Хозяин, сыновья или зятя, внуки	405	15,0	1792	17,7
Отцовские семьи с неродственниками:				
Хозяин, неродственники	24	0,8	54	0,5
Хозяин (сыновья); неродственники (сыновья) *	76	2,4	369	3,7
Хозяин (сыновья или зятя, внуки); неродственники (сыновья или зятя, внуки)	17	0,6	105	1,0
Братские и усеченные братские семьи:				
Хозяин, братья	211	6,8	572	5,7
Хозяин (сыновья); братья (сыновья)	153	4,9	664	6,5
Хозяин (сыновья или зятя, внуки); братья (сыновья или зятя, внуки)	12	0,4	62	0,6
Хозяин, братья, их племянники	3	0,1	14	0,1
Хозяин (сыновья); братья (сыновья); их племянники (сыновья)	11	0,4	80	0,8
Хозяин, племянники	22	0,7	55	0,5
Хозяин (сыновья); племянники (сыновья)	30	1,0	130	1,3
Хозяин, сыновья или зятя, внуки; племянники (сыновья)	7	0,2	42	0,4
Братские семьи с неродственниками:				
Хозяин, братья, неродственники	10	0,3	40	0,4
Хозяин (сыновья); братья (сыновья), неродственники (сыновья)	20	0,6	115	1,1
Прочие семьи:				
Хозяин, прочие	38	1,2	150	1,4
Хозяйка, прочие	28	0,9	70	0,7
Хозяин, прочие, правнуки	3	0,1	19	0,2
Итого	3108	100	10 173	100

* В скобках указаны объединенные в подобных группах три варианта состава двора. В такие группы входили: а) хозяин с сыновьями; неродственники без сыновей; б) хозяин без сыновей; неродственники с сыновьями; в) хозяин с сыновьями; неродственники с сыновьями.

Укрупнение крестьянских дворов между 1646—1678 гг. происходило преимущественно за счет сокращения семейных разделов братьев после смерти отца. Так, удельный вес дворов с братскими семьями в этот период возрос в 2,5 раза, с 15 до 37%, а удельный вес отцовских семей как разделенных, так и неразделенных, снизился в это время в 1,3 раза, т. е. с 82,4 до 61,4%. В целом эти структурные и количественные сдвиги можно удовлетворительно объяснить, только поставив их в зависимость от изменившейся системы государственного обложения.

Реальные причины, вызвавшие к жизни процесс роста крестьянского двора, явно выступают и из анализа писцовой документации XVII в., соотнесенного с практическими результатами ее применения, т. е. данными писцовых книг. Так, наказ 1646 г. предписывал писцам «...смотреть и беречь накрепко, чтоб у той переписи никто не воровали, крестьян и бобылей не таили, изо многих дворов в один не переводили»³⁹. Согласно установленному порядку, писцы собирали «сказки» за подписями феодалов или целовальников, подкрепленные для большей ответственности подписями их духовных отцов. После этого начиналась проверка досто-

³⁹ Акты археографической экспедиции, т. IV. СПб., 1836, № 14.

Крестьянские дворы Шелонской пятины 1678 г.

Состав двора	Дворов		Мужских душ	
	число	%	число	%
Отцовские семьи:				
Хозяин	182	4,4	182	1,2
Хозяин, сыновья	1506	36,3	5000	27,7
Хозяин, сыновья или зятя, внуки	634	15,3	3379	18,8
Отцовские семьи с неродственниками:				
Хозяин, неродственники	20	0,5	43	0,2
Хозяин (сыновья); неродственники (сыновья)	134	3,2	707	3,9
Хозяин (сыновья или зятя, внуки); неродственники (сыновья или зятя, внуки)	71	1,7	500	2,8
Братские и усеченные братские семьи:				
Хозяин, братья	257	6,2	639	3,6
Хозяин (сыновья); братья (сыновья)	745	18,0	3982	22,1
Хозяин (сыновья или зятя, внуки), братья (сыновья или зятя, внуки)	132	3,2	964	5,4
Хозяин, братья, их племянники	7	0,2	30	0,1
Хозяин (сыновья); братья (сыновья); их племянники (сыновья)	68	1,6	481	2,7
Хозяин, племянники	30	0,7	80	0,4
Хозяин (сыновья); племянники (сыновья)	150	3,6	737	4,1
Хозяин, сыновья или зятя, внуки; племянники (сыновья)	65	1,5	435	2,4
Братские семьи с неродственниками:				
Хозяин, братья, неродственники	16	0,4	57	0,3
Хозяин (сыновья); братья (сыновья); неродственники (сыновья)	56	1,3	399	2,2
Хозяин (сыновья или зятя, внуки); братья (сыновья или зятя, внуки); неродственники (сыновья или зятя, внуки)	9	0,2	66	0,4
Прочие семьи:				
Хозяин, прочие	55	1,3	238	1,3
Хозяйка, прочие	11	0,3	42	0,2
Хозяин, прочие, правнуки	5	0,1	46	0,2
Итого	4153	100	18 007	100

верности представленных сведений: «...а взяв у них сказки,— предписывал наказ,— за их руками и тех дворов и во дворах людей по именам пересмотреть и переписать самим всех на лицо»⁴⁰.

В результате такой проверки «сказок» в Шелонской пятине был выявлен целый арсенал ухищрений (см. табл. 4), направленных на утайку дворов от налогообложения. Показательно, что эта практика наблюдалась на землях всех категорий, разница была лишь в масштабах и способах утайки.

Так, в 1646 г. писцы вскрыли утайку помещиками 5% крестьянских дворов (4% населения). Излюбленными способами утайки тяглого населения в поместьях в это время были либо пропуск дворов в «сказках», либо запись нескольких отдельных дворов в один. Зафиксированы также случаи «пропуска» части населения двора. Ряд дворов не был внесен в «сказки» под предлогом «бегства» их обитателей. Сходная картина наблюдалась и на монастырских землях, где утайка дворов достигла 9,1%, а населения—29,8%. Но еще большей она оказалась в дворцовых землях: 11,6% дворов и 42,5% населения! Крестьянская волость, как видим, наиболее активно сопротивлялась новому принципу

⁴⁰ Там же, т. IV, № 14.

Таблица 4

Способы и размеры утайки тяглого населения при переписи 1646 г.
(Шелонская пятина)

Способы утайки населения	Поместные земли		Монастырские земли		Дворцовые земли		Пятина в целом	
	дворы	человек м. п.	дворы	человек м. п.	дворы	человек м. п.	дворы	человек м. п.
Пропуск дворов вместе с их населением	49	100	24	34	88	273	161	407
Пропуск дворов под предлогом бегства их населения	7	29	—	—	—	—	7	29
Запись крестьян нескольких дворов в один	48	—	—	—	19	—	67	—
Пропуск части населения дворов	—	153	—	181	—	886	—	1220
Итого	104	282	24	215	107	1159	235	1656
Процент утайки (к учетному населению)	5,2	4,2	9,1	29,8	11,6	42,5	7,5	16,3

обложения. В целом удельный вес выявленной писцами утайки населения составил в 1646 г. 7,5% дворов и 16,3% населения.

Перепись 1678 г. проходила, как известно, в новых условиях. Уложение 1649 г. сделало писцовые книги юридическим основанием крестьянской крепости. Это резко повлияло на степень полноты сведений «сказок» о тяглом населении. Более того, сразу после окончания переписи 1678 г. в Поместный приказ стали поступать челобитья с жалобами на писцов, которые «несправливо» записали в книгах имена и прозвища крестьян, бобылей и т. д.⁴¹ Доля скрытого от переписи населения оказалась ничтожно мала — всего 0,2% (см. табл. 5) и была вызвана, видимо, случайными причинами. Совсем иначе обстояли дела с достоверностью сведений о числе тяглых единиц — дворов. Здесь картина почти совпадала с той, что была в 1646 г. Правда, появился новый способ утайки дворов — свод нескольких дворов в один с их пригораживанием. Как наиболее «надежный» он стал доминирующим. Удельный вес обнаруженной в поместных землях утайки крестьянских дворов оказался выше, чем в 40-х годах — 8,5% против 5,2%. На монастырских землях процент выявленной утайки резко упал и составил всего 0,4%. Вероятнее всего, здесь скрыта либо не разгаданная писцами хитрость монастырей-феодалов, либо какая-то корысть переписчиков. В целом удельный вес обнаруженной писцами утайки по Шелонской пятине в 1678 г. составил 5,1% и 0,2% их населения.

Таким образом, при проведении переписей XVII в. писцы столкнулись с множеством приемов, направленных на то, чтобы, уменьшив число податных единиц — крестьянских дворов, облегчить тяжелейшее бремя государственных повинностей — самой существенной части крестьянских платежей в изучаемое время.

Заключая рассмотрение затронутых вопросов, отметим следующее. В XV — первой половине XVI в. поземельный принцип обложения в сочетании с широкой практикой предоставления «льготы» крестьянам на период основания новых поселений способствовал формированию все новых и новых единиц расселения⁴². Этому содействовало право

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 8570, дд. 838—871.

⁴² Показательной в этом отношении является норма ст. 57 Судебника 1497 г., определявшая половинную норму «пожилого» для крестьян деревень, расположенных «в лесех». Этой нормой, повторенной в Судебнике 1550 г., зафиксировано поощрение к основанию поселений на новых лесных участках.

Способы и размеры утайки тяглого населения при переписи 1678 г.
(Шелонская пятина)

Способы утайки населения	Поместные земли		Монастырские земли		Пятина в целом	
	дворы	человек м. п.	дворы	человек м. п.	дворы	человек м. п.
Пропуск дворов вместе с их населением	11	30	2	5	13	35
Запись населения нескольких дворов в один	35	—	3	—	38	—
Свод нескольких дворов в один с их пригораживанием	133	—	18	—	151	—
Пропуск части населения дворов	—	9	—	—	—	9
Изменение статуса дворов	5	—	7	—	12	—
Итого	184	39	30	5	214	44
Процент утайки (к учтенному населению)	8,5	0,4	1,5	0,06	5,1	0,2

крестьянского «выхода», распространенность которого создавала дополнительные возможности для основания новых поселений. Невысокий размер государственных податей в первой половине XVI в. также поощрял этот процесс. Положение начинает меняться со второй половины XVI в. Резкий рост правительственных платежей обусловил своеобразие развития процесса расселения, заставляя крестьян занимать все более мелкие участки (в 5—10 раз меньше нормальных наделов) в небольших поселениях. Произошел рост дворности селений, не сопровождавшийся соответствующим расширением угодий. Через некоторое время (на рубеже XVI—XVII вв.) такая ситуация, в свою очередь, вызвала к жизни широкую практику приверстывания к действующим поселениям угодий из близлежащих пустошей, навсегда упраздняя возможность организации на последних новых «живущих» поселений. С помощью такой практики были ликвидированы деформации расселения, возникшие в период хозяйственного кризиса.

Дальнейшему росту поселений способствовал и начавшийся в первой трети XVII в. переход к подворному обложению. Новый принцип обложения резко уменьшил количество семейных разделов, затормозил «отпочкование» молодых семей. Средние показатели населенности крестьянского двора заметно увеличились, что сказалось и на росте поселений. Сохранился в XVII в. и опережающий в сравнении с владельческой эксплуатацией рост податного гнета со стороны феодального государства⁴³.

Противодействие населения фискальной политике правительства было довольно однозначным — чем больше росли налоги со двора, тем многолюднее он становился, причем увеличение численности двора не всегда соответствовало реальным потребностям крестьянского хозяйства. Такое положение сохранялось вплоть до конца первой четверти XVIII в., когда вместо уже не отвечавшего интересам феодального государства подворного принципа налогообложения была введена подушная подать.

⁴³ Горская Н. А. Указ. соч., с. 339.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ СССР

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. Изд-во МГУ, 1979, 374 с., тир. 2460 *

Развитие источниковедения истории советского общества — многогранный процесс, требующий неустанных творческих поисков и усилий. Одно из его направлений связано с углубленным изучением массовых источников: статистических материалов, переписей и обследований, материалов делопроизводства и личного учета, систематизированных справочных материалов и др.

Круг массовых источников многообразен и постоянно увеличивается вместе с ростом экономики, усложнением задач управления, развитием активности миллионов трудящихся во всех сферах жизни страны. Постоянно возрастающая потребность в точном количественном измерении ведет к дальнейшему совершенствованию и развитию учетной и контрольной документации, быстрому увеличению новых типов и видов массовых источников.

Результаты проводившихся в нашей стране многолетних исследований массовых источников ** создали возможность

* Редколлегия: чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко (отв. ред.), В. И. Бовыкин, В. З. Дробижев, Л. В. Милов, Ю. А. Мошков, А. К. Соколов.

** Васькина Л. И. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации (По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.). — «Вестник Московского университета», сер. IX, истор., 1971, № 4; Завич В. И. Годовые отчеты колхозов за 1932—1940 гг. и их разработки как исторический источник. — Проблемы истории СССР. М., 1973; Дробижев В. З., Пивовар Е. И., Устинов В. А. Данные о составе служащих народных комиссариатов РСФСР (По материалам переписи служащих советских учреждений Москвы 1922 г.). — Новая экономическая политика. Вопросы

перейти к обобщающему монографическому изучению этого комплекса источников.

Рецензируемый труд дает источниковедческую характеристику наиболее фундаментальных типов массовых источников по социально-экономической истории советского общества. На первый план выдвигались те из них, которые характеризуют самые существенные стороны социально-экономического развития.

В первой части, посвященной источникам по истории народонаселения, промышленности, рабочего класса и интеллигенции, дается общая характеристика демографических источников, и прежде всего материалов всенародных переписей.

За годы Советской власти было проведено шесть общих переписей: в 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 гг. Они отразили развитие страны на важнейших ступенях ее движения к коммунизму: окончание гражданской войны, переход к социалистической реконструкции народного хозяйства, построение основ социализма, развитой социализм. Переписи зафиксировали в своих материалах величайшие перемены в социальном и культурном облике нашего народа, его всемирно-исторические достижения. При наличии обширной литерату-

теории и истории. М., 1974; Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов. — «Вопросы истории», 1974, № 6; Обожда В. А. Выборочные обследования крестьянских хозяйств на Урале в 20-е годы и публикация их материалов. — Проблемы истории СССР, вып. IV. М., 1974; Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975 и др.

ры, посвященной общим принципам анализа статистических источников, переписи как исторический источник изучены недостаточно. К тому же исследовались в основном довоенные переписи. К детальному анализу трех последних переписей историки только приступают. Намеченные в книге приемы анализа переписей составляют необходимое условие использования переписей в качестве источников. Сопоставление материалов переписей 1959, 1970 и 1979 гг. дает возможность проследить сдвиги на этапе зрелого социализма, а их сопоставление с данными переписей 1920, 1926 и 1939 гг.—показать качественные отличия периода развитого социализма по сравнению с предшествующими этапами социалистического строительства.

В книге раскрываются основные комплексы массовых источников, создающих систему документооборота советской промышленности, выясняются взаимосвязи этих комплексов. Заключение в них информация является отражением тех связей, которые складывались в процессе быстрого развития социалистической индустрии, и может служить важнейшим инструментом научного исследования закономерностей социально-экономического развития СССР.

Одной из центральных тем является анализ массовых источников по истории рабочего класса: переписей, материалов текущей статистики, выборочных и социологических обследований, документов личного происхождения. Некоторые вводятся впервые в научную практику. Среди них отметим учет профессионально-квалификационного состава рабочих послевоенного периода, материалы бюджетных обследований рабочих с 1918 г. до наших дней. Намеченные в книге пути и способы источниковедческого изучения, анализа и синтеза информации этих источников расширяют возможности их использования для изучения широкого круга проблем социального развития советского общества.

Во второй части книги характеризуется опыт обработки бюджетов крестьянских хозяйств, анализа годовых отчетов колхозов и совхозов, других видов источников по истории сельского хозяйства и крестьянства.

В начале 70-х годов широко развернулось систематическое и углубленное изу-

чение материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов. Этому способствовало выявление важного преимущества бюджетных обследований перед другими источниками — сбалансированность показателей, что позволяет изучать взаимосвязи всех элементов крестьянского хозяйства. Опираясь на достигнутое, авторы выясняют основной круг дошедших до нас материалов, разрабатывают методику работы с источником. Бюджетные обследования используются для исследования внутренней структуры крестьянского хозяйства, взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью, культурного развития крестьянства накануне массовой коллективизации.

Источниковедческое рассмотрение особенностей материалов ЦСУ СССР о так называемых «динамических процессах» в крестьянских хозяйствах показало, что они содержат ценные сведения о разделах и соединениях крестьянских хозяйств, о социальной динамике села до массовой коллективизации.

Коллективизация советской деревни вызвала появление нового в статистике сельского хозяйства вида материалов — делопроизводства социалистического сельскохозяйственного предприятия. Годовые отчеты колхозов и совхозов способны наиболее полно отразить динамику становления и развития социалистических хозяйств на протяжении всей их истории. В книге это подтверждается анализом содержания, репрезентативности, достоверности, изменений форм и показателей годовых отчетов. Важной особенностью источников является различный уровень информационной структуры. Кроме первичных отчетов существуют сводные данные в масштабе областей, республик и в целом по СССР. За годы существования колхозов и совхозов в архивах отложились миллионы единиц отчетов и их разработок, которые по богатству материалов, систематичности, сопоставимости и другим показателям выделяются среди остальных массовых источников по истории социалистического сельского хозяйства.

В последнее десятилетие в общественных науках в связи с интеграцией знания, изучением все более сложных объектов и быстрым ростом на этой основе «стыко-

вых» проблем, неуклонно возрастает роль общенаучных, междисциплинарных методов. Этим в первую очередь объясняется все более широкое применение, наряду с традиционными, математических методов в исторических исследованиях. Использование в работе с массовыми источниками вычислительной техники и математического аппарата открывает реальные перспективы ставить и решать такие задачи, которые раньше считались неразрешимыми или просто не возникали.

Коллектив авторов обобщил накопленный опыт в таких областях методики источниковедческих исследований, как определение объема выборки, разработка системы кодирования, математико-статистическое моделирование, анализ взаимосвязей между признаками и др.

Степень использования математики — свидетельство высокого уровня развития исторической науки, ее понятийного аппарата. Рецензируемый труд всем своим содержанием еще раз убеждает в том, что совершенствование исторического познания будет тесно связано со все большим применением математических методов анализа исторических источников. Но математизация науки, формализация знания, распространение методов моделирования не ведут к уменьшению значимости мировоззренческих вопросов в системе научного познания. Содержательные, качественные, особенно идеологические моменты в источнике, имеющие первостепенную научную значимость, не поддаются переводу полностью на математический язык. Примене-

ние новых методов исследования может быть плодотворным только на базе диалектического материализма, при сохранении решающей роли диалектики как логики познания общественных явлений.

Авторы книги особо подчеркивают решающее значение диалектико-материалистической методологии для определения места и значения, возможностей и пределов применимости математических методов в исторической науке.

Рецензируемый труд представляет собой первую попытку реализации перспективной идеи комплексного подхода к анализу массовых источников. Обобщение огромного количества информации, высокий уровень подготовки, фундаментальность и новизна исследования позволяют поставить рассматриваемую книгу на одно из первых мест в ряду современных источниковедческих работ.

И все же исследование не исчерпывает всего многообразия массовых источников. Многие комплексы совсем не затрагиваются. Объясняется это и различным уровнем изученности массовых источников, и тем, что существует большое количество однотипных источников, методы анализа которых могут разрабатываться выборочным способом, и тем, что массовые источники обширны и трудоемки, изучение их требует коллективных усилий историков страны. Тем более перспективным представляется продолжение работы в этом направлении.

Г. А. Труман

В. В. ЖУР А В Л Е В. ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1917—1920 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ. М., «Наука», 1979 г., с. 399, тир. 2600

Декреты Советской власти уже с начала 20-х годов привлекают внимание исследователей. Они изучались в целом и по отдельности, с точки зрения истории их выработки и утверждения правительственными органами, их исторического значения, роли В. И. Ленина в их создании.

Тем не менее еще далеко не все аспекты законодательной деятельности первого в мире социалистического государства изучены и освещены в советской литературе. В меньшей мере декреты Советской власти исследованы как исторические источники.

В рецензируемой книге проанализированы советские законодательные акты 1917—1920 гг., посвященные социалистическому обобществлению крупной капиталистической собственности, дана их источниковедческая оценка. Сосредоточивается внимание на тех источниковедческих проблемах, которые особенно нуждаются в специальном изучении, в первую очередь — на вопросах текстологии. Показано место рассматриваемых декретов среди других законодательных актов, направленных на обобществление капиталистической собственности. Читатель получает ответ на вопрос, почему декреты являются наиболее важными историческими источниками в изучении принципов и процесса ликвидации капиталистических и становления социалистических производственных отношений в нашей стране.

Тематические и хронологические рамки исследования и логически, и исторически оправданы. В нем декреты и постановления анализируются комплексно, по их группам. При этом автор придерживается принципов: неразделимости внешней и внутренней критики источника, неразрывности единства собственно источниковедческого анализа и изучения исторической обстановки. Он сочетает в своем исследовании источниковедческий подход с общен историческим.

Достоинством книги следует признать то, что автору удалось выявить, как основные черты и особенности законодательной деятельности Советского государства в области социалистического обобществления крупной капиталистической собственности непосредственно обуславливались его социально-экономической политикой в конкретной исторической обстановке.

Результатом комплексного исследования декретов, посвященных проблемам социалистического обобществления крупной капиталистической собственности в нашей стране, явился вывод, что важнейшие этапы эволюции формы и содержания этих декретов в период с октября 1917 г. до конца 1920 г. в целом отражают основные направления экономической политики Советского государства в указанные годы. Декреты являлись важнейшими актами осуществления этой политики. «Простому рабочему и крестьянину, — говорил В. И. Ленин в марте 1922 г., — мы свои

представления о политике сразу давали в форме декретов»¹.

Автор осветил ведущие тенденции в декретировании (в характере, структуре и содержании декретов) обобществления крупных средств производства в определенные исторические периоды. Так, период триумфального шествия Советской власти был полосой, когда декреты являлись вежами «по пути развития новых форм жизни»², они служили формой пропаганды, как отмечал В. И. Ленин. Одним из факторов, придававших декретам такой характер, было наличие в них специальных мотивировочных частей (преамбул), в которых показывалось рабочим и крестьянам, почему и для чего нужно национализировать то или иное предприятие.

Анализируя законодательство периода марта — июня 1918 г. в области обобществления капиталистической собственности, автор отмечает, что в декретах, как исторических источниках, нашло отражение перемещение центра тяжести от непосредственной экспроприации к повсеместной организации учета и контроля. Весной и летом 1918 г. ведущей тенденцией явилось стремление высших органов Советской власти осуществить ряд мероприятий подготовительного характера, прежде чем юридически закрепить то или иное социально-экономическое преобразование. То был принципиально новый подход к делу, характерный для экономической политики Советского государства данного периода.

Декреты этого периода всеми особенностями своей формы и содержания не столько отвечали уже на вопрос, для чего вводится та или иная мера, сколько определяли сумму организационных мер, норм и положений относительно того, как практически воплотить их в жизнь, как следует осуществлять национализацию на деле. Это выражалось в снятии преамбул из текста декретов и сведении их к минимуму необходимой практической информации; в особой тщательности технической разработки постановляющей части декретов; в стремлении включить агитационно-пропагандистский элемент уже непосредственно, органически в ткань самих декретов, в текст, выражавший их главную сущность и т. п.

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 45, с. 111.

² Там же, т. 35, с. 56.

В последующий период (по 1920 г.) на первый план в возросшей степени выступает конкретно-нормирующая функция декретов, усиливается их роль как практических рычагов неотложного, форсированного решения Советским государством многочисленных и разнообразных задач жизни страны, превратившейся в военный лагерь.

Заслуживает одобрения стремление автора рассматривать акты национализации крупной промышленности в свете положений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по данной проблеме.

В книге анализируются законодательные акты в области обобществления крупной промышленности в совокупности с другими документами, в которых получили отражение намерения и практические усилия органов Советской власти в области социалистического обобществления производства. Декреты рассматриваются в их тесной взаимосвязи между собой, а также в совокупности с документами распорядительного и иного характера, показывающими формы, пути и результаты воплощения в жизнь заложенных в декретах принципов и норм. Это дает возможность автору в полную меру раскрыть значение декретов Советской власти как исторических источников. Рецензируемое исследование в некоторой своей части, например, там, где речь идет о «Декрете о земле», о «Положении о рабочем контроле», о написанном В. И. Лениным «Проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» и некоторых других декретах, носит обобщающий характер. Вместе с тем, в этой части автор нашел новые подходы для источниковедческого анализа названных документов.

Так, обратившись к протоколу заседания бюро ВСНХ от 13 декабря 1917 г., исследователь пришел к выводу, что «Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» обсуждался в ВСНХ 16 декабря 1917 г. в 5 час. вечера (с. 76, 77). При этом автор отметил, что независимо от него к аналогичному заключению пришел и Л. Е. Шепелев. Изучив внутреннюю логику совершенствования ленинских текстов (тезисы «а» и «б» к «Проекту декрета...»), В. В. Журавлев заключил, что

проект был написан 15 или 16 декабря 1917 г. (с. 91—92).

Проведенный в книге источниковедческий анализ текста сохранившейся копии декрета СНК о национализации всей крупной промышленности от 28 июня 1918 г. с учетом условий выработки декрета дал возможность прийти к выводу, что это не копия оригинала декрета, а один из стеклографированных машинописных экземпляров текста подлинника (см. с. 278—286) с вставленными в него уже 29 июня, в соответствии с решением Президиума ВСНХ, пунктам 26—32 статьи 1 и абзацами 2—4 статьи II декрета.

Автору удалось выявить в фондах ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР и других архивов ряд новых, еще не использованных исследователями документов: лист с замечаниями А. Ломова и Ю. Ларина от 16 января 1918 г., сделанными, по-видимому, при обсуждении в Комитете хозяйственной политики ВСНХ вопроса о национализации речного и морского торгового флота (с. 168—169); документы «О противозаконном отчуждении акций» и «Проект декрета об акциях», — в отношении последнего он не без основания высказал предположение, что документ был составлен Ю. Лариным под впечатлением беседы с В. И. Лениным (с. 242, 249—254); отчет Временного правления Московского отделения Народного банка РСФСР от июля 1918 г. (с. 236—239); проект «Кодекса экономических законов РСФСР» (с. 324—329) и др.

В монографии раскрыт широкий диапазон использования декретов Советской власти в целом как исторических источников. Во-первых, они являются основой изучения программных установок и планов Коммунистической партии и Советского государства. Во-вторых, они в концентрированном виде показывают реально достигнутое и завоеванное советским народом на пути строительства социализма и, как источники, дают историком материал для освещения конкретно-исторических процессов первых лет Советского государства. В книге показано, что первые советские декреты — это документальные источники, раскрывающие творческую лабораторию В. И. Ленина, связанную с советским законодательством.

Заслуживают внимания высказанные в

книге некоторые мысли по уточнению отдельных фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина. Так, автор предпринял попытку доказать, что ст. 6 декрета ВЦИК о национализации банков от 14 декабря 1917 г. была внесена по инициативе В. И. Ленина в ходе обсуждения проекта на совещаниях 12—13 декабря 1917 г. (с. 92). По мнению автора, в содержании п. 1 декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. общее направление всего дела ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках также было определено Владимиром Ильичем во время тех же совещаний (с. 102); ст. 10 декрета ВЦИК об аннулировании государственных займов от 21 января 1918 г. была включена в проект по предложению В. И. Ленина (с. 109). Автор предполагает, что заседание СНК 28 июня 1918 г. под председательством В. И. Ленина, на котором был утвержден декрет о национализации всей крупной промышленности, состоялось не вечером, а днем (с. 273—277). Это обстоятельство проясняет многое в текстологии декрета.

Вместе с тем отдельные утверждения в книге кажутся нам недостаточно убедительными, например, что пункт 3 ленинского «Проекта положения о рабочем контроле» будто бы нашел отражение в пунктах 6 и 8 «Положения о рабочем контроле» (см. с. 54—55). Нельзя согласиться и с формулировкой в монографии о том, что заседания СНК в декабре 1917 г. «назначались, как правило, на поздний вечер (не ранее 8 часов)» (с. 76). Это неверно³.

³ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 106, 142, 145, 150.

К спорным положениям мы относим мотивы автора (с. 14, 164—165), по которым рассмотрение отдельных законодательных актов (декрета СНК о национализации торгового флота от 23 января 1918 г., декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. о национализации недвижимостей в городах) ведется не в пределах тех хронологических рамок, к которым они относятся, а в соседних (с. 164—186, 329—350).

В ряде случаев в книге повторяются и используются уже известные в литературе сведения и материалы по истории выработки соответствующих декретов, о роли в этом В. И. Ленина. Причем в монографии содержится много ссылок на архивные фонды, большинство которых ранее использовалось другими исследователями. Однако в книге это, как правило, не оговаривается. Примером могут служить письма Ю. Ларина В. И. Ленину и приписка Л. Б. Красина к «Проекту декрета СНК о национализации», присланные ими из Берлина в Москву в июне 1918 г. (с. 268—269). Эти документы неоднократно использовались и цитировались (например, в статьях В. З. Дробнижева в 1960 г., Д. А. Коваленко — в 1969 г. и других авторов). Цитируя их, В. В. Журавлев ссылается не на эти работы, а на архивные фонды.

В целом же рецензируемая монография — серьезный вклад в источниковедение истории нашей Родины первых лет Советской власти.

Р. М. Савицкая

СОВЕТСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ *. Л., «Наука», 1979, 264 с., тир. 3500

Авторы рецензируемой монографии стремились «рассмотреть процесс становления марксистского метода в изучении источников, определить основные историографические факты в развитии исследовательской методики и в росте источниковой базы, изучить совершенствование

источниковедческой основы советской историографии Киевской Руси» (с. 10). Эти задачи решаются в работе на конкретном материале древнерусских письменных источников, а также источников иностранного происхождения, используются данные смежных наук и вспомогательных исторических дисциплин, связанных с изучением источников по истории Киевской Руси.

* Редколлегия: В. В. Мавродин (отв. ред.), Н. Е. Носов, М. Б. Свердлов, И. П. Шаскольский.

В первом разделе книги характеризуется изученность советскими исследователями письменных источников по истории Древней Руси отечественного происхождения — летописей, Русской Правды, актового материала и берестяных грамот. Крупным событием в этой области стало издание важнейших летописей, в работе над которыми были использованы достижения не только современной исторической науки, но и русских дореволюционных ученых, прежде всего труды А. А. Шахматова. Интересно освещается значение работ 60—70-х годов, связанных с исследованием Повести временных лет. По мнению авторов монографии, заслуживает внимания стремление А. Н. Насонова реконструировать взаимоотношения летописных сводов XII в. Киева, Чернигова и Переяславля Русского, а также его постановка вопроса о зарождении и развитии владимирского и ростовского летописания (с. 31). Несомненный интерес представляют аргументы Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и А. Г. Кузьмина в защиту гипотезы о возникновении летописания на Руси в конце X в.

Значительно меньше, чем летописи, в дореволюционной литературе была изучена Русская Правда; в издании и исследовании ее поистине огромны, как показано в труде, заслуги советских ученых. В 1940—1947 гг. группой ученых АН СССР под руководством Б. Д. Грекова было осуществлено издание Русской Правды. Оно создало научную основу для изучения Русской Правды по всем известным спискам в трудах М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова, А. А. Зимина и других ученых (с. 41—46). Тщательное исследование Русской Правды и других юридических документов позволило, как явствует из книги, выяснить особенности права в Киевской Руси как раннефеодального, с присущими ему элементами состязательного процесса, при котором «обе стороны рассматривались как истцы и пользовались почти одинаковыми правами» (с. 214).

В монографии подчеркивается значение изучения историками актов, в частности, находок новых списков, «позволивших пролить свет на некоторые спорные сюжеты» (с. 50), тщательное изучение

С. В. Юшковым и Я. Н. Шаповым дренерусских княжеских уставов и большое внимание советских ученых к договорам Руси с Византией X в. Говорится об изучении такого уникального источника, как берестяные грамоты. Советским ученым принадлежит не только честь их открытия и введения в научный оборот, но и разработка в исторических исследованиях (А. В. Арциховский, В. Л. Янин, Л. В. Черепнин и др.). Авторы солидаризируются с мнением А. Д. Горского о необходимости подготовки сводного академического издания берестяных грамот, а также о публикации их в учебных целях (с. 62).

Краткий, но содержательный второй раздел книги посвящен разработке советскими учеными иностранных источников по истории Киевской Руси. Много внимания уделяется этим источникам в новейших работах Б. Н. Заходера, А. П. Ковалевского, А. П. Новосельцева. Но в исследовании восточных и, в частности, арабских источников предостой еще большая работа. Как отмечается в рецензируемом труде, перед историками стоит задача «полного выявления» и их всестороннего «источниковедческого анализа» (с. 71). В книге охарактеризованы достижения советской науки в изучении византийских источников. По существу только в советское время были введены в научный оборот западноевропейские источники по истории Древней Руси. Авторы подробно характеризуют исследование советскими учеными англо-саксонских, германских и французских источников.

Самый большой — третий раздел книги посвящен раскрытию значения смежных и вспомогательных исторических дисциплин в изучении источников по истории Киевской Руси.

Если до революции археология «носила преимущественно вещеведческий, описательный характер» (с. 88), то после победы Великого Октября она заняла одно из ведущих мест в изучении кардинальных проблем истории Древней Руси. На данные археологов А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и других опирались историки в 30-х годах при решении вопроса о хозяйственной основе Киевской Руси. В 1948 г. вышел фундаментальный труд Б. А. Рыбакова, посвященный развитию ремесла. Важная роль

принадлежит работам археологов 50—60-х годов о происхождении и расселении восточных славян (с. 92—95). В 70-х годах получили дальнейшую разработку проблемы становления и развития древнерусского города и ремесла, формирования государственной территории, вопросы материальной и духовной культуры.

Совместными усилиями этнографов и представителей других наук, особенно археологов и фольклористов, уже в 50—60-х годах были изучены древнерусские поселения, жилища, сельскохозяйственная техника, а также многие элементы духовной культуры. Как справедливо отмечается в книге, на современном этапе в сфере внимания этнографов оказались также проблемы «теории этноса, классификации типов этнических общностей, понятия культуры, хозяйственно-культурного типа, историко-этнографической области, роли миграций и др.» (с. 115).

Середина 30-х годов явилась переломным моментом в развитии другой исторической дисциплины — антропологии. В монографии подробно охарактеризованы труды ученых, способствовавшие утверждению в ней марксистского направления: в 30—50-х годах — Г. Ф. Дебеца и В. В. Седова, а в 60—70-х годах — Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева (с. 133—137).

Особое внимание уделено в книге использованию советскими учеными данных языка как исторического источника. Одним из заметных достижений в этой области явился опубликованный в 1972 г. труд Ф. П. Филина о происхождении русского, украинского и белорусского языков (с. 146—147). Много внимания уделено в книге развитию взглядов на происхождение письменного языка. Отмечается важное значение трудов С. П. Обнорского, обосновавшего «положение об исконности русской речевой основы в литературном языке старшего периода» (с. 151), а также работ других ученых.

Данными языка пользуются и такие вспомогательные дисциплины, как топонимика и этнонимика. Поставленные на научную основу лишь в советское время, они, как показано в книге, позволили решить «ряд важных вопросов этнической истории и этнической географии» Древней Руси (с. 159). Авторы при этом замеча-

ют, что историки еще недостаточно используют достижения и методы этих дисциплин.

В книге рассмотрено развитие вспомогательных дисциплин, разрабатывающих приемы научной критики отдельных видов источников. К их числу принадлежат нумизматика, сфрагистика и геральдика. Советские ученые сосредоточили внимание на массовом нумизматическом и сфрагистическом материале. В итоге удалось раскрыть «замечательные возможности нумизматических материалов для изучения экономики, денежного обращения, внешнеполитических и торговых связей Древней Руси, ее политической истории» (с. 171). Обращение же к сфрагистическим источникам также позволило советским ученым, в частности, В. Л. Янину, открыть новые страницы в политической истории домонгольской Руси (с. 176).

Плодотворным для советской исторической науки стало изучение гербов в тесной связи с историей развития общества, что, по справедливой характеристике авторов, «сделало геральдические материалы важным источником по истории собственности, политических идей и идеологии в феодальном обществе» (с. 182).

Столь же содержательно характеризуются развитие вспомогательных дисциплин, ставящих своей целью преодолеть трудности чтения древних текстов на пергамене, бумаге, каменных плитах, металле, кости, дереве и т. п. Собранный эпиграфический материал уже сейчас дает возможность решить многие важные вопросы. Но он, как справедливо указывается в книге, еще ждет своего исследователя (с. 186). Значительно больших успехов достигла палеография, и дело теперь за созданием обобщающего труда по палеографии Древней Руси. Интересны страницы книги о развитии в советское время таких вспомогательных дисциплин, как метрология и историческая география, которые ставят своей задачей разработку данных для исследования исторических источников, и таких смежных с историей научных дисциплин, как древнерусское право и искусствоведение. Книга заканчивается характеристикой литературы, посвященной истории этнографии Киевской Руси (с. 243—249).

Стремясь показать развитие советского источниковедения Киевской Руси, авторы не все вопросы осветили в равной степени.

Заявив, что книга посвящена источникам определенного исторического периода, они отказались от рассмотрения общих проблем источниковедения (см. с. 10—11). Но из содержания монографии видно, что под источниковедением они подразумевают конкретную методику работы над отдельными типами и видами исторических источников с помощью главным образом вспомогательных исторических дисциплин. Однако при таком подходе из поля зрения авторов выпадают проблемы общего источниковедения. Не решая их, авторы, по нашему мнению, должны были во введении сформулировать свое понимание источниковедения как научной дисциплины и вытекающие из этого его задачи. В этом случае стали бы более ясными авторский замысел, структура книги, отбор материала.

Не во всем оправдан отбор материала. Авторы оговаривают, что ограниченный объем книги не дал возможности осветить развитие археографии, текстологии, кодикологии, генеалогии и хронологии (с. 11). Но едва ли этот аргумент можно признать убедительным, например, в отношении таких дисциплин, как хронология

и текстология. Наряду с этим авторы не указывают, почему в монографии нет разделов о развитии науки в изучении такого типа источников, как устное народное творчество, и такого вида письменных источников, как литературные памятники. А между тем именно здесь, а не в книге, посвященной советской историографии Киевской Руси, следовало бы их рассматривать.

В работе уделяется много внимания значению комплексного источниковедения при решении конкретных задач, стоящих перед исторической наукой. Об этом говорится и во введении (с. 10—11), и в связи с характеристикой работы над конкретными источниками (с. 30, 90, 105, 122 и др.). Но весь этот материал следовало бы, на наш взгляд, использовать для характеристики значения комплексного источниковедения в целом при изучении истории Киевской Руси, что можно было сделать в заключении.

В целом же усилиями ленинградских ученых подведены итоги развития источниковедения Киевской Руси. Выявлены не только достижения, но и те проблемы, которые ожидают своего решения. В этом, пожалуй, главное значение коллективного труда.

А. П. Пронштейн

А. С. МОСКОВСКИЙ. РОСТ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ СИБИРИ (1920—1937 гг.). Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение, 1979, 349 с., тир. 1100

Монография посвящена одной из актуальных проблем в истории развития рабочего класса, в истории осуществления культурной революции в Сибири. Об этом свидетельствует опубликование в 60—70-е годы свыше сотни статей, посвященных исследованию проблемы, которая нашла отражение и в ряде монографий¹.

¹ Боженко Л. И. Культурно-просветительная работа в Сибири (1921—1925 гг.). Томск, 1967; Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968; В и т-

Однако работы, обобщающей материал и раскрывающей все стороны культурно-технического развития рабочего класса Сибири в переходный период, не было.

Автор, опираясь на труды предшественников, на основе архивных документов,

ковский С. Н., Карпенко З. Г. Рабочие индустриального Кузбасса. Кемерово, 1970; Марченко Ю. Г. Очерки истории культурного развития рабочих Сибири (1920—1928 гг.). Новосибирск, 1977; Буторин В. П. Просвещение рабочих Западной Сибири 1928—1933 гг. Новосибирск, 1977 и др.

документальных источников предпринял попытку восполнить имеющийся пробел. Рассматриваемый в книге круг вопросов, связанных с повышением культурно-технического уровня рабочего класса,— это «ликвидация неграмотности и малограмотности, организация школьного и внешкольного образования, производственно-техническое обучение, культурное, идейно-политическое воспитание и просвещение широких масс» (с. 8).

В первой главе в качестве материальной первоосновы культурно-технического развития рабочего класса автор изучает изменения в численности и составе рабочих Сибири. Такая постановка является рациональным методологическим приемом, так как изменения в численности и составе рабочих опосредствованно отражают количественные и качественные изменения в промышленности и социальные и культурные сдвиги в составе населения Сибири, представляющие собой действительную материальную основу культурно-технического развития рабочего класса.

В первые годы Советской власти в Сибири по сравнению с РСФСР преобладали более мелкие предприятия, техническое оснащение которых было ниже, что, естественно, не могло побуждать рабочих к овладению техническими знаниями в такой же степени, как на более крупных, технически более совершенных предприятиях (с. 29, 30).

В монографии отмечается ряд особенностей, оказавших влияние на культурно-техническое развитие рабочих Сибири. Это и рост численности рабочих этого региона за счет крестьян из голодавшего Поволжья в 1921—1922 гг. (с. 31), и более глубокий, чем в целом по стране, процесс деклассирования пролетариата, и более медленная (на два года позднее) консолидация его (с. 36), и в два раза меньший, чем по стране, приток рабочих в промышленность в 1926—1928 гг. (с. 44), и в десять раз в среднем меньшая связь рабочих с обработкой земли (с. 45). Членов партии среди шахтеров Сибири было в 1,7 раза больше, чем в Донбассе и по стране (с. 46); в два раза выше, чем в стране, были темпы роста численности промышленных рабочих Сибири (с. 52). Для этого региона характерны также более значительная доля в составе рабочих

молодежи и выходцев из крестьян, более высокие темпы вовлечения женщин в промышленный труд (с. 55, 56).

Во второй главе речь идет о важном, трудном и сложном процессе ликвидации неграмотности взрослого населения и детей; среди городских детей Сибири в возрасте 10—14 лет неграмотные составляли 9,7%, а среди деревенских — 59% (с. 72). Автор подчеркивает всенародный характер борьбы с неграмотностью, невежеством, связывает необходимость ликвидации культурной отсталости с задачами строительства социализма (с. 71). Устанавливаются особенности процесса культурной революции в Сибири: более низкий исходный уровень грамотности населения — на 7—10% в городе и на 13% в деревне по сравнению с европейской частью РСФСР (с. 74); громадные масштабы, обусловливавшие значительные трудности в решении этой задачи; острый недостаток учительских кадров, а также нехватка школьных принадлежностей и учебников. В монографии отмечается важная роль государственных, партийных, профсоюзных органов в решении вопросов образования. Автор установил, что в результате огромных усилий партии и государственных органов доля грамотных среди рабочих Сибири в 1926 г. составила 80,8%. По его мнению, выводы некоторых авторов о полной ликвидации неграмотности рабочих уже в 1925 г. ничем не обоснованы (с. 75—77).

В монографии указывается, что главное внимание в годы первой пятилетки все еще сосредоточивалось на ликвидации неграмотности рабочих, а во второй пятилетке центр тяжести переместился на повышение уровня их образованности и культуры. Уже в годы первой пятилетки начали проявляться результаты работы по ликвидации неграмотности и повышению образованности детей: молодежь, приходившая на производство, была более образованной, чем поступившие на производство до первой пятилетки (с. 79). В 1933 г., например, среди учеников рабочих черной металлургии Сибири лица с обучением в 4,5—6,5 лет составляли 59,5%, в то время как среди рабочих — 12,1%, учеников с продолжительностью обучения в 6,5—8,5 лет насчитывалось 27,1%, а рабочих — 8,6% (с. 88).

Значительные успехи были достигнуты и в повышении грамотности женщин, а также в вовлечении их в производство. Грамотность и образованность рабочих на крупных предприятиях и стройках Сибири была выше, чем на предприятиях мелкой промышленности (с. 87).

За 12 лет — от переписи населения 1926 г. до переписи населения 1939 г. — доля грамотных в большинстве районов Сибири более чем удвоилась. На этой основе разрыв в уровнях грамотности населения Сибири и страны в целом сократился и составлял лишь 3,8% (с. 104, 105). Разница же в уровнях образования населения и рабочих сохранялась еще в несколько больших размерах (с. 106—107). Автор впервые в исторической литературе нарисовал широкую картину этого процесса в динамике на протяжении всего переходного периода.

Вопросы профессионально-технической подготовки рабочих (гл. III) рассматриваются в тесной связи с общими задачами и осуществлением ленинской социальной индустриализации, строительства социализма, с ростом технической оснащенности производства, ее качественным совершенствованием. Освещаются развитие форм, масштабов и содержание подготовки квалифицированных рабочих на всех этапах переходного периода, применение рабочими приобретенных знаний на практике.

В тесной связи с изменениями в численности и составе рабочих характеризуются изменения в квалификационном составе рабочих кадров: от высокой доли квалифицированных рабочих в конце восстановительного периода, к очень низкой в годы первой пятилетки, когда на производство пришли сотни тысяч неквалифицированных рабочих, главным образом крестьян. Затем происходит значительное увеличение доли квалифицированных рабочих в общем составе, рост их квалификации в связи с потребностями производства. Все эти процессы автор рассматривает как естественное проявление и следствие развития социалистического способа производства (с. 200).

В книге прослеживается сочетание борьбы за повышение уровня культурно-технических знаний рабочих с процессом овладения ими новой техникой; на этой основе возникло движение новаторов производства — стахановское движение.

В главе «Идейно-политическое воспитание и культурное просвещение рабочих» обобщаются материалы о развитии системы политического образования рабочих, характеризуются формы, методы и средства культурно-просветительной работы. Результаты этой работы — рост сознательности и культуры рабочих, что нашло выражение в массовых откликах на важные политические события в стране и в мире, во все большем участии самих рабочих в идейно-воспитательной работе и культурном просвещении.

Показу итогов и значения культурно-технического развития рабочего класса посвящена последняя глава монографии. Опираясь конкретными примерами и данными, автор показывает количественный и качественный рост технического творчества рабочих при качественном усложнении технического оснащения промышленности и росте ее масштабов. Сущность этих изменений вскрывается также на примере биографий отдельных рабочих, ставших из некогда неграмотных или полуграмотных людей сознательными, квалифицированными работниками, активными участниками социалистического строительства.

Не все вопросы освещены в книге достаточно полно. Например, в IV главе отсутствует характеристика динамики партийности рабочих в первой половине 20-х годов как наиболее полного выражения их идейно-политического развития. Не всегда автором делаются выводы из приведенных материалов, например, по четвертой главе.

В целом автор обобщил большой материал по всем основным вопросам культурно-технического развития рабочего класса огромного региона и тем самым внес заметный вклад в разработку истории рабочего класса Сибири.

А. В. Волченко

А. П. КОРЕЛИН. ДВОРЯНСТВО В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. 1861—1905 гг. М., «Наука», 1979, 304 с., тир. 3650

Пореформенное дворянство еще не было предметом специального изучения, хотя нельзя сказать, что оно совершенно обойдено вниманием исследователей: отдельные черты его социального облика затрагивались и дореволюционной литературой, носящей, правда, в основном публицистический характер, и рядом советских авторов¹. Оставшееся и после 1861 г. правящим классом, дворянство являлось важнейшей частью экономической, социальной и политической структуры пореформенной России, оказывая существенное влияние на все стороны жизни страны. Автор монографии предпринял попытку показать, что представлял собой этот господствующий класс-сословие во второй половине XIX в.

Из широкого круга проблем, составлявших в пореформенные годы так называемый дворянский вопрос, в книге исследуются состав, численность высшего сословия, его корпоративная организация, освещается эволюция его социально-экономического и политического статуса, его место и роль в системе российского абсолютизма, разложение этого сословия на классы капиталистического общества.

Во введении, наряду с обстоятельной постановкой вопроса, автор подробно анализирует историографию проблемы и дает обзор источников. Для написания монографии использован обширный круг источников, большой архивный материал.

¹ См. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969; Дружинин Н. М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. — «Исторические записки», М., 1972, т. 89; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972; Прумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70 гг. XIX в.). Л., 1972 и др.

В первой главе воссоздается социально-демографический облик дворянства, детально прослеживаются изменения его численности, состава, размещения, источники пополнения и условия получения дворянского звания. Численность дворян в пореформенные годы быстро росла. Новое пополнение, с одной стороны, способствовало «живучести» сословия, с другой — вело к определенной его демократизации, «раздворяниванию». Вторая тенденция в условиях формирования буржуазного общества становилась преобладающей, и правительство прилагало немало усилий к тому, чтобы затруднить доступ в дворянство представителям низших сословий.

Правовой, социально-экономический и политический статус дворянина претерпевает существенные изменения. Во второй главе, посвященной исследованию этой проблемы, показано, что формально большая часть дореформенного свода законов о состояниях, определяющая исключительное положение дворянства, перешла и в новую, капиталистическую эпоху. Закон по-прежнему провозглашал дворянство «высшим сословием империи», «первой опорой престола», «надежнейшим орудием правительства». Однако падение крепостничества, несмотря на множество сохранившихся пережитков, неотвратимо повлекло за собой модернизацию всей системы производственных и правовых отношений. Содержащийся в книге материал, иллюстрируемый рядом интересных таблиц, убедительно подтверждает ленинское наблюдение о том, что «непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самим ростом капитализма»². Многие дворянские привилегии переходят в разряд архаики, утратив в новых условиях всякий смысл, другие — становятся нормой обычного гражданского права. Помещичьи земли втягиваются в сферу товарного обращения, потеря монопольного положения в ряде традиционных дворянских отраслей промышленности ведет к закрытию значительной части помещичьих заведений.

² Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 328.

В то же время наиболее жизнеспособные элементы сословия пытаются приспособиться к новым условиям. В нашей литературе отдельные аспекты этого явления — в основном, в сфере аграрных отношений — отчасти уже находили отражение. Попытка автора представить более полную картину в этом плане дает возможность новых обобщений. Так, им впервые даются расчеты об изменении удельного веса поместного и служилого дворянства в общем составе сословия, об участии дворян в капиталистическом предпринимательстве, о расслоении сословия на классы капиталистического общества. В монографии даны убедительные свидетельства происходившего процесса распада и социального перерождения феодального по своей природе сословия: дворянство все более утрачивало свой характерный признак как сословие одновременно землевладельческое и служилое.

Однако этот процесс, как и капиталистическая перестройка дворянских имений и особенно эволюция дворянской психологии, шел крайне медленно. И в этом немалую роль сыграли как упорное противодействие реакционных слоев сословия, использовавших в своих интересах корпоративную сословную организацию, так и политика самодержавия, стремившегося всеми средствами укрепить экономические и политические позиции правящего класса. Этим вопросам, раскрывающим корпоративные права и привилегии высшего сословия, в наиболее полном виде сохранившиеся, а отчасти даже и упорчившиеся в пореформенные годы, посвящены следующие три главы монографии.

Впервые в нашей историографии рассматриваются структура, компетенция, состав и основные направления деятельности дворянских обществ. Исследование показало, что они были и продолжали оставаться в основном организациями среднего и крупного поместного потомственного дворянства; это достигалось жесткими цензовыми условиями участия в дворянских собраниях и их выборах. Внутрисословная деятельность собраний в этот период была подчинена главной задаче — любой ценой удержать господствующие позиции сословия. Эту задачу они пытались решить путем концентрации всех своих материальных ресурсов (дво-

рянских складов, капиталов), привлечением казенных субсидий, а также путем «одворянивания» капитала, в первую очередь землевладельческой буржуазии. Самодержавие, сделав ставку на сохранение своей прежней социальной опоры, в значительной мере удовлетворило притязания собраний, и это фактически привело к превращению сословных органов — дворянских банков, касс, пансион-приютов и т. п. — в полугосударственные учреждения.

Известно, что роль дворянства в дореформенной системе местного управления была весьма велика. В книге показано, что и в пореформенной России она оставалась значительной. Подробно анализируя участие дворян в сфере крестьянского управления, суда, уездных и губернских административных органах, автор справедливо отметил, что здесь по-прежнему сохранялся старый феодальный принцип комплектования государственного аппарата, согласно которому дворянская сословная организация дополняла и восполняла его уездное и отчасти губернское звено. Особый интерес в главе представляют разделы о предводителях дворянства и земских начальниках.

Петиционная деятельность дворянских собраний достигла, пожалуй, своего апогея именно в пореформенное сорокалетие. Такая активность была не случайна, так как она отражала реакцию высшего сословия на сложные процессы, столь характерные для переходной эпохи в жизни страны. Анализ этой деятельности дворянских обществ представляет большой интерес. Во-первых, изучение ходатайств собраний дало автору возможность как бы в новом ракурсе увидеть ход социально-экономической эволюции сословия, а во-вторых, этот материал позволяет убедительно показать и определенную самостоятельность самодержавия, и ее относительность и ограниченность.

Осветив процесс разложения феодального по своей природе сословия, автор в заключении вместе с тем справедливо подчеркивает, что сам по себе этот факт еще не означал утрату дворянством господствующих классовых позиций. Действительно, материальная база его была еще прочна. Достаточно сказать, что в руках помещиков к началу XX в. сосре-

доточивалось свыше 60% всего частного личного землевладения. Стоимость этой земли вдвое превышала ценность всего дореформенного дворянского фонда и на 60% — общую массу акционерных капиталов в стране. Сохранило сословие и политические позиции, удерживая в своих руках важнейшие звенья государственного аппарата. Несмотря на центробежные тенденции, усиление неоднородности условия, существенное значение имели факторы, сплачивавшие его наиболее состоятельные и влиятельные элементы в единый класс. Дворянство и в начале XX в. продолжало оставаться реакционной и консервативной силой. Его буржуазная эволюция отставала от темпов капиталистического развития страны, что превращало его в один из главных тормозов на пути социального прогресса.

В целом работу отличают скрупулезность и тщательность, хотя автору и можно предъявить некоторые претензии. Так, на наш взгляд, стоило бы больше внимания уделить общей характеристике источниковой базы монографии и классификации основных использованных материалов. Желателен был бы для книги именной указатель. Есть в работе и некоторые досадные неточности и опечатки. Так, говоря о военной службе дворян, автор пишет, что дореформенные кадетские

корпуса были лишь общеобразовательными учебными заведениями (с. 77), в то время как они сочетали и общеобразовательную, и военную подготовку. Без должной проверки приводится сомнительное утверждение П. Режепо о том, что офицеры из знатных фамилий быстрее достигали высших чинов (с. 87). В действительности не существовало никаких законодательных положений, которые предусматривали бы такие исключения. Это могло иметь место лишь для гвардейских офицеров.

Спорен вывод автора о значительном расширении сферы влияния дворянских обществ в местном управлении (с. 232), так как дореформенная система административных и судебных органов, в которых участвовали дворяне, также фактически охватывала все сельское население. Терминологической неточностью можно назвать употребление в отношении дореволюционных учебных заведений слова «вузы» (с. 93). Наконец, только досадной опечаткой можно объяснить тот факт, что спасителем Александра II назван ошибочно Караулов, а не Комносаров (с. 25).

Однако все эти частные замечания не меняют в целом высокой общей оценки рецензируемой монографии.

П. А. Зайончковский

«РУССКИЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА»¹. М., Политиздат, 1979, 277 с., тир. 20 000

В октябре 1869 г., получив книгу В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», К. Маркс начал изучать русский язык — настолько его интересовала обстановка в пореформенной России. И в феврале 1870 г. сообщил Ф. Энгельсу, что уже прочитал 150 страниц этой книги. Благодаря русским друзьям его библиотека быстро пополнялась изданиями на русском языке. В послед-

ний год своей жизни Маркс составил список «Russisches in my Bookstall» («Русское в моей библиотеке»), в котором значилось уже 115 наименований, хотя в нем перечислены не все русские книги. Факсимиле этого списка открывает рецензируемую книгу.

После смерти Маркса часть этих книг (около ста томов) была передана П. Л. Лаврову, а остальные Энгельс оставил у себя в связи с работой над завершением «Капитала» — в разделе о ренте Маркс собирался широко использовать свои русские материалы (Энгельс овладел

¹ Книга подготовлена научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М. А. Гладышевой, М. Д. Дворкиной, Б. М. Рудяком.

русским языком еще в 1850 г.). После кончины Энгельса книги поступили вместе со всем наследием Маркса и Энгельса в Берлин, в архив социал-демократической партии Германии. Однако точный состав русской части библиотеки оставался неизвестным.

Сотрудники Института Маркса и Энгельса в Москве составили список русских книг библиотеки Маркса, вероятно, не совсем точный. Он насчитывал 209 книг. О судьбе лавровской части книг, о ее составе ничего не было известно.

В Германии после прихода к власти Гитлера архив социал-демократической партии и часть книг, принадлежавших Марксу, претерпели ряд злоключений. Их удалось вывезти в Амстердам, в созданный в 1935 г. голландским профессором Постюсом Международный институт социальной истории. Но в 1940 г. здание института было занято штабом Розенберга — «уполномоченного фюрера по общему мировоззренческому перевоспитанию». Только в 1946 г. названные материалы были обнаружены. Некоторые книги разошлись по всему свету (например, экземпляр «Нищеты философии» с важными пометками Маркса попал в Японию).

Начались поиски в целях восстановления библиотеки. К 1967 г. в ГДР было найдено более 600 книг, из них около 80 русских книг получил в дар Институт марксизма-ленинизма в Москве. Но из 115 книг, числившихся в списке Маркса, обнаружено было только 23, а судьба лавровской коллекции оставалась неясной. В 1973 г. было установлено, что она попала в Прагу, а оттуда была передана в Амстердамский институт. В 1975—1977 гг. поиски научных сотрудников ИМЛ, в частности, Б. М. Рудяка увенчались успехом; в результате в Амстердаме и в Берлине было обнаружено еще 155 русских книг, в том числе 31 с пометками Маркса и Энгельса.

Итогом всех этих многолетних изысканий и явилось рецензируемое издание. В работе содержится описание 364 изданий — 520 русских книг, составлявших библиотеку Маркса и Энгельса. О каждой книге приводятся отзывы Маркса, Энгельса, сведения, от кого получена, о заметках, пометках с их краткой характеристи-

кой; даны справки о публикациях и местонахождении книг. В последней части книги помещено описание 18 тетрадей Маркса и одной тетради Энгельса с конспектами и выписками из русских книг.

«Русские книги...» ярко раскрывают умение Маркса работать с книгой. В его библиотеке был, например, обширный четвертый выпуск «Военно-статистического сборника», вышедший в 1871 г. Сборник этот, как сообщает Б. С. Итенберг в статье «Маркс за изучением социально-экономической истории России», носил «энциклопедический характер. Написанный на основе широкого круга добротных источников... он давал систематическое представление о политическом, социально-экономическом и военном состоянии Российской империи»². В сборнике было 1187 страниц. Маркс внимательно изучил этот труд; он проследил, в частности, колебания денежного курса на Петербургской бирже, начиная с 1847 г. Конспекты и выписки из «Военно-статистического сборника» составили почти 250 машинописных страниц после расшифровки. Составители «Русских книг...» напечатали факсимиле страниц из десятков прочитанных Марсом книг. Читатель воочию знакомится со «следами чтения» его — подчеркиваниями, отчеркиваниями, пометками и т. д.

Десять книг — «Труды... Комиссия, учрежденная для пересмотра системы податей и сборов» — прислал Марксу Н. Ф. Даниельсон. Он ограничил срок пользования этими книгами двумя месяцами. И с декабря 1875 г. по 10 февраля 1876 г. Маркс осуществил поистине фантастический по скорости и добросовестности труд — его выписки из «Трудов» составили четыре тетради, заполненные убористым почерком. Только часть его выписок, опубликованных в XIII томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», составляет 150 печатных страниц.

Известный русский экономист, автор одной из первых русских рецензий на «Капитал» И. И. Кауфман прислал Марксу среди других своих работ книгу «Кредит, банки и денежное обращение» (в двух томах). Книга произвела на Маркса неблагоприятное впечатление: «...Это — на-

² См. сб. Маркс — историк. М., 1968, с. 381.

писанная „возвышенным“ стилем восторженная апология грюндерства и плутовства с огромной самонадеянной претензией на абсолютную „научность“» (с. 81). И все же Маркс самым тщательным образом прочитал этот «пухлый» труд, и его пометки, записи, правки, подчеркивания имеются на сотнях страниц книги Кауфмана. В общей сложности конспект, со-

хранившийся в одной из марксовых тетрадей, насчитывает 519 машинописных страниц расшифровки.

Рецензируемая книга бережно отредактирована О. К. Сенекиной. Советское марксоведение пополнилось ценным изданием.

В. М. Далин

Н. А. МИНЕНКО. РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ [XVIII — первая половина XIX в.]. Новосибирск, «Наука», 1979, 350 с., тир. 1500

Проблема исследования многоаспектна. Она интересна с точки зрения выявления системы ценностей, выработанных за весь период существования русской семьи в Зауралье. С другой стороны, проблема эта тесно связана с исследованием такого важного элемента структуры производительных сил, как человек, работник, с определением его способностей к коллективным и индивидуальным действиям в производственном процессе. Немаловажное значение в этом плане имеет и выяснение воздействия семьи «на различные стороны общественной жизни» (с. 4). Рецензируемая книга в значительной мере отвечает на эти вопросы.

Подробно анализируются автором историография и источники. На основе сравнительного изучения работ различных авторов выясняются причины возникновения отдельных неверных и устоявшихся стереотипов в трактовке изучаемой темы.

К числу сложных проблем в исследовании относится вопрос о численности семьи; это связано и с состоянием источниковой базы. В книге выявляются информационные возможности рекрутских книг, ревизских сказок и др. Наибольшие сомнения у автора вызывают показания церковных документов — метрических книг, исповедных росписей и т. п. При этом автор отнюдь не исключает возможность их использования в системе других источников (с. 34—35, 61). Однако подчас эти сомнения недостаточно аргументированы. Так, погрешности в регистрации явлений демографического порядка в основном были связаны с нарушениями

ми, а, следовательно, не с принципиальной неправильностью в организации дела. С другой стороны, многочисленны и приводимые автором факты о постоянном стремлении церковников наладить учет населения. Очевидно, состояние церковных источников предопределялось неразвитостью статистики XVIII в.

В такой ситуации полезно рассмотреть процесс развития того или иного явления на ограниченной территории, о которой можно собрать соответствующие данные за относительно большой период. Этот прием будет оправдан в изучении семьи. Другой путь установления достоверности — выявление связей между численностью семьи и характером хозяйственной деятельности крестьянского двора.

В этом направлении в книге предприняты попытки связать численность семей с колонизационными процессами. Такое направление поиска плодотворно, в известной мере оно объясняет обусловленность отдельных явлений. Так, устанавливается, что в ряде районов первоначального освоения существовали малые, преимущественно двухпоколенные семьи. В то же время в колонизируемых районах отмечается факт преобладания больших семей — 6 и более душ (с. 43—44). В книге семья в 3,5—4,5 (в среднем) мужских душ рассматривается как оптимальная «с точки зрения крестьянина-сибиряка» и в то же время как типичная для поморского Севера (с. 47—48); причины ее невыживания в условиях южных районов Сибири уematриваются в следующем: в

существовании здесь «исключительно плодородных земель», внешней опасности, в политике администрации, направленной на упрочение крестьянских семей. По нашему мнению, ни одна из этих причин сама по себе процесс вытеснения здесь малых семей большими не объясняет. Внешняя опасность вызывает консолидацию скорее на уровне этноса, нежели семьи. Отмеченная высокая численность семьи во второй половине XIX в. в Тарском, Ишимском и Ялуторовском округах (с. 71), находящихся на дальнем расстоянии от границы, вносит дополнительные сомнения в истинность этого объяснения.

Что же касается плодородия, то, как было показано еще В. И. Шунковым, пашня в северных районах в основном размещалась в поймах рек¹, имеющих естественный дренаж и постоянно удобряемых благодаря разливам. Это же положение сохранилось к концу XIX в.² Из приводимых же указаний администрации о том, чтобы крестьяне к обработке пашни должны быть «радетельны» и ко всяким «государевым податям прочны» и «жить домами», «меж собой жениться», вовсе не явствует, что укреплялась на юге региона именно большая семья. Здесь, наверное, имел место случай традиционной заботы о том, чтобы не «строить в пашню прихожих людей, которые не живут с женами и с детьми»³. Поэтому нам представляется, что для объяснения численности семьи надо ввести другое опосредствующее звено, связать численно-возрастной состав семьи с режимом землепользования.

В условиях огромного количества угодий проявлялась тенденция вовлечения в сферу хозяйственного освоения возможно большей территории. Это требовало увеличения числа работников-мужчин, способных обработать значительные пространства земли. Кроме того, такие формы хозяйствования в большей степени, чем

какие-либо другие, порождали неустойчивость существования на основе урожая одного года. Поэтому число работников, гарантирующих жизнеобеспечение двора, по логике вещей должно было быть большим. В силу этого при недостатке рабочих рук в семье возникали и неродственные объединения (с. 54, 55, 56). Решить вопрос каким-то другим способом, например, путем привлечения людей «калмыцкой породы» (с. 50—51), в условиях многоземелья было весьма проблематично.

Заслуживают внимания в этой связи содержащиеся в работе наблюдения о некоторых фамильных и территориальных объединениях, связанных определенной формой хозяйственной деятельности, например, мельничным делом (с. 282). Дальнейшее исследование вопроса представило бы ценность не только для понимания положения сибирской деревни XVIII—первой половины XIX в., но и некоторых особенностей ее развития в более позднее время. Для выпуклой обрисовки того, как проявлялись «глубинные социально-экономические процессы», важно установить не только общую величину семейной запашки,— это хорошо видно в таблицах и текстовых материалах книги (с. 84—85, 89—94, 99 и др.), но и показать, насколько производительнее был труд работника в большой семье.

Приводимые автором факты свидетельствуют, что численность семьи не всегда совпадала с развитием колонизационных процессов (с. 57). Более тесная связь имела место между составом семьи и системами земледелия, которые характеризуются застойностью и консерватизмом. Так, не всегда быстро совершается переход от трехполюя к перелому в случаях расширения территориальных возможностей земледелия. Часто имеет место параллельное сосуществование тех и других форм эксплуатации земли. При равенстве численного состава семей максимальная запашка могла превосходить минимальную в 12 раз (с. 30, 89). Исходя из сказанного, нам представляется нецелесообразным вводить в качестве некоего «сибирского» эталона семью в 3—4 мужские души. Надо учитывать, насколько семья соответствовала формам хозяйственной деятельности, насколько она к ним адаптировалась.

¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. М., 1956. с. 36—92.

² Доклад тобольского губернатора министру государственных имуществ от 29.IV 1896, Тобольский филиал Тюменского государственного областного архива, ф. 479, оп. 5, д. № 4, лл. 141—141 об.

³ Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV. М., 1959, с. 81.

В более широком смысле хозяйственная функция семьи исследуется во второй главе книги. Устанавливается, что среди земледельцев были не имевшие «собственной» пашни. Процентное отношение этой категории к остальной массе в разных местах было различным. Самое убедительное объяснение причин этого явления — бедность крестьян. Но в этом объяснении содержится и элемент известного упрощения. Сводить отсутствие хлебопашества у сибирского крестьянина только к «несостоятельности» двора было бы рискованным, потому что основное средство производства — земля — в подавляющем большинстве районов находилась в избытке. Это и порождало специфику в разделении труда. Промышленная и промысловая деятельность была здесь настолько дефицитна, что у крестьянина-ремесленника «связь с землей» существовала в крайне ослабленном виде (с. 81, 84).

В оценке хозяйственной функции семьи важным является вопрос о распределении «женских» и «мужских» работ — по мнению автора, в Сибири не было между ними четкого разграничения (с. 117). Вернее было бы сформулировать эту мысль несколько иначе. Источники свидетельствуют лишь о том, что на основе четкого разграничения «мужских» и «женских» работ была возможна и взаимозаменяемость. Например, дочери становились «борноволоками» только при отсутствии сыновей (с. 120).

На основе привлечения разного рода «сообщений» выясняются проблемы наследования семейного имущества и практики семейных разделов. Устанавливается, что имущество крестьянского двора фактически принадлежало семье, а ее глава выполнял лишь функции распорядителя. Отмечается такая любопытная деталь, как слабая распространенность среди крестьян духовных завещаний. Показан в монографии и протекающий во времени процесс ослабления отцовской власти, возрастания роли молодых членов семьи в решении различного рода вопросов (с. 176).

В делах, связанных с опекой малолетних, во всех случаях «мир» становился на точку зрения «природных», «законных» наследников (с. 164—165). Интересны наблюдения о наследовании по женской ли-

нии, о влиянии некоторых пережитков матриархата на юридический быт сибирского крестьянства (с. 170).

В книге отмечается, что в основе наследования лежало «родственное начало, тесно связанное с соображениями фиска», что «трудовое начало присутствовало в крестьянских обычаях, но не играло решающей роли» (с. 169). Думается, для обоснованных выводов следовало бы дать ответ на вопросы: какое имущество, в каких целях и кому в отдельных конкретных случаях должно было переходить? ⁴ Трудовое начало могло проявляться и в факте передачи большей части наследства не прямым наследникам по женской линии, а родственникам по мужской. Как нам представляется, дело здесь было не столько в том, что мужчина брал на себя податные обязанности (с. 166—167), а и в том, что «мир» был уверен в его хозяйственной деятельности, в обеспечении сохранности наследуемой части имущества. Видимо, здесь осуществлялся тот же принцип, по которому в общества с трехпольным режимом землепользования приглашались хозяева, способные поднять новые земли и тем самым включить их в общий пахотный фонд села (деревни).

Интересны страницы книги об особенностях крестьянского брака, о возрастном и генетическом составе вступающих в брак. Важным моментом является выяснение отношения крестьянства к близкородственным бракам. Последние входили в круг официально запрещенных браков так же, как и браки между теми лицами, кто крестил, сватал и т. п.; впрочем, данное обстоятельство было крестьянам довольно безразлично (с. 199, 202, 224, 186—188, 194—195).

Книга заканчивается, на наш взгляд, удачным приложением: публикацией подлинных писем и прошений крестьян, некоторых нормативных актов, регламентирующих семейные отношения и быт сельского населения. Эти свидетельства, сохранившиеся в документах, «кусочки» жизни позволяют представлять себе семейные драмы и неурядицы прошлого. При-

⁴ См. Александров В. А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII — начале XIX в. — «История СССР», 1980, № 1, с. 39.

ходится сожалеть, что публикация сделана с нарушением многих правил археографии.

Монография Н. А. Миненко вносит значительный вклад в характеристику результатов социально-экономического развития Сибири XVIII — первой половины XIX в. В ней раскрыто значение крестьянской семьи в формировании производительных сил края, в создании некоторых непреходящих культурно-этических цен-

ностей. Книга написана с привлечением широкого круга источников. Ценность ее также состоит в том, что для разрешения конкретно-исторических вопросов были использованы широкий круг социологических исследований, данные по другим странам и регионам. Отмеченные обстоятельства делают выводы автора достаточно обоснованными и убедительными.

В. М. Суринов

А. С. Орлов. ВОЛНЕНИЯ НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979, 264 с., тир. 1635

Волнения приписных крестьян в середине XVIII в. относятся к числу событий в истории России, к которым было приковано внимание как их современников, так и историков. Екатерина II в одном из вариантов своих записок отмечала, что в год ее вступления на престол «заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властям и к ним начинали присоединяться и помещичьи». В другом варианте она привела цифры: «...в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков и, следовательно, власти той, которая их приписывала к заводам», находилось 49 тыс. заводских, а монастырских и отчасти помещичьих — до 150 тыс. крестьян¹.

Страсть императрицы к мистификации и саморекламе пронизывает все содержание ее «Записок», что зачастую заставляет сомневаться в достоверности приводимых ею цифр. Однако в данном случае Екатерина II не грешила против истины.

Отражением тревоги в царском дворце, вызванной событиями на Урале, явились две правительственные акции — отправка на заводы карательной экспедиции во главе с А. А. Вяземским и создание Горной комиссии. Если на Вяземского была возложена задача прежде всего подавить волнения и привести в полное послушание население приписных деревень, то цель создания Горной комиссии состояла в вы-

яснении причин, вызвавших эти волнения, и выработке рекомендаций, способных предотвратить выступления приписных крестьян в будущем. Как пишет автор, «история и конкретная политика еще идут рука об руку; время само рассказывает о себе и своих проблемах» (с. 6).

Интерес историков к волнениям на Урале легко объяснить: на огромной территории в 50—60-е годы XVIII в. находилось в неповиновении около 100 тыс. приписных крестьян, т. е. почти все трудовое население края. Изучение волнений тесно переплетается с исследованием условий возникновения в стране ситуации, при которой вспыхивают крестьянские войны. Волнения приписных крестьян на Урале, как и волнения монастырских крестьян в Европейской России, несмотря на то, что в них было вовлечено множество людей, так и остались на уровне локальных, не связанных между собой выступлений. Можно представить их силу, если бы они переросли изолированные рамки одного завода или совокупности заводов, принадлежавших одному владельцу, и слились в единый поток, возглавляемый вожаком столь же умным, решительным и отважным, как Разин или Пугачев.

В книге значительное место отведено историографии вопроса. В литературе это, пожалуй, самый полный историографический обзор, причем автор, на наш взгляд, обоснованно вышел за рамки анализа работ о волнениях крестьян и вклю-

¹ Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907, с. 538, 642.

чил в поле зрения исследования о генезисе капитализма в России, а также о социально-экономической природе русской мануфактуры. Подобный подход придал монографии широкое проблемное звучание и позволил увязать эти волнения с соответствующим уровнем развития социально-экономических отношений. «Изучение работ историков о волнениях середины XVIII в. на Урале показало, что понять и объяснить оценку этих событий специалистами можно лишь в контексте их взглядов на перечисленные выше спорные проблемы истории нашей страны в период позднего феодализма» (с. 26).

Плодотворность подобного подхода А. С. Орлова к изучению советской историографии лучше всего отражена в его основном выводе: те из историков, «кто разделял тезис о раннем генезисе феодализма (здесь опечатка, надо читать: капитализма.— Н. П.), подчеркивали черты, присущие классовой борьбе зарождающегося рабочего класса. Другая часть исследователей — сторонники позднего генезиса капитализма — подчеркивала, что нет принципиально нового в борьбе уральского горнозаводского населения в сравнении с волнениями крестьян и посадских людей, характерными для феодализма, отмечая особенности волнений на заводах, объясняющиеся спецификой организации мануфактурного производства» (с. 37—38).

Из историографического обзора вытекает и другой вывод. Обстоятельнее всего в дореволюционной историографии волнения на Урале изучены В. И. Семевским. Отдав должное грандиозному труду этого историка и отметив несостоятельность его методологии, автор в ходе собственного исследования обнаружил в работе своего именитого предшественника наличие пробелов в использовании архивных источников. Работы же, опубликованные в советское время, как правило, касались волнений лишь на отдельных заводах².

² Вагина П. А. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах.— «Ученые записки» Свердловского пед. ин-та, 1955, вып. II; Калюжный В. И. Движение приписных крестьян Сысертских заводов в 1759—1763 гг.— Доклады на секциях музейно-краеведческого совета Свердловского областного краеведческого музея, вып. I. Свердловск, 1957; Черка-

Историографический обзор, таким образом, подводит читателя к выводу о целесообразности и необходимости монографического изучения волнений приписных к заводам крестьян на Урале в 50—60-е годы XVIII в.

Отмечая достоинства текста, посвященного историографии вопроса, следует упомянуть, что в перечне работ, подвергнувшихся анализу, допущен ряд неоправданных пропусков. Поскольку монография имеет подзаголовок «К вопросу о формировании пролетариата в России», то было бы уместно остановиться на исследовании Л. Н. Семеновой, изучавшей процесс формирования кадров мануфактурных рабочих Петербурга в первой половине XVIII в.³ Это надо было сделать еще и потому, что Л. Н. Семенова высказала взгляды, близкие тем, которых придерживается и автор рецензируемой монографии. Остались неотмеченными монографии Я. А. Балагурова, А. П. Глаголевой, Ф. Я. Полянского и др.⁴

Общий ход волнений и деятельность карательных экспедиций, руководимых сначала полковником Д. Лопатыным, затем генерал-квартирмейстером А. А. Вяземским и сменившим его А. И. Бибиковым, показан автором на 54 заводах Урала.

Исследование волнений осуществлено по единому плану: наряду с исторической справкой о каждом предприятии или заводских комплексах, А. С. Орлов сообщает сведения о составе рабочей силы, динамике производства, отдаленности приписных деревень от заводов и т. д. Если В. И. Семевский строил свои выводы на изучении волнений на нескольких заводах,

то автор рецензируемого исследования
слова А. С. К вопросу о движущих силах и характере волнений в горнозаводских центрах Урала в середине XVIII в. (По материалам Нижне-Тагильского завода).— «Ученые записки» Пермского ун-та, 1966, № 158 и др.

³ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.

⁴ Балагуров Я. А. Олонешские горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958; его же. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962; Глаголева А. П. Олонешские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957; Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956.

привлек все сохранившиеся в архивах (центральных и местных) источники. В итоге ему удалось показать размах движения в целом и особенности волнений на отдельных предприятиях.

«Увещеваниями», розгами, кнутом, наконец, оружием карателям удалось привести приписных крестьян в повиновение. Оценка событий, происходивших на Урале, базируется на исследовании 32 челобитных, 26 из которых исходили от приписных крестьян и 6 — от мастеровых и работных людей. Анализ их привел А. С. Орлова к выводам, проверить которые не представляет труда, ибо почти все эти документы опубликованы в приложении к монографии.

Один из главных выводов состоит в том, что приписные крестьяне боролись за восстановление своего статуса, который определял их положение до приписки, т. е. положение обычных государственных крестьян, не связанных с заводским производством, базировавшимся на крепостном праве. Но из этого утверждения следует, что волнения носили не антифеодальный, как полагает автор, а антикрепостнический характер, поскольку были направлены не против системы, взятой в целом, а против крепостников-заводовладельцев, насаждавших в приписной деревне вотчинные порядки.

Оспаривая представление некоторых своих предшественников, считавших требования мастеровых и работных людей профессиональными требованиями «зарождавшегося рабочего класса», автор считает, что требования повысить расцен-

ки, равно как и протесты против обещаний, были лишь внешне схожи с требованиями рабочего класса. Наличие подобных требований было обусловлено «использованием форм капиталистической организации производства феодальными производственными отношениями» (с. 128). В принципе этот вывод не вызывает возражений, но его следовало бы аргументировать более основательно.

В положительно оцениваемой монографии одно упущение бросается в глаза. Речь идет о ее подзаголовке, которым автор взял на себя решение комплексной проблемы формирования пролетариата в России. Требования мастеровых и работных людей, изложенные в челобитных, а также участие заводских контингентов в волнениях бесспорно имеют прямое касательство к формированию пролетариата. Но множество других сторон проблемы истории рабочего класса остается за пределами монографии: источники формирования заводских кадров, оплата труда, бюджет семьи, роль подсобного хозяйства, грамотность и т. д. и т. п. Следовало бы это оговорить.

Наличие в монографии впервые публикуемых челобитных уральского горнозаводского населения открывает возможность использования ее не только специалистами, но и студентами на семинарских занятиях.

Итак, книга вносит существенный вклад в изучение истории классовой борьбы как крестьян, так и работных и мастеровых людей на Урале.

Н. И. Павленко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ В XVII ВЕКЕ.
Документы из советских архивов *. Москва — Стокгольм, «Наука», 1978,
296 с., тир. 1700

**EKONOMISKA FÖRBINDELSER MELLAN SVERIGE OCH RYSSLAND UNDER
1600-TALET. Dokument ur svenska arkiv. Stockholm, 1978, 296 s. (Экономи-
ческие связи между Россией и Швецией после 1600 года. Документы из
шведских архивов. Стокгольм, 1978, 299 с.)**

Издание сборника документов обусловлено тем большим интересом, который в последнее время проявляется советской и зарубежной общественностью к истории развития мирных, добрососедских отношений между народами нашей Родины и народами Скандинавских стран. Именно в послевоенные годы у нас получила новый импульс забытая в 20—30-х годах отрасль русской исторической науки — скандинавистика, изучение истории наших ближайших соседей на северо-западе, в том числе их отношений с нашим государством. Для расширения исследовательской работы в области русско-скандинавских отношений советские историки занялись выявлением новых источников. С этой целью в Швецию в 1957 г. была направлена археографическая экспедиция О. Л. Вайнштейна. Работая в Государственном архиве Швеции в Стокгольме, он изучил и отобрал для микрофильмирования разнообразных материалы по истории русско-шведских отношений XVII в.¹ В 1958—59 гг. у нас побывала шведская архивная делегация в составе действительных членов Шведской королевской акаде-

мии словесности, истории и древностей А. Атмана и В. М. Карлгрена. Она опубликовала двухтомную опись-путеводитель по материалам о русско-шведских отношениях, хранящихся в советских архивах².

Теперь советские и шведские ученые выпустили первую совместную публикацию, состоящую из двух томов: том первый составлен советскими учеными, том второй — шведскими. В 60-х годах советские ученые уже издали сборник документов, посвященный русско-шведским отношениям в XVII в., и поэтому подготовленный сейчас том советских ученых является продолжением сборника, выпущенного в 60-х годах³.

На этот раз для публикации было отобрано 128 документов на русском языке, хранящихся в ЦГАДА (ф. «Сношения России со Швецией») и архиве ЛОИИ СССР (ф. Тихвинского монастыря и коллекция «Порубежные акты»). Кроме того, включено 6 документов на русском языке из Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР и 20 документов на шведском и немецком языках из Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР. Шведские ученые опубликовали 57 документов (43 на шведском, 12 на немецком, 2 на английском и голландском языках),

* Редколлегия: А. Атман, Ф. И. Долгих, В. М. Карлгрэн, О. Кромнов, А. Л. Нарочницкий, С. Л. Тихвинский, Л. В. Черепнин, Г. Ярринг. В работе по выявлению документов и подготовке сборника к печати с советской стороны принимали участие: М. Б. Давыдова, Х. А. Пийримяз, Н. В. Синицына, А. Л. Хорошкевич, И. П. Шаскольский, В. Н. Шумилов, А. И. Юхт; с шведской стороны — А. Соом и С. Рунсис. Перевод документов с шведского языка выполнил С. Г. Халипов, с немецкого — И. Э. Клейнберг, редакция переводов — И. П. Шаскольского.

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ СССР), Svenska riksarkivet, Stockholm (Государственный архив Швеции, Стокгольм), серии Handel och sjöfart, Muscovitica (Коммерция и мореплавание, Мусковитика).

² Это документы из ЦГАДА, Архива ЛОИИ СССР, АВПР, ЦГВИА СССР, ЦГИА СССР, а также из рукописных фондов гос. публ. библиотек им. В. И. Ленина и им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Preliminär förteckning svensk dokument i ryska arkivet, vol. I, 1958; vol. II, 1959 (Предварительная опись шведских документов в русских архивах, т. I, 1958; т. II, 1959).

³ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сб. док. Сост.: М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. Отв. ред.: А. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.—Л., 1960, 654 с.

взятых из фондов Государственного архива Швеции, главным образом из серий: *Diplomatica*, *Muscovitica* и *Handel och sjöfart* (Дипломатика, Мусковитика, Коммерция и мореплавание).

В советском выпуске сборника опубликованы хранящиеся в Московском и Ленинградском архивах грамоты русских царей шведским королям и грамоты последних московскому правительству. В них рассматриваются русско-шведская торговля XVII в., посольские отчеты о торговых переговорах русских и шведских дипломатов в Москве и Стокгольме, росписи товаров, которые продавали русские купцы в городах Канцы (Ниен, Ниеншанц) и Стокгольме, отписки новгородских воевод о приезде шведских купцов с товарами из Стокгольма в Тихвин, Устюжну, Ярославль, Москву и ответные грамоты, челобитные, «сказки» и распросные речи новгородских, олонечких, ладожских и тихвинских купцов о русско-шведской торговле. Далее, сюда включены хранящиеся в ЦГИА ЭССР (Тарту) материалы, освещающие торговлю России со Швецией и транзитную торговлю России с Западной Европой через находившуюся под шведским владычеством Прибалтику: инструкция и устав короля Густава II Адольфа 1629 г. о порядке взимания таможенных пошлин с товаров, ввозимых в Россию и вывозимых из нее через Канцы и Нарву, таможенные книги по Нарве за 1662, 1666, 1677, 1696 гг. и др.

В подготовленный шведскими учеными выпуск данной публикации вошли: таможенные книги по Выборгу за 1599—1600, 1602 и 1603 гг.; доклад крупного шведского военного деятеля А. Моннера Густаву II Адольфу о секретных переговорах в Москве в 1630 г., касавшихся беспощадной покупки в России для Швеции хлеба и селитры; сочинения резидентов в Москве П. Лофельта и Ф. Крузенштерна и комиссара Коммерц-коллегии И. П. Лилленгофа о дальнейших путях развития русско-шведской торговли в 40—70-х годах, содержащие ценные сведения о внутренней и внешней торговле и о всей экономике России XVII в., о политике русского и шведского правительств в области русско-шведской торговли; выписки из архангельских таможенных книг 1641 и 1653 гг.; грамота 1692 г. царей Ивана и Петра

новгородскому воеводе Б. И. Прозоровскому, разрешавшая московским, ярославским, костромским, нижегородским, казанским купцам увеличить вывоз юфти в Прибалтику и Швецию через Новгород, Олонец, Псков, Смоленск за счет остатков юфти на Архангельской ярмарке и др.

Сборник содержит ценнейшие материалы о прямой торговле тихвинцев, новгородцев, олончан и ладожан в Стокгольме в XVII в. и подтверждает мысль о том, что русские люди в Швеции торговали главным образом изделиями русского ремесла и промыслов⁴. Так, в частности, в сборнике опубликован документ (№ 40), показывающий, что в 1675 г. русские купцы продали в Стокгольме товаров на 142 421 руб. 36 коп., из них изделий ремесла — на 100 913 руб. (70,9% суммы вывоза), а сельскохозяйственного сырья и продуктов питания — на 41 508 руб. (29,1%).

Сборник вводит в оборот новые интересные документы о своеобразном опорном пункте русско-шведской торговли, стоявшем в устье Невы, — городе Канцы — с его смешанным русско-финско-шведско-немецким населением⁵. Оба выпуска сборника показывают объем канецкой торговли и ее участников — тихвинских, новгородских, олонечких, ладожских купцов, говорят о развитии в Канцах судостроения и такелажного дела, о приезде в Москву для поступления на русскую службу канецких корабельных плотников.

Очень ценны публикуемые документы Стокгольмского архива о русской торговле в Архангельске в 40—50-х годах XVII в. (напомним, что архив архангельской таможни не дошел до наших дней и об объеме главного русского внешнеторгового порта XVII в. мы имеем лишь случайные сведения). Они свидетельствуют,

⁴ В советском выпуске — док. № 48, 77, 86, 88, 93 и др.; тамож. кн. Нарвы; док. № 8, 10, 14, 18, 19; в шведском выпуске — док. № 14, 20, 40, 54; Рухманова Э. Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. — Скандинавский сборник, вып. 2. Таллин, 1957. Сырье и продовольствие занимали первое место в вывозе псковских, смоленских, московских, костромских купцов в Прибалтику в XVII в.

⁵ В советском выпуске — док. № 20, 26, 44, 67, 68 и др.; в шведском выпуске — док. № 1, 7, 19, 20, 22, 23 и др.

что, вопреки установившимся традиционным представлениям, Россия в XVII в. торговала в Архангельске со странами Западной Европы прежде всего изделиями русского ремесла и промыслов. По крайней мере, с начала 40-х годов XVII в. эта продукция (меха, юфть, холст, полотно, поташ и мн. др.) составляла более половины суммы годового вывоза России в Западную Европу. Так, по данным «Росписи товаров, вывозимых за один год из Архангельска» (док. № 12), известно, что Россия в 1641 г. продала в Архангельске европейским купцам товара на 430 500 руб., из них ремесленных изделий — на 304 000 руб. (69,9% суммы вывоза), причем меха составляли 46,5%, юфть — 20,1%; продовольствия же и сырья — на 98 500 руб. (23,6%). В 1653 г. русские купцы, согласно выписке из архангельской таможенной книги 1653 г. (док. № 19), продали иностранным торговцам товаров на 1 164 676 руб., из них изделий ремесла и промыслов — на 606 137 руб. (52% суммы вывоза), продовольствия и сырья — на 530 239 руб. (44,6%). На первом месте стояла юфть (28,8%), на втором — поташ (10,3%), на третьем — меха (8,4%).

Документы, помещенные в сборнике, позволяют получить значительно более точное представление о торговле России в Стокгольме и Архангельске и на основе этого по-новому подойти к оценке структуры русского экспорта в Западную Европу в XVII в.

Следует отметить, что документы русских архивов об экономических отношениях России и Швеции в XVII в. неоднократно публиковались русскими и советскими историками. Что же касается шведских архивов, то богатейший материал, накопленный там и касающийся этой же проблемы, лежал без движения. Рецензируемая публикация документов, осуществленная впервые, позволит исследователям ознакомиться с материалом, освещающим важнейший аспект русско-шведских отношений.

В сборник входят главным образом материалы о русской торговле на основной территории Швеции. Такой отбор документов не вызывает возражений, так как материалы об экономических связях России с подвластной в то время Швеции Прибалтикой могут и должны составить самостоятельное издание.

К сожалению, структура обеих частей сборника последовательно не сохранена: в советском выпуске имеется обширный комментарий почти к каждому документу, тогда как в шведском выпуске комментарий отсутствует и заменен кратким изложением содержания документов, помещенным после предисловия. Недостатком шведского выпуска является также отсутствие в нем указателя географических названий.

Несомненно, труд шведских и советских ученых вносит ценный вклад в изучение истории России и Швеции.

Э. Д. Рухманова

БОЯРСКИЕ СПИСКИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI — НАЧАЛА XVII В. И РОСПИСЬ РУССКОГО ВОЙСКА 1604 г.* М., 1979, ч. I, 341 с., тир. 600; ч. II, 185 с., тир. 600

Рецензируемое издание вышло в свет в серии «Памятники отечественной истории», издаваемой Главным архивным управлением и Центральным государственным архивом древних актов. В него вошли

ли первоисточники по истории состава и структуры «государства двора» конца XVI — начала XVII в.

В публикации — три раздела; в первом помещены первичные оперативные и учетно-служебные документы «государева двора». Это боярские списки за 1577, 1585—1587, 1588—1589, 1590—1591, 1598—1599, 1602—1603 и 1606—1607 гг. Во всех

* Составление, подготовка текста и вступительная статья С. П. Мордовинной и А. Л. Станиславского. Отв. ред. В. И. Буганов.

случаях мы имеем дело с основными или, по крайней мере, значительными частями реально существовавших текстов, и лишь в списках 1585—1587 и 1590—1591 гг. до нас дошли незначительные их фрагменты. Кроме того, в раздел включены выписки из боярских списков за указанное время, вошедшие в состав ряда рукописных сборников.

Второй раздел составляют вторичные (или производные от боярских списков) по своему характеру документы. Это разнообразные списки членов двора, в том числе перечень дворовых, оставленных «на Москве» в августе 1585 г., во время поездки царя Федора в Троице-Сергиев монастырь, список служивших князей, московских и выборных дворян, назначенных в шведский поход 1589—1590 гг., перечень выборных дворян начала 1590 г. и список дворовых начала XVII в. Из этих документов большинство сохранились почти полностью (походный список 1589—1590 гг.) или в основных своих частях и только перечень 1585 г. — со значительными лакунами.

Наконец, особый раздел занимает роспись русского войска от осени 1604 г. В этом источнике, сложном по своему составу и происхождению, прямое отношение к «государеву двору» имеет первая его часть, где приведен перечень дворовых по отдельным полкам. До нас дошло менее половины этого перечня. В другой части памятника — собственно полковых сметах — упоминаются лишь члены двора, не принимавшие участия в походе, а также вдовы бывших дворовых (в связи со сбором пососных людей). Текст этой части источника известен в значительно более полном виде, чем первой.

Существенная особенность публикуемых документов состоит в том, что подавляющее их большинство — приказные подлинники. Исключение составляют 3 склейки из боярского списка 1577 г. (копия XVIII в.), перечень дворовых «на Москве» 1585 г. (копия второй половины XVII в.) и выписки из боярских списков (наиболее ранние рукописи датируются первой третью XVIII в.).

Принципиальное значение настоящей публикации может быть определено тем новым, что в ней представлено, и оценкой качества археографической работы публи-

каторов. До исследований С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского в научный оборот были введены всего два боярских списка — опубликованный еще в 1890 г. список 1577 г. и изданный в 1953 г. Р. В. Овчинниковым список 1606—1607 гг.¹ Заслуга открытия всех остальных документов принадлежит составителям. Таким образом, история «государева двора» за 30 лет его существования теперь представлена не двумя, а тринадцатью источниками, что позволяет изучать этот важнейший социальный институт господствующего класса с недоступной ранее полнотой.

Но дело не только в этом. Качество предшествующих публикаций было таково, что они вводили в заблуждение многих исследователей. Так, в издании 1890 г. боярского списка 1577 г. были ошибочно включены 8 склеек боярского списка 1606—1607 гг. и один лист из аналогичного документа 1585—1587 гг. Было высказано немало гипотез по поводу того, каким образом один человек мог пребывать в одном и том же чине на протяжении 30 лет, кто и с какой целью использовал в 1606—1607 гг. список 1577 г., внеся в него оперативно-служебные пометы и т. п. Не было лишь одного — предварительной, кропотливой работы по идентификации различных частей этого столбца в палеографическом, генеалогическом и других отношениях. В результате оказалась неполной и сравнительно недавняя публикация боярского списка 1606—1607 гг.: в ней нет тех восьми склеек, которые еще в XVII в. ошибочно попали в столбец со списком 1577 г., а, кроме того, неточно указан и сам характер документа — приказной черновик определен как копия 30-х годов XVII в.

При подготовке настоящего издания составители проделали значительную и филигранную по технике исполнения работу. Казалось бы, в публикации использовано всего девять столбцов и шесть рукописей. Многие современные издания опираются на документальную базу, куда большую по объему. Однако перед нами результат многолетнего труда, итог про-

¹ Выписки из боярских списков в составе рукописных сборников были опубликованы в середине XIX в., но в особой их редакции.

смотра сотен недатированных столбцов из фонда Разрядного приказа, каждый из которых, как правило, состоит из множества склеек. Все вновь открытые документы не датированы. Для того, чтобы хронологически точно их приурочить, потребовалось собрать биографические данные буквально о нескольких десятках тысяч дворовых (в том числе и за значительную часть XVII в.) и подробно их изучить.

Но этим трудности публикаторов не исчерпывались. Даже внутри хронологически однородных документов порядок склеек был нередко перепутан. Чтобы восстановить правильную их последовательность, выделить те части, которые относятся к документам с другой датой, понадобилось провести тщательный анализ почерков и филиграней, сопоставить начала и окончания букв в местах соединения склеек, сличить там же различные следы от неблагоприятных условий хранения столбцов (форму пятен от сырости) и т. п. Больших усилий потребовало восстановление текста многочисленных приказных помет — каждый, кто имел дело с приказными черновиками, знает, с каким трудом они поддаются прочтению. Края сохранившихся склеек в изданных документах нередко оборваны, но составителям удалось во всех этих случаях восстановить утраченный текст.

Приведем лишь несколько примеров в подтверждение сказанного. Выше уже говорилось, что в столбце с боярским списком 1577 г. оказались включенными части списков 1585—1587 и 1606—1607 гг. Аналогично обстоит дело и со столпиком 3 столбца № 751 Московского стола. В нем 79 склеек боярского списка 1588—1589 гг., две склейки принадлежат такому же документу за 1590—1591 гг., а одна — списку выборных дворян начала 1590-х годов. Основная часть последнего источника находится в другом столбце, в котором, в свою очередь, 19 склеек относятся к боярскому списку 1598—1599 гг. Фрагмент последнего опять-таки входит в состав иного столбца, основная часть которого является боярским списком 1602—1603 гг. Практически из девяти привлеченных к изданию столбцов только три не имеют такой сложной структуры (при том, что последовательность склеек в них в ряде случаев перепутана).

В обстоятельной вводной статье обобщены даты издаваемых источников, даны, как правило, краткие, но емкие палеографические их характеристики, раскрыто содержательное значение каждого документа. Особо важны, на наш взгляд, суждения авторов об источниковедческих особенностях публикуемых памятников. Составители последовательно характеризуют каждый источник и намечают общую эволюцию формуляра боярских списков и производных от них документов в рамках исследуемого периода. Подавляющая часть выводов и наблюдений С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского, по нашему мнению, верна. Наконец, публикация снабжена тщательно выполненными именными и географическими указателями.

Понятно, что в такой большой работе не может не быть спорных положений, а также отдельных упущений или просмотров. Наши замечания сводятся к следующему. Прежде всего представляется не вполне последовательным отбор памятников для издания. Оно должно было включить боярский список 1610—1611 гг., хотя последний и был опубликован дважды в дореволюционное время. Даже лучшее издание В. Н. Сторожева не удовлетворяет современным требованиям археографии, а хронологически и по типу данный источник полностью соответствует содержанию рецензируемой публикации.

Второй раздел имеет заголовок — «Подходные, церемониальные и другие служебные списки дворовых». Однозначно определенных церемониальных списков в издании собственно нет, авторы сугубо предположительно относят к ним список дворовых начала XVII в. (ч. I, с. 70). Нам это предположение, в отличие от других гипотез составителей, не кажется истинным. Церемониальные списки (на дипломатических приемах, свадебных церемониях и т. п.) за указанное время хорошо известны по разным фондам ЦГАДА — Разрядного и особенно Посольского приказа, Древлехранилища и др. Среди них есть изданные и неопубликованные. Однако ни один из них не вошел в издание и не упомянут во введении. Ясно, что такой недочет — не столько вина, сколько беда составителей, жестко ограниченных объемом издания.

Но это, как раз тот случай, когда о такой ограниченности приходится только пожалеть, а в проигрыше оказываются читатели.

По этой же причине оказалась усеченной и вводная статья. Авторы, к примеру, не всегда последовательны в полноте приводимых палеографических наблюдений: иногда даны и отождествление почерков, и анализ филиграней (см. характеристики боярских списков 1577, 1588—1589 гг.), а в другом случае почерковедческий анализ проведен слишком кратко или опущен вовсе. Но более существенно другое. Ряд наблюдений об эволюции документации по составу и структуре двора не вполне согласован с выводами одного из составителей, правда, по несколько более позднему периоду — за 20-е—30-е годы XVII в. Так, в последней работе А. Л. Станиславского выделены три типа боярских списков — «подлинные», «наличные» и промежуточные, отличающиеся друг от друга составными частями, полнотой перечисления дворовых, характером помет, временем реального использования и т. п. Неодинаковый характер состава боярских списков конца XVI — начала XVII в. указан составителями и во введении к рецензируемому тому. В частности, они отмечают разницу в полноте передачи состава дворовых в боярских списках 1588—1589 гг. и 1598—1599 гг., в том числе и по отношению к выборным дворянам (ч. I, с. 30—32 и с. 37—38). Но эти отличия не объяснены, а главное, не связаны с разными типами боярских списков, существовавшими уже в конце XVI в., в чем, в частности, убеждают и различия в характере помет в них.²

Можно уточнить некоторые выводы авторов о времени составления росписи русского войска. Они справедливо называют осень 1604 г. В пределах этого времени ее следует отнести к середине — второй половине ноября 1604 г. и вот почему. Судя по содержанию, к моменту ее напи-

сания в Москве уже знали о переходе Чернигова и Путивля под власть Лжедмитрия I, что дает хронологическую грань не ранее 18—20 ноября (самозванец узнал под Новгородом Северским о переходе Путивля 18 ноября). Но в росписи нет упоминаний о ертауле, а выделение по указу из Москвы этого полка в рати кн. Ф. И. Мстиславского произошло не позднее самого начала декабря, когда войско и выступило из Брянска. Неясно, что подразумевают составители, когда пишут о продолжении работы над росписью позднее (ч. I, с. 75). Датировка посылки отрядов А. Р. Плещеева и Ф. И. Шереметева в этой связи нам представляется неточной: они были отправлены в том же ноябре, а затем несколько позднее (но не позже первой половины — середины декабря) полностью или частично вошли в состав главного войска. Думается, что данный экземпляр росписи является приказным, другой же (несохранившийся) был дан разрядным дьякам, назначенным в войско Мстиславского. Отсюда — разные варианты (и по преимуществу неточные) итогов, относительная немногочисленность помет типа «убит», «в полону», «ранен» (их всего 16 на 333 персонально упомянутых дворовых, а это слишком мало для почти четырех месяцев активных военных действий) и др. Хронологической гранью помет является начало марта 1605 г.: не позднее этого времени были сделаны пометы о служебных перемещениях (ч. II, с. 9, 11, 13). Видимо, в приказной экземпляре, в отличие от походного, соответствующие пометы вносились не вполне систематически.

Наконец, сугубо частные замечания. Во введении (ч. I, с. 29) три пометы в боярском списке 1588—1589 гг. отнесены к 7096 г., а восемь — к 7098 г. Проверка по публикации дает 2 пометы 7096 г. и девять 7098 г. (ч. I, с. 146, 160 и 120, 122, 133, 140, 142, 143, 163, 165). Налицо либо неточность в подсчете, либо опечатка в тексте. На с. 13 опечатка: лл. 104—109 столбца со списком 1577 г. датированы последней четвертью XVII в. (правильно — XVI в.). На с. 61 введения в прим. 149 указано, что л. 33 из столбца со списком дворовых шведского похода 1589—1590 гг. попал туда случайно из боярско-

² Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. В сб. *Актовое источниковедение*. М., 1979, с. 126—144. Ср. также: его же. *Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в.* Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 11, где есть ряд наблюдений по этому вопросу.

го списка 1606—1607 гг. Однако в публикуемом тексте последнего эта склейка не указана, и только после кропотливых изысканий читатель устанавливает, что на этом листе сохранилась архивная помета XVIII в. с определением характера документа (ч. I, с. 45). Видимо, надо было привести текст пометы и в публикации — в подстрочном примечании.

Хотелось бы надеяться, что учреждения, взявшие на себя труд публикации серии «Памятники отечественной истории», про-

должат ее. Во-первых, давно назрело издание других документов по истории двора за XVI—начало XVII в.: свадебных разрядов и документов, церемониальных списков из дипломатической документации, поручных записей. Во-вторых, весьма желательна публикация боярских списков, чиновных перечней дворовых и боярских книг за 20-е — начало 30-х годов XVII в.

В. Д. Назаров

Е. В. МОЧАЛОВА

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ 70—80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Об интересе французских историков к различным сторонам общественно-политического движения на рубеже 70—80-х годов, к революционной ситуации в России (1879—1881 гг.) говорит довольно значительное количество вышедших в послевоенное время книг, статей и других публикаций, в которых получили отражение те или иные аспекты темы.

В работах советских исследователей уже отмечался ряд черт, характерных для современной французской историографии российского освободительного движения¹. Так, в монографии Н. В. Наумова убедительно показано, что наиболее распространенные во французской буржуазной историографии положения о пореформенном развитии России «повторяли, по существу, оценку этого развития русскими либеральными политическими деятелями», их веру в возможность решения царским правительством всех социально-экономических и политических проблем, стоявших перед Россией, путем реформ². В публикации Н. М. Пирумовой «Новое о Бакунии на страницах французского журнала»³ были подвергнуты аргументированной критике положения, выдвинутые французским историком М. Конфино и некоторыми другими авторами, пытавшимися в ложном свете представить роль «нечаевщины» в российском революционном движении.

Вместе с тем специально вопрос об освещении французскими историками общественно-политического движения в России 70—80-х годов XIX в. еще не рассматривался. В обзоре предпринята попытка кратко охарактеризовать опубликованные во Франции в 50—70-е годы труды по данной теме.

Краеугольным камнем французской, как и англо-американской буржуазной историографии является тезис об исключительно интеллигентском характере всего русского революционного движения⁴. Эта точка зрения не нова: сами народники считали русскую разночинную интеллигенцию «бессловной», «внеклассовой» общественной силой. В револю-

¹ См., напр., Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Афанасьев Ю. Н. Современная французская буржуазная историография о социально-экономических и политических предпосылках Октября.— «История СССР», 1971, № 3; его же. Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции. В кн. История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976; Романовский Н. В. Буржуазная историография трех революций в России.— «История СССР», 1976, № 3 и др.

² Наумов Н. В. Указ. соч., с. 38.

³ См. «История СССР», 1968, № 4.

⁴ См. об этом: Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979; Щетинина Г. И. Интеллигенция, революция, самодержавие (освещение проблемы в американской буржуазной историографии).— «История СССР», 1970, № 6. Большинство буржуазных историков, отмечает Г. И. Щетинина, «склоняется к толкованию русской интеллигенции как надклассовой группы, неизбежно встававшей в оппозицию по отношению к самодержавию» (с. 157).

ционном движении России первых пореформенных лет, когда пролетарская струя еще не выделялась в общем демократическом потоке, буржуазная историография видит истоки борьбы всех последующих поколений российских революционеров, включая большевиков.

Характерной чертой современной буржуазной историографии является и то, что ее представители усматривают в истории России только комбинацию случайных обстоятельств. При этом они полностью отрицают закономерность развертывания революционного движения в стране. А саму революционную ситуацию 70—80-х годов многие из них оценивают лишь как следствие недальновидной и нерешительной политики Александра II.

В ряде трудов по истории дореволюционной России, опубликованных во Франции, имеются главы, специально посвященные событиям революционной ситуации 1879—1881 гг. Это прежде всего работы Р. Порталья, известного специалиста по истории России и славянских народов, автора многочисленных исследований, посвященных социально-экономической проблематике истории СССР XVIII — начала XX в.⁵

Заметный след в послевоенной французской историографии, посвященной событиям конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. в России, оставили работы А. Мюссэ⁶, П. Ковалевского⁷, Э. Краковского⁸, П. Паскаля⁹, С. Бенсидуна¹⁰.

Общепринятый в советской исторической литературе термин «вторая революционная ситуация» во французской историографии употребляется редко. Но все же часть авторов характеризует этот период как «революционные волнения» (Р. Порталь)¹¹, «революционный кризис 1879—1881 годов» (С. Бенсидун)¹².

Анализируя положение в стране, сложившееся на рубеже 70—80-х годов, В. И. Ленин неоднократно употреблял слово «кризис», подчеркивал его общенациональный, чреватый революцией характер, писал о времени второго демократического подъема в России. Общенациональный революционный кризис в России конца 70-х — начала 80-х годов был порождением — как это доказано советской исторической наукой — кризиса социально-экономической системы, который обусловил кризис политический¹³. В поле зрения же большей части французских историков — лишь некоторые проявления кризиса: студенческие волнения, террористические акты революционеров и т. п.

Не определяются в достаточной мере четко большинством авторов и хронологические рамки второй революционной ситуации. События 1879—1881 гг. зачастую показываются лишь как непосредственное продолжение более ранних. Исключение составляет работа С. Бенсидуна, который не только специально выделяет период второй революционной ситуации, но и датирует его 1879—1881 гг.

Главной силой революционного движения конца 70-х — начала 80-х годов почти все авторы изображают интеллигенцию. В этом отразилась присущая еще дореволюционной русской буржуазной историографии недооценка движения народных масс. Французские историки проявляют наибольший интерес к истории кризиса «верхов», к этапам изоляции правительственного лагеря в период второй революционной ситуации в России.

⁵ См. следующие работы Р. Порталья: *L'Oural au XVIII-e siècle. Etude d'histoire économique et sociale*. Paris, 1950; *Pierre le Grand*. P., 1950; *Les Slaves. Peuples et nations (XVIII-e—XX-e siècles)*, 1965; *Russes et Ukrainiens*. P., 1970; *Le socialisme russe jusqu'à la révolution de 1917*. En: *Histoire générale du socialisme*. V. 2. P., 1974; *La Russie industrielle de 1881 à 1927*. P., 1976. Автор неизменно выступает за укрепление советско-французских научных и культурных связей, является членом президентского совета общества «Франция—СССР», сотрудничал в ряде советских изданий.

⁶ Mousset A. *Histoire de Russie*. P., 1945.

⁷ Kovalevsky P. *Manuel d'histoire russe. Etude critique des sources et exposé historique d'après les recherches les plus récentes*. P., 1948.

⁸ Krakowsky E. *Histoire de Russie. L'Eurasie et l'Occident*. P., 1954.

⁹ Pascal P. *Histoire de la Russie des origines à 1917*. P., 1957.

¹⁰ Bensedoun S. *Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902*. Lille, 1973.

¹¹ Portal R. *Le Socialisme russe jusqu'à la révolution de 1917*.

¹² Bensedoun S. *Op. cit.*

¹³ См., напр.: Хейфец М. И. *Вторая революционная ситуация в России*. М., 1963; Зайончковский П. А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов*. М., 1964.

Р. Жиро и М. Ферро в книге «От России до СССР. История России с 1850 года до наших дней» трезво подошли к оценке причин отмены крепостного права в России, подчеркивая, что Александр II не был «освободителем», а просто вынужден был провести реформу в целях предотвращения новой «пугачевщины». «Без сомнения, — продолжают авторы, — экономически, дав ничтожному меньшинству возможность действия, принудив огромную массу крестьян к низкооплачиваемому наемному труду, отмена крепостного права открыла дверь капиталистической экономике в сельском мире»¹⁴. Однако, отмечают они, эта «революция сверху» не была подлинной буржуазной революцией, широко открывавшей двери капитализму; «отмена крепостного права Александром II явилась немелой попыткой приспособления к XIX в.»¹⁵.

Многие буржуазные авторы одной из основных причин революционного кризиса конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. считают буржуазные реформы 60—70-х годов, повлекшие за собой изменения в социальном и политическом строе страны. Так, О. Дария пишет: «Революция зародилась в России между 50-ми и 60-ми годами; она была порождена либеральной политикой Александра II — то, что было дано одной рукой, было отнято другой и, наконец, заброшено, забыто под давлением министров-мракобесов и обстоятельств»¹⁶. Эту же мысль проводит Р. Каннак: «Поражение либеральной политики, провозглашенной Александром II и затем преданной им забвению, лежит в основе формирования революционного движения»¹⁷.

В действительности, как это убедительно показано в трудах советских исследователей, сами реформы явились не столько причиной, сколько следствием глубоких изменений в социально-экономическом строе царской России, вынуждавших правящие классы России отступить перед лицом нарастающего революционного движения¹⁸.

Ряд французских исследователей справедливо отмечают половинчатость реформ 60-х годов, вызвавшую рост недовольства широких масс. Э. Краковский заключает: «Александр II, осуществив акт „освобождения“, оказался между крайне правой оппозицией, с одной стороны, и крайне левой — с другой»¹⁹. А. Мюссэ, сообщая о росте недовольства крестьян пореформенной деревни, вызванном высокими выкупными платежами, тяжелой экономической зависимостью от помещиков, невыносимым фискальным гнетом, приходит к выводу: «Неудачи, которыми увенчалось русское предприятие по освобождению крестьян, оказали большое воздействие на внутреннее положение страны»²⁰. С. Бенсидун подчеркивает, что крестьянский вопрос явился краеугольным камнем в политической борьбе в России 60-х — начала 80-х годов. Реформы 60-х годов, продолжает он, имели последствием «экономическую зависимость... столь же тягостную, как и крепостное право»²¹.

Все вышесказанное, как мы видим, не противоречит выводам советской исторической науки о том, что незавершенность реформ 60—70-х годов обострила классовые противоречия в стране и породила революционную ситуацию 1879—1881 гг. Но как политический кризис, так и сами реформы были вызваны глубокими социально-экономическими причинами, кризисом феодально-крепостнической системы, феодальными пережитками, развитием капиталистических отношений²², а это обстоятельство не является отправным пунктом исследования для большинства французских историков.

¹⁴ Girault R., Ferro M. De la Russie à l'URSS. L'histoire de la Russie de 1850 à nos jours. P., 1974, pp. 29, 36.

¹⁵ Ibid., p. 38.

¹⁶ Daria O. Grandes heures des villes russes. P., 1967, p. 239.

¹⁷ Cannac R. Aux sources de la Révolution russe. Netchaïev. Du nihilisme au terrorisme. P., 1961, pp. 16, 17.

¹⁸ См. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1960; История СССР с древнейших времен..., т. 5. М., 1968; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. М., 1979.

¹⁹ Krakowsky E. Op. cit., pp. 320—321.

²⁰ Mousset A. Op. cit., p. 209.

²¹ Bensidoun S. L'histoire contemporaine de la Russie.— «Information historique». P., 1973, № 3, p. 132.

²² См. об этом: Дружинин Н. М. Указ. соч.

Исключение представляет работа С. Бенсидуна, в которой подчеркивается, что «политический кризис (1879—1881 годов — один из наиболее значительных из всех, пережитых самодержавием... Его главная причина — обострение противоречий между феодально-крепостническими пережитками и растущими капиталистическими отношениями, незавершенностью буржуазных реформ»²³.

Глубокие социально-экономические противоречия в пореформенной России отметили также П. Паскаль и Р. Порталь. «В его (Александра II.— Е. М.) царствование,— пишет П. Паскаль,— увеличился разрыв между властью, опиравшейся на искусственно консолидировавшееся дворянство, и страной, находившейся в разгаре экономической и социальной эволюции»²⁴. В своей работе «Славяне. Народы и нации» Р. Порталь обратил внимание на то, что новые экономические условия, понижение цен на зерно на мировом рынке, фискальный гнет вынуждали крестьян «больше продавать в ущерб средствам для поддержания собственного существования»²⁵. Причем отмена крепостного права, развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути резко отразились и на положении дворянства, которое не могло больше рассчитывать на крепостной труд²⁶.

Иной точки зрения придерживается П. Ковалевский. По его мнению, русская экономика и общество 70-х — начала 80-х годов процветали, и лишь «козня» революционеров создали кризис в стране. Автор явно тенденциозно трактует события, всячески преувозносит деятельность царя-«освободителя», который якобы стремился «ко всеобщему благу», и лишь сложная обстановка и революционные выступления помешали успеху его либеральной деятельности²⁷. Эти рассуждения явно перекликаются с оценкой событий русскими либералами — современниками 4 марта 1881 г.

Большинство французских историков уделяют крайне мало внимания движению народных масс, их роли в развитии революционных событий в стране. Специально этой проблеме посвящены лишь работы С. Бенсидуна, в которых рассматривается крестьянское движение интересующего нас периода. Автор проводит мысль о том, что движение крестьянских масс в это время усиливается, но в основном продолжает оставаться стихийным и неорганизованным.

Весьма бегло характеризуется в современной французской буржуазной историографии рабочее движение, которое в период второго демократического подъема в России уже представляло реальную силу. Известно, что устав созданного в 1875 г. «Южнороссийского союза рабочих» включал пункт о борьбе за политические права. А руководители «Северного союза русских рабочих» были в числе организаторов стачки 1879 г. на Новой бумагопрядильне в Петербурге²⁸.

О пропагандистской деятельности народников среди рабочих пишет Р. Каннак на страницах своего труда «У истоков русской революции». Он признает, что в середине 70-х годов народники пытаются «установить контакты с тысячами рабочих». Более развитым рабочим молодые пропагандисты стремятся внушить изначальные принципы социализма. Однако автор утверждает, что «эта попытка, будучи очень ограниченной, имела незначительные результаты, многие рабочие не доверяли студентам»²⁹.

Такая оценка явно грешит односторонностью. Передовые представители рабочего класса приняли активное участие в народническом движении. Вовлечение рабочих в активную политическую борьбу имело, несомненно, положительное значение³⁰. Коренная ошибка народников состояла в другом — в том, что они не поняли истинной роли рабо-

²³ Bensaïd S. Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902. Lille, 1973.

²⁴ Pascal P. Op. cit., p. 112.

²⁵ Portal R. Les Slaves. Peuples et nations (XVIII-e—XX-e siècles), p. 262.

²⁶ Ibid., pp. 268, 269.

²⁷ Kovalevsky P. Op. cit., pp. 287, 289.

²⁸ См. об этом, напр.: Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. М., 1963; Итенберг Б. С. Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М., 1974.

²⁹ Canpas R. Op. cit., p. 142.

³⁰ См. Соколов О. Д. Указ. соч.; Итенберг Б. С. Указ. соч.; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1968.

чего класса как авангарда трудящихся в борьбе за социализм. Рабочие и крестьяне оставались для них единым классом «рабочников».

На деятельности первых рабочих организаций в России останавливаются в своих трудах Р. Порталь и С. Бенсидун. Констатируя, что вместе с ростом промышленности быстро росла активность рабочего класса, создавались рабочие организации, С. Бенсидун вместе с тем замечает, что «координация действий, связь пропаганды с рабочим движением были еще плохо обеспечены»³¹. Р. Порталь высоко оценивает деятельность «Северного союза русских рабочих» как организации, объединившей лучшую часть «политически сознательных... рабочих». «Северный союз», говорит он, «состоял исключительно из рабочих, которых можно рассматривать как революционный авангард», поддерживавший тесные связи с Западом³².

В исследовании, посвященном русскому крестьянству конца XIX — начала XX в., С. Бенсидун пишет, что с начала 80-х годов увеличивается массовость крестьянских выступлений³³. Он подчеркивает и другой момент принципиальной важности: с быстрым развитием железнодорожного транспорта, с ростом городов крепнут связи рабочего класса и крестьянства³⁴.

Большое место в работах историков Франции 50—70-х годов уделяется революционному народничеству, причем многие авторы отмечают активное участие в народническом движении демократически настроенного студенчества. «Университеты,— пишет Р. Каннак,— всегда справедливо рассматривались царским правительством как один из главных очагов либеральной оппозиции». Несмотря на имущественный ценз, постепенно увеличивается число студентов-разночинцев. Организация касс взаимопомощи способствовала поддержанию малообеспеченных студентов, а организация студенческих библиотек стала «удобным средством доставать большое число иностранных книг и публикаций, распространение которых было запрещено в России. Читальные залы стали истинными политическими клубами...»³⁵.

Вдохновителями народнического движения французские историки справедливо называют А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Их идеи, утверждает А. Мюссэ, «нашли отражение в концепциях аграрного социализма различных оттенков, известного под названием „народничества“»³⁶. «Следуя за публицистикой Чернышевского и Добролюбова в „Современнике“, Писарева... публиковавшегося в другом журнале — „Русское слово“, — пишут Р. Жиро и М. Ферро,— основные стратегические направления русской революционной мысли второй половины века были намечены, была обоснована необходимость социальной революции, необходимость посвятить свою жизнь и талант революционному делу, состоящему в служении народу»³⁷. А. Безансон дает весьма высокую оценку влиянию Н. Г. Чернышевского на русскую революционную молодежь, указывает, что «его стиль жизни, мораль, духовные идеалы стали образцом, моделью для подражания»³⁸. П. Паскаль замечает: «Новое течение представляло собой отрицание всего, что противоречило прогрессу общества»³⁹.

Р. Жиро и М. Ферро выделяют в народничестве «три движущие идеи русского революционного движения». На первое место они ставят... Нечаева, что вообще характерно для многих работ буржуазных историков. Необходимо в этой связи подчеркнуть, что попытки представить Нечаева чуть ли не предшественником русской социал-демократии,

³¹ Bensidoun S. Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902, p. 272.

³² Portal R. Le socialisme russe jusqu'à la révolution de 1917, p. 411.

³³ Bensidoun S. L'histoire contemporaine de la Russie, p. 132.

³⁴ Bensidoun S. Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902, p. 172.

³⁵ Cannac R. Op. cit., pp. 19, 20—21. См. также: Dansette A. Aux sources de la révolution russe.— «Revue de Paris», 1961, № 10, pp. 139—147, 140; Besançon A. L'intelligentsia et le populisme.— «Table ronde». P., 1967, oct.—nov., № 237—238, pp. 13, 15.

³⁶ Mousset A. Op. cit., p. 221. См. также: Besançon A. Op. cit., p. 16.

³⁷ Girault R., Ferro M. Op. cit., p. 49.

³⁸ Besançon A. Op. cit., p. 17.

³⁹ Pascal P. Op. cit., p. 104.

а не чужеродным явлением в российском освободительном движении, не выдерживают критики⁴⁰. Другими идеологами революционного народничества авторы называют П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова⁴¹. Взгляды последнего, указывают Р. Жиро и М. Ферро, в значительной степени отличались от программы сторонников немедленного действия. На этом же фиксирует внимание и А. Данзетт⁴².

Значительное место французские историки отводят описанию деятельности, организационного строения различных народнических организаций. Р. Каннак указывает, например, что «„Земля и воля” отличалась от предшествовавших ей революционных кружков своей централизованной организацией». Большое значение в формировании взглядов «землеольцев» имело ознакомление их с передовыми идеями Запада. В 1873 г., пишет автор, произошло событие, «которое должно было в значительной степени способствовать росту народнического движения...» — царское правительство потребовало немедленного возвращения в Россию студентов, обучавшихся в Цюрихе. «Эта мера, которая, по мысли правительства, должна была пресечь распространение социализма среди молодежи, напротив, способствовала увеличению революционных рядов»⁴³.

Р. Жиро и М. Ферро отмечают, что «хождение в народ» и сопровождавшая его пропагандистская кампания «поразили воображение как современников, так и историков»; но, «несмотря на энтузиазм борцов, ...их поражение было полным...»⁴⁴

Необходимо подчеркнуть, что в современной французской буржуазной историографии негативно оценивается деятельность народолюбцев и в особенности события 1 марта 1881 г. Правда, при этом признается мужественное поведение революционеров и осуждается жестокость принятых самодержавием мер по подавлению революционного движения. С. Бенсидун, в частности, пишет, что царубийство окончательно оттолкнуло от народников крестьянство и развязало правительству руки для репрессий⁴⁵. При этом французские историки придают неоправданно преувеличенное значение «отрицательным последствиям» событий 1 марта 1881 г., считая, что покушение якобы закрыло для России возможность развития по пути либерализма⁴⁶.

В работах многих французских авторов, рассматривающих события периода второй революционной ситуации в России, имеется фактический материал, характеризующий либерально-оппозиционное движение конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. При анализе земской реформы 1864 г., сущности и полномочий земств проявляется переоценка имевшихся в действительности возможностей этого пореформенного общественного института. Так, П. Ковалевский утверждает, что «реформа 1864 года предоставила широкую автономию органам, созданным заново... Земства играли решающую роль в экономическом и культурном развитии деревни»⁴⁷. В работе П. Паскаля говорится о том, что, несмотря на правительственный контроль и преобладание дворянства, земства явились «системой широкой местной автономии»⁴⁸.

Р. Жиро и М. Ферро выступают с более умеренными оценками либерально-оппозиционного движения. Говоря о создании земств, авторы отмечают, что «система выборов... благоприятствовала богатым людям... в земствах преобладающее влияние имели крупные земельные собственники и городская буржуазия»⁴⁹. Земства обладали ограниченными полномочиями, и все их попытки расширить сферу своей деятельности и «просьбы о создании сословного представительства типа земского собора XVI—XVII вв.» наталки-

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Карякин Ю., Плимак Е. Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». — «История СССР», 1960, № 6; Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. М., 1976.

⁴¹ Girault R., Ferro M. Op. cit., pp. 50, 51.

⁴² Dansette A. Op. cit., p. 144.

⁴³ Cannac R. Op. cit., pp. 144, 145.

⁴⁴ Girault R., Ferro M. Op. cit., p. 82.

⁴⁵ Bensedoun S. Les mouvements paysans dans le Cernozem Central de 1881 à 1902, p. 172.

⁴⁶ См., напр.: Krakowsky E. Op. cit., p. 333.

⁴⁷ Kovalevsky P. Op. cit., pp. 283—285.

⁴⁸ Pascal P. Op. cit., p. 102.

⁴⁹ Girault R., Ferro M. Op. cit., p. 41.

вались на отказ. «При ведении местных дел самодержавие соглашалось опираться на правящие классы, но отказывалось делить с ними власть»⁵⁰. Авторы критикуют тех, кто восхвалял «реформаторскую» деятельность правительства Лорис-Меликова, а его самого представлял как «либерала». Все правительственные проекты, прямо указывают они, «имели целью обмануть общественное мнение и были весьма далеки от конституции»⁵¹.

Действительно, обращение правительства к буржуазно-либеральному общественному мнению было одним из симптомов слабости, шаткого положения правительственного лагеря в годы второй революционной ситуации⁵². «Либеральное общество» в годы второй революционной ситуации оказалось настолько политически слабым, что правительство, одержав верх над революционерами, без особого труда поставило на место либеральных земцев с их осторожными ходатайствами, робкими адресами царю, в которых они не настаивали даже на дальнейших реформах. Деятельность либералов, отвлекая общественность от непосредственных задач революционной борьбы, создала в конечном счете благоприятные условия для победы реакции.

Правительственная политика 1878—1882 гг. характеризуется французскими исследователями как политика лавирования, попытка примирить различные общественные слои, выиграть время и накопить силы для решающего удара по революционному движению⁵³. Последовавшие затем «контрреформы», были всецело направлены на искоренение «крамолы», они не удовлетворили «либеральные устремления», и не «устранили злоупотребления...»⁵⁴

Крупным явлением французской историографии, посвященным анализу одного из направлений народнической идеологии, стало марксистское исследование Жака Дюкло о М. Бакуине⁵⁵. Работу отличает высокий научный и идейно-политический уровень, широка привлекения и использования различного рода источников, убедительность всего изложения. Книга увидела свет в 1974 г. и уже через год вышла в СССР в русском переводе. Ветеран французского и международного коммунистического движения незадолго до своей кончины внес весьма весомый вклад в дело борьбы с современным анархизмом, отвлекающим значительные массы людей, особенно молодежи, от подлинной революционной борьбы за истинные социальные идеалы.

Рассмотренные выше работы французских историков свидетельствуют, что большому числу их авторов чуждо стремление к явной предвзятости, тенденциозным антисоветским выпадам при рассмотрении исторического материала. Вместе с тем для них, за некоторым исключением, характерна недооценка роли социально-экономического фактора в революционном движении, роли движения многомиллионных народных масс, создавших во второй раз революционную ситуацию в стране. Критический разбор работ французских историков по интересующему нас вопросу лишний раз свидетельствует о том, что подлинно научное историческое исследование возможно только на пути марксистско-ленинской методологии, на основе диалектико-материалистического объяснения общественных явлений.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid., pp. 53—54.

⁵² Подробнее см.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.

⁵³ См., напр.: Mousset A. Op. cit., p. 211.

⁵⁴ См. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов; его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

⁵⁵ Duclos J. Bakouline et Marx. Ombre et Lumière. Plon, 1974.

В. Е. НЕВЛЕР

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Зарубежная историография о русских революционных демократах имеет важное значение для выяснения отношения различных общественных классов в разных странах к освободительному движению в России. Для советских историков большой интерес представляет итальянская историография о Герцене и Чернышевском. Их имена были широко известны и популярны в Италии в середине XIX в. Герцен и Чернышевский в своих работах уделяли большое внимание революционным событиям в Италии. Именно поэтому отношение русских революционных демократов к этим событиям до сих пор интересует и волнует итальянских историков разных направлений. Совсем не случайно именно в Италии был впервые за рубежом опубликован роман Чернышевского «Что делать?».

В 1977 г. он был переиздан миланским издательством Гарцанти в серии «Великие книги» и римским издательством Эдитори Риунити, где включен в серию «Идеи» наряду с произведениями Маркса, Энгельса и Ленина¹. Показу отношений к Чернышевскому и его трудам нескольких поколений итальянских историков посвящена настоящая статья.

Впервые итальянский читатель узнал о Чернышевском из анонимной статьи, опубликованной в журнале «Ривиста эуропеа» («Европейское обозрение») в 1869 г., где отмечалось, что после ареста автора романа «Что делать?» ряды левых писателей помердели².

Через несколько лет в Италии — впервые в Западной Европе — роман «Что делать?» был издан на французском языке. Инициатором издания стал последователь Чернышевского — русский эмигрант А. Н. Тверитинов. В Милане Тверитинов познакомился с бывшим коммунаром Б. Малонем и гарибальдийцем, членом I Интернационала Э. Биньями, и с их помощью роман был подготовлен к печати³. Эта публикация послужила основой для перевода романа на другие европейские языки. Несколько экземпляров А. Н. Тверитинов направил в Лейпциг вождю Германской социал-демократической партии В. Либкнехту. Как вспоминал он, В. Либкнехт был в восторге от романа и напечатал в редактировавшемся им журнале «Die Neue Welt» статью о Чернышевском под названием «Заживо погребенный»⁴.

Чернышевскому посвящены статьи в итальянских энциклопедиях. Первое упоминание его имени в изданиях подобного типа встречается в «Биографическом словаре современных писателей», вышедшем в 1879 г. Издателем и составителем его был писатель и критик либерального направления А. Де Губернатис, который, хотя и считал, что некоторые идеи Чернышевского явились лишь «химическими стремлениями», все же сумел остаться объективным при оценке его воззрений и деятельности. Он отметил самоотверженность Чернышевского, его бескорыстие и преданность своим идеалам, его огромное влияние на молодое поколение. Говоря о Чернышевском как писателе, А. Де Губернатис писал, что он был первым представителем и самым страстным пропагандистом новой литературы, «стремившимся уничтожить старые литературные и моральные авторитеты и заставить искусство служить исключительно гражданским мотивам». В романе «Что делать?», пишет А. Де Губернатис, Чернышевский наиболее полно изложил свои «смелые моральные и социальные идеи»⁵.

¹ Cernysevskij N. G. Che fare? Vol. 1—2. Roma, 1977; Cernysevskij N. G. Che fare? Milano, 1977.

² «Rivista europea», 1869, vol. 1, fas. 1, p. 152.

³ Tchernychevsky N. G. Que faire? Milan, 1875.

⁴ Тверитинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания. СПб., 1906, с. 75.

⁵ «Dizionario biografico degli scrittori contemporanei...». Firenze, 1879, p. 279.

В многотомной «Итальянской энциклопедии науки, литературы и искусства», которая была издана в 1931 г., отмечалось (т. IX), что Н. Г. Чернышевский был выдающимся деятелем социального движения в России середины XIX в., что его принцип — «искусство должно служить социальной жизни» — вызвал интерес у многих писателей. Автор статьи (подписавшийся инициалами «Э.Л.Г.») подчеркивал, что Чернышевский «был большим ученым-экономистом» и что его «Очерки политической экономии» вышли за 6 лет до издания «Капитала» Маркса. Роман «Что делать?», пишет автор, имел большое значение благодаря трактовке социальных проблем⁶.

Изучение трудов Чернышевского итальянскими историками началось после второй мировой войны под влиянием высказываний о нем основателя Итальянской Коммунистической партии Антонио Грамши. В своих «Тюремных тетрадах», опубликованных в 1947—1949 гг., А. Грамши писал, что «народная инициатива» итальянских революционеров — от Мадзини до Пизакане — «окрашена крайними „народническими“ тенденциями». А. Грамши советовал «глубже изучить» деятельность народников, чтобы проследить воздействие их идей на итальянских революционеров⁷. Выдвинутые положения А. Грамши можно считать программными для прогрессивных историков, особенно для марксистов.

Большое влияние произведения Чернышевского оказывают и на историографию Италии. Известный историк-марксист Дж. Берти в своем труде «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто» не только опирается на выводы и оценки Чернышевского, но пользуется фактическими материалами, приводимыми в его работах. Например, говоря о корыстных целях французской политики в Италии, Дж. Берти ссылается на Чернышевского, который вполне справедливо писал, что «после Австрии Франция представляет самую большую опасность для дела объединения и независимости Италии, Франция стремилась заменить австрийское господство в Италии французским»⁸. В этой связи Дж. Берти с одобрением цитирует и замечание Чернышевского о политике правительства Сардинии (самого крупного государства раздробленной Италии), которое «вероятно, в самом деле хочет независимости Италии, по крайней мере от австрийцев, если не от французов; но хочет ее с тем условием, чтобы очищенные от иностранцев провинции послужили к увеличению Сардинии. Итальянские патриоты, кроме маццинистов, легко принимают это условие из усердия к национальному делу»⁹.

Говоря об общественном движении в России, о том, что «духовное и политическое наследие декабристов претерпело дальнейшее развитие», Дж. Берти отмечает, что даже в далеской Италии идея Герцена и Чернышевского об общине и «учение русских демократов о возможности преобразования общины в социалистическом духе весьма беспоконли Камилло Кавура» (лидера итальянских либералов)¹⁰.

Анализируя отношение Чернышевского к подготовке войны в 1859 г., Дж. Берти говорит, что Чернышевский и Мадзини придерживались единых взглядов: выступая за свержение австрийского господства в Италии, они вместе с тем разоблачили корыстную политику Наполеона III в этой войне. Берти подчеркивает, что позиция Чернышевского и Герцена, Мадзини, Маркса и Энгельса «в данном случае была абсолютно тождественной». Берти подчеркивает, что Чернышевский придерживался «самых левых взглядов» среди русских революционных демократов¹¹.

Итальянский историк пишет о глубоком понимании Чернышевским политики партий в освободительном движении Италии, о его высокой оценке партии итальянских демократов. Дж. Берти цитирует слова Чернышевского: «Есть в Италии партия, не принимающая никаких сделок, всегда требовавшая непременно только того, чтобы ни один клочок итальянской земли не принадлежал австрийцам; это — маццинисты...

⁶ Enciclopedia italiana di scienze, Lettere ed arti, v. IX. Roma, 1931, p. 816.

⁷ Грамши А. Избранные произведения, т. 3. М., 1959, с. 404—405.

⁸ Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, с. 18.

⁹ Там же, с. 464.

¹⁰ Там же, с. 518.

¹¹ Там же, с. 622—623, 463.

Нам кажется забавным, что публицисты, объявлявшие идеи Мадзини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соответствующими теории Мадзини¹². Дж. Берти отмечает, что Чернышевский сумел правильно определить, кто является решающей силой в деле объединения Италии, и приводит его оценку битв партизанского отряда Гарибальди: «Гораздо с большей любовью останавливаемся на удивительных подвигах волонтеров Гарибальди... Действия волонтеров Гарибальди заслуживают самого точного изучения не по одному только уважению к этим истинно благородным людям, жертвующим собою не из видов честолюбия, не по личным расчетам, действительно по искреннему желанию освобождения отечеству... и потому, что собственно только их сила могла бы служить неизменной опорой для независимости Италии»¹³.

В своих трудах Дж. Берти показывает преемственность между Герценом и Чернышевским. Опираясь на известное высказывание В. И. Ленина, Дж. Берти отмечает, что Чернышевский продолжал дело Герцена в условиях более широкого революционного движения¹⁴.

Дж. Берти подчеркивает, что Чернышевский вел борьбу с идеологией господствующих классов, например, резко выступил против эклектической философии В. Кузена, которая в то время была очень «модной» в европейских странах¹⁵.

В трехтомной монографии о народничестве другой итальянский историк Ф. Вентури дает высокую оценку работам Чернышевского и Добролюбова об Италии, во многом опирается на них, отмечая связь русских революционных демократов с итальянскими, подчеркивая поддержку Чернышевским и Добролюбовым партии Мадзини и Гарибальди. Ф. Вентури указывает, что Добролюбов в своих статьях об Италии «проводил линию политики Чернышевского»¹⁶. Как и Чернышевский, Ф. Вентури рассматривает революционное движение в России как часть европейской.

В первом томе этого исследования имена Чернышевского и Герцена поставлены в подзаголовки. Чернышевскому автор посвятил целую главу объемом более ста страниц. Говоря о роли Чернышевского в движении народничества, автор замечает, что Герцен был создателем народничества, а «Чернышевский был политическим руководителем этого движения, которому он придал более солидную основу; он не только разработал новые идеи, но наметил линии действия; в 60-е и 70-е годы они претерпели некоторые изменения, но они возникли в короткий период гениальной публицистической деятельности Николая Гавриловича — между 1853 и 1862 годами»¹⁷. Давая оценку роману «Что делать?», Ф. Вентури отмечает, что на этой книге «воспитывалось целое поколение студентов и революционных народников, она стала кодексом жизни молодой интеллигенции»¹⁸. Итальянский историк подчеркивает, что в статьях Чернышевского об Италии содержался призыв к молодой интеллигенции России «встать во главе крестьян» и что великий революционный демократ «воспользовался итальянскими событиями для отстаивания своих политических идей»¹⁹.

Говоря о тесных связях русских революционных демократов с итальянскими, Ф. Вентури пишет, что соратники и последователи Чернышевского при создании «Земли и воли» переняли организационный принцип Мадзини (система «пятерок» для низовых ячеек), а также пользовались правилами конспирации, подсказанными главой итальянских демократов²⁰. Ф. Вентури подчеркивает, что показателем этих постоянных связей явился также лозунг «Отныне и во веки!», выдвинутый учеником Чернышевского П. Г. Заичневским при создании «Молодой России».

¹² Там же, с. 631, 633.

¹³ Там же, с. 631.

¹⁴ Berti G. I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962, p. 127.

¹⁵ Ibid., p. 411.

¹⁶ Venturi F. Il populismo russo. Vol. I. Torino, 1972, pp. 309, 333—334, 337—338.

¹⁷ Ibid., p. 237.

¹⁸ Ibid., p. 314.

¹⁹ Ibid., pp. 292, 333.

²⁰ Ibid., v. II, pp. 112—113, 154.

Из новейшей итальянской литературы о русских революционных демократах, особенно о Чернышевском, следует отметить книгу историка-марксиста и литературоведа У. Черони «Возникновение социализма в России». В своем труде автор детально проанализировал мировоззрение и политическую деятельность Чернышевского. Он считает, что с Чернышевским «русский утопический социализм достиг вершины своего напряжения, став идеологической основой для создания революционного фронта в открытой борьбе против старого общества»²¹. В своей оценке воззрений и деятельности Чернышевского У. Черони опирается на труды В. И. Ленина и отмечает, что Чернышевский сумел сделать глубокий анализ классового состава русского общества и обосновать роль народных масс в его переустройстве и неизбежность крестьянской революции; в этом «проявлялось критическое преодоление Чернышевским западного утопизма».

Итальянский исследователь отмечает, что Чернышевский привлек на свою сторону авангард молодого поколения, что «рабочий вопрос» становится известным в России начиная с публицистической деятельности Чернышевского, по инициативе которого в «Современнике» был опубликован ряд статей по этой тематике (например, Шелгунова — о книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии») ²².

Говоря о значении деятельности Чернышевского, У. Черони замечает, что великий революционный демократ первым в России сумел реализовать соединение идейного движения с революционным, сделав борьбу более эффективной. Традиции Чернышевского, подчеркивает У. Черони, пустили глубокие корни и сыграли огромную роль в революционном движении в России ²³.

Труды прогрессивных ученых Италии не только показывают, какое значение придать в этой стране изучению деятельности Чернышевского, но и свидетельствуют о силе его идей в наши дни. В этом сказываются традиции дружбы между революционными демократами России и Италии, о которых говорил один из основателей Итальянской Компартии Пальмиро Тольятти. В одном из своих выступлений в годы второй мировой войны Тольятти с удовлетворением отмечал, что «движение передовой русской интеллигенции всегда было тесно связано с итальянским демократическим движением» ²⁴.

Понятно, не все историки положительно оценивают труды Чернышевского. Так, например, крупнейший итальянский философ и историк Б. Кроче в своей работе «Вера и программы» (1911 г.) писал о программах реформистов, либералов, демохристиан и других, что в «общем шуме» авторов этих документов задается вопрос, подобный тому, что задавали Чернышевский и Толстой, — «Что делать?». Буржуазный идеолог опасался идей романа и предостерегал от ответа на вопрос в духе, подсказанном Чернышевским. По мнению Кроче, спасение от социальных движений, которые потрясали итальянское общество, в усилении влияния веры, а не влияния идей романа «Что делать?» ²⁵.

Историкам либерального направления в историографии не понравилась критика политики умеренных, содержащаяся в статьях Чернышевского и Добролюбова. Так, например, Э. Ло Гатто в своей книге «Русские в Италии» пишет, что если выпады революционных демократов против Кавура были, может быть, неизбежны, то никак нельзя одобрить тон Добролюбова в его статье о манифестациях в связи с открытием парламента ²⁶. Ло Гатто имеет в виду статью «Из Туринна», которую высоко ценил Чернышевский. В этой статье, написанной в сатирической форме, Добролюбов отмечал, что итальянский парламент является «говорильней» эксплуататорских классов, не думающих об интересах народа.

²¹ Ceroni U. *Le origini del socialismo in Russia*. Roma, 1965, p. 48.

²² *Ibid.*, pp. 75—76.

²³ *Ibid.*, pp. 50, 118.

²⁴ Ercoli M. *L'Italia e la guerra contro la Germania hitleriana*. Mosca, 1944, p. 26. (Ercoli M. — псевдоним П. Тольятти).

²⁵ Croce B. *Cultura e vita morale*. Bari, 1926, p. 160.

²⁶ Lo Gatto T. *Russi in Italia*. Roma, 1971, p. 215.

В итальянской исторической литературе отмечалось полное совпадение взглядов Добролюбова и Чернышевского в их работах по проблемам истории Италии²⁷. Но академик Е. В. Тарле справедливо отмечал, что статьи Добролюбова являются «перлами глубины мысли и литературного блеска», при этом Чернышевский «прокладывает дорогу Добролюбову — своим пониманием итальянских событий... Первенство в смысле оригинальности мысли остается за Чернышевским»²⁸.

Весьма интересно суждение о Чернышевском известного деятеля антифашистского движения П. Гобетти в его книге «Парадокс русского духа», которая вышла посмертно в 1926 г. Чернышевский, по его мнению, полностью унаследовал лучшие качества Белинского: тонкое чувство прекрасного, силу социологического анализа, гибкость диалектики при воссоздании действительности²⁹. Гобетти прекрасно знал русскую литературу и был почитателем Чернышевского.

В новейшей итальянской исторической литературе делаются попытки противопоставить Чернышевского Герцену, причем Герцен рисуется как дюжинный умеренный либерал, стремившийся играть «роль посредника между традицией и прогрессом, между тронем и народом»³⁰. Автор этих утверждений И. Монтанелли, опубликовавший немало книг правого толка, считает, что известное письмо «Русского человека», которое он приписывает Чернышевскому, не приводя при этом никаких доказательств, Герцен оставил без ответа, чтобы никого не раздражать, и «продолжал занимать позицию умеренного либерала»³¹. Однако это не так. Совсем недавно академик М. В. Нечкина еще раз напомнила, что Герцен никогда не был либералом и что на указанное письмо Герцен ответил³².

Показателем интереса итальянских историков к деятельности и воззрениям русских революционных демократов является перевод на итальянский язык исследования американского буржуазного историка М. Малия «Возникновение русского социализма». Автор пишет, что воззрения Чернышевского и Добролюбова сформировались на основе произведений Герцена. Вместе с тем М. Малия склонен преувеличивать либеральные колебания Герцена. По поводу иллюзий Герцена о проведении «крестьянской реформы» «сверху» он замечает: «Ни Чернышевский, ни его последователи, ни члены „Земли и воли“ никогда не допускали мысли, что можно рассчитывать на самодержавие или на дворянство... Поэтому советские (исследователи.— В. Н.) с полным основанием отмечали его (Герцена.— В. Н.) либеральные колебания»³³.

Отметим, что вопрос об оценке взглядов Герцена, его либеральных колебаний в советской историографии уже давно считается пройденным этапом. Напомним, что вскоре после объявления о «крестьянской реформе» Герцен писал в «Колоколе», что «народ обманут царем». Об этом и других выступлениях Герцена В. И. Ленин писал, что «...он беззабынно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем»³⁴. Ценным является замечание американского исследователя о взаимных идейных влияниях между Герценом и Мадзини. М. Малия пишет, что Герцен «стремился в России сделать то, что Мадзини сделал для своего народа: пропагандировать дело своей родины... Герцен воспринял большую часть мадзиниевских идеалов „Молодой Европы“ — стремление к всеобщему братству свободных народов. Это особенно видно было в его отношении — полном симпатии — к полякам»³⁵.

²⁷ Dobrolyubov N. Conti, preti, briganti, cronache italiane. Milano, 1966. Introduzione di C. G. De Michelis, p. XXVI. (Введение).

²⁸ Тарле Е. В. Н. Г. Чернышевский и международная политика. В кн. Н. Г. Чернышевский (1889—1939). М., 1941, с. 296.

²⁹ Gobetti P. Paradosso dello Spirito russo. Torino. Ed. 2, 1976, p. 17.

³⁰ Montanelli I. Herzen. Milano, 1961, p. 159.

³¹ Там же.

³² Нечкина М. В. Подвиг Чернышевского.— «Коммунист», 1978, № 2, с. 34, 37.

³³ Malia M. Alle origini del Socialismo russo. Bologna, 1972, pp. 586, 593, 609 (пер. с англ.).

³⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 261.

³⁵ Malia M. Op. cit., pp. 588—589.

В вышедшей недавно книге итальянского историка А. Тамборра «Русские изгнанники в Италии» отмечается, что идеи Герцена, Чернышевского и Добролюбова, их отношения дружбы с деятелями Рисорджименто стали традицией и были восприняты новым поколением борцов, в частности, Г. А. Лопатиным и многими другими³⁶.

Все они с напряженным вниманием следили за завершающими битвами освободительного движения в Италии и выражали свои симпатии Гарибальди. Автор подчеркивает, что идеи Чернышевского, симпатия широких масс России к вождям итальянских демократов, например, к Гарибальди, передавались в более поздние времена и были живы в начале XX в. А. Тамборра приводит материалы из статьи известного русского историка М. Ковалевского, которая была опубликована в Италии в 1907 г. в связи со 100-летием со дня рождения Гарибальди. В ней отмечалось, что имя Гарибальди стало легендой в России³⁷.

Итак, для итальянских историков разных направлений тема о Чернышевском до сих пор является актуальной. Они высоко ценят симпатии великого демократа к освободительному движению в Италии, с уважением относятся к его жизненному подвигу. Идеи Чернышевского привлекали внимание передовой общественной мысли Италии во второй половине XIX в., продолжают оказывать влияние на современную итальянскую историографию.

³⁶ Tamborra A. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Roma — Bari, 1977, p. 50.

³⁷ *Ibid.*, pp. 125—126.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Военно-исторически сборник», София, 1979, № 4.

Пиастро Г. М. Съветско-българското бойно сътрудничество през заключителния етап Великата Отечествена война на Съветския Съюз (октомври 1944 — май 1945).

В статье «Советско-болгарское боевое сотрудничество на заключительном этапе Великой Отечественной войны Советского Союза» Г. М. Пиастро рассматривает совместные операции советских и болгарских соединений в период с октября 1944 по май 1945 г. В работе использованы материалы советских архивов, советские и болгарские документальные публикации.

Маждракова-Чавдарова О. За обстановката и политическите настроения в България в навечерието и по време на руско-турската война 1877—1878 гг.

В работе «Обстановка и политические настроения в Болгарии накануне и во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. О. Маждракова-Чавдарова характеризует расстановку политических сил в Болгарии

того времени. В статье использованы материалы архивов НРБ, советские и болгарские документальные публикации, периодика.

«Militargeschichte», Berlin, 1980, № 1.

Thiel W. Die Entwicklung der sowjetischen Truppengeschichte im Überblick.

В. Тиль, в статье «Освещение истории советских воинских частей в исторической литературе СССР» анализирует работы, посвященные боевому пути воинских частей и соединений Советской Армии и Военно-Морского Флота. Особое внимание автор уделяет современному этапу разработки проблемы в советской историографии.

«Rocznik eblpiski», Warszawa, 1979, t. 8.

Tarczyński M. Walki Armii Radzieckiej o wyzwolenie północnej Warmii, Powiśla, Żuław w 1945 r.

В статье «Бои Советской Армии за освобождение Северной Вармии, Повисля и Жулав в 1945 г.», М. Тарчинский характе-

ризует ход боевых действий Советской Армии по освобождению северных польских земель, участие частей 2-го и 3-го Белорусских фронтов в Мазовицко-Мазурской операции. В работе использованы воспоминания видных советских военачальников, труды советских и польских военных историков.

«Acta poloniae historica», Warszawa, 1979, t. 39.

Poppe A. The original status of the old-russian church.

В работе А. Поппе «Положение старой русской церкви» рассматривается место русской православной церкви в составе Константинопольской патриархии в X—XI вв., ее взаимоотношения с Синодом, различия в положении Киевской митрополии и митрополий Византийской империи.

В статье использованы сведения древнерусских летописей, работы советских, болгарских, немецких и французских историков.

«Slovanský přehled», Praha, 1980, № 1.

Večka J. Ruská Asie a Emanuel Fait (1854—1929).

И. Бечка, в работе «Русская Азия и Эмануил Файт (1854—1929 гг.)» рассказывает о жизни и деятельности чешского географа, этнографа и путешественника второй половины XIX—начала XX вв., подчеркивает ценность трудов Э. Файта, отразивших общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь народов Средней Азии этого времени. В работе использованы материалы Архива Чехословацкой Академии наук, литература изданная в ЧССР и СССР.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научно-практическая конференция в Москве

Названная конференция, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, была проведена Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР совместно с Московским городским советом семинаров при МГК КПСС в апреле 1980 г. В работе конференции приняли участие ученые, руководители и слушатели методологических и теоретических семинаров Дома политического просвещения МК и МГК КПСС, советов методологических семинаров при Ленинском и Черемушкинском РК КПСС Москвы, институтов этнографии, истории СССР, всеобщей истории, философии, языкознания АН СССР, Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук при ЦК КПСС, МГУ и других научно-исследовательских и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Баку, Бухары, Тарту и других городов, партийные работники, сотрудники редакций журналов «Научный коммунизм», «История СССР», «Советская этнография», представители Советской социологической ассоциации и Философского общества СССР.

Открывая научно-практическую конференцию, председатель Научного совета по национальным проблемам, руководитель методологического семинара Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей охарактеризовал огромный вклад В. И. Ленина в разработку теории и практику решения национального вопроса в нашей стране, показав непреходящее значение ленинизма для коренной перестройки национальных отношений на принципах дружбы народов и социалистического интернационализма.

Далее, в докладе «Ленинизм и национальные процессы в современном мире», Ю. В. Бромлей, указав на чрезвычайную пестроту и противоречивость национально-политической структуры современного человечества, проанализировал основные тенденции и закономерности ее развития, раскрыл особенности национальных отношений в развивающихся странах, сущность межнациональных и межэтнических противоречий в капиталистических странах, и на фоне этих противоречий подчеркнул международное значение диалектического единства национального и интернационального в развитии национальных отношений в СССР, в том числе в деле расцвета и сближения наций и народностей нашей страны и в формировании новой исторической общности — советского народа.

Рассматривая сложные и многообразные национальные процессы, докладчик указал на целесообразность учитывать три основных вида этих процессов: *консолидацию*, — слияние нескольких генетических родственных по культуре этнических единиц в единый народ; *ассимиляцию*, — растворение отдельных групп или представителей одной национальности в среде другой (как правило, более многочисленной); *межнациональную интеграцию*, под которой понимаются процессы взаимодействия и сближения уже сложившихся наций и народностей, создание у них сходных черт в культуре и образе жизни.

Соотношению национального и интернационального в мировом социалистическом содружестве посвятил свой доклад Ф. Т. Константинов (Ин-т философии АН

СССР). Дискуссионные вопросы национальной структуры зрелого социалистического общества рассмотрел И. П. Цамерян (Ин-т философии АН СССР). Решительной и аргументированной критике был подвергнут антипод пролетарского интернационализма — буржуазный национализм в докладе «Интернациональное единство советского народа и его „критики“», с которым выступил Э. А. Баграмов (ИМЛ при ЦК КПСС).

Положения, выдвинутые в докладе Ю. В. Бромлея, а также в остальных докладах, были затем конкретизированы и рассмотрены на значительном фактическом материале в научных сообщениях: «Новая историческая общность в общественном прогрессе» (И. Ф. Аношкин, ИМЛ при ЦК КПСС); «О некоторых проблемах укрепления единства советского народа» (В. М. Семенов, Ин-т философии АН СССР); «Социалистический интернационализм — основа единства советских наций» (Р. Рахманов, Бухарский педагогический ин-т); «Об основных функциях социалистического интернационализма» (А. И. Доронченков, Ленинградский электротехнический ин-т); «Некоторые проблемы научного управления национальными отношениями в СССР в условиях развитого социализма» (А. И. Холмогоров, Днепропетровский инженерно-строительный ин-т); «Интернационализация сфер общественной жизни в условиях развитого социализма» (А. П. Серцова, МГУ); «Межнациональное общение в СССР» (Л. М. Дробижева, Ин-т этнографии АН СССР); «Некоторые аспекты марксистско-ленинской концепции нации и современность» (М. В. Иордан, Ин-т философии АН СССР); «Актуальные вопросы национально-языкового развития в СССР на этапе социалистического строительства» (М. И. Исаяев, Ин-т языкознания АН СССР); «Тенденции развития двуязычия в условиях развитого социализма» (М. Н. Губогло, Ин-т этнографии АН СССР); «Роль русского языка в развитии советского народа» (А. А. Басалай, Ин-т социологических исследований АН СССР); «Классовый подход к социальным явлениям — важнейший принцип интернационалистского воспитания» (М. Х. Каримов, Бухарский педагогический ин-т); «Единство патриотического и интернационального воспитания» (В. С. Зайка, НИИ общих проблем воспитания АПН СССР); «Повышение политической культуры советских людей как важный фактор в борьбе с пережитками национализма» (Р. Сафаева, Ин-т философии АН СССР); «Значение ленинских идей для развития общесоветских черт культуры народов СССР» (Г. Е. Трапезников, Ин-т истории СССР АН СССР).

Обобщая итоги работы конференции, председатель секции общественных наук Московского городского совета методологических семинаров А. М. Григорьев сказал, что проведенная конференция стала интересным и содержательным событием в ряду мероприятий, посвященных 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Материалы этой конференции имеют не только научно-теоретическое значение, но, бесспорно, окажут важную практическую помощь слушателям методологических и теоретических семинаров в системе политического образования.

В заключительном слове Ф. Т. Константинов отметил как положительную черту работы конференции содержательный обмен мнениями по ряду узловых и дискуссионных вопросов национальной проблематики. Он указал на прозвучавшую в ряде выступлений необходимость комплексного подхода к исследованию национальных отношений.

Участники конференции приняли решение выработать конкретные рекомендации, осуществление которых позволит полнее и глубже отразить в работе методологических и теоретических семинаров национальную проблематику, интернациональные аспекты национальной политики КПСС, критику буржуазных фальсификаций советского опыта решения национального вопроса, национальное и интернациональное в современном мире.

М. Н. Николаев

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Конференция в Сыктывкарском университете

Названной теме была посвящена 7-я общеуниверситетская конференция, состоявшаяся в ноябре 1979 г. по инициативе кафедры истории СССР Сыктывкарского государственного университета им. 50-летия СССР. В работе конференции приняли участие ученые Коми филиала АН СССР, Сыктывкарского педагогического института, Ухтинского индустриального института и Ленинградского университета.

На пленарном заседании вступительное слово произнес ректор СГУ В. А. Витязева.

С докладом «Советский социалистический образ жизни — величайшее завоевание коммунистического строительства в СССР» выступил заведующий отделом науки и учебных заведений Коми обкома КПСС Л. Т. Россохин. Докладчик рассказал, как воплощаются в жизнь в Коми АССР движение за коммунистическое отношение к труду, коллективизм и товарищество, интернационализм, социалистический демократизм и социальный оптимизм. В своем выступлении он указал также на ряд имеющихся недостатков: в народном хозяйстве республики около половины работающих заняты ручным трудом, высоки потери от прогулов и других нарушений трудовой дисциплины.

В докладе «Роль научно-технического прогресса в совершенствовании советского социалистического образа жизни» В. А. Витязева отметила, что в современных условиях «чрезвычайно важно детальное теоретическое освещение взаимосвязи таких глобальных явлений, как научно-технический прогресс и образ жизни людей в условиях развитого социализма».

И. П. Труфанов (Ленинград) в своем докладе «Ведущая роль рабочего класса в формировании и совершенствовании социалистического образа жизни» обратил внимание на ряд аспектов этой темы, в частности, на рост численности такой категории производственного персонала, как «рабочий-инженер», на возрастающее участие рабочих в общественно-политических организациях, на многообразие социальных ролей рабочих.

Ю. Д. Марголис в докладе «Итоги изучения советского социалистического образа жизни» охарактеризовал уровень изучения образа жизни кафедрами общественных наук СГУ и познакомил участников конференции с основными итогами этих исследований.

На конференции работало шесть секций. На первой обсуждались проблемы методологического и источниковедческо-историографического характера. Доклад В. А. Федоровича был посвящен соотношению категории образа жизни с категориями диалектико-материалистического учения об обществе.

В выступлении В. И. Грузнова говорилось о духовном производстве в системе социалистического образа жизни. В. И. Коротаев предложил свою концептуальную модель, исходя из представления об образе жизни как категории общественности. Специальным методологическим аспектам формирования советского образа жизни были посвящены выступления З. С. Алябьевой, В. Н. Котельниковой, Г. К. Черкасова, Г. И. Упоровой и В. И. Тишукова. Авторы этих выступлений показали в самых общих чертах этапы становления и совершенствования советского образа жизни. Источниковедческие и историографические проблемы были отражены в выступлениях: Л. Г. Борозинца, познакомившего с источниковедческими проблемами исследования истории социалистического образа жизни в СССР, Л. С. Ша-

баловой, предложившей для обсуждения материалы обследования коми деревни 1930-х годов как источник по изучению формирования советского образа жизни, Н. С. Зеликиной (Ухта), рассказавшей о фальсификации истории становления советского образа жизни лидерами кадетской эмиграции.

Теме «Руководящая и направляющая роль КПСС и Советского государства в становлении и совершенствовании социалистического образа жизни» были посвящены выступления участников второй секции. Социальная программа КПСС как идейно-теоретическая основа развития социалистического образа жизни освещалась в выступлении М. С. Ревенковой. Ю. М. Рапопорт говорил о роли экономической политики Коммунистической партии в формировании социалистического образа жизни на Европейском Севере в период перехода от капитализма к социализму. Деятельность партийных и советских органов Коми АССР по совершенствованию социалистического образа жизни в условиях развитого социализма была отражена в выступлениях Г. И. Вячеславова, Е. А. Нестерова, В. И. Ильина и Т. М. Хорунжей.

В третьей секции рассматривалась тема «Экономические основы совершенствования социалистического образа жизни». Специально экономической основе образа жизни было посвящено выступление Ю. С. Новикова. Вопросы планирования образа жизни были отражены в выступлениях В. М. Тимофеева и Л. И. Юшина, а также Н. Н. Локтюшина (Ухта). Вопросы повышения уровня жизни советских трудящихся освещены в выступлениях В. В. Каюкова (Ухта), П. А. Тимощенко и М. Л. Портяко.

В четвертой секции обсуждались социальные, политические и этнокультурные факторы становления и совершенствования социалистического образа жизни. Роли производственного коллектива и социалистического соревнования в этом процессе были посвящены выступления А. В. Ненахова и К. Н. Чесноковой (Ухта). М. Б. Рогачев говорил о городском образе жизни как факторе секуляризации (на материалах Коми АССР). Социально-психологические особенности социалистического образа жизни были освещены в выступлении Г. С. Полозова.

Большое место в работе секции заняли вопросы развития народного образования и просвещения. В частности, А. В. Жеребцов охарактеризовал некоторые особенности духовных аспектов социалистического образа жизни в Коми АССР, В. Н. Ахмеев и Б. П. Мельников показали в своих выступлениях место образования и роль сельской интеллигенции, а С. В. Котов — роль политического образования в формировании социалистического образа жизни. О некоторых аспектах современных этнических процессов в Коми АССР рассказал Л. Н. Жеребцов.

В пятой секции — «Язык и литература как источник изучения советского образа жизни» — обсуждались вопросы развития коми литературного языка и нравственных исканий в литературе. Г. Г. Бараксанов отметил, что процессы общественного характера четко прослеживаются в лексике коми литературного языка. Отражению становления социалистического образа жизни в коми-пермяцкой литературе было посвящено выступление В. В. Пахорукowej. Проблема создания положительного героя в современной литературе нашла отражение в выступлении Л. В. Гурленова.

Внимание участников шестой секции — «Образ жизни советского студенчества» — было привлечено к рассмотрению методологических и методических аспектов проблем исследования студенческого образа жизни. И. Н. Селезнев (Ленинград) дал характеристику и оценку социологических исследований коммунистического воспитания студенчества СССР в переходный от капитализма к социализму период. В выступлении В. И. Гинецинского, представившего совместный с В. М. Бызовой и Т. В. Бендас доклад, было обращено внимание на психологические аспекты в исследовании студенческого образа жизни. Выводы, сделанные в нем, были конкретизированы в отдельном выступлении Т. В. Бендас, предложившей вариант типологии личностного образа жизни студентов, разработанный на кафедре педагогики и психологии СГУ. В выступлении В. В. Нагаева были приведены некоторые данные социально-психологического обследования студентов сотрудниками кафедры педагогики и психологии СГУ. О некоторых противоречиях социалистического образа жизни гово-

рилось в выступлении В. Г. Постникова (Ухта). Роль коммунистической убежденности в формировании социалистического образа жизни освещалась в выступлении Н. В. Лапонова.

Участники конференции заслушали всего 47 докладов и выступлений. Была принята рекомендация провести в 1982 г. региональную конференцию по теме «Социалистический образ жизни на Европейском Севере СССР на этапе развитого социализма».

В. И. Корогаев

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА САМАРКАНДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АЛИШЕРА НАВОИ

Основное внимание ученых кафедры (руководитель — Заслуженный деятель науки УзССР, проф. Ю. Н. Алескеров) сосредоточено на обеспечении высокого идейно-теоретического уровня обучения студентов, а также исследовании актуальных проблем отечественной истории. На кафедре разработаны тематика семинарских, курсовых и контрольных работ, программы спецкурсов, списки рекомендуемой литературы, хронологические таблицы по курсу истории СССР и истории Советского Узбекистана (на русском и узбекском языках). В целях повышения научного уровня преподавания на кафедре систематически обсуждаются тексты лекций и проведенные семинарские занятия.

Серьезное внимание уделяется самостоятельной работе студентов над первоисточниками и литературой. Преподаватели добиваются, чтобы студенты овладели методикой творческого изучения произведений классиков марксизма-ленинизма, решений съездов КПСС, других документов партии и правительства СССР, трудов и выступлений руководящих деятелей партии и Советского государства, исследований выдающихся ученых. Во всех группах проводятся специальные собеседования на темы: «Как работать над книгой», «Как составлять конспекты, лекции, рефераты, курсовые работы и дипломные сочинения». Сотрудники кафедры прививают студентам навыки составления конспектов, хронологических таблиц, пользования справочной литературой, наглядными пособиями, схемами, картами, диаграммами и др.

На кафедре читаются такие важные спецкурсы, как «История Украины», «Союз рабочего класса с колхозным крестьянством в советский период», «История укрепления братской дружбы народов СССР в период строительства социализма», «История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.)». Положительные результаты дает практика приглашения видных специалистов для чтения отдельных спецкурсов. Так, например, в 1979 г. проф. МГУ В. З. Дробижев прочитал для студентов курс лекций по темам: «История СССР в послевоенный период» и «Социально-экономические проблемы развитого социализма».

Кафедра уделяет особое внимание организации производственной практики студентов в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Душанбе. Ознакомление с работой центральных научных учреждений, архивов, музеев способствует значительному расширению кругозора студентов и укрепляет связи кафедры с этими научными учреждениями.

Педагогическую практику студенты проходят в лучших школах Самарканда и районов области. Здесь они не только ведут занятия с учащимися, но и знакомятся с методической и общественной работой педагогов, деятельностью комсомольской, пионерской и других общественных организаций школы.

В совершенствовании методики преподавания большую роль играет методический совет факультета (руководитель — доц. К. Х. Самибаяев), в работе которого принимают активное участие все члены кафедры. На его заседаниях обсуждаются отдель-

ные лекции, планы семинарских занятий, тематика курсовых, контрольных работ студентов, вопросы, связанные с методикой чтения лекций, проведения практических занятий и семинаров, готовящиеся к публикации методические пособия. В поле зрения совета находятся также методика проведения педагогической, архивно-музейной и экскурсионной практики студентов. В 1979 г. в университете состоялась III Научная методическая конференция, посвященная организации самостоятельной работы и итогам производственной практики студентов.

Существенную помощь в повышении научно-методического мастерства членов кафедры оказывают курсы повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ и Ташкентском государственном педагогическом институте, куда регулярно командированы преподаватели. По возвращении они знакомят членов кафедры с опытом организации учебного процесса и научной работы в других вузах страны.

В соответствии с планом научно-исследовательских работ ученые кафедры работают над общей проблемой «История строительства социализма и коммунизма в СССР». При этом особое внимание уделяется теме «История социалистических преобразований городов и сельских районов Самаркандской области в советский период (1917—1980 гг.)». В частности, сотрудники кафедры в содружестве с учеными Института истории АН УзССР приняли участие в создании двухтомной «Истории Самарканда» (Ташкент, 1970). Кроме того, проф. Ю. Н. Алескеров опубликовал ряд работ по этой теме¹. В соавторстве с И. Умняковым им также написана по заказу издательства «Прогресс» книга о родном городе для распространения за рубежом на английском, французском и арабском языках². Доц. А. А. Азимов опубликовал две книги, посвященные деятельности местных Советов³.

Большое внимание члены кафедры уделяют раскрытию роли В. И. Ленина в создании советской государственности, в победе трудящихся Средней Азии над внутренними и внешними врагами, в осуществлении национальной политики Коммунистической партии⁴. В последние годы усилилась деятельность ученых по исследованию актуальных тем, посвященных истории осуществления ленинской национальной политики, успехам трудящихся республики и Самаркандской области в экономическом и культурном строительстве.

Сотрудники кафедры в соответствии с решениями республиканских и областных партийных организаций завершили написание коллективной монографии об истории Самаркандской областной партийной организации. Члены кафедры подготовили также 10 очерков о коммунистах, ветеранах победы и упрочения Советской власти в Самаркандской области. Эти очерки войдут в книгу «Сердца, отданные за счастье народа», которая принята к печати издательством «Узбекистан».

В целях привлечения студентов к научно-исследовательской работе при кафедре создан кружок по истории СССР. На занятиях кружка обсуждаются научные доклады и сообщения его участников, проводятся научные конференции. Машиннописные экземпляры студенческих работ находятся на кафедре. В дальнейшем решено выпускать их ротационным способом.

¹ Алескеров Ю. Н. Годы, равные векам. Ташкент, 1973; его же. Самаркандский государственный университет (краткий исторический очерк. 1927—1977 гг.). Ташкент, 1976; его же. Самарканд. Краткая история и памятники истории. Ташкент, 1976.

² Алескеров Ю., Умняков И. Самарканд. М., 1973.

³ Азимов А. А. Депутаты за работой. Ташкент, 1966; его же. Местные Советы депутатов трудящихся. Ташкент, 1969.

⁴ Алескеров Ю. Н. Письма трудящихся Самарканда В. И. Ленину.— «Труды» УзГУ, нов. сер., вып. 98, ч. II, Самарканд, 1960; его же. Из истории связи В. И. Ленина с революционным Самаркандом.— «Труды» СамГУ, нов. сер., вып. 189. Самарканд, 1970; Исмаилова С. П. Из истории борьбы и братской дружбы узбекского и украинского народов во время Великой Отечественной войны.— «Украинский исторический журнал», 1963, № 6; ее же. Из истории узбекского и украинского народов в годы Советской власти.— «Очерки народов СССР», 1971, № 12 и др.

Преобладающее большинство выпускников пишут свои дипломные работы по истории заводов, фабрик, колхозов и совхозов, культурно-просветительных учреждений области и другим актуальным темам истории СССР советского периода.

В центре внимания кафедры постоянно находится подготовка молодых научных работников через аспирантуру. За последние годы кафедра подготовила более 10 кандидатов наук. Сейчас к защите кандидатских диссертаций готовятся 3 аспиранта; их темы: «Трудящиеся Узбекистана в борьбе за подъем сельского хозяйства в годы восьмой пятилетки», «Развитие производства зерна и зернового хозяйства в Узбекистане в период зрелого социализма» и «Развитие леса и лесного хозяйства Узбекистана».

М. Джуракулов

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Н. УЛЬЯНОВА

В этом году историко-филологический факультет университета отмечает свое 50-летие. Он был создан в 1930 г. в составе Чувашского педагогического института им. И. Я. Яковлева, а с открытием университета (1967 г.) перешел в его состав. Сейчас это самый большой из 9 факультетов: на трех отделениях — истории и обществоведения, русского языка и литературы, чувашского языка и литературы — очно и заочно обучаются 1652 студента.

За время существования университета здесь получили специальность учителя истории и обществоведения 945 человек. Ежегодно на историческое отделение принимается по 100 абитуриентов, из них половина — на заочное обучение. В 1979/80 уч. году на этом отделении занималось 607 человек. Наиболее отличившиеся старшекурсники направляются для завершения образования в Московский и Ленинградский университеты.

Помимо дисциплин, предусмотренных учебными планами для исторических факультетов университетов, здесь студенты слушают курсы истории Чувашской АССР, чувашской литературы и специализируются по одному из трех направлений: истории СССР, всеобщей истории, истории научного атеизма.

Кафедра истории СССР насчитывает 3 доктора наук — профессора, 6 кандидатов наук — доцентов, 2 ассистента (зав. кафедрой — проф. П. В. Денисов). Студентам читаются спецкурсы: «Историческая география», «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.», «Революционно-демократический этап освободительного движения в России», «История рабочего класса автономных республик РСФСР», «Культурная революция в СССР», «Современные этнические процессы в СССР», «Историография истории Советской Чувашии».

Кафедра практикует приглашение ведущих ученых Москвы, Ленинграда, Казани, Горького для чтения спецкурсов, проведения научно-методических совещаний и работы в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии. В последнее время студенты факультета прослушали спецкурсы по темам: «Методика этнографических исследований» (проф. Казанского университета Е. П. Зорин), «Россия во второй половине XVI в.» (проф. МГУ П. П. Елифанов), «Математические методы в исторических исследованиях» (ст. науч. сотр. Института истории СССР АН СССР И. Л. Корнаковский).

Кафедра имеет хорошие контакты с Институтом истории СССР АН СССР, сотрудники которого оказывают научно-методическую помощь молодым преподавателям и руководят в ряде случаев дипломными сочинениями выпускников.

При историко-филологическом факультете оборудован кабинет технических средств (кино, учебное телевидение, диапозитивы, проекторы, проигрыватели), услугами ко-

того пользуются преподаватели на занятиях. По некоторым темам занятия проводятся в лаборатории программированного обучения. В настоящее время разработана программа опроса для машинной проверки знаний по темам: «Отечественная война 1812 г.», «Восстание декабристов», «Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в.», «Революционное народничество», «Русско-турецкая война 1877—1878 гг.», «Культура народов России XIX в.». Эта форма проверки знаний успешно применяется на других факультетах и вызывает интерес у студентов-историков.

Научные интересы сотрудников кафедры в основном сосредоточены на темах «Вопросы истории и историографии чувашского народа» и «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР». Ученые кафедры опубликовали ряд монографических исследований¹, а также учебные пособия к спецкурсам и спецсеминарам². Кроме того, они участвовали в подготовке книг: «История Чувашской АССР», ч. 1 и 2 (Чебоксары, 1966—1967); «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС» (Чебоксары, 1974); «Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ» (Чебоксары, 1978); были членами редколлегии сборников документальных материалов «В. И. Ленин и трудящиеся Чувашии» (Чебоксары 1970); «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны» (Чебоксары, 1975) и др.

В последние годы кафедра приступила к активной разработке проблемы истории рабочего класса РСФСР. Так, Заслуженный деятель науки Чувашской АССР проф. И. Д. Кузнецов на основе анкетного обследования, проведенного на одном из крупнейших предприятий республики, опубликовал в соавторстве с Г. П. Петровым книгу «История Чебоксарского электроаппаратного завода» (Чебоксары, 1975). В. Г. Шарковым, В. А. Васильевым и Ю. П. Смирновым защищены кандидатские диссертации по истории рабочего класса Чувашии за период с 1928 по 1970 г. Доц. Ю. П. Смирнов вместе с сотрудниками Института истории СССР АН СССР В. Е. Полетаевым и И. Л. Корнаковским участвуют в написании работы по истории Чебоксарского завода промышленных тракторов, а также в создании музея трудовой славы этого предприятия.

Интерес к разработке истории рабочего класса республики особенно усилился после проведения научными коллективами Ленинградского и Чувашского университетов в Чебоксарах в 1976 г. Всероссийской конференции по проблеме истории рабочего класса автономных республик Российской Федерации³. По материалам конференции издан сборник⁴.

Большинство доцентов кафедры работает над докторскими диссертациями: «История христианизации народов Поволжья в XVI—XVIII вв.» (Макаров Д. М.), «Историография истории Чувашской АССР» (Кузьмин В. Л.), «Рабочий класс автономных республик РСФСР в 1959—1970 гг.» (Смирнов Ю. П.), «Становление и развитие социалистической культуры Чувашии» (Сергеев Т. С.).

Члены кафедры прилагают много усилий для привлечения студентов к научно-исследовательской работе. Ряд студентов пишут дипломные и курсовые работы по истории отдельных промышленных предприятий,строек, колхозов, учреждений, учеб-

¹ Дмитриев В. Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959; Кузнецов И. Д. Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960; его же. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; его же. Ленин и социалистическое возрождение народа Чувашии. Чебоксары, 1970; Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972; Сергеев Т. С. Культурное строительство в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Чебоксары, 1975.— Рукопись депонирована в ИНИОНе АН СССР, № 535; его же. Культурное строительство в Чувашской АССР в годы восстановления народного хозяйства и окончательной победы социализма (1945—1958 гг.). Горький, 1976.— Рукопись депонирована в ИНИОНе АН СССР, № 693.

² Сергеев Т. С. Илья Николаевич Ульянов и просвещение народов Поволжья. Чебоксары, 1972; его же. Илья Николаевич Ульянов и просвещение чувашского народа. Указ. лит. Чебоксары, 1972; Кузьмин В. Л. Историография истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1977; Нестеров В. А. Практикум по истории Чувашской АССР. Чувашия в середине XVIII в. (1740—1760-е гг.). Чебоксары, 1978.

³ См. «История СССР», 1977, № 4, с. 216—218.

⁴ Актуальные вопросы истории рабочего класса автономных республик РСФСР. Сб. статей. Вып. 1. Чебоксары, 1978.

ных заведений; принимают участие в проведении анкетных опросов (в этом году они будут помогать ученым в четвертом по счету социологическом обследовании 21 деревни республики), занимаются в различных научных кружках, работа которых ведется на базе музеев этнографии и И. Н. Ульянова при университете⁵. На итоговой студенческой научной конференции в марте 1979 г. было заслушано и обсуждено 44 доклада и сообщения, из них 5 рекомендовано на всероссийский конкурс. Работа одной из секций, занимающейся изучением жизни и деятельности И. Н. Ульянова, приняла межфакультетский и межвузовский характер: сюда представляются доклады студентов не только историко-филологического, экономического, физико-математического, медицинского факультетов университета, но и студентов Чувашского, Астраханского, Ульяновского, Горьковского и Мордовского педагогических институтов.

Сотрудники кафедры ведут большую общественную работу в качестве лекторов обкома КПСС, Чувашского отделения общества «Знание», работают в республиканском отделении Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры и других общественных организациях, принимают активное участие в деятельности музея И. Н. Ульянова при университете. В год его открытия (1971) в Чебоксарах была проведена Всесоюзная научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения И. Н. Ульянова, с участием ученых и краеведов Москвы, Ленинграда, Ульяновска, Астрахани, Горького, Казани, Пензы. Подобную же конференцию, приуроченную к 150-летию со дня рождения педагога-демократа, университет намеревается провести в 1981 г. Она должна стать важным шагом в изучении и обобщении научно-педагогического наследия отца В. И. Ленина.

Т. С. Сергеев

⁵ См. Сергеев Т. Музей И. Н. Ульянова.— «Учительская газета», 1979 г., 23 октября.

НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1979/80 учебном году усилия коллектива кафедры были направлены на повышение идейно-теоретического уровня лекций и практических занятий. В целях расширения и углубления знаний студентов введено преподавание новой научной дисциплины — «История русского искусства». Помимо общих курсов лекций по истории СССР разработаны спецкурсы и спецсеминары: «Движение декабристов», «Революционное народничество 70-х—начала 80-х годов в России», «Решение аграрного вопроса в СССР», «Советы—политическая основа Советского социалистического государства» и др. Как показывает практика, изучение этих тем способствует повышению методологической и общетеоретической подготовки будущих специалистов. Для развития творческого мышления студентов расширена тематика докладов на просеминарах и спецсеминарах, дипломных и курсовых работ. Признано обязательным конспектирование студентами не менее одной монографии по каждой исторической дисциплине.

В прошедшем учебном году улучшилась деятельность кураторов академических групп. На заседаниях кафедры заслушивались их отчеты. Преподаватели стали участвовать в работе комсомольских собраний и комсомольского бюро исторического отделения, что заметно активизировало идейно-воспитательную работу среди студентов.

Большое внимание уделяют члены кафедры деятельности научного студенческого общества. Его возглавляет и. о. профессора С. С. Ивашкин. На заседаниях секций истории СССР, которыми руководят преподаватели кафедры, обсуждаются актуальные проблемы отечественной истории, детально изучается история родного края.

В 1979 г. усилилось межкафедральное научное сотрудничество. Сотрудники кафедр истории СССР, совместно с учеными кафедр русского языка, калмыцкого языка и литературы осуществили комплексную археолого-этнографическую экспедицию по исследованию Сарпинской низменности. В ходе экспедиции был раскопан 31 курган, где обнаружено 38 погребений с ценными в научном отношении вещественными материалами. В экспедиции участвовало более 80 студентов, которые закрепили полученные теоретические знания по таким историческим дисциплинам, как «Основы археологии СССР», «История первобытного общества», «История древнего мира». Кроме того, студенты приобрели навыки раскопок курганов с помощью землеройной техники и вручную, научились производить первичную консервацию и реставрацию находок, фотофиксацию предметов и др. Фольклорно-этнографический отряд записал песни, сказки, пословицы и поговорки; собрал интересные материалы об организаторах первых колхозов в Калмыкии и участниках Великой Отечественной войны. Установлены также важные сведения по топонимике одного из районов республики: записаны названия селений, урочищ, колодезев и т. д.

В исследовательской проблематике кафедры традиционно доминируют темы, связанные с историей Калмыцкой АССР. В частности, этим сюжетам посвящены опубликованные в последнее время работы зав. кафедрой проф. У. Э. Эрдниева, доц. В. Б. Убушаева, асс. Е. В. Цуцкина *. Наряду с этим подготовлены к печати монография У. Э. Эрдниева «Калмыкия (XIX — начало XX века)»; статьи В. Б. Убушаева — «Предпосылки возникновения Советов в Калмыкии» — и ст. преп. Г. Ш. Дорджиевой — «Неопубликованные архивные источники по истории ламаистской церкви и христианизации калмыков», «Антицерковный и антирелигиозный протест трудящихся калмыков в устном народном творчестве».

Общие проблемы истории СССР советского периода разрабатывает С. С. Ивашкин. В 1979 г. он продолжил многолетнюю работу над темой «Роль советского рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства». По этой теме им опубликована статья «К вопросу об организации шефства города над селом в период построения социализма («Вопросы истории КПСС», 1979, № 2) и подготовлена к печати другая статья «Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Поволжья (1927—1932 гг.)». Ныне С. С. Ивашкин завершает работу над монографией «Роль рабочего класса в развитии сельского хозяйства в условиях зрелого социализма». Ст. преп. В. И. Зиберов подготовил статью «Из истории борьбы шахтеров Донбасса в период революции 1905—1907 гг. в России».

Важное значение в исследовательской деятельности кафедры имело укрепление ее связей с научными учреждениями республики. Совместно с кафедрой истории КПСС университета и Калмыцким научно-исследовательским институтом истории, филологии и экономики (КНИИИФЭ) кафедра приняла участие в создании коллективной работы «Очерки истории Калмыцкой областной партийной организации» (Элиста, 1979). Две главы в ней написаны В. Б. Убушаевым и доц. Ю. О. Оглаевым. У. Э. Эрдниев, В. Б. Убушаев, Ю. О. Оглаев, доц. Д. Ц.-Д. Номинханов подготовили ряд разделов для другого совместного с КНИИИФЭ издания — «История Калмыцкой АССР».

В апреле 1979 г. на базе кафедры и КНИИИФЭ была проведена Всесоюзная научная конференция по археологии Северного Кавказа и Калмыкии, посвященная памяти известного советского ученого-археолога Е. И. Крупнова (IX «Крупновские чтения»). С докладом «Основные итоги археологического изучения южной Калмыкии» на ней вы-

* Эрдниев У. Э. Калмыцкая степь в эпоху бронзы. Сб. Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979; его же. Древности Восточного Мангыча. — Там же; его же. Трепанация черепа в древности. — Там же; Убушаев В. Б. Советы Калмыкии в борьбе за построение социализма (1917—1937). Элиста, 1979; его же. Становление диктатуры пролетариата в Калмыкии. Элиста, 1979; его же. Советы Калмыкии на этапе развитого социализма. Элиста, 1979; Цуцкин Е. В., Лиджиева Т. Н. Скипетр из Куйбышевского музея. Сб. Археологические памятники Калмыцкой степи Элиста, 1979.

ступил У. Э. Эрдниев. Результатом археологических раскопок на территории Сарпинской низменности было посвящено сообщение Е. В. Цуцкина.

Преподаватели кафедры принимали участие и в ряде других региональных и местных научных заседаниях (конференция историков-аграрников Дона и Северного Кавказа, республиканские конференции, посвященные 60-летию ленинских декретов о Калмыкии, 100-летию со дня рождения О. И. Городовикова, 50-летию первого пятилетнего народнохозяйственного плана СССР, 325-летию воссоединения Украины с Россией).

В. И. Зиберов

НАУЧНАЯ РАБОТА НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ СССР ПЕТРОЗАВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. О. В. КУУСИНА

Научная работа кафедры истории СССР Петрозаводского университета ведется в основном по двум проблемам: «История Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР» и «История крестьянства и аграрный вопрос в дореволюционной России».

В исследование ряда проблем истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны внесли свой вклад зав. кафедрой проф. М. И. Шумилов и доц. Н. Ф. Славин: М. И. Шумилов является одним из авторов книги «Партия и Великий Октябрь. Историко-географический очерк» (М., Политиздат, 1976), а Н. Ф. Славин—входил в состав авторского коллектива обобщающей работы «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., «Советская энциклопедия», 1977).

Н. Ф. Славин, безвременно скончавшийся в марте 1980 г., известен как глубокий исследователь истории кризиса «верхов» накануне Октября, знаток ленинского идейного наследия по данной проблеме. По различным аспектам кризиса «верхов» им опубликовано много статей в журналах «История СССР»¹, «Вопросы истории КПСС»², «Исторические записки», «Вопросы истории Европейского Севера» и в других изданиях. Н. Ф. Славину принадлежит ряд статей в Советской исторической энциклопедии и Большой советской энциклопедии. Отдельные его публикации специально посвящены анализу ленинских работ периода Октября. Н. Ф. Славин опубликовал также около 20 научных работ по различным вопросам истории Карелии, под его редакцией изданы сборники документов и материалов по истории края.

В неразрывной связи с проблемой истории Великого Октября находится и изучение ленинских документов и материалов, связанных с установлением Советской власти и созданием советской национальной автономии Карелии. Эту работу преподаватели кафедры ведут на протяжении ряда лет в сотрудничестве с историками Карельского филиала АН СССР и местных архивов. По данной теме в 1977 г. под редакцией М. И. Шумилова издательство «Карелия» опубликовало (третьим изданием) сборник документов и материалов «С Лениным вместе», в 1980 г. в том же издательстве вышли сборник под редакцией М. И. Шумилова «Москва, Совнарком, товарищу Ленину» и работа доц. А. П. Афанасьевой и ст. науч. сотрудника К. А. Морозова «В. И. Ленин и Советская Карелия».

По проблеме истории Великого Октября на кафедре в последние годы читались спецкурсы «История Великой Октябрьской социалистической революции» (Н. Ф. Славин)

¹ См., напр., Из истории июльского политического кризиса 1917 г.—1957, № 2; Из истории кризиса верхов накануне Октябрьской революции—1964, № 6.

² К вопросу об отношении большевиков к Демократическому совещанию и Предпарламенту—1967, № 9.

и «Великий Октябрь и гражданская война на Севере» (М. И. Шумилов). По итогам юбилейной научной конференции к 60-летию Великого Октября кафедрой в 1979 г. издан тематический межвузовский сборник «Вопросы истории Европейского Севера», где опубликованы статьи членов кафедры, а также ученых Ленинграда, Вологды, Мурманска.

Проблему «История социалистического строительства в СССР» разрабатывают А. И. Афанасьева и доц. Б. А. Юргенс. Исследование ведется как по общей, так и по региональной тематике. Б. А. Юргенс на протяжении ряда лет читает спецкурс «История электрификации СССР». По данной теме им опубликованы ряд статей и учебное пособие «Социально-экономические проблемы электрификации» (Петрозаводск, 1974). А. И. Афанасьева читает спецкурс «История культурной революции в СССР. 1917—1941 гг.» Она занимается исследованием истории культурных преобразований в Карелии. По этой тематике опубликован ряд статей и подходит к концу работа над монографией «Начало культурной революции в Советской Карелии. 1918—1927 гг.»; совместно с историками Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в 1980 г. будет завершена также работа над сборником документов «Культурное строительство в Карелии. 1928—1941 гг.» Отдельные сюжеты общей темы «История крестьянства и аграрный вопрос в дореволюционной России» успешно исследуют доц. Г. Д. Корнилов, ст. преп. Т. В. Старостина и преп. Т. В. Никулина.

Преподаватели кафедры М. И. Шумилов, Т. В. Старостина, А. И. Афанасьева принимают участие в написании обобщающего труда по истории Карелии, а также ряда глав и разделов четырехтомной «Истории северного крестьянства», разработка которой ведется под руководством Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР.

А. И. Белоусова

ВИДНЫЙ АРМЯНСКИЙ ИСТОРИК М. Г. НЕРСИСЯН

Академик АН Армянской ССР, доктор исторических наук, профессор Мкртич Гегамович Нерсисян является одним из выдающихся ученых Армении, обогативших советскую историческую науку ценными трудами по актуальным проблемам новой истории армянского народа.

Значительная часть научных исследований М. Г. Нерсисяна посвящена вопросам русско-армянских, русско-закавказских политических связей XVIII и XIX вв. В разные годы вышли в свет его труды — «Народнические кружки в Закавказье», «А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790-х годах», «Из истории русско-армянских отношений» (в двух томах), «Декабристы в Армении», «Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа».

В работе «Декабристы в Армении» использовано большое количество архивных документов (книга вышла в свет на армянском и русском языках, в 1958 и 1975 гг.). На основе первоисточников уточнено число сосланных на Кавказ декабристов (офицерского и рядового состава), подробно показано их непосредственное участие в русско-персидской (1826—1828 гг.) и русско-турецкой (1828—1829 гг.) войнах, дружественные связи между русскими революционерами и прогрессивными политическими деятелями народов Закавказья того времени. Немало страниц посвящено дружбе между русскими и польскими «мятежниками», которые также были сосланы в действующую Кавказскую армию.

В одном из своих выводов автор книги справедливо пишет, что сосланные на Кавказ декабристы сочувственно относились к освободительным устремлениям народов Закавказья и искренне верили, что победа русских войск принесет свободу армянскому народу, на протяжении веков находившегося под тяжелым игом персидских шахов и турецких султанов. Исторический акт присоединения Восточной Армении к России декабристы считали прогрессивным. В книге много интересного также о встречах декабристов с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, Д. В. Давыдовым, Н. Н. Раевским и другими.

Труд М. Г. Нерсисяна «Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа» (опубликован в 1965 г. на русском языке) на основе богатого фактического материала подробно освещает историю участия народов Закавказья, Северного Кавказа, кавказских горцев и черноморских (кубанских) казаков в общенародной войне России против захватнической армии Наполеона Бонапарта. Приведены точные данные о количестве кавказцев, участвовавших в этой освободительной войне. Подробно говорится также о том, что в 1812—1814 гг. на Кавказе, как и во всей России, было собрано добровольное материальное пожертвование для народного ополчения и армии, для оказания помощи населению, пострадавшему от нашествия агрессоров. Автор книги подчеркивает, что анти-русская политика персидского шаха, турецкого султана, английских и французских эмиссаров на Кавказе в 1812 г., несмотря на все их усилия, окончилась провалом.

М. Г. Нерсисяном опубликовано также много научных статей по истории присоединения Восточной Армении к России, об участии А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова и других передовых представителей России в общественно-политической жизни Закавказья, о русской ориентации армянского народа и его политических деятелях XVIII и XIX вв. и т. д.

Ряд работ М. Г. Нерсисяна посвящен истории армянского национально-освободительного движения XIX в. В 1955 г. вышло в свет его фундаментальное исследование «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма в 1850—1870-х годах». В этой большой монографии впервые в советской историографии с научной достоверностью обрисовано тяжелое положение западных армян под жестоким игом султанской Турции, показано возникновение и развитие армянского освободительного движения, проанализированы его социально-экономические и политические предпосылки, классовое содержание и идеология. Немало страниц монографии автор посвятил и освободительной борьбе соседних народов — арабов, курдов и айсоров.

В книге раскрыты связи армянского освободительного движения с русским революционным движением 1860-х — 1880-х годов и влияние освободительной борьбы балканских народов, особенно болгар, на освободительное движение западных армян. Показана также враждебная позиция европейских держав, в частности Англии, в отношении армянского национально-освободительного движения. Продолжением этой книги можно назвать сборник документов «Геноцид армян в Османской империи», опубликованный в 1966 г. на русском языке под редакцией и с предисловием М. Г. Нерсисяна. Ценнейшие документы, собранные в этом капитальном сборнике, дают полное представление о трагической судьбе армян в Османской империи во второй половине XIX в.

Труды М. Г. Нерсисяна отличаются оригинальностью, новизной и свежестью фактического материала, использованием большого количества неопубликованных архивных материалов, убедительной и глубокой их трактовкой.

Плодотворные научные изыскания ученый успешно сочетал с педагогической работой. Долгие годы он читал курс лекций по истории народов СССР в армянском и русском педагогических институтах г. Еревана и в Ереванском государственном университете. Одновременно М. Г. Нерсисян занимал ответственные должности в научных учреждениях и учебных заведениях: был директором Института истории АН АрмССР, академиком-секретарем Отделения общественных наук, вице-президентом АН АрмССР. В 1966—1977 гг. работал ректором Ереванского университета. Здесь по его инициативе и непосредственном участии был создан центр по арменоведческим исследованиям, начал выходить «Вестник» университета по гуманитарным наукам.

В настоящее время М. Г. Нерсисян заведует отделом истории русско-армянских отношений Института истории АН АрмССР и является главным редактором «Историко-филологического журнала» (орган Президиума АН АрмССР), который он беспрерывно редактирует с 1958 г.

М. Г. Нерсисян — член КПСС с 1938 г., участник Великой Отечественной войны, был депутатом Верховного Совета СССР трех созывов (в 1966—1979 гг.) и депутатом Верховного Совета Армянской ССР (в 1951—1954 гг.). Партия и правительство высоко оценили многолетнюю плодотворную деятельность М. Г. Нерсисяна, наградив его орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями. Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Армянской ССР.

Мкртич Гегамович Нерсисян встречает свое 70-летие, как всегда, в труде, полный новых творческих замыслов.

В. Б. Бархударян, В. К. Восканян

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Навстречу XXVI съезду КПСС

- Соколов А. И., Ширяев Ю. С.— СССР — ведущая сила мировой социалистической системы 3
- Брук С. И.— Этнодемографические процессы в СССР (По материалам послевоенных переписей населения) 24
-
- Байбулатов Н. К., Блиев М. М. (г. Орджоникидзе), Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., (г. Грозный), Гаджиев В. Г. (Махачкала) — Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России 48
- К 250-летию со дня рождения А. В. Суворова
- Рахматуллин М. А.— Генералиссимус А. В. Суворов. Его искусство побеждать 64

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Якименко Н. А. (Полтава) — Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861—1917) 91
- Милов Л. В.— О древнейшей истории кормчих книг на Руси 105

Сообщения

- Вербицкая О. М.— Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946—1950) 124
- Зайцев А. Д.— Люди бессмертного подвига (Окончание) 139
- Мейерович М. Г. (Ярославль) — Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма (На материалах Ярославской губернии) 151
- Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. (Ленинградская обл.) — Основные черты развития сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI—XVII веках 169

Критика и библиография

Книги по источниковедению истории СССР

- Трухан Г. А.— Массовые источники по социально-экономической истории советского общества 181
- Савицкая Р. М.— В. В. Журавлев. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности 183
- Пронштейн А. П. (Ростов н/Д) — Советское источниковедение Киевской Руси 186

Волченко А. В. (Днепропетровск) — А. С. Московский. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920—1937 гг.	189
Зайончковский П. А.— А. П. Корелин. Дворянство в пореформенной России. 1861—1905 гг.	192
Далин В. М.— «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса»	194
Сурин В. М.— Н. А. Миненко. Русская крестьянская семья (XVIII в.— первая половина XIX в.)	196
Павленко Н. И.— А. С. Орлов. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России)	199
Рухманова Э. Д. (Ленинград) — Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов	202
Назаров В. Д.— Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.	204

История СССР за рубежом

Мочалова Е. В.— Историки Франции об общественно-политическом движении в России 70—80-х годов XIX века	209
Невлер В. Е.— Н. Г. Чернышевский в итальянской историографии	216
По страницам исторических журналов стран социализма	221

Научная жизнь

Николаев М. Н.— Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений. Научно-практическая конференция в Москве	223
---	-----

В вузах страны

Коротаев В. И. (Сыктывкар) — Становление и совершенствование советского социалистического образа жизни. Конференция в Сыктывкарском университете	225
Джуракулов М. (Самарканд) — На кафедре истории СССР советского общества Самаркандского университета им. Алишера Навои	227
Сергеев Т. С. (Чебоксары) — На кафедре истории СССР Чувашского университета им. И. Н. Ульянова	229
Зиберов В. И. (Элиста) — На кафедре истории СССР Калмыцкого университета	231
Белюсова А. И. (Петрозаводск) — Научная работа на кафедре истории СССР Петрозаводского университета им. О. В. Куусинена	233
Бархударян В. Б., Восканян В. К. (Ереван) — Видный армянский историк М. Г. Нерсисян	235

CONTENTS

Articles

Towards the 26th Congress of the CPSU

- Sokolov A. I., Shiryaev Yu. S.—The USSR as the Leading Force of the World Socialist System 3
- Bruk S. I.—Ethnodemographic Processes in the USSR (data of the post-war census) 24

- Baybulatov N. K., Blied M. M. (Ordzhonikidze), Buzurtanov M. O., Vinogradov V. B. (Grozny), Gadzhiev V. G. (Makhachkala)—Checheno — Ingushetia's Entry in the Russian State 48

250 Years of A. V. Suvorov's Birthday

- Rakhmatullin M. A.—Generalissimo A. V. Suvorov. His Art of Winning 64

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

- Yakimenko N. A. (Poltava) — Soviet Historiography of Peasant Migration to Siberia and the Far East (1861—1917) 91
- Milov L. V.—On Ancient History of the Kormchie Books 105

Communications

- Verbitskaya O. M.—Change of Number and Structure of Collective Farm Peasantry of the RSFSR in the First Post—War Years (1946—1950) 124
- Zaytsev A. D.—Men of Immortal Deeds (the end) 139
- Meyerovich M. G. (Yaroslavl)—On the Sources of Draft of Factory Proletariat in the Imperialist Epoch (data of the Yaroslavl province) 151
- Vorobyev V. M., Degtyarev A. Ya. (Leningrad District) — Basic Trends of the Development of Rural Habitation in the North—West of Russia in the 16th—17th Centuries 169

Book Reviews and Bibliography

Books on Study of Sources of the USSR History

- Trukan G. A.—Mass Sources on Socio-Economic History of Soviet Society 181
- Savitskaya R. M.—V. V. Zhuravlev. The 1917—1920 Decrees of the Soviet State as an Historical Source. Law Making in the Sphere of Socialization of Capitalist Property 183
- Pronshtein A. P. (Rostov-on-the-Don) — Soviet Study of Sources on Kievan Rus' in the USSR 186

Volchenko A. V. (Dnepropetrovsk) — A. S. Moskovsky. Growth of Cultural and Technical Level of Siberian Workers, 1920—1937 . . .	189
Zayonchkovsky P. A. — A. P. Korelin. Nobility in Post-Reform Russia, 1861—1905 . . .	192
Dal'n V. M. — Russian Books in K. Marx and F. Engels' Libraries . . .	194
Surinov V. M. — N. A. Minenko. Russian Peasant Family (18th Century — first half of the 19th century) . . .	196
Pavlenko N. I. — A. S. Orlov. Disturbances in the Urals in the 18th Mid-Century (on the problem of formation of the proletariat in Russia) . . .	199
Rukhmanova E. D. (Leningrad) — Economic Ties Between Russia and Sweden in the 12th Century. Documents from the Soviet Archives . . .	202
Nazarov V. D. — Boyars Records of 1575 — Early 17th Century and the Russian Army Roll of 1604	204

History of the USSR in Foreign Studies

Mochalova Ye. V. — French Historians on Socio-Political Movement in Russia in the 1870's and 80's . . .	209
Nevler V. Ye. — N. G. Chernyshevsky in Italian Historiography . . .	216
Through the Pages of Historical Periodicals in Socialist Countries . . .	221

Academic Life

Nikolayev M. N. — Urgent Problems of Development of Nations and National Relations. A Scientific — Practical Conference in Moscow . . .	223
--	-----

At Higher Educational Establishments

Korotayev V. I. (Syktyvkar) — Formation and Perfection of Soviet Socialist Mode of Life. A Conference at the Syktyvkar University . . .	225
Dzhurakulov M. (Samarkand) — At the Chair of the USSR History of Soviet Society of the Samarkand Alisher Navoi University . . .	227
Sergeyev T. S. (Cheboksary) — At the Chair of USSR History of the Chuvash I. N. Ulianov University . . .	229
Ziberov V. I. (Elista) — At the Chair of USSR History of the Kalmyk University . . .	231
Belousova A. I. (Petrozavodsk)—Research Work at the Chair of USSR History of the O. V. Kuusinen University in Petrozavodsk . . .	233
Bakhdarjan V. B., Voskanjan V. K. (Erevan)—Prominent Armenian Historian M. G. Nersisjan	235

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.06.80 Подписано к печати 01.09.80 Т-12748 Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 23,1 Бум. л. 7,5 Тираж 11000 экз. Зак. 5030

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Навстречу XXVI
съезду КПСС

Совершенствование механизма хозяйствования в условиях зрелого социализма. Становление и развитие новой исторической общности — советского народа (Круглый стол «Истории СССР»).

К 75-летию революции
1905—1907 гг.

К вопросу о ленинской концепции истории революционного процесса в России. Международное значение революции 1905—1907 годов.

Сообщения

Изменение численности городского населения СССР в 1939—1979 годах. Давид Анахт и его роль в становлении и развитии армянской философской мысли.

История СССР за
рубежом

Методологические проблемы исторической науки в современной японской буржуазной историографии.

Кроме того публикуются различные материалы под рубрикой «Критика и библиография» и «Научная жизнь».